

Ар. А. Улунян

БАЛКАНСКИЙ «ЩИТ СОЦИАЛИЗМА»

Оборонная политика Албании,
Болгарии, Румынии и Югославии
(середина 50-х гг. – 1980 г.)

Университет Дмитрия Пожарского

Арутюн Улунян

**Балканский «щит социализма».
Оборонная политика Албании,
Болгарии, Румынии и Югославии
(середина 50-х гг. – 1980 г.)**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2013

УДК 355.49/335.404.7

ББК 68.54(2)+63.3

Улунян А. А.

Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.) / А. А. Улунян — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2013

ISBN 978-5-91244-101-1

В монографии рассматриваются различные аспекты оборонной политики четырех коммунистических государств Балканского полуострова с момента установления двублокового (НАТО и Варшавский Договор) противостояния в регионе до вхождения этих стран в период системного кризиса на фоне обострения очередного этапа холодной войны и окончания детанта. Основное внимание уделяется формулированию концепции национального суверенитета при проведении оборонной политики, принятию собственных версий военных доктрин, разработке конкретных планов обороны, военно-стратегическим и военно-техническим аспектам проводившейся их руководством внутриблоковой и межблоковой политики. В контексте темы затрагиваются проблемы формулирования военных доктрин в США и СССР, разработка двумя сверхдержавами военно-стратегических концепций, включая использование ядерного оружия. Исследование базируется на широком круге ранее не доступных или малоиспользуемых источников военного и политического характера из четырех Балканских стран – Албании, Болгарии, Румынии и Югославии, а также США, СССР, стран Западной и Центрально-Восточной Европы. Активно привлекалась мемуаристика как отдельная группа источников. Особое внимание в работе уделяется национальной историографии четырех Балканских стран по вопросам оборонной политики с середины 50-х гг. и до 1980 г. Монография рассчитана на историков, политологов и военных специалистов, работающих по широкому кругу вопросов политической и военной истории Балканского региона.

УДК 355.49/335.404.7

ББК 68.54(2)+63.3

ISBN 978-5-91244-101-1

© Улунян А. А., 2013

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2013

Содержание

Введение	7
Политическая идеология и оборонная политика: в поисках национального интереса 1955-1968 гг.	10
§1. Определение «стартовых позиций»	10
§2. Несостоявшийся «региональный детант» середины 50-х гг.	28
§3. Ядерная стратегия: общие принципы и балканский аспект	38
§4. Первая «трещина» в балканском «щите социализма»	47
§5. Национальные «проекции» оборонных интересов от Адриатики до Черноморья	60
§6. «Болгарский кризис» и «нормализация»	74
§7. Начало ослабления Юго-Западного ТВД Варшавского Договора	88
§8. Несостоявшаяся реформа ОВД в региональном «коммунистическом контексте»	104
§9. Оборонные иллюзии военно-политического единства	117
§10. «Геостратегическая периферия» между Южным флангом НАТО и Юго-Западным ТВД ОВД	133
§11. Определяя возможности: потенциал обороны и/или наступления	154
§12. Накануне Праги: политика, оборона, разведка	165
§13. «Балканская Прага'68»: Бухарест, Белград и Тирана в ожидании действий ОВД	182
§14. После Праги: балканский фон «доктрины Брежнева»	195
Формулируя «надёжное сдерживание». Общенародная война, национальный суверенитет и блоковая политика 1969-1975 гг.	206
§1. Военные доктрины и планы войны «под копирку», но... с исключением	206
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Арутюн Акопович Улунян
**Балканский «щит социализма». Оборонная
политика Албании, Болгарии, Румынии
и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.)**

*Светлой памяти друзей, коллег-историков Ильи Валерьевича
Гайдука Михаила Николаевича Зуева посвящается*

Университет Дмитрия Пожарского

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты

К. и. н. Романенко С. А.

К. и. н. Стыкалин А. С.

© Улунян Ар. А., 2013

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013

Введение

Установление после окончания Второй мировой войны в большинстве балканских стран – Албании, Болгарии, Румынии и Югославии – коммунистических режимов серьезно повлияло на расстановку военно-политических сил в регионе. Одной из принципиально значимых для существования новых политических режимов проблем являлась необходимость обеспечения их внутренней и внешней безопасности в соответствии с официально провозглашавшейся идейно-политической доктриной «построения социализма». В этой связи коммунистическое руководство четырех государств поставило задачи ликвидации активной внутренней политической оппозиции и укрепления обороноспособности этих стран, целью которой было противодействие внешним военным угрозам в интересах защиты создававшихся политических режимов. Распространение сферы влияния СССР на Центрально-Восточную Европу, включая Балканы, после Второй мировой войны и формирование в послевоенный период bipolarной системы международных отношений обуславливало необходимость формулирования правящими кругами Албании, Болгарии, Румынии и Югославии основ оборонной политики. Её вариативность определялась исторической традицией Балканского полуострова и новой политической реальностью, которые, в свою очередь, влияли на содержание собственно оборонной политики, характер военной доктрины, готовность к созданию военно-политических союзов и в целом на идейно-политическое оформление международных позиций каждой из четырех коммунистических стран региона. С середины 50-х гг. и до начала 80-х гг. XX в. на формулирование оборонной политики коммунистических государств Балканского полуострова оказывало военно-стратегическое планирование и вероятное использование США и СССР ядерного оружия. Создание и параллельное сосуществование двух противостоявших военно-политических блоков в лице Организации Североатлантического Договора (НАТО) и Организации Варшавского Договора (ОВД), включая недолго действовавший региональный Балканский пакт, ставили на повестку дня коммунистических режимов Албании, Болгарии, Румынии и Югославии вопрос определения источников военных угроз и национальных приоритетов при разработке методов и способов противодействия им.

Взаимосвязь идеологической и военной составляющей оборонной политики этих государств, нередко рассматривавшихся за пределами региона, несмотря на существование явной неоднородности и взаимной противоречивости их интересов, а также исторической традиции, как некий единый балканский «щит социализма», способствовала созданию исключительно своеобразной ситуации в регионе, где присутствие НАТО олицетворялось меньшинством в лице двух стран – Турции и Греции, также занимавших особые позиции внутри Североатлантического альянса. Научные исследования, предпринимавшиеся на протяжении долгого времени, и особенно после окончания холодной войны, когда становились всё более доступными материалы архивов государств Центрально-Восточной Европы и СССР, а также публиковавшиеся сборники документов, в большей своей части не затрагивали специально тему оборонной политики всех четырех балканских коммунистических государств с середины 50-х гг. до начала 80-х гг. XX в. в рамках единой документальной публикации или монографического исследования. В то же время в национальных историографиях этих стран данная тема постепенно стала приобретать особое значение. Это произошло в силу объективных причин: оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии, включая широкий комплекс вопросов внутриполитического, экономического и социального развития, определяла модель их поведения на международном уровне и влияла на занимаемую ими позицию в системе международных отношений в условиях двухполюсного мира. Наибольший интерес в данном контексте представляет процесс формулирования концепции национального суверенитета при проведении оборонной политики, принятие балканскими коммунистическими государствами националь-

ных версий военных доктрин, разработка конкретных планов обороны, военно-стратегические и военно-технические аспекты проводившейся их руководством внутриблоковой и межблоковой политики, а также оценки зарубежными экспертами этого процесса.

Имея в виду различный блоковый статус Албании, Болгарии, Румынии и Югославии на протяжении 25-летнего периода, особый интерес представляют взгляды партийно-государственного руководства этих стран на источники и характер военных угроз как на региональном, так и на более высоком уровне, а также их отношение к возможности понижения степени военно-политического противостояния на Балканах.

Обращение к теме оборонной политики коммунистических стран Балканского полуострова обусловлено появлением, начиная с 90-х гг. XX в., возможности использовать ранее недоступные материалы как российских, так и зарубежных архивов, часть из которых была опубликована в тематических сборниках и общественно-политической прессе. Окончание холодной войны и ликвидация коммунистических режимов способствовали развитию мемуаристики как особого и исключительно противоречивого направления общественно-политической литературы, способствовавшей усилению дискуссионности по большинству проблем развития послевоенного периода государств, в которых были установлены коммунистические режимы. В отличие от стран Центрально-Восточной Европы, коммунистические страны Балканского полуострова не находились в центре фронтального межблокового противостояния в военно-стратегическом отношении, выступая в роли геостратегической периферии. Однако их оборонная политика представляет интерес именно с точки зрения кажущейся, на первый взгляд, «географической удаленности» от широкой полосы фронтального противостояния двух блоков, что достаточно активно обсуждается как в специализированных исследованиях и аналитических материалах военно-стратегического и оперативного характера, так и в исторических работах. Являясь частью «коммунистического мира», утратившего свою централизованность в конце 40-х гг. XX в., и будучи расположены на южном фланге НАТО и Юго-Западном театре военных действий ОВД, эти государства имели особое значение для оборонных и внешнеполитических планов как двух противостоявших блоков, так и двух сверхдержав – США и СССР. Именно поэтому характер взаимоотношений балканских коммунистических стран, как членов Варшавского блока, так и не входивших в него, с этим военно-политическим союзом представляет особое направление при изучении их оборонной политики.

Несмотря на существующие в историографии исследования по конкретным вопросам военно-политической истории Албании, Болгарии, Румынии и Югославии послевоенного периода, всё ещё продолжают оставаться малоизученными проблемы, имеющие прямое отношение к разработке конкретных военных планов по отражению возможного военного нападения, главных направлений контрнаступления и оценкам перспектив их оборонной политики как со стороны Запада, так и Востока. Особое место занимают пока ещё не в достаточной степени (по причинам сохраняющейся недоступности) изученные вопросы участия ряда стран, в частности Болгарии, в ракетно-ядерном планировании СССР, степени серьезности планов руководства Югославии и Румынии по созданию собственного ядерного оружия, а также конкретных планов руководства коммунистической Албании на случай внутривнутриполитического (включая военный сценарий) кризиса в соседней Югославии. Эти, на первый взгляд, исключительно военно-стратегические и военно-организационные вопросы в действительности в силу тесной взаимосвязи идейно-политических установок с формулированием оборонной политики представляют особый интерес для исследования проблемы обеспечения внутренней и внешней безопасности существовавших в Балканских коммунистических странах общественно-политических режимов. Именно поэтому работа над темой обусловила необходимость обращения как к её политическим, так и к военным аспектам.

Работа над книгой потребовала знакомства автора с широким кругом документов и историографии. Поэтому слова благодарности следует адресовать всем, оказавшим помощь

и содействие при организации доступа к имеющимся источникам и публикациям, нередко отсутствовавшим в отечественных библиотеках. Особую признательность хотелось бы выразить рецензентам к. и. и. А. С. Стыкалину и к. и. и. С. А. Романенко и взявшим на себя труд пристального прочтения рукописи монографии специалистам-коллегам д. и. и. Т. В. Волокичиной и д. и. и. Н. И. Егоровой. Высказанные ими советы, замечания и предложения оказали большое влияние на нынешнее содержание данного исследования. Автор выражает искреннюю благодарность руководству Русского Фонда Содействия Образованию и Науке (г. Москва) за помощь в публикации монографии.

Работа выполнена по программе фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

Политическая идеология и оборонная политика: в поисках национального интереса 1955-1968 гг.

§1. Определение «стартовых позиций»

Создание 14 мая 1955 г. Организации Варшавского Договора (ОВД) серьезно повлияло на развитие системы международных отношений в целом и их региональные аспекты в частности. Примечательным фактом процесса формирования этого военно-политического блока была заинтересованность в нём не только СССР, но и постепенно усиливавшего свои позиции на мировой арене коммунистического Китая¹. За год до официального подписания документа о создании Организации Варшавского Договора вооруженные силы будущих балканских участников пакта – Албании, Болгарии и Румынии, по оценкам американской разведки, во многом соответствующим реальному положению дел, представляли довольно серьезную военную силу в региональном масштабе.

Таблица 1

Вооруженные силы Балканских государств – будущих членов ОВД
(по американским разведывательным оценкам на июль 1954 г.)²

Страна / Вид или род вооруженных сил	АЛБАНИЯ	БОЛГАРИЯ	РУМЫНИЯ
ЧИСЛЕННОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ СУХОПУТНЫХ СИЛ			
Сухопутные силы	30 тыс.	200 тыс.	215 тыс.
Внутренние войска и вооруженные формирования госбезопасности	10 тыс.	50 тыс.	78 тыс.
Дивизии: Бронетанковые Механизированные Стрелковые	0 0 3	2 0 12	1 0 12
Обученные и слабо обученные резервисты	37 тыс. 500	550 тыс.	450

¹ Mastny V. China, the Warsaw Pact, and Sino-Soviet Relations under Khrushchev// Parallel History Project on Cooperative Security (PHP, the former Parallel History Project on NATO and the Warsaw Pact). – www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_china_wapa/intro_mastny.cfm?navinfo=16034

² Составлено по: Probable Developments In The European Satellites Through MID-1956. National Intelligence Estimate Number 12-54. 24.8.1954. P. 18-20 – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000269325

КОЛИЧЕСТВО САМОЛЕТОВ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВВС						
Номенклатура боевой техники в Военно-воз- душных Силах и виды боевой техники	Планиро- валось	Наличие	Планиро- валось	Наличие	Планиро- валось	Наличие
Истребители <i>Из них:</i> Реактивные Поршневые	0 10	0 10	270 100	110 90	220 0	160 0
Штурмовики	0	0	130	110	120	80
Лёгкие бомбардировщики <i>Из них:</i> Реактивные Поршневые	0 0	0 0	0 120	0 70	0 40	0 30
Транспортные самолёты	0	0	30	20	30	20
Разведывательные самолёты	0	0	40	20	40	30
Общее количество самолё- тов в ВВС	10	10	690	420	450	320
Общее количество военно- служащих ВВС	200 тыс.		14 тыс.		12 тыс.	
КОЛИЧЕСТВО СУДОВ ВМФ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ФЛОТА						
Эскадренные миноносцы	0	0	0	1	0	4
Подводные лодки	0	0	0	0	0	3
Патрульные суда	0	14	0	31	0	23
Миноносцы	0	3	0	20	0	4
Десантные суда	0	0	0	0	0	0
Вспомогательные суда	0	0	0	4	0	2
Число военнослужащих	800 чел.		4900		7500	

В то же время боевой потенциал и оперативные возможности национальных вооруженных сил балканских членов ОВД без учёта находившихся в них до начала 60-х гг. XX в. подразделений вооруженных сил СССР уступал по ряду параметров военно-техническому, но не кадровому, потенциалу членов НАТО – Греции и Турции, к которым при определенных обстоятельствах (угроза вооруженной интервенции) могла присоединиться Югославия, обладавшая также одной из наиболее боеспособных армий в регионе³. Особую обеспокоенность в этой связи проявляли Албания и Болгария, находившиеся на линии соприкосновения с Североатлантическим альянсом⁴.

Прошедшие в 1955-1956 гг. заседания высших органов НАТО с участием представителей балканских членов организации – Греции и Турции – выявили стремление последних обращать внимание не только на оборонные усилия альянса в Средиземноморском регионе, но и на экономические аспекты сотрудничества в рамках пакта. Важным аргументом в этом отношении выступали действия СССР, рассматривавшиеся Афинами и Анкарой как «мирное наступление» с использованием экономических методов проникновения в Грецию и Турцию⁵.

³ Подробнее об этом: *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama, 1949–1955, Zagreb, 1988; *Bogetić D.* Војни преговори Југославије са Западом у светлу опасности од оружане интервенције источноевропских држава// Војноисторијски гласник. 2003. № 1–2; *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad, 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO–u, Beograd, 2004; *Dimitrijević B.* JNA od Staljina do NATO pakta. Armija u spoljnoj politici Titove Jigoslaviје, Beograd, 2006; *Dimitrijević B.* Jugoslovenska armija 1945–1954. Nova ideologija, voјnik i oruјje, Beograd, 2006; *Dimitrijević B.* Jugoslavija i NATO (1951–1957), Beograd, 2003.

⁴ *Животић А.* България във планове на балканските съюзници (1952–1955)//Военноисторически сборник. 2006. № 3.

⁵ Ministerial Meeting of North Atlantic Council. Paris, December 15–16, 1955. Telegram 1502. Secret. Important. Paris, December 15th, 1955//Documents on Canadian External Relations. Volume # 21 – 235. Chapter II. North Atlantic Treaty Organization. Part 10. – <http://www.international.gc.ca/departement/history-histoire/dcer/details-en.asp?intRefid=1141>; Ministerial Meeting of North Atlantic Council. Paris, December 15–16, 1955. Telegram 15172. Secret. Important. Paris, December 19th, 1955//Documents on Canadian External Relations. Volume № 21 – 239. Chapter II. North Atlantic Treaty Organization. Part 10. – <http://www.international.gc.ca/departement/history-histoire/dcer/details-en.asp?intRefid=1141>; North Atlantic Council. Summary Record of meeting of the Council held at the Palais de Chaillot, Paris, XVIe., on Saturday, 5th May, 1956, at 3 p.m. – http://www.nato.int/archives/committee_of_three/2_reference.pdf. О политике «мирного наступления» СССР и его экономической стратегии на турецком и греческом направлении в: *Улуян Ар. А.* Горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960. М., 2001.

В то же время парадокс складывавшейся в ОВД ситуации заключался в том, что интерпретация политических и оборонных задач в рамках пакта у большинства его членов, несмотря на декларированную лояльность в отношении Москвы, по объективным причинам обладала конфликтогенным потенциалом. Так, в частности, в 1955 г. министр обороны Румынии Э. Боднэраш в беседе с Н. С. Хрущевым поднимал вопрос о необходимости вывода советских войск из страны, полагая, что их присутствие уже серьезно не влияло на военно-политическую обстановку в регионе. Румыния, по словам Боднэраша⁶, находилась в кольце социалистических стран, и единственное не прямое соприкосновение с государством-членом НАТО – Турцией – было лишь на Черном море. Москва постаралась ослабить нажим со стороны Бухареста и смогла, в конечном счёте, добиться того, что 3 декабря 1956 г. была обнародована советско-румынская декларация. В ней заявлялось о том, что в условиях, когда силы НАТО размещаются в непосредственной близости от социалистических стран, присутствие советских вооруженных сил в Румынии является необходимым⁷. Однако уже спустя два года – 17 апреля 1958 г. – позиция Москвы была изложена в специальном письме Хрущева главе Румынии Г. Георгиу-Дежу. На этот раз уже Кремль заявлял об изменении международной ситуации, позволяющей вывести советские войска⁸. 24 мая 1958 г. Хрущев сделал заявление о сокращении советских войск в Восточной Европе и сообщил о готовности вывести советские войска из Румынии. Оба события не являлись простым совпадением⁹ и отражали общую политическую линию Москвы, стремившуюся провести реформирование своей оборонной доктрины¹⁰. На протяжении 1958 г. Бухарест всё более настойчиво выражал заинтересованность в выводе советских войск из Румынии. В 1960 г. Георгиу-Деж уже выступал за реструктуризацию всей системы управления Варшавского пакта с тем, чтобы Москва согласилась на участие её восточноевропейских союзников в выработке стратегических решений пакта.

Изначально ОВД позиционировалась советской стороной как военно-политический блок европейских коммунистических стран, не подлежащий расширению в «проблемных» направлениях, к числу которых относилось дальневосточное¹¹. Ситуация, складывавшаяся внутри пакта, представляла серьезный интерес для его оппонента в лице НАТО и ведущей силы Североатлантического альянса – США¹². Именно поэтому взаимоотношения между членами каждого из противостоявших блоков серьёзно влияли на их позиции в наиболее важных с военно-стратегической точки зрения районах непосредственного взаимного соприкосновения. Среди них были Балканы, имевшие выход на средиземноморский, черноморский и ближневосточный оперативные направления. Уже в первой половине 50-х гг. Москва уделяла особое внимание советскому присутствию в Средиземноморье. Коммунистической Албании – союзнице СССР – предстояло играть в этом важную роль. Ответственность за данный регион в тактическом

⁶ Подробнее об Э. Боднэраше и его роли в истории румынской компартии см.: Comisia Prezidențială Pentru Analiza Dictaturii Comuniste Din România. Raport Final. București, 2006. Материал также доступен в сети Интернет: http://www.presidency.ro/static/ordine/RAPORT_FINAL_CPADCR.pdf

⁷ Подробнее об этом: *Deletant D. Communist Terror in Romania: Gheorghiu-Dej and the Police State 1948-1965*. New York, 1999. P. 270.

⁸ Текст письма в: Romania. *Retragerea trupelor sovietice*. P. 273-274.

⁹ *Deletant D. Romania, 1948-1989. An historical overview. Introduction//Romania and Warsaw Pact: 1955-1989*. Ed. by Deletant D, Ionescu M. Cold War International History Project. Working Paper N 83. Washington. 2004. P. 14

¹⁰ Подробнее о выводе войск см. *România. Retragerea trupelor sovietice: 1958*. Coord. Scurtu I. București, 1996.

¹¹ Так, в частности, во время происходивших на протяжении 50-х гг. обсуждений в руководстве ОВД по вопросу об участии Монголии в этом блоке, часть его членов, включая СССР, высказывали опасения в связи с фактом расширения зоны ответственности пакта и высокой степенью вероятности вступления в прямой конфликт с Западом в азиатском и дальневосточном регионах уже на уровне межблоковой конфронтации ОВД-НАТО.

¹² *The Tie that Binds – Soviet Intrabloc relations. Feb 1956 to Dec 1957*. (Reference' titles: CAESAR VI-A and VII-58). 29 July 1958. Soviet Staff Study. Office of Current Intelligence. Central Intelligence agency. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/CAESAR/caesar-21.pdf>

отношении лежала на советском Черноморском флоте¹³, и одна из первых демонстраций присутствия СССР здесь состоялась 28 мая – 7 июня 1954 г., когда проходил визит в Албанию отряда кораблей ВМФ СССР под командованием командующего ЧФ адмирала С. Г. Горшкова. В составе группы кораблей были крейсер «Адмирал Нахимов», а также 2 эскадренных миноносца. Серия подобных визитов, состоявшаяся во второй половине 50-х гг., лишь подчеркивала важность Албании для СССР и всего Восточного блока в военно-морском отношении. Одновременно Москва и Тирана заключили договор о строительстве военно-морской базы ВМФ на албанском побережье Средиземноморья. Советская концепция развития военно-морских сил на протяжении со второй половины 50-х гг. и до середины 60-х гг. XX в. во многом формулировалась с высокой степенью субъективизма и отражала противоречия между сторонниками и противниками создания парка авианесущих кораблей. Главком ВМФ адмирал Горшков, занявший эту должность 5 мая 1956 г., был сторонником последней точки зрения и считал, что авианосцы уязвимы и не обладают достаточной огневой мощностью, в то время как ракетноносцы, наоборот, наиболее приемлемы для советского флота. Подобное отношение начало меняться лишь в середине 60-х гг. XX в.¹⁴ Прологом к этому послужило придание в высших советских военных кругах в начале 60-х гг. особого акцента концепции «господства на море», хотя в официальных открытых документах сам термин характеризовался сквозь призму советских идеологических установок и подчеркивалось, что советские вооруженные силы «в настоящее время его [данное понятие] не используют»¹⁵. Советская средиземноморская эскадра начала развертывание в регионе с 1964 г., а с 1967 г. она усилила своё присутствие за счёт получения портов базирования в Египте.

Советская военная активность в Албании и прилегающих водах Средиземноморья, а также в целом на Балканах рассматривалась в военных, политических и журналистских кругах стран Западного блока как направленная на усиление присутствия СССР в стратегически важном регионе. Ситуация в балкано-средиземноморском и черноморском регионах занимала важное место в аналитических материалах оборонных ведомств стран-участниц НАТО из числа европейских держав, в частности Франции. В соответствии с оценкой французского Генерального штаба, сделанной в сентябре 1955 г., «после 1948 г., когда Югославия вышла из Коминформа, Болгария стала важным фактором для Кремля на балканской шахматной доске... Её армия является одной из наиболее верных и обученных среди государств-сателлитов... Три страны, с которыми Болгария могла бы находиться в состоянии войны, – нейтральная Югославия, Греция и Турция – члены НАТО»¹⁶. Французская военная разведка, представившая данные оценки в своём докладе Генеральному штабу, делала предположения о том, что Болгария могла, в случае необходимости, провести стремительное наступление по всем трём направлениям, включая побережье Эгейского моря, и даже на Стамбул (в последнем случае – при поддержке советской авиации)¹⁷.

Однако взаимоотношения внутри Варшавского пакта свидетельствовали о том, что между Москвой и её отдельными союзниками по ОВД из числа Балканских коммунистиче-

¹³ Подробнее о роли Черноморского флота в военно-морской политике СССР в: *Спирин А.* Участие черноморского флота во внешнеполитической деятельности советского государства во второй половине 40-х – 50-е годы XX века // Военно-исторический журнал. 2005, № 10.

¹⁴ Из всех ныне существующих работ, в которых исследуется советская военно-морская политика и её эволюция, наиболее полно проблема освещена в: *Herrick R. W.* Soviet Naval Doctrine and Policy 1956-1986. Lewiston, N.Y., 2003. V. 1-3; *Petersen Ch.* Aircraft Carriers In Soviet Naval Theory from 1960 to the Falklands War. Professional Paper 405/ January 1984. Center For naval Analyses. Naval Studies Group. Alexandria, 1984.

¹⁵ Словарь основных военных терминов. Москва, 1965. С. 65.

¹⁶ Аналитичен доклад на Френския ГЩ относно военния потенциал на Българската армия. 1.9.1955 г. Л. 2, 6// България и Варшавският договор. Съставителство и редакция в колектив, отговорен редактор Йордан Баев. Мултимедийно СД-РОМ издание. София, 2000.

¹⁷ Там же.

ских стран начинали усиливаться противоречия. Визит в Югославию партийно-государственной делегации СССР во главе с Н. С. Хрущевым, состоявшийся 26 мая – 2 июня 1955 г., и принятие совместной Белградской декларации, которая подтвердила нормализацию советско-югославских отношений¹⁸, был с настороженностью воспринят албанской стороной, находившейся в конфронтационных отношениях с соседней Югославией¹⁹, хотя на официальном уровне глава Албании Э. Ходжа согласился с подписанным обеими сторонами документом. Последний факт был отмечен югославской дипломатией, что нашло своё выражение во включении югославским посольством в Тиране в дипломатическое сообщение перевода на сербский язык статьи Э. Ходжи «Вклад в дело мира на Балканах», опубликованной в партийном органе «Зери и популит». Примечательным был пассаж о том, что «албанский народ с одобрением воспринял Белградскую декларацию, солидаризируясь с ней, и стремится, чтобы отношения между Албанией и Югославией были нормализованы, были хорошими и дружескими»²⁰. Тем не менее в складывавшейся ситуации, как отмечал посланник ФНРЮ А. Милатович, в руководстве Албанской партии труда (АПТ) начали проявляться признаки недоверия в отношении СССР и усилились колебания по вопросам политики на «югославском направлении». Полученная Милатовичем информация свидетельствовала о наличии в политбюро АПТ различных подходов к перспективе развития албано-югославских отношений.

Один из них формулировался группировкой, возглавлявшейся М. Шеху и Р. Алией, и заключался в отказе от каких-либо изменений в проводимом курсе. Сторонниками другого подхода были представители группы, возглавляемой секретарем ЦК АПТ по оргработе Х. Капо. Они выступали, по полученным Милатовичем сведениям, за сближение с Югославией. Примечательным фактом стал вывод югославского посланника, основывавшийся на полученной внутрипартийной информации из аппарата АПТ о том, что сам Э. Ходжа склонялся поддерживать группу Капо, что, вероятно, было вызвано улучшением советско-югославских отношений. Более того, в своём выступлении на III съезде АПТ (25 мая – 3 июня 1956) Э. Ходжа (это было отмечено югославской стороной) заявлял о необходимости улучшения отношений с Югославией и признания ошибочности ряда оценок политики СКЮ²¹. В то же время глава АПТ достаточно резко отнёсся к самой идее реабилитации тех из высших партийных функционеров АПТ (в частности, К. Дзодзе), кто был обвинён ранее в занятии проюгославской пози-

¹⁸ Подробнее в: Едемский А. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. М., 2008; Романенко С. Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX в. – 1991 г.). М., 2011.

¹⁹ На русском языке об этом подробнее в: «ТАСС не уполномочен заявить». – 1948: албано-югославский конфликт глазами Кремля. 13.12.2008//Радио Свобода. Радиопрограммы / Документы прошлого. – <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/479780.html>; Волков В. Советско-албанские отношения (40-50-е годы XX века). С.-Петербург, 2009; Павловец Ю. Югославно-албанские отношения в процессе формирования советского блока в Восточной Европе (ноябрь 1944 – ноябрь 1948 г.)// Российские и славянские исследования. Минск, 2010. № 5. См. также: Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы. Отв. редактор: Т. В. Волокитина. М., 1999. Т. 1. 1944-1948 гг. Документы: № 106. 5 июля 1946 г. – Из дневника Д. С. Чувакина. Запись беседы с посланником Югославии в Албании И. Джордже по вопросу о Косово и Метохии, конференции компартии Албании в Берате и др.; № 157. 3 мая 1947 г. – Из дневника Д. С. Чувакина. Запись беседы с Э. Ходжей об албано-югославских противоречиях в экономической и финансовой областях; № 182. 13 декабря 1947 г. – Из дневника А. И. Лаврентьева. Из записи беседы с И. Б. Тито об отношениях Югославии с Албанией, Болгарией, Венгрией и Румынией; № 217. 17 октября 1948 г. – Политическое письмо Д. С. Чувакина В. М. Молотову о положении в компартии Албании. То же издание. Москва, 2002. Т. 2. 1949-1953. Документы: № 15. 22 марта 1949 г. – Из дневника А. Я. Вышинского. Прием Э. Ходжи по вопросу об албано-югославских отношениях и др.; № 16. 23 марта 1949 г. – Запись беседы И. В. Сталина с Э. Ходжей об албано-югославских отношениях, внешней и внутренней политике Албании; № 37. 6 июля 1949 г. – Справка второго секретаря миссии СССР в Албании А. С. Мандибуры об итогах процесса по «делу» К. Дзодзе и его «группы»; № 139. 26 сентября 1950 г. – Из дневника временного поверенного в делах СССР в Албании В. А. Кареткина. Запись беседы с Э. Ходжей о работе с югославскими политэмигрантами, перегибах в борьбе с кулачеством и др.

²⁰ Дешеша посольства ФНРЮ в Албании от 16.7.1955. – Коматина М. Енвер Хоца и югословенско-албански односи. Београд, 1995. С. 99.

²¹ Впоследствии эта часть выступления была изъята из официальных партийных публикаций АПТ и собрания сочинений Э. Ходжи. – Коматина М. Енвер Хоца и югословенско-албански односи. С. 101.

ции и расстрелян. В определенной степени на действия первого секретаря Албанской партии труда повлияла активизация контактов между Белградом и Москвой, где с 1 по 23 июня 1956 г. находилась партийно-государственная делегация во главе с И. Броз Тито, подписавшая 20 июня очередную совместную декларацию об отношениях СКЮ и КПСС. Опасения Э. Ходжи относительно улучшения отношений между СССР и ФНРЮ было связано с тем, что возглавляемый им режим в прошлом активно использовал советско-югославские противоречия, но в новых условиях уже глава АПТ становился одной из преград во взаимоотношениях между Москвой и Белградом. Это могло привести, в конечном счёте, к потере Э. Ходжей власти, что стало бы результатом процесса десталинизации режима, проводимого в рамках борьбы с культом личности, существование которого в АПТ Э. Ходжа публично отверг на III съезде АПТ.

Помимо «албанского аспекта» советско-югославских отношений существовал ещё один, связанный с формально сохранявшимся членством Белграда в трёхстороннем Балканском пакте. Заключение в Анкаре 28 февраля 1953 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между Грецией, Турцией и Югославией, ставшего основой для полномасштабного военно-политического Соглашения о дружбе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи трёх стран, подписанного в г. Бледе 9 августа 1954 г., означало создание регионального военно-политического блока, получившего название Балканского пакта²². Особое значение этому блоку придавало членство в нём Греции и Турции, являвшихся участницами НАТО. Целью регионального пакта было обеспечение безопасности трёх государств, и прежде всего Югославии, в случае возможных попыток СССР прибегнуть к вооруженным действиям на Балканах. В феврале 1955 г. была создана Организация Ближневосточного Договора, более известная как Организация Центрального Договора (CENTO), в которую она была переименована 21 августа 1959 г., или Багдадский пакт. Её членами стали Великобритания, Ирак, Иран, Пакистан и Турция, которые должны были обеспечивать реализацию доктрины «северного пояса», т. е. недопущения расширения военно-политического присутствия СССР и Варшавского пакта южнее границ СССР²³.

Выступление И. С. Хрущева с осуждением культа Сталина и наиболее одиозных сторон его действий на XX съезде КПСС, проходившем 14-26 февраля 1956 г., было воспринято с беспокойством в руководящих кругах Албанской партии труда и лично её секретарём Э. Ходжей. Он увидел в критике сталинизма опасность потери личной власти в результате возможного процесса расширения кампании борьбы против культа личности уже в масштабах всего Восточного блока. После XX съезда КПСС стало ясно, что в международном коммунистическом движении начинается раскол, обусловленный отношением руководства ряда компартий, прежде всего правивших, к политическому и идеологическому наследию сталинизма²⁴, а также стремлением высших партийных кругов в этих государствах обезопасить свои позиции, не допустив прихода к власти возможных сторонников десталинизации²⁵.

²² См. подробнее: Medunarodni Naucni Skup «Balkanski Pakt 1953/1954» Beograd 9. i 10. Novembar 2005. Zbomik Radova. Beograd, 2008; Stone D. The Balkan Pact and American Policy, 1950-1955// East European Quarterly, 1994. V. 28, N 3.

²³ Подробнее о «Северном поясе» в: Ramazani R. The Northern Tier. Afghanistan, Iran, and Turkey, New York, 1966; Yeşilbursa B. K. The Baghdad Pact: Anglo-American Defence Policies in the Middle East, 1950-1959. London, 2005.

²⁴ О «десталинизации снизу», выразившейся в форме антикоммунистических восстаний и массовых волнений в Восточном блоке, см.: Kramer M. The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making (Part 1)// Journal of Cold War Studies 1999. V. 1. № 1.

²⁵ Одним из наиболее характерных примеров этого было внутрипартийное развитие Албанской партии труда. Её руководитель Э. Ходжа достаточно жёстко подавил попытку начать десталинизацию АПТ, предпринятую рядом делегатов на партийной конференции в Тиране, проходившей 14-19 апреля 1956 г. См. подробнее в: Dymishi D. Konferenca e PPSH së Tiranës, shkaqe dhe rrjedhohja (prill 1956)//Studime Historike. 2002. № 1/2. Сам Э. Ходжа, который был серьезно напуган возможностью своего отстранения от руководства партией и государством, писал в воспоминаниях о произошедшем как о происках «хрущевских ревизионистов»: Ходжа Э. Хрущевцы. Воспоминания. Тирана, 1980. Книга была написана в 1976. Интерес представляет общая работа об АПТ Н. Д. Смирновой: Смирнова Н. Албанская партия труда (страницы истории). М., 1974.

Венгерская революция осени 1956 г. и действия СССР, направленные на её подавление, серьезно обеспокоили Белград, отношения которого с Москвой вновь обострялись²⁶. И. Броз Тито постарался возвратиться к идее реанимации взаимодействия со своими союзниками в рамках Балканского пакта, несмотря на то, что кипрская проблема стала одной из главных причин резкого ухудшения отношений между Афинами и Анкарой. В свою очередь, попытки Белграда выступить в роли посредника между ними не привели к ожидаемым югославским результатам, что сказалось и на планах возобновления сотрудничества между тремя государствами²⁷. Поэтому возобновление более тесных взаимоотношений с СССР становилось частью внешнеполитического курса югославского руководства. В свою очередь, глава АПТ попытался использовать Венгерскую революцию для укрепления своей позиции и фактического оправдания неприятия критики сталинизма, которая могла приобрести в Албании антиходжевские формы. Одновременно для него появлялась возможность вернуться к прежнему открытому антиюгославскому курсу. Тирана обвинила Белград в поддержке антикоммунистических и антисоветских сил и продолжила конфронтацию с ним, надеясь на обострение советско-югославских отношений. Ещё в 1952 г. в американских правительственных кругах делались предположения о том, что при благоприятных условиях Югославия может попытаться ликвидировать режим Ходжи²⁸. Советская поддержка Тираны была важным элементом её оборонной политики в регионе. Аналитики из американских разведывательных ведомств отмечали в январе 1956 г., что, «вероятно, СССР мог бы изменить свою позицию в отношении Албании. Например, существует слабый шанс того, что физическая изоляция Албании от советского блока и её малая ценность для блока приведёт Москву к тому, чтобы использовать Албанию как инструмент в балканских интригах»²⁹.

Для главы АПТ было ясно, что Москва, во имя сохранения влияния в Восточной Европе и той части Балкан, где находились члены Варшавского пакта, предпримет меры, направленные на смену партийно-государственного руководства союзников, не следующих в фарватере политики Кремля. В этих условиях Э. Ходжа активно использовал в пропагандистских целях для своей личной поддержки со стороны Москвы тезис существования военной угрозы Албании, исходящей от её соседей, прежде всего Греции – члена НАТО. Сохранявшийся между Тираной и Афинами этно-территориальный спор по вопросу о принадлежности Северного Эпира (Южной Албании) становился важным инструментом проведения такой политики албанскими

²⁶ Материалы об этом см. в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.: Документы. Ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. См. также: Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; Стыкалин А. Прерванная революция. М., 2003; он же. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года)//Славяноведение. 2000. № 1. Спустя девять лет после издания сборника документов о венгерском кризисе, подготовленного специалистами-учеными, появилась ещё одна публикация на эту тему: Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. Сост.: А. А. Зданович, В. К. Былинин, В. К. Гасанов, В. И. Коротаев, В. Ф. Лашкул. Москва, 2009. В отличие от академического издания оценка и трактовка Венгерской революции 1956 г. была дана авторами-составителями в предисловии к отобранному и опубликованному документам на с. 3 в собственной интерпретации, а борьба венгерского народа за свободу и независимость против диктатуры была представлена в следующем виде: «Венгерские события 1956 года являлись одними из первых в истории “цветных” и “цветочно-тканевых революций”, инспирированных и организованных спецслужбами США и западноевропейских стран во второй половине XX и начале XXI века. Активизация подобной деятельности в последние годы и тенденциозное освещение прошедших событий средствами массовой информации и в исторических исследованиях как венгерских, так и части российских историков приводят к мысли о необходимости расширения Источниковой базы по истории венгерских событий 1956 года с целью их объективного изучения».

²⁷ Подробнее об этом: Балканский пакт 1953–1954. Сборник докумената из Архива Војноисторијског института, Архива Министарства спољних послова и Архива Јосипа Броз Тита (1953–1960). Београд, 2005.

²⁸ Yugoslav Intentions Toward Albania. National Intelligence Estimate (NIE) 42/1. 20.10.1952. P. 2, 3. – http://www.foia.uci.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000011503&title=YUGOSLAV+INTENTIONS+TOWARD+ALBANIA-DOC+ALSO+MENTIONS-ALBANIA+N+GOVERNMENT++LEADE&abstract=&no_pages=0003&pub_date=10/20/1952&release_date=5/2/1989&keywords=ITALY

²⁹ NIE 12-56. Probable developments in the European Satellites Through 1960. // Foreign Relations of the United States, 1955-1957. Eastern Europe. Washington, 1990. V. XXV. P. 116.

коммунистическими властями. Всеэпирский конгресс 8 июля 1956 г. греков-эпириотов, требовавших возвращения этой территории Греции, был использован Э. Ходжей как в интересах внутривосточной пропаганды, так и во внешнеполитических целях. Во время специально организованной поездки по югу Албании глава АПТ обвинил США и Грецию в попытках захватить Северный Эпир и использовании греческого национального меньшинства в целях подрыва коммунистического режима. При этом он постарался интернационализировать проблему, заявив об «империалистических попытках поддерживать международную напряженность» и «миролюбивой политике наших социалистических стран, возглавляемых СССР, и других государствах, которые выступают против войны»³⁰.

Позиции албанского коммунистического режима на международной арене, и прежде всего, в системе региональных отношений, требовали от него проведения соответствующей оборонной политики. В 50-х гг. XX в. она базировалась в военно-техническом и экономическом отношении на массовой помощи со стороны СССР³¹, стран Восточного блока и КНР, а в военно-стратегическом – на идеологически оформленной концепции защиты существующего в стране общественно-политического режима от внешней агрессии и обеспечении безопасности как самой Албании, так и Восточного блока, членом которого она являлась³². Формулирование военной доктрины Тираной проходило при активном участии Москвы. По сути, она носила оборонительный характер, что подчёркивалось в рекомендательном виде советскими военными инструкторами, читавшими курс секретных лекций в 1956 г. для специально отобранных албанским министерством обороны высших военных чинов албанских вооруженных сил³³. Именно в это время руководство АПТ, и прежде всего лично Э. Ходжа, сформулировали тезис «враждебного окружения народной Албании», определяя в качестве наиболее вероятной угрозы действия со стороны соседних Греции и Югославии, а также государств НАТО, способных использовать Средиземноморье в гипотетически существующих военно-политических планах нападения на страну со стороны её побережья. Реальность такого развития ситуации была поставлена под сомнение в американских разведывательных кругах ещё в 1952 г., о чём сообщалось в секретном документе – «Национальных разведывательных оценках». Представленный анализ основывался на выводе о существовании противоречащих друг другу интересов Греции, Италии и Югославии, в связи с чем «каждая из которых, вероятно, предпочитала сохранить status quo, нежели допустить изменения, выгодные одной из сторон»³⁴. Со своей стороны, представители советского военного руководства высказывали во

³⁰ Hoxha on Albania Difficulties. 1.8.1956. Radio Free Europe research. P. 2. Gen. Desk-ERS. BOX-FOLDER-REPORT: 1-1-18. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-1-18.pdf>

³¹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 89. Он. 1. Д. 33. Записки МВТ СССР, проекты постановлений Совета Министров СССР, записи переговоров с албанской правительственной делегацией по торгово-экономическим вопросам. 22.3-2.4.1949; Д. 34. Записки МВТ СССР, МИД СССР, проекты постановлений Совета Министров СССР, письма и просьбы Э. Ходжи в связи с переговорами с албанской правительственной делегацией по торгово-экономическим вопросам. 2.4.1949 – 10.12.1949; Д. 35. Письма Э. Ходжи в адрес Совета Министров СССР по вопросам торгово-экономических отношений между СССР и Албанией. 3.-23.4.1951.

³² Подробнее об общих проблемах участия Албании в ОВД см.: *Lalaj A. Albanien und der Warschauer Pakt//Der Warschauer Pakt – Von der Gründung bis zum Zusammenbruch 1955 bis 1991. Herausgegeben Diedrich T., Heinemann W., Ostermann C. Berlin, 2009; Lalaj A. Shqipëria në Paktin e Varshavës: 1955–1968//Studime historike. 2004, Nr. 1/2. См. также её интервью в: Ana Lalaj, drejtoresha e Institutit të Historisë tregon për gazetën «Panorama» një nga momentet më kyçe të historisë së Shqipërisë në vitet '50. «Përse pranoi Enver Hoxha të nënshkruante Traktatin e Varshavës»// Panorama, 10.9.2004.*

³³ По свидетельству очевидца – полковника Скандера Мальинди, осужденного в 1975 г. в период очередной партийной чистки за «участие в заговоре Балуку», степень секретности была столь высока, что записи, сделанные во время лекций, собирались у слушателей и хранились в сейфах, опечатанных их личными печатями: Kolonel Malindi: «Ju rrëfej Shqipërinë e Traktatit të Varshavës»//INFOARKIV. Arkiva Mediatike Shqiptare. 5.4.2009 – <http://www.infoarkiv.com/media/artikull/iden/32433/titulli/Kolonel-Malindi-Ju-rrfej-Shqiperine-e-Traktatit-te-Varshaves>

³⁴ Yugoslav Intentions Toward Albania. NIE 42/1. 20.10.1952. P. 2 – http://www.foia.ucia.gov/browse_docs.asp?doc_no=OOOOOH503&title=YUGOSLAV+INTENTIONS+TOWARD+ALBANIA-DOC+ALSO+MENTIONS-ALBANIAN+GOVERNMENT++LEADE&abstract=&no_pages=0003&pub_date=10/20/1952&release_date=5/2/1989&keywords=ITALY

второй половине 50-х гг. XX в. мнение о том, что «албанская армия боеспособна. Она имеет хорошие кадры офицерского состава, которые на 100% являются членами партии труда, большинство из них проходило обучение в Советском Союзе. Солдаты, сержанты и офицеры на проведенном учении показали хорошую выносливость и втянутость при действиях в горах. Идеологическое воспитание в армии поставлено хорошо. Очень слабым местом в подготовке армии являются вопросы противовоздушной и противодесантной обороны, а также устаревшие методы тактической подготовки частей армии»³⁵.

Активное сотрудничество Албании с СССР во многом объяснялось ещё и тем, что ставка на советское военное присутствие, сделанная албанским партийно-государственным руководством, преследовала выполнение нескольких задач. Во-первых, оно было призвано обеспечить советские гарантии не допустить военных действий в отношении НРА со стороны её соседей и отдельных стран Западного блока (США и Великобритании). Во-вторых, ставилась задача обучения военных кадров и в целом вооруженных сил. Наконец, в-третьих, албанская сторона стремилась создать ключевые объекты оборонной структуры страны, обеспечив вооруженные силы военной техникой. Значимость советско-албанского сотрудничества в этой области демонстрировалась со стороны Кремля фактом назначения на должность главы военной миссии в Албании и военного атташе на протяжении 1953-1956 гг. одного из представителей высшего советского руководства генерал-полковника А. И. Родимцева.

Для другого балканского члена Варшавского пакта – Болгарии формулирование военно-технической и мобилизационной составляющих оборонной политики в середине 50-х гг. также во многом испытывало влияние советского фактора³⁶. Попытка проведения за короткий срок (1955-1959 гг.) реорганизации болгарских вооруженных сил и их технического переоснащения обуславливалась партийно-государственным руководством страны тем, что «в настоящее время наша [болгарская] Народная Армия по своей организации и особенно по своему вооружению и боевой технике значительно отстаёт от современных требований»³⁷. При этом планируемые количественные показатели для мирного и военного времени как в организационном, так и военно-техническом отношении различались лишь в увеличении в условиях войны противовоздушных и инженерных подразделений, а также химической защиты сухопутных сил на уровне батальонного звена. Таким образом, в планах болгарского руководства вооруженные силы страны подлежали серьезному усилению, что, в свою очередь, требовало значительных материально-технических ресурсов, не имевшихся в распоряжении Софии. Этот проект, принятый политбюро ЦК БКП 22 января 1955 г. как директивный документ, ставил задачу реформировать вооруженные силы в течение пяти ближайших лет. Без участия СССР проведение комплекса запланированных мероприятий было невозможно. Именно поэтому Москва с настороженностью воспринимала несанкционированные ею реформы, так как именно советской стороне предстояло их материально-техническое обеспечение. 12 августа 1955 г. Н. С. Хрущев в письме секретарю ЦК БКП Т. Живкову, ссылаясь на Женевское Сопровождение Глав правительств четырех держав «и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил», выразил мысль о «целесообразности» сокращения численности вооруженных сил мирного времени и пересмотре планов перевооружения³⁸. В конце августа 1955 г. политбюро болгарской компартии приняло уже новое решение, с учётом мнения и рекомендаций Москвы. В соответ-

³⁵ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о ходе визита и переговорах с руководителями Албании. 25 октября 1957 г.// Россия XX в. Документы. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 179.

³⁶ Подробнее об этом: *Баев И.* България и създаването на Варшавския договор//Военноисторически. 1995, № 4; он же. Изграждане на военните структури на Варшавския договор. 1955-1969//Военноисторически сборник. 1997, № 5

³⁷ Решение на Политбюро във връзка с българо-съветско заседание в Москва относно развитието на БНА за периода 1955-1959 гг. 22.1.1955 г.// България и Варшавският договор.

³⁸ Писмо от Н. Хрушчов до Т. Живков за намаляване състава на българските ВС. Москва. 12.8.1955// България и Варшавският договор.

ствии с ним предполагалось «максимально возможное сокращение состава вооруженных сил НР Болгарии в мирное время» и «продление срока перевооружения армии и оперативной подготовки страны примерно до 1965 г.»³⁹. В то же время, как уточнялось в сентябре 1955 г., в оперативно-тактическом отношении сокращение должно было проводиться «за счёт западных и северных соединений и частей»⁴⁰, т. е. на «югославском» и «румынском» направлениях, но не на «греческом» и «турецком». Однако в целом болгарское руководство не отказывалось от проведения военной реформы, в чём была заинтересована и советская сторона, готовая предоставить за период 1956-1965 гг. большие средства в размере 375 млн рублей⁴¹ в ценах 1956 г. с упором на противовоздушную оборону, имевшую стратегическое значение для СССР с точки зрения его оборонных интересов⁴².

Формально, к середине 1954 г. советские вооруженные силы и военизированные подразделения, размещённые в государствах Балканского полуострова, были незначительными. В соответствии с оценками американской разведки на июль 1954 г., из всех Балканских государств, находившихся в советской зоне влияния, наибольшим советское присутствие было в Румынии (2 кадровые дивизии с общим числом 30 тыс. военнослужащих, 2 тыс. человек в вооруженных подразделениях органов безопасности, 190 самолётов различных типов). На втором месте находилась Болгария (2 тыс. советских военнослужащих и 1 тыс. в вооруженных подразделениях органов безопасности). В Албании советское военное присутствие ограничивалось 500 советскими военнослужащими⁴³. Одновременно американские эксперты делали заключение о том, что «в то время как вооруженные силы сателлитов (стран-участниц постепенно формировавшегося Восточного блока – Ар. У.) будут, вероятно, хорошо сражаться против традиционных врагов, их надёжность остаётся под вопросом на оцениваемый момент в виду значительной ограниченности их военной полезности в случае общей войны»⁴⁴.

В этой связи особое значение приобретал так называемый югославский фактор, ввиду того, что Белград, сохраняя членство в Балканском пакте, официально не выступал в поддержку двух противостоявших блоков – НАТО и ОВД. Поведение югославского партийно-государственного руководства весной 1955 г. внимательно отслеживалось в Вашингтоне, так как от позиции Белграда в противостоянии Восточного и Западного блоков в Балканском регионе зависела оборонная политика НАТО на южном направлении. Однако однозначного вывода эксперты из числа аналитиков ЦРУ сделать не могли. С одной стороны, они рассматривали действия И. Броз Тито как ситуативные и направленные на укрепление роли Югославии на международной арене, где она стремилась добиться высокой степени независимости от Запада и Востока, но при этом не порывать отношений с Балканским пактом – важным элементом западной обороны в балкано-средиземноморском секторе⁴⁵. Однако, с другой стороны, аналитики из американской разведки не исключали и возможности подписания неких секретных договоров с Москвой и даже «возвращения» Югославии в Восточный

³⁹ Решение за намаляване състава на българските ВС. 30.8.1955 г. // България и Варшавският договор.

⁴⁰ Решение на Политбюро за намаляване числения състав на ВС. 29.9.1955 г.

⁴¹ Доклад от министъра на отбраната ген. П. Панчевски относно съвещание в Москва по плана за военно производство и военни доставки за 1956-1965 г. 11.4.1956 г. // България и Варшавският договор.

⁴² Протокол на Политбюро относно съвещание в Москва за военно производство и доставки на въоръжение за периода 1956-1965 г. 5.5.1956 г. // България и Варшавският договор. О развитии ВВС в Болгарии после Второй мировой войны и их роли в межблоковом противостоянии: *Бориславов И.* Българските ВВС и Студената война. София, 2002. О военном сотрудничестве СССР и Болгарии в этот период см. общий материал И. Баева: *Baev J.* Bulgarisch-sowjetische militärische Zusammenarbeit 1955 bis 1964//Der Warschauer Pakt – Von der Gründung bis zum Zusammenbruch 1955 bis 1991. Herausgegeben Diedrich T., Heinemann W., Ostermann C. Berlin, 2009.

⁴³ Probable Developments In The European Satellites Through MID-1956. NIE 12-54. 24.8.1954. P. 17. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000269325

⁴⁴ Ibid. P. 2.

⁴⁵ Yugoslavia and Its Future Orientation. NIE 31/1-55. 19.5.1955. P. 1. – http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub 14NIE311 -55.pdf

блок⁴⁶. Улучшение советско-югославских отношений весной-летом 1955 г. серьезно отразилось на межсоюзнических отношениях внутри Балканского пакта, так как И. Броз Тито был заинтересован в том, чтобы не допустить нового обострения взаимоотношений с Кремлём, и постепенно переходил к политике лавирования между Западным и Восточным военно-политическими союзами, видя в этом возможность усиления позиций Югославии, формально не принадлежащей ни к одному из них⁴⁷.

Первым шагом на пути усиления «особой позиции» Югославии в системе международных отношений было создание на проходившей в индонезийском городе Бандунг 18-24 апреля 1955 г. конференции Движения неприсоединения, инициаторами которого выступили вместе с И. Броз Тито президент Египта Г. А. Насер, премьер-министр Индии Дж. Неру и индонезийский президент Сукарно. Среди активных участников была делегация КНР⁴⁸. Визит в Белград премьер-министра А. Мендереса в мае 1955 г. за несколько недель до приезда в Югославию советской партийно-государственной делегации во главе с Н. Хрущевым был призван усилить военно-политическое взаимодействие стран, входящих в Балканский пакт. Однако глава Югославии фактически отказался от этого.

Действиями Тито были серьезно озабочены не только в Анкаре, но и в Афинах. В политических кругах Турции считали, что США ни в коем случае не должны сокращать уровень взаимоотношений с ФНРЮ и что Вашингтон должен способствовать возобновлению деятельности Балканского пакта с тем, чтобы не допустить подпадания Югославии под исключительное влияние СССР⁴⁹. В свою очередь, в Тиране существовала твёрдая уверенность в том, что одной из задач Балканского пакта была ликвидация существовавшего в Албании политического режима и проведение территориальных изменений в пользу Греции. Сотрудники внешнеполитических учреждений и разведывательных институтов США приходили летом 1956 г. к выводу о том, что «советский контроль над советскими сателлитами в Восточной Европе (Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Албании и Восточной Германии) серьезно влияет на дисбаланс сил в Европе и представляет угрозу безопасности США... Создание Варшавского пакта в мае 1955 г. как противовеса НАТО, который только что принял (в свой состав – Ар. У.) Западную Германию, структурировал и расширил советскую координацию и контроль над военным потенциалом Восточно-европейского блока»⁵⁰.

В свою очередь, кремлевское руководство стремилось использовать момент с целью привязать Югославию к формируемому СССР военно-политическому пакту восточноевропейских стран и ослабить взаимоотношения Белграда с Западом в интересах недопущения западного влияния на внутри- и внешнеполитическую позицию югославского руководства⁵¹. Именно данное обстоятельство сыграло свою роль в отказе Кремля от проявления несогласия с отдельными формулировками Московской декларации (20 июня 1956 г.), предложенными югославской стороной и вошедшими в её текст. Суть происшедшего, по словам российского

⁴⁶ Ibid P. 2.

⁴⁷ Подробнее о советской внешней политике на Балканах в этот период в: Σοβιετική Ένωση και Βαλκάνια στις δεκαετίες 1950 και 1960. Συλλογή εγγράφων. Επιστ. В. Κόντης, Γ. Μουρέλος, Κ. Παπουλίδης, Μ. Προζουμέντσικοφ, Ν. Σμυρνόβα, Ν. Τομλίνα., Θεσσαλονίκη, 2003.

⁴⁸ Ampiah K. The Political and Moral Imperatives of the Bandung Conference of 1955: the Reactions of the US, UK and Japan. Folkestone 2007; Mackie J. Bandung 1955: Non-alignment and Afro-Asian Solidarity. Singapore, 2005.

⁴⁹ См. дипломную работу М. Палангаса, который ссылается на ранее не публиковавшиеся документы Госдепа США: Παλαγκάς Μ. Όψεις των ελληνογιογυκοσλαβικών σχέσεων κατά την περίοδο 1955–1965. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης Φιλοσοφική Σχολή. Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας, Λαογραφίας και Ανθρωπολογίας. Прωτεύουσα Μεταπτυχιακή Εργασία Θεσσαλονίκη, 2009. Σ. 19.

⁵⁰ Проект документа о перспективах развития ситуации в Восточной Европе и национальной безопасности США в: National Security Council Report. NSC 5608. 3.7.1956//Foreign Relations of the United States, 1955-1957. Eastern Europe. Washington, 1990. V. XXV. P. 191.

⁵¹ Об этом открыто заявлялось в Директивах Президиума ЦК КПСС к переговорам с И. Б. Тито в Москве от 28 мая 1956 г. См.: Российский Государственный Архив Новейшей Истории (РГНИИ) Ф. 3. Оп. 12. Д. 54. Л. 110-128.

исследователя А. С. Стыкалина, можно было бы определить следующим образом: «Для маршала Тито, вовсе не жаждавшего вновь оказаться в роли кремлевского вассала, готовность к сотрудничеству с СССР могла послужить инструментом давления на Запад в целях достижения более выгодных условий получения кредитов, а потому, хотя и не без оглядки на западные державы, он склонялся к активизации переговорного процесса с Москвой. В Кремле, в свою очередь, считали, что дружба с Югославией не только значительно укрепит стратегические позиции СССР на Балканах, но гарантирует прорыв в Средиземноморье»⁵².

Со своей стороны, глава Югославии постарался успокоить Афины относительно своих дальнейших действий. Охлаждение взаимоотношений между Белградом и Москвой вызвало активность греческого союзника Белграда по Балканскому пакту. Премьер-министр Греции К. Караманлис, будучи в США с официальным визитом, обратился к американскому руководству с предложением о посредничестве по вопросу возобновления деятельности пакта с тем, чтобы Вашингтон убедил Анкару изменить свою позицию по кипрскому вопросу. Со своей стороны, представители американского военного истеблишмента и высшего командования НАТО, в частности, командующий силами альянса в Южной Европе адмирал П. Бриско, заявляли о готовности оказать поддержку Югославии в случае угрозы её суверенитету⁵³. Вскоре после возвращения из Москвы И. Броз Тито встретился в июле 1956 г. на о. Керкира с К. Караманлисом. Во время переговоров стало понятно, что «обе стороны ожидали изменения позиции Турции и согласились активизировать усилия с целью возобновления договора»⁵⁴. Установление слишком тесных военно-политических связей Греции и ФНРЮ без участия Турции могло серьезно обеспокоить США и НАТО, так как складывались предпосылки для ухудшения отношений с третьим участником Балканского пакта – Анкарой – и окончательной ликвидации трёхстороннего союза⁵⁵.

Неопределенность дальнейшей судьбы Балканского блока не сказалась на разработке руководством ФНРЮ подходов к оборонной политике страны и её военной доктрины. Один из примечательных моментов этого процесса был отмечен в 1956 г. В высших армейских кругах обострилась дискуссия между сторонниками и противниками двух различных точек зрения на организацию бронетанковых подразделений ЮНА. В виду отсутствия достаточного количества единиц бронетехники сторонники разукрупнения этих подразделений предлагали передать их в состав пехотных подразделений. Другая группа в армейском руководстве, неофициально получившая название сторонников «танкизма», настаивала на сохранении бронетанковых подразделений, их укрупнении и отказе от создания механизированных корпусов. Фактическую победу одержали представители первой группы, но принятое руководством СФРЮ при активной роли И. Броз Тито решение всё-таки учитывало мнение и сторонников «танкизма». Поэтому, в соответствии с новой системой распределения сил и средств в ЮНА, так называемые военные области (фактически военные округа, которые просуществовали недолго) получали в соответствии со стоявшими задачами и особенностями географических границ этих военно-административных единиц различное количество бронетанковых подразделений: от батальонов до дивизий. Примечательно, что основные силы этих подразделений были сконцентрированы в наиболее танкоопасных секторах северного, восточного и юго-восточного направлений со стороны Венгрии, Румынии и Болгарии.

Активизация советской внешней политики на югославском направлении не ослабила особой заинтересованности Москвы в усилении союзнических связей с Тираной, находившейся в конфронтации с Белградом. 22 апреля 1957 г. в специальной записке в ЦК КПСС отно-

⁵² Стыкалин А. СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов)// Славяноведение. 2006. № 6. С. 96

⁵³ Παλαγκάς Μ. Όψεις των ελληνογιουγκοσλαβικών σχέσεων. Σ. 23.

⁵⁴ Στο ίδιο. Σ. 20.

⁵⁵ Στο ίδιο. Σ. 21.

сительно приглашения министра обороны Албании Б. Балуку посетить эту страну министр обороны СССР Г. К. Жуков писал: «С своей стороны считаю, что посещение Албании будет очень полезным, особенно в связи с тем, что во время плавания представится возможность ознакомиться с наиболее важной для нас частью Юго-Западного театра военных действий: болгаро-турецким направлением, что явится дополнением к проведенной мною рекогносцировке этого направления в сентябре 1956 года, Черноморской проливной зоной и территорией, прилегающей к Эгейскому, Средиземному, Ионическому и Адриатическому морям»⁵⁶. Осенью того же года, будучи в Албании, в телеграмме, направленной в ЦК КПСС 25 октября 1957 г.⁵⁷, советский маршал отмечал, что «особого внимания заслуживает вопрос обороны морского побережья Албании и использования его для базирования подводных лодок с целью их действий в Средиземном море. Детально осмотрев порт Влёра, строящуюся там базу подводных лодок и линию береговой обороны на Адриатическом море с суши и моря, я пришел к выводу о необходимости серьезного усиления береговой обороны албанского побережья, которое со стратегической точки зрения является исключительно выгодным для всего социалистического лагеря. Такое мероприятие позволит надежно защитить побережье с моря, вести борьбу с противолодочной обороной противника в Отранском проливе, что сможет обеспечить проход наших подводных лодок в Средиземное море»⁵⁸. 26 октября 1957 г. во время переговоров Г. Жукова с Э. Ходжей последний подчеркивал значимость Албании для всего Восточного блока: «Средиземное море имеет с военно-стратегической точки зрения для нашего социалистического лагеря очень большое значение, так как в нем действуют 6-й американский флот и другие значительные силы стран НАТО, которые, безусловно, направлены против Советского Союза и нашего социалистического лагеря. Албания, являющаяся частью социалистического лагеря, расположена на побережье Адриатического моря и имеет поэтому важное значение»⁵⁹. 26 июля 1957 г. Совмин СССР принял специальное постановление о создании военно-морской базы ВМФ СССР во Влёре. Дополняющее это решение советского партийно-государственного руководства постановление Совмина СССР от 22 апреля 1959 г. закрепило расширявшееся строительство советской базы.

Укрепление коммунистических режимов в странах Восточной Европы, включая Балканский регион, вело к усилению в их руководстве большей самостоятельности в рамках всего Восточного блока, что находило различные проявления и формы. Оборонная политика также нередко затрагивалась также этим процессом. Так, в частности, уже осенью 1955 г. румынские власти стремились подчеркнуть самостоятельность страны в сложившейся биполярной системе, несмотря на то, что Румыния являлась союзницей СССР. Это нашло своё отражение и в заключении, сделанном американским дипломатом Ч. Тэйером после беседы с румынским партийно-государственным руководством. Он сообщал в Госдеп о том, что «Румыния – это независимая страна, которая решает проблемы по-своему. В действительности, она считает, что СССР может оказать ей различную экономическую и политическую помощь, но нет

⁵⁶ Записка Г. К. Жукова в ЦК КПСС о приглашении посетить Албанию. 22 апреля 1957 г. // Россия XX в. Документы. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. Москва, 2001. С. 165.

⁵⁷ На состоявшемся 24 октября 1957 г. заседании Политбюро ЦК АПТ Э. Ходжа сообщил о том, что против приёма Албании в Варшавский пакт выступал В. Молотов, который считал, что в случае нападения на Албанию извне, СССР придётся участвовать в военном конфликте. Он также сослался на заинтересованность советских военных в строительстве военно-морской базы в Албании, откуда, в соответствии с услышанными Б. Балуку словами Г. Жукова, можно было нанести удар по VI флоту США. – См. *Mytaraj K. Paralele sovjeta-jugosllave dhe amerikano-greke për Shqipërinë* // Dervina, 26.3.2008. – <http://lajme.dervina.com/archive/9937-2235:766/Paralele-sovjeto-jugosllave-dhe-amerikano-greke-per-Shqiperine.htm>. В статье приводятся ссылки на Центральный Архив Албанской партии труда (Фонд 14. Оп. 1. Папки № 20 и № 24).

⁵⁸ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о ходе визита и переговорах с руководителями Албании. 25 октября 1957 г. // Россия XX в. Документы. С. 179.

⁵⁹ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о переговорах с Э. Ходжей. 26 октября 1957 г. // Там же. С. 180-181.

причин, чтобы страна всегда ассоциировалась в представлениях США с отростком СССР»⁶⁰. В начале декабря 1955 г. глава Румынии Г. Георгиу-Деж на приёме в посольстве Югославии, посвященном национальному празднику Югославии, демонстративно на протяжении двух часов беседовал с главой дипломатической миссии США в Румынии Тэйером, чему, как впоследствии отмечал в своём сообщении в Госдеп американский дипломат, пытался помешать посол СССР⁶¹. На этом же приёме присутствовал и премьер К. Стойка, озвучивший в 1957 и 1959 гг. румынский план балканского сотрудничества.

Выдвижение так называемых балканских мирных инициатив, несмотря на их кажущееся соответствие региональным планам Москвы, было воспринято крайне негативно Кремлём. Он увидел в идее межбалканского сотрудничества «возможность создания не подконтрольного ему регионального блока с участием своих союзников по ОВД и СЭВ». Два документа 1957 г., с которыми выступила румынская сторона – «Договор о взаимопонимании и коллективной безопасности в балканском регионе» (7 июня 1957 г.) и «Об установлении отношений многостороннего мирного сотрудничества между странами балканского региона» (10 сентября 1957 г.) – были демонстративно проигнорированы советской печатью⁶². Обе инициативы являлись, в свою очередь, свидетельством заинтересованности румынского партийно-государственного руководства в усилении позиции Румынии в отношениях со странами полуострова.

Первый вариант предложения Бухареста заключался в реализации идеи регионального сотрудничества Балканских государств в экономической, общественной и гуманитарной сферах. Действия румынского руководства были достаточно серьезно восприняты в Греции и Турции. В то время как Албания и Болгария поддерживали инициативу, Греция отнеслась к ней отрицательно, а Турция вообще не дала ответа. Афины настаивали на том, чтобы первоначально были решены проблемы, существовавшие в двусторонних отношениях. Белград увязывал своё участие в этом проекте присутствием в нём греческой и турецкой сторон, так как без них межбалканское сотрудничество не имело смысла⁶³. Вторая инициатива носила отчётливо выраженный военно-политический характер, так как ставила на повестку дня вопрос создания безъядерной зоны на Балканах. Бухарест, формально следуя в фарватере внешнеполитического курса Москвы, попытался выступить в роли инициатора политики регионального сближения⁶⁴. Однако, как и ранее, румынская сторона вновь встретила сопротивление трёх государств – Югославии, Греции и Турции. Руководство соседней Югославии стремилось быть лидером в межбалканских делах, что делало Белград конкурентом Бухареста. Поддержка со стороны И. Броз Тито румынских региональных проектов оговаривалась им необходимостью включения в них всех Балканских стран, т. е. Греции и Турции. Последние увидели в инициативах К. Стойки советские планы ослабления НАТО в Центральной и Южной Европе.

Болгария и Румыния, ответственные в Варшавском пакте за осуществление контроля и мониторинг ситуации, складывавшейся в балкано-средиземноморско-черноморской полосе Юго-Западного театра военных действий (ТВД), стремились проводить оборонную политику в соответствии с собственными интересами. В декабре 1957 г. болгарское руководство обратилось к Москве с инициативой создания «новых организационных форм взаимодействия чер-

⁶⁰ Telegram From the Legation in Romania to the Department of State. Bucharest, 20.11.1955//Foreign Relations of the United States, 1955-1957. Eastern Europe. Washington, 1990. V. XXV. P. 99.

⁶¹ Telegram From the Legation in Romania to the Department of State. Bucharest, 1.12.1955// Ibid. P. 103.

⁶² См. примечания составителей к документу № 32 в сборнике документов: КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х гг. Сборник документов. Салоники, 2003. С. 138.

⁶³ Παλάγκας Μ. Οψεις των ελληνογιογυγκοσλαβικών σχέσεων. Σ. 29, 30. Примечательным фактом являлась неосведомленность И. Броз Тито о сути предложений К. Стойки во время его переговоров с Н. Хрущевым. Στο ίδιο. Σ. 32.

⁶⁴ Подробнее: Şirin N. A. Inter-State Cooperation in the Balkans: the Cold War Era// Turkish Review of Balkan Studies. Foundation for Middle East and Balkan Studies.2002. P. 177–189.

номорских флотов Болгарии, Румынии и СССР»⁶⁵. Это обуславливалось, как было заявлено болгарской стороной, «характером начального периода современной войны». Такая формулировка использовалась Софией с учётом господствовавшего в советских партийных и военных кругах мнения о неизбежном использовании Западным блоком ракетного ядерного оружия в случае военно-политического конфликта с Варшавским пактом. В свою очередь, возможный ход действий советского руководства оценивался в военно-политических кругах НАТО с точки зрения нежелания советской стороны использовать ядерное оружие и обращение к нему лишь в крайнем случае «вынужденной обороны»: «Главной задачей СССР в регионе НАТО, продолжающей оставаться, является подрыв оборонных усилий Запада таким образом, чтобы привести к роспуску НАТО... Без сомнения советские вожди понимают и боятся последствий всеобщей ядерной войны. Можно предположить, что они не будут вести всеобщей ядерной войны до тех пор, пока они знают, что Запад готов ответить ядерным оружием с достаточной для уничтожения СССР степенью (эффективности – Ар. У.)... Далее тем не менее опасность всеобщей ядерной войны существует и проистекает из ошибочных расчётов. Эта опасность, например, могла бы стать результатом недооценки реакции Запада на агрессивные действия со стороны Советов или неправильно интерпретированных намерений Запада, которые могли бы их [советских руководителей] привести к выводу о том, что СССР находится накануне ядерного удара по нему»⁶⁶. Таким образом, вопрос о вероятной угрозе и её формах для Западного блока становился одним из важных с точки зрения выработки оперативных и долговременных решений.

Оборонная политика Болгарии во многом определялась распределением «зон ответственности» в рамках Варшавского пакта, что обуславливало, помимо собственно региональных интересов Софии, её ориентированность на обеспечение оборонной стратегии Восточного блока по трём основным направлениям: югославскому, греческому и турецкому. София активизировала разведывательную деятельность⁶⁷, сконцентрировав усилия на сборе и передаче Москве информации о ракетном и ядерном присутствии в соседних с Болгарией Греции и Турции, имевших американские военные базы и входивших в круг государств, где планировалось размещение подобного оружия. На протяжении 1957 г. эта тема доминировала в обмене разведывательной военной и политической информацией между Софией и Москвой. Размещение американских ракет «Nike», оценивавшихся болгарской стороной как «опасное наступательное оружие, нежели служащее для обороны», на военно-морской базе Гюльчук в Турции для обеспечения противовоздушной обороны этого объекта было использовано Софией как аргумент в пользу необходимости безвозмездного получения от Москвы патрульных и торпедных катеров, а также подводных лодок⁶⁸. В свою очередь, оценка международной ситуации, дававшаяся Управлением разведки Генерального штаба Министерства обороны Народной Республики Румынии в декабре 1957 г., заключалась в традиционной для стран Восточного блока манере. Так, в частности, делался априори вывод о том, что «в данный момент капиталистическими государствами, наиболее агрессивными и считающимися наиболее важными с точки

⁶⁵ Baev J. Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Maritime Power in the Eastern Mediterranean (1955-1975). – http://www.coldwar.hu/en/publications/int_estim.html. Впервые этот материал был опубликован в: Годишник на Военноморския музей. Варна, 2001. Т. 1. Здесь цитируется по Интернет-ресурсам ввиду недоступности вышеприведенного издания в библиотеках РФ на момент написания данной работы.

⁶⁶ Document C-M(56)138(Final). Directive to the NATO Military Authorities from the North Atlantic Council Approved by the Council at its meeting on 13th December, 1956 //NATO Strategy Documents 1949-1969. Ed. by Pedlow G. Brussels, 1997. P. 272.

⁶⁷ Оперативные возможности болгарской политической разведки в Греции и Турции, как следовало из её отчёта за 1959 г., не соответствовали стоящим перед ней задачам: Справка. Относно: Изведена агентура зад граница от у[правлен]ие II-ро ДС, за времето от 1.1.1958 до 1.VI.1959 година. 17.6.1959. С 1, 4. – http://wilsoncenter.org/topics/va2/docs/84_590617bg.pdf Подробнее о деятельности болгарской военной разведки см. воспоминания её главы: *Зикулов В.* Военното разузнаване на България и студената война. София, 2005.

⁶⁸ Baev J. Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Maritime. О развитии болгарских ВМФ в: *Тодоров И.* Българските военни кораби (1879-2002 г.). София, 2002.

зрения войны в Европе, являются США, Западная Германия, Англия, Италия, Франция, Турция, Греция и, наконец, Испания. Государством, обладающим наиболее серьезной военной силой, а также в экономическом и политическом отношении, являются США»⁶⁹.

Сформулированная президентом США Д. Эйзенхауэром в его «Специальном послании Конгрессу о ситуации на Ближнем Востоке» от 5 января 1957 г. концепция внешнеполитических действий Вашингтона, известная как «Доктрина Эйзенхауэра», заключалась в предоставлении американской помощи, включая и военную, государствам, подвергшимся агрессии или её угрозе со стороны другой страны, прежде всего коммунистической. Эта президентская инициатива была окончательно одобрена конгрессменами в марте 1957 г. Несмотря на то, что она являлась реакцией руководства США на Суэцкий кризис 1956 г. и усиление советского присутствия в арабском мире, доктрина имела более широкое, чем «ближневосточное», измерение. Она непосредственно касалась формирования новой военно-политической ситуации на Балканах. Серьезные расхождения в Балканском пакте по вопросу о его консолидированной поддержке Западного блока привели к тому, что Белград проводил внешнеполитическую линию, противоположную Анкаре, которая поддержала Великобританию и Францию, а также Афинам, фактически занявшим позицию нейтралитета, и выступил на стороне Каира⁷⁰. Югославия солидаризировалась с Варшавским договором, балканскими членами которого были Албания, Болгария и Румыния⁷¹, поддержавшими Египет. В то же время Белград серьезно зависел в этот период от военных поставок США, и американская сторона фактически стояла перед дилеммой: либо продолжить сотрудничество с Тито, либо отказаться от него⁷².

Таким образом, Суэцкий кризис серьезно затронул те коммунистические государства полуострова, которые, являясь членами Восточного пакта, участвовали в его военно-политических проектах за пределами региона. К числу таких стран относилась Болгария, занимавшаяся реализацией планов коммунистического блока, направленных на военно-техническое обеспечение алжирского сопротивления – Фронта национального освобождения, действовавшего против Франции. Военные поставки и подготовка кадров ФНО в Болгарии усиливали значимость Софии по противоположным причинам как для Восточного, так и для Западного блока⁷³. С учётом этого руководство Болгарии в лице Т. Живкова рассматривало участие в подобных проектах как серьезный аргумент в пользу привлечения внимания США к своей роли в Варшавском пакте и коммунистическом блоке в целом. Попытки болгарской стороны восстановить разорванные с Вашингтоном в 1950 г. отношения, предпринимавшиеся ещё с начала 1956 г. конфиденциально по дипломатическим каналам в Париже, к 1957 г. приобрели уже публичность, что нашло своё подтверждение в специальном интервью Т. Живкова американской влиятельной газете «New York Times» в сентябре 1957 г.⁷⁴

Идеологические разногласия, скрывавшие, в действительности, межгосударственные противоречия внутри коммунистического блока, имели серьезные последствия для формули-

⁶⁹ Discrierea Inamicului Probabil. Situa[^]ia Politico-Militara. № TA002469// НАТО на Балканите. Съставителство и редакция в колектив, отговорен редактор Йордан Баев. Мул-тимедийно СД-РОМ издание. София, 2001.

⁷⁰ Об особенностях внешнеполитического курса Югославии в контексте Суэцкого кризиса и ситуации, складывавшейся в Балканском пакте, см.: Животик А. Гугословенска сполша политика током Суецке кризе и стабилност Балканског пакта 1956-1957// Архив. Часопис Архива Србше и Црне Горе. 2007. № 1/2.

⁷¹ О позиции Румынии по Суэцкому кризису и о действиях румынской дипломатии см.: Ionescu M. Romania and the Suez Crisis: Areas of Diplomatic Interest and Political Positions// Proceedings of the Romania-Israeli seminar. IDF- Department of History. Tel Aviv. February 2007.

⁷² 303. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, May 17, 1957//Foreign Relations of the United States, 1955-1957. Central and Southeastern Europe. Washington, 1992. V. XXVI. P. 774, 775.

⁷³ Подробнее об этом направлении военно-политической деятельности Болгарии см.: Баев Й. Българската военна помощ за третия свят//Военен журнал, 1992. № 6; 1993. №1; Баев Й. Военно-политическите конфликта след Втората световна война и България. София, 1995; Baev J. Bulgarian Arms Delivery to Third World Countries, 1950-1989. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_armstrade/introduction.cfm?navinfo=23065

⁷⁴ Баева И. Отношенията България – САГЦ в годините на студената война// Международни отношения, 2003. № 4.

рования странами-участницами ОВД оборонной политики как в глобальном, так и на региональном уровне. Влияние «китайского фактора» на оборонную политику Варшавского пакта и СССР, в частности, в балканском секторе мировой политики, в 1957 г. проявилось в стремлении Москвы избегать подчеркивания факта улучшения советско-югославских отношений в военной области. Это нашло своё отражение в исключительно скупом освещении в советской печати визита министра обороны СССР маршала Жукова в Югославию, откуда он направлялся в Албанию. В ответ на телеграмму главы советского военного ведомства в адрес Н. С. Хрущева о недостаточных по объёму публикациях в советской прессе по сравнению с югославской, подробно сообщавшей о визите советской военной делегации в ФНРЮ⁷⁵, маршалу от имени ЦК КПСС была разъяснена позиция Кремля: «Мы учитывали, что в настоящее время за границей находятся две советских делегации: делегация Верховного Совета СССР в Китайской Народной Республике и военная делегация – в Югославии. При решении вопросов, связанных с порядком опубликования в советской печати материалов об этих двух делегациях, мы исходили из того, что нецелесообразно выдвигать на первый план материалы, связанные с пребыванием советской военной делегации в Югославии. Это могло бы быть превратно истолковано мировой общественностью, а с другой стороны, может быть неправильно воспринято в Китайской Народной Республике. Мы хотели бы, чтобы вы правильно поняли эти наши сообщения»⁷⁶. Точка зрения представителя военной части советского руководства по вопросу о значимости Югославии для Москвы отличалась функциональностью подходов к теме сотрудничества с Белградом в военно-технической области. В этой связи Жуков, отвечая на телеграмму «инстанции», писал: «Я отлично понимаю значение Китая и не думаю его теперешнюю роль сравнивать с Югославией. Но если мы хотим полностью привлечь на свою сторону югославский народ, Союз коммунистов, которые искренне стремятся к настоящей дружбе с нами, нам надо уделять больше внимания и уважения югославам, без ущерба для их самолюбия»⁷⁷. Имея в виду важность восточноевропейского сектора для оборонной политики ОВД, советский военный министр обращал особое внимание на боеспособность югославских вооружённых сил и приходил к выводу об их серьёзном потенциале и недооценке со стороны советского военного командования⁷⁸.

Со своей стороны, югославское партийно-государственное и военное руководство демонстрировало высокую заинтересованность в переориентации в области военно-технического сотрудничества с американского на советское направление. Этот во многом политически мотивированный шаг был призван усилить позиции Белграда на международной арене и на Бал-

⁷⁵ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС об освещении его визита в Югославию советской печатью. 12 октября 1957 г. // Россия XX в. Документы. С. 171.

⁷⁶ Постановление Президиума ЦК КПСС «Телеграмма т. Жукова из Белграда от 12 октября 1957 г. № 857» // Там же. С. 172.

⁷⁷ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС об отношении к Югославии. 16 октября 1957 г. // Там же. С. 172.

⁷⁸ «Югославская армия является лучшей армией из всех социалистических стран Восточной Европы и только уступает в моторизации и механизации Чехословацкой армии. Очень хорошее впечатление производит личный состав вооружённых сил, боевая подготовка которого стоит высоко, особенно хорошее впечатление производят генералы, офицеры и сержантский состав. Весьма хорошо продумана организация обучения молодых солдат, различных специалистов и офицеров через учебные центры армии, а также система допризывной подготовки и подготовки кадров запаса для обеспечения мобилизационного развертывания и комплектования войск в случае развертывания боевых действий. Военным обучением в мирное время по существу охвачено все мужское население, которое должно быть способно в любое время встать под ружье, а в сочетании с природными (горными) условиями местности Югославия представляет из себя очень серьёзную военную мощь, способную к длительной войне даже против значительно превосходящих сил противника. В этом отношении оценки нашего Генерального штаба являются далеко неправильными и заниженными. Но в обороноспособности Югославии имеются и очень серьёзные слабости. Это, прежде всего, относится к противовоздушной обороне страны и войсковой ПВО, которые серьёзно неспособны преградить путь воздушному противнику. Слабы бронетанковые войска своей техникой, которые имеют на вооружении танки США и Англии, хотя некоторые образцы из них и имеют стабилизационное устройство в вертикальной плоскости. В ВВС заслуживает лишь внимания самолет типа «Сейбер», имеющий на вооружении реактивное оружие». – Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о ходе визита и переговорах с руководителями Югославии. 16 октября 1957 г. // Там же. С. 174.

канском полуострове, так как позволил бы вести себя более независимо в отношении Вашингтона и его союзников, демонстрируя поддержку со стороны Варшавского пакта. Одновременно И. Броз Тито стремился достичь определенных положительных результатов в деле налаживания отношений со странами «третьего мира» и в формирувавшемся Движении неприсоединения, где были сильны просоветские настроения. Именно поэтому заявления министра обороны ФНРЮ И. Гошняка, сделанные им в присутствии начальника Генерального штаба ЮНА Л. Вучковича в разговоре с Г. К. Жуковым, о готовности прекратить военно-техническое сотрудничество с США, переориентироваться на СССР и даже предоставить образцы военной техники, полученной от США⁷⁹, были достаточно серьезно восприняты советской стороной, стремившейся усилить советское присутствие на Балканах и Средиземном море. В случае реализации этого сценария СССР мог расширить своё влияние в регионе и укрепить оборонные возможности возглавлявшегося им блока. В то же время, имея в виду отсутствие «постоянства» в политике югославского руководства во взаимоотношениях с советской стороной, Москва имела основания усомниться в долговременности подобного сотрудничества.

⁷⁹ Телеграмма Г. Жукова в ЦК КПСС о переговорах с руководителями Югославии, 17 октября 1957 г.//Там же. С. 176. Подробнее о поставках вооружений Западных государств в Югославию см.: *Dimitrijevic B. The mutual defense aid program in Tito's Yugoslavia, 1951-1958, and its technical impact// The Journal of Slavic Military Studies. 1997. № 2(10).*

§2. Несостоявшийся «региональный детант» середины 50-х гг.

Одним из серьезных аспектов региональной военно-политической ситуации, влиявших на оборонную политику Балканских государств, включая членов Варшавского пакта, было размещение ядерного оружия на полуострове. К осени 1957 г. эта проблема приобрела особое значение для стран, территория которых могла стать потенциальным местом базирования соответствующих типов подобных боеприпасов. По каналам болгарского МИДа в начале октября 1957 г. до партийно-государственного руководства Болгарии была доведена информация, пересказывавшая публикацию журналиста И. Димитракопулоса, специализировавшегося на международной и военной тематике⁸⁰, в греческой газете «Катимерини». В ней, во-первых, сообщалось о решении греческого правительства разместить в Греции американское ядерное оружие и, во-вторых, об имевшихся в распоряжении натовских служб сведениях относительно намерений СССР сделать аналогичный шаг по отношению к Болгарии⁸¹. Ссылка в шифротелеграмме болгарского посольства на материал Димитракопулоса была примечательной по многим причинам. Во-первых, София информировалась о принципе паритета, избранного НАТО, в соответствии с которым размещение ядерного оружия в Греции объяснялось аналогичным планом СССР в Болгарии. Во-вторых, внимание болгарского руководства обращалось на сам факт оценки Североатлантическим альянсом роли Болгарии в Варшавском договоре. Это могло повлиять на решение Софии быть более осторожной в проведении своей союзнической политики в Восточном пакте с учётом стремления Болгарии усилить свои позиции в отношениях с соседними странами, включая Грецию и Турцию.

Тем временем параллельно с планами расширения советского присутствия в балкано-средиземноморском регионе, Москва предпринимала попытки ослабить Североатлантический союз на центрально-европейском направлении с помощью своих восточноевропейских сателлитов. 2 октября 1957 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН польский министр иностранных дел А. Рапацкий озвучил инициативу Варшавы о создании безъядерной зоны в Центральной Европе с включением в неё территорий Польши, Чехословакии, ГДР и ФРГ. Этот проект, вошедший в историю как «План Рапацкого», достаточно серьезно обсуждался в дипломатических кругах на Западе⁸². В то же время реакция на него руководства США была отрицательной, и он как откровенно советская идея, реализуемая одним из сателлитов Москвы в её интересах, был отвергнут. Вскоре американские аналитики начали подозревать, что, во-первых, Варшава имеет определенную самостоятельность внутри Восточного блока, и, во-вторых, обращение к этому предложению могло способствовать внесению раскола в ряды Варшавского Договора, так как обеспечило бы восточноевропейским союзникам СССР юридическое основание для вывода советских войск из стран региона. В конечном счёте, Вашингтон 12 января 1958 г. отверг предложение о зоне, свободной от ядерного оружия, как не решающее в принципе проблему понижения уровня опасности. 14 февраля 1958 г. правительство Польши

⁸⁰ В своих публикациях И. Димитракопулос придерживался резко антиамериканских взглядов, что демонстрировалось им неоднократно на страницах «Катимерини». Показательным в этом отношении было интервью с американским послом в Греции осенью 1957 г., опубликование которого имело последствия для общественных настроений в стране: *Stephanides G., Stefanidis I. Stirring the Greek Nation: Political Culture, Irredentism and Anti-Americanism in Post-War Greece, 1945-1967*. London, 2007. P. 209-210.

⁸¹ Посольство на НРБ Болгария в Гърция за Министерството на външните работи. 8.10.1957. Входяща шифротелеграма № 2762// НАТО на Балканите.

⁸² Подробнее об этом в: *Ozinga J. The Rapacki Plan: the 1957 Proposal to Denuclearize Central Europe, and an Analysis of Its Rejection*. New York, 1989; *Marusza Z. Denuclearization in Central Europe? The Rapacki Plan during the Cold War*// *Öt Kontinens, Eötvös Loránd Tudományegyetem*. Budapest, 2008.

направило специальные послания в адрес ряда стран НАТО, а также руководству СССР и союзников по Варшавскому блоку с новой версией плана. В свою очередь, и Москва продолжала настаивать на принятии этого предложения, и 19 февраля было сделано заявление советского руководства в его поддержку. Несмотря на многочисленные уточнения и редактирование «плана Рапацкого», предпринятые советской стороной совместно с её союзниками из числа государств Восточного блока, он был, в конечном счете, отвергнут Западом как не отвечающий оборонным интересам членам Североатлантического союза. Инициатива А. Рапацкого, несмотря на полную согласованность плана Варшавы с курсом Кремля, преследовала цель вывести Польшу из круга государств Центральной Европы, которые могли более всего пострадать в случае военного конфликта между СССР (Варшавским пактом) и НАТО⁸³.

Определение боеспособности стран-участниц Варшавского пакта (помимо СССР) в феврале 1959 г. проводилось американской разведкой с учётом возможного военного конфликта на европейском ТВД, где, по мнению авторов доклада «Специальные разведывательные оценки», в период 1959-60 гг. в случае возникновения конфликта Москва будет использовать прежде всего, как наиболее подготовленные, болгарские сухопутные части в количестве 9 дивизий в наступательных операциях в юго-восточной Европе и против Австрии, и 6 чехословацких дивизий при наступлении против Австрии и Западной Германии⁸⁴.

Очередное охлаждение советско-югославских отношений рассматривалось руководством коммунистического режима Албании как благоприятный момент, когда существовал шанс представить Югославию как союзника США и НАТО, что было выгодно Тиране с точки зрения её собственных интересов⁸⁵. В определенной степени расчёт албанского руководства оправдался, когда после обвинения СКЮ в ревизионизме восточноевропейскими союзниками СССР руководство ФНРЮ выступило летом-осенью 1958 г. с рядом жёстких демаршей в отношении своих критиков. Очевидной становилась и позиция Кремля в складывавшейся ситуации – он также переходил вновь к враждебной в отношении официального Белграда риторике. Во многом как ответ на оказываемое давление, на VII съезде СКЮ, проходившем 22-26 апреля 1958 г. в Любляне, югославское партийно-государственное руководство сделало ряд заявлений о верности Югославии Балканскому пакту. Одновременно югославская сторона подчеркивала, что в отсутствие прямой угрозы как этот альянс, так и военная помощь со стороны Запада не используются официальным Белградом. Для руководства соседней Албании наступил момент, когда оно могло возобновить с прежней силой антиюгославскую кампанию.

⁸³ Повторное выдвижение «плана Рапацкого» достаточно активно обсуждалось на заседании Палаты общин британского парламента представителем лейбористской партии У. Орби, а также А. Биваном, с одной стороны, и, с другой, У. Д. Ормсби-Гором – Государственным министром по иностранным делам в правительстве консерваторов Г. Макмиллана. Орби настаивал на необходимости консультаций с польской стороной, а Ормсби-Гор – на необходимости согласовывать действия Лондона с его союзниками. Такой подход вызвал возражения Бивана, напомнившего об одностороннем отказе США от первого варианта «плана Рапацкого» без консультаций с союзниками, в частности, Великобританией. Фактически польская инициатива способствовала усилению противостояния лейбористов и консерваторов, действуя, таким образом, на политические силы в странах Западного блока. Подробнее дебаты см.: Hansard. House of Commons. Debates. 26 November 1958. Vol. 596. P. 354–356. Биван был одним, если не единственным, из британских политиков такого уровня, который находился в достаточно доверительных отношениях с Н. С. Хрущевым. В 1957 г., являясь ведущим деятелем Лейбористской партии и левого движения, он неожиданно выступил против отказа Британии от ядерного оружия. Его необъяснимый на первый взгляд демарш расценивался коллегами по партии как предательство. Однако лишь спустя много лет стало известно от его парламентского секретаря Д. Брюса, что такой шаг был обусловлен консультациями с Москвой, где он провёл встречу с Хрущевым. Советский руководитель сообщил ему о желательности выдвижения подобной инициативы со стороны Британии с целью усиления её позиций во взаимоотношениях с США по вопросам международной политики. См.: *Routledge P. Nye Bevan's sensational secret// New Statesman*, 30.5.2005.

⁸⁴ Special Intelligence Estimate. SIE 1*59. 1.2.1959. GB 19-1002. Number 1-59. Soviet/ Satellite Military Courses of Action in Europe Through 1960. Headquarters United States Army, Europe. Office of A/C of S, G-2. P. 5. – <http://se2.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=12&fileid=50F72889-0500-91C0-F051-A290DIDECBE4&lng=en>.

⁸⁵ Об эволюции внешней политики Тираны в начальный период холодной войны см.: *Diplomacia shqiptare në fillimet e «Luftës së ftohtë»*: 1945–1961: nga Konferenca e Jaltës tek «bashkegzistenca paqësore». Tiranë, 2003.

К лету 1958 г. она приобрела жёсткую и персонифицированную форму. Свидетельством этого стала публикация в весьма символический для СССР день – 22 июня – в партийном органе «Зери и популлит» статьи «С современным ревизионизмом необходимо сражаться безжалостно до полного его теоретического и политического уничтожения». В ней лично И. Броз Тито и руководимый им СКЮ обвинялись в попытках подрыва АПТ, оккупации Албании и превращения её в провинцию Югославии. Одновременно в статье заявлялось о том, что «югославские ревизионисты хотят сейчас учить народно-демократические страны тому, как строить свои отношения с СССР»⁸⁶. Албано-югославский конфликт достаточно болезненно воспринимался советской стороной, а советское посольство ещё весной 1957 г. обращалось с предложением в ЦК КПСС, чтобы «в беседах на высоком уровне предостеречь албанских руководителей от дальнейшего усиления полемики с югославами и посоветовать им соблюдать известную выдержку в данном вопросе»⁸⁷. Параллельно с очередным обострением албано-югославских отношений продолжали сохраняться противоречия между Тираной и Афинами.

Для советской стороны значимость Средиземноморья во второй половине 50-х гг. неуклонно повышалась. Выступив в поддержку «Плана Рапацкого», Москва продолжил наращивать своё военно-морское присутствие в регионе. Осенью 1957 г. новый командующий ЧФ адмирал

В. А. Касатонов обратился с письменным предложением к начальнику Главного штаба ВМФ адмиралу В. А. Фокину с конкретным планом. В соответствии с ним предполагалось базирование 10-12 советских подводных лодок (с последующей передачей части из них албанской стороне) в бухте Паша-Лиман Влёрского залива. Помимо этого предусматривалось обеспечить вооруженные силы Албании четырьмя дивизионами противокорабельных ракет «Стрела»; разместить в целях обеспечения прикрытия базы дивизион противолодочных кораблей, противолодочные вертолеты и средства ПВО. Более того, предлагалось дислоцировать в Албании полк бомбардировщиков «Ту-16». С конца лета 1958 г., когда в Паши-Лиман прибыла группа кораблей и подводных лодок Балтийского и Черноморского флотов, началось создание 40-й отдельной базы подводных лодок, оперативное командование которыми осуществлялось командующим Черноморским флотом⁸⁸. Военно-морская база во Влёре рассматривалась советским руководством как создающая реальную угрозу Средиземноморскому флоту США и силам НАТО в регионе, а также как гарантия свободы прохода советских ВМФ через Босфор в критический момент потенциального конфликта с Западом. К Средиземноморью было привлечено внимание и ведущей силы НАТО – США, рассматривавших сложившееся к 1958 г. на Ближнем Востоке положение как результат активного советского проникновения. В этой связи обращалось внимание на усиление оборонных мероприятий Москвы в регионе Кавказа и проведение там манёвров в непосредственной близости от границ Турции⁸⁹. В этой связи уже в начале 1958 г. аналитики высказывали предположения о возможном размещении в Албании советских ракет⁹⁰.

⁸⁶ В отделе анализа Радиостанции «Свободная Европа» на эту публикацию обратили особое внимание, так как она служила показателем нового обострения албано-югославских отношений, а также косвенно затрагивала складывающуюся ситуацию в Восточном блоке. *Stankovic. Zeri I Popullit Accuses Tito of Imperialistic Attitude toward Albania*. 23. 6.1958. News & Information Service. Research & Evaluation. General Desk. – No. 304. New Background. P. 3. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/l-3-44.pdf>.

⁸⁷ Док. № 25. Записка заместителя заведующего отделом ЦК КПСС И. Т. Виноградова в ЦК КПСС по поводу обострения государственных отношений между Албанией и Югославией. 9 марта 1957 г.// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 125.

⁸⁸ Советский флот в войнах и конфликтах «холодной войны». – Персональная страница Александра Розина, <http://alerozin.narod.ru/mediter.htm>. См. также: *Негаицев В.* О становлении албанского подводного флота и о начале освоения советскими подводниками глубин Средиземного моря//Подводник России. 2003, № 3.

⁸⁹ Periodic Intelligence Report 3-58 (U). Headquarters United States Army, Europe. Office Of The Assistant Chief Of Staff, G2. 1.10.1958. P. 5. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/ colltopic.cfm?lng=en&id=18464&navinfo= 14968>

⁹⁰ The Soviet Presence in Albania Economic aid – and Rocket Bases Too? 27.1.1958. Reference News and Information-

Со своей стороны, руководство НРА рассматривало происходящее как «усиление враждебного окружения» Албании, а советскими союзниками подобная ситуация оценивалась с учётом общего положения в Балканском регионе. Поэтому Москва стремилась добиться от Тираны снижения уровня конфликтности с соседними странами. 9 декабря 1958 г. посольство СССР в НРА в отчёте о проделанной работе сообщало о том, что «посольство постоянно держит в поле зрения вопросы, связанные с отношениями между Грецией и Албанией. На протяжении последних лет, – говорилось в документе, – мы неоднократно освещали этот вопрос и внесли предложения, реализация которых способствовала бы нормализации отношений между данными странами... По поручению центра мы информировали друзей о некоторых вопросах внутривосточного положения Греции, содержащихся в присланных из МИД СССР несекретных документах, что помогло друзьям лучше ориентироваться при решении вопросов об улучшении отношений со своим южным соседом»⁹¹.

Коллективный и скоординированный характер действий союзников по Варшавскому блоку рассматривался его руководством, в котором доминировали советские представители, одним из важных условий развития этого пакта. Проведение 27 октября – 5 ноября 1958 г. специального совещания плановых органов и представителей оборонных ведомств членов ОВД по вопросам «увязки мобилизационных планов» было призвано усилить степень взаимодействия союзников как в военном, так и экономическом отношениях⁹². Активность стран-участниц Варшавского пакта осенью 1958 г. достаточно серьезно воспринималась противостоявшим Западным блоком в лице НАТО. Оценивая происходящее в балканском секторе коммунистического лагеря, авторы отчёта о деятельности разведки Штаба армии США в Европе отмечали стремление советского руководства добиться повышения оперативных возможностей вооруженных сил СССР, а также союзных вооруженных сил в рамках ОВД⁹³. Их внимание привлекал вывод пяти советских дивизий из Румынии, осуществленный в 2-х месячный период (с 15 июня по 15 августа) в 1958 г. и имевший значение как в политическом, так и военном отношении для складывавшейся в Варшавском пакте ситуации. Произошедшее являлось свидетельством стремления Москвы «оптимизировать» свои оборонные возможности⁹⁴. В свою очередь, аналитики американской военной разведки не только отметили этот факт, но и политическую мотивированность проводимых кадровых сокращений в румынских вооруженных силах. Они обращали внимание на недостаточную подготовленность хотя и многочисленных, но пока слабо обученных частей болгарской армии. В аналитическом материале особо отмечалось сокращающееся число советских советников в албанских вооруженных силах⁹⁵. В то же время в соответствии с имевшимися в распоряжении американской разведки данными, во многом отвечавшими действительности, балканская часть Варшавского пакта, несмотря на существовавшую неравномерность распределения военной силы, представляла вместе с центрально-европейской группой, куда входили Восточная Германия, Польша, Чехословакия и Венгрия, важный элемент оборонной системы Восточного блока.

Таблица 2

Evaluation and Research Section. Background Report. General Desk. N 50. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/55-2-246.pdf>

⁹¹ Док. № 55. Записка посольства СССР в НРА «Состояние и перспективы нормализации албано-греческих отношений. 9 декабря 1958 г.»// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 211.

⁹² Письмо от Н. Хрущев до Т. Живков относительно предложение за свързване мобилизационните планове на страните от ОВД. Москва, 27.2.1959// България във Варшавския Договор.

⁹³ Periodic Intelligence Report 3-58 (U). Headquarters United States Army, Europe. Office Of The Assistant Chief Of Staff, G2. 1.10.1958. P. 9. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18464&navinfo=14968>

⁹⁴ Подробнее о дислокации советского воинского контингента в Румынии см.: *Oprîş P.* 1958. Plecarea armatei sovietice din România – între mit şi realitate// Anuarul Muzeului Marinei Române. 2002. Constanţa, 2003. T. V.

⁹⁵ Periodic Intelligence Report 3-58 (U). P. 7, 8.

Организационно-численный состав вооруженных сил балканских членов ОВД (без ВМФ) (октябрь 1958 г.)⁹⁶

СТРАНА	Кол-во укомплектованных дивизий	Сухопутные силы (кол-во военнослужащих)	Военно-воздушные силы (кол-во военнослужащих)	Формирования сил безопасности (кол-во военнослужащих)	Общее кол-во военнослужащих
Албания	5 бригад	30 тыс.	1 тыс. 500	10 тыс.	41 тыс. 500
Болгария	9	110 тыс.	16 тыс.	30 тыс.	156 тыс.
Румыния	14	215 тыс.	13 тыс. 500	78 тыс.	306 тыс. 500

Примечательным становилось в 1958 г. усиление румынских вооруженных сил и сокращение болгарских ВС, которые проходили в этот период процесс реформирования. Серьезные изменения происходили с 1959 г. в оборонной политике и организации вооруженных сил Югославии. В соответствии с директивой Генерального штаба ЮНА от 5 августа 1959 г. началась реорганизация сил и средств югославских ВС по плану «Дрвар». Целью предпринимаемых мер было создание войсковых подразделений, готовых вести боевые действия в условиях применения ядерного оружия. В основу реорганизации был положен разработанный и принятый в 1957 г. армией США принцип так называемой «пятичленки», т. е. состоящей из пяти подразделений дивизии («Pentomic Division»)⁹⁷, способной самостоятельно вести боевые действия. Однако особенность югославских бронетанковых дивизий заключалась в том, что они состояли из трёх полков. В соответствии с этим принципом дивизия состояла из пяти полков, полк из пяти рот, а батальонное звено ликвидировалось и таким образом повышалась их огневая мощь. Параллельно сокращалась пехотная часть таких подразделений. Армейские области вновь переименовывались в армии, а их бронетанковые силы дислоцировались в соответствии с новой схемой: в составе Первой армии (342 танка) они прикрывали Белград с востока по линии Смедрево-Крагуевац Кралево, в составе Третьей армии (219 танков) танковые подразделения располагались по линии Ниш – Приштина Скопье, в составе Четвертой армии (91 танк) они дислоцировались по линии Чаплина – Бенковац – Титоград, в составе Пятой армии (369 танков) танковые силы распределялись по основным направлениям Ястребарско – Петринья – Сисак – Карло-вац – Загреб – Марибор, и, наконец, в составе Седьмой армии (253 танка) основная дислокация танковых частей была вблизи населённых пунктов по линии Сараево – Осиек – Баня-Лука – Приедор – Модрича⁹⁸.

Для Софии вопрос развития военной промышленности становился одним из главных как в хозяйственно-экономическом, так и политическом отношениях, что было обусловлено возможностями мощностей оборонных заводов, способных производить оружие в больших, чем предусматривалось в рамках Варшавского пакта, масштабах. Данный факт рассматривался в руководстве Болгарии и её высших военных кругах с точки зрения расширения торговли оружием в стратегически важных для коммунистического блока регионах Ближнего и Среднего Востока⁹⁹.

Таблица 3

Советское вооружение и техника, поставленные к концу 1961 г.

⁹⁶ Составлено по: Periodic Intelligence Report 3-58 (U). Headquarters United States Army, Europe. Office Of The Assistant Chief Of Staff, G2. 1.10.1958. P. 9. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18464&navinfo=14968>

⁹⁷ См.: House J. Toward Combined Arms Warfare: A Survey of 20th-Century Tactics, Doctrine, and Organization, United States Army Combat Studies Institute. US Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas, 1984.

⁹⁸ Подробнее в: Dimitrijevic B. Modernizacija i intervencija jugoslovenske oklopne jedinice, 1945-2006. Beograd, 2010.

⁹⁹ Доклад от ген. Ц. Монов относительно предложение до СССР за износ на българска военна продукция, 18.5.1959 г.// България във Варшавския Договор.

Балканским странам-членам Варшавского блока¹⁰⁰

СТРАНА	ВИД ВООРУЖЕНИЙ И ТЕХНИКИ								
	Танки и самоходные орудия	Артиллерийские установки	БМП	Эскадренные миноносцы	Подводные лодки	Патрульные суда	Миноносцы	Боевые самолеты	Ракетные комплексы земля-воздух
Албания	300	700	0	0	4	14	11	70	2
Болгария	1 тыс. 500	3 тыс. 500	0	3	5	24	19	285	6
Румыния	1 тыс. 400	2 тыс. 600	300	0	0	11	22	300	5

Развитие военной промышленности государств-членов ОВД, включая балканских участников блока, давало в начале 1960 г. основания американской разведке делать вывод о том, что «оборонная продукция блока будет оставаться недостаточной для потребностей военного времени, но тем не менее будет более чем достаточной [в случае необходимости] обеспечить нападение, которое может быть предпринято против сил НАТО в Европе»¹⁰¹.

Таблица 4

СПРАВКА

«Об объемах взаимных поставок военной техники между странами-участниками Варшавского Договора в 1961-1965 гг. (исключается Советский Союз) (в млн руб. в ценах 1961 г.)»¹⁰²

СТРАНА	ЭКСПОРТ	ИМПОРТ
НРБ	18,2	50,1
ВНР	39,5	48,4
ГДР	62,8	нет сведений
ПНР	142,9	32,8
РНР	13,3	7,0
ЧССР	18,9	14,1

Проблема укрепления региональной обороны Варшавского пакта применительно к Балканскому полуострову рассматривалась в Москве как один из важнейших вопросов всей оборонной политики блока. В этой связи повышалась значимость тех из членов ОВД, которые имели непосредственный выход в Средиземноморье. Одновременно этот же аспект воспринимался соответствующим образом теми из балканских членов Организации Варшавского Договора, кто усиливал свою самостоятельность в рамках этого альянса. Визит Н. С. Хрущева в конце мая – начале июня 1959 г. в Тирану рассматривался как иницирующий фактор, повлиявший на выдвижение второй румынской инициативы от 10 июня 1959 г. Именно во время пребывания главы СССР в Албании им были сделаны достаточно жёсткие заявления в адрес Афин и Анкары, давших согласие на размещение ракетного ядерного оружия США на греческой¹⁰³ и турецкой территориях. Суть его позиции сводилась к тому, что в ответ на действия Вашингтона Москва готова разместить ядерное оружие в Албании¹⁰⁴. Таким образом, члены

¹⁰⁰ Составлено по: Special National Intelligence Estimate. Number 11-7-62. Probable Trends In Soviet Military Assistance. SNIE 11-7-62. 24.1.1962. P. 7. – [www.faq.org/cia/docs/90/0000272905/PROBABLE-TRENDS-IN-SOVIET-MILITARY-ASSISTANCE-\(SNIE-11-7-62\).html](http://www.faq.org/cia/docs/90/0000272905/PROBABLE-TRENDS-IN-SOVIET-MILITARY-ASSISTANCE-(SNIE-11-7-62).html)

¹⁰¹ USAREUR/CENTAG Intelligence Estimate. 1960. Headquarters USAREUR CENTAG, Office of A/C of S, G2. 1.1.1960. P. 10. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18452&navinfo=14968>

¹⁰² Источник: Information on Weapons Supplies and Payment in the Warsaw Pact. March 1961 <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?id=16695&navinfo=16161C.6>. Документ из: Российский Государственный Архив Экономики Ф. 4372. Оп. 79. Д. 792. Л. 1-3.

¹⁰³ Ядерное оружие было размещено в Греции и Турции в 1962 г.

¹⁰⁴ Тирана была осведомлена о секретном договоре между Вашингтоном и Афинами относительно согласия последних на размещение ядерного оружия в Греции и считала это «путём к Третьей мировой войне». Албанский историк Б. Мета, специализирующийся в области новой и новейшей истории по вопросам греко-албанских отношений, в одном из интервью

советской делегации – Н. Хрущёв, министр обороны Р. Я. Малиновский, замминистра иностранных дел Н. П. Фирюбин – фактически продемонстрировали перед албанской стороной и, в частности, лично Э. Ходжей, заинтересованность не только в укреплении советского военно-морского присутствия в Средиземноморье, но и размещении в регионе советского ракетного оружия, ссылаясь при этом на общие интересы стран-участниц Варшавского пакта.

В свою очередь, руководство Югославии позитивно восприняло заявление Хрущева, а официальные югославские лица сообщили советской стороне, что «югославское правительство протестовало против создания американских ракетных установок на территории Италии и что оно относится крайне отрицательно к созданию атомных и ракетных баз на территории Греции»¹⁰⁵. Одновременно Белград поддержал планы Бухареста относительно созыва общепалканской конференции и выступил за приглашение Италии на неё¹⁰⁶.

Реакция албанской стороны на румынскую инициативу создания безъядерной зоны была положительной, однако Тирана старалась выяснить точку зрения на этот план у советских союзников. Именно поэтому министр иностранных дел НРА Б. Штюла рассматривал возможность выступления с предложением о включении в повестку дня XIV сессии ООН одного из двух вариантов после того, как «тов. А. А. Громыко посоветуется с другими социалистическими странами». Первый из них предусматривал создание безъядерной зоны «безотносительно отдельных районов», а второй – по конкретным районам в «центральной Европе; на Балканах; на севере Европы – Швеции, Норвегии и других; в зоне стран Дальнего Востока»¹⁰⁷.

Активизация противостоявших военно-политических блоков – НАТО и Варшавского пакта, а также их главных участников – США и СССР в балкано-средиземноморском секторе во второй половине 50-х гг. XX в. приобрела конкретные формы, так как касалась попыток каждой из сторон максимально усилить своё присутствие здесь. Помимо расширения деятельности военно-морских флотов, рассматривалась возможность размещения на территории стран, максимально приближенных к «основному противнику», т. е. СССР и США, ракетного оружия. Летом 1959 г. советский руководитель Н. С. Хрущёв заявил вице-президенту США Р. Никсону о том, что в виду решения Вашингтона разместить ракеты на американских базах в Греции, Италии и Турции, Москва может предпринять ответные шаги, разместив своё ракетное оружие в Албании и Болгарии¹⁰⁸.

Степень вовлеченности конкретных стран-членов ОВД в советские планы укрепления блока определялась характером их взаимоотношений с СССР. Поэтому особо тесные болгаро-советские связи обусловили и соответствующее поведение Болгарии на международной

сослался (без указания источника) на то, что Москва вскоре дезавуировала сделанные ею ранее заявления о возможности размещения ракетного ядерного оружия в Албании, несмотря на просьбу Э. Ходжи выполнить своё обещание, и рекомендовала Тиране наладить отношения с Афинами. См.: «Lufta e ftohtë» Shqipëri-Greqi, kur Athina pranoi bombën bërthamore. Historiani Beqir Meta gëfën për traktatet dhe marrëveshjet e fshehta ballkanike dhe kërcënimin e Shqipërisë se do të kundërpërgjigjej me bomba atomike. Deklarata e Hrushovit në Tiranë dhe tradhëtia e tij në Moskë// Сайт «Peqini». 5.6.2007 – <http://www.peqini.com/histori-f22/lufta-e-ftoht-shqipri-greqi-t82.htm>. Подробнее об албано-греческих отношениях см.: Meta B. Raportet midis Greqisë dhe Shqipërisë në vitet 1950–1953//Studime Historike. 2002. N 3/4; Meta B. Shqipëria Dhe Greqia: 1949–1990. Paqja E Veshtire. Tiranë, 2004.

¹⁰⁵ Док. № 59. Запись беседы первого секретаря посольства СССР в НРА А. М. Зубова с советником югославской миссии в НРА М. Вуйовича о реакции Югославии на визит Н. С. Хрущева в Албанию, на создание американских атомных установок в Греции. 9 июня 1959 г.// КПСС и формирование советской политики. С. 232.

¹⁰⁶ Там же. С. 233.

¹⁰⁷ Док. № 61. Запись беседы посла СССР в НРА В. И. Иванова с министром иностранных дел НРА Б. Штюла о создании безъядерной зоны на Балканах, взаимоотношениях Югославии и Греции. 18 июня 1959 г.// КПСС и формирование советской политики. С. 235.

¹⁰⁸ Bernstein B. Reconsidering the Missile Crisis: Dealing with the Problem of the American Jupiters in Turkey// The Cuban missile crisis revisited. Ed. by Nathan J. New York, 1992. P. 89. Использование и обслуживание ракетного ядерного оружия в Турции регулировалось двусторонним договором между Вашингтоном и Анкарой. В соответствии с ним ракеты являлись собственностью Турции, а ядерные боеголовки – США. Использование этого оружия было возможно только по приказу Высшего союзного командования НАТО в Европе, главой которого являлся американец, но при одобрении двух сторон – Турции и США. При этом обслуживание ракетного оружия производилось турецкими и американскими военнослужащими.

арене. Попытка Софии предпринять в сентябре 1959 г. аналогичные румынской инициативе шаги, но с учётом неудачных для Бухареста результатов, закончились выдвижением балканского регионального плана разоружения без ссылок на Центральную Европу или существующее межблоковое противостояние. Однако этот сценарий подвергся критике со стороны Тираны, считавшей, что в результате реализации исключительно регионального подхода к проблеме сокращения вооружений и разоружения, она может потерять поддержку Восточного блока в постоянно будируемом ею конфликте с Белградом и Афинами. Именно из-за всё более проявляющихся различий в позициях членов советского блока из числа Балканских государств и становившихся очевидными для западных политических наблюдателей разногласий между ними, среди специалистов, занимающихся анализом складывающейся в регионе ситуации, начинала доминировать (и небезосновательно) уверенность в том, что «если балканское мирное наступление и имеет шанс на успех, то оно должно быть скоординированным и совместным. На протяжении последних двух месяцев оно, в большинстве случаев, не было ни скоординированным, ни совместным»¹⁰⁹.

Тем временем ситуация, складывавшаяся в Багдадском пакте весной-летом 1959 г., свидетельствовала о серьезном кризисе, связанном с выходом из этого блока 24 марта Ирака, новое революционное правительство которого заняло антизападную позицию. Имея в виду значимость с военной точки зрения этого военно-политического союза для Восточного блока в целом и его балканских членов в частности, вопрос о дальнейшей судьбе Багдадского пакта рассматривался в Организации Варшавского договора как один из важных и влияющих на его оборонную политику, включая особые интересы СССР на Среднем и Ближнем Востоке, а также в Средиземноморье.

Для Болгарии, граничившей с Турцией – членом НАТО, относящимся к «болгарской зоне оперативной» ответственности в Балканском секторе, пути трансформации Багдадского пакта представляли также стратегический интерес. В начале июля 1959 г. болгарская разведка, основываясь на открытых данных, а также (судя по характеру изложения материала в составленной разведсводке) отрывочных сведениях и циркулировавшей в дипломатических кругах Анкары информации, делала вывод о превращении этого объединения в новую организацию – Анкарский пакт, членами которой могли остаться, как и прежде, Британия, Иран и Турция без формального участия в нём США, но при серьезной экономической помощи с их стороны¹¹⁰. Перенос штаб-квартиры блока из Багдада в столицу Турции осенью 1959 г. и активность турецкой стороны в деле усиления этого союза подтвердили отчасти справедливость сделанных выводов, но не полностью, так как в измененном названии пакта (Организация центрального договора – CENTO) роль Турции не подчеркивалась. Не менее значимым для Софии являлось греческое направление оборонного интереса, так как Болгария была ориентирована на него в системе распределения ответственности в рамках Варшавского блока. Встреча Генсека НАТО с министром иностранных дел Греции Э. Авероффом-Тосицей в Афинах 27 июня 1959 г. и обсуждение на этих переговорах роли Турции и Греции в средиземноморской и ближневосточной оборонной политике Североатлантического союза рассматривалась болгарской разведкой с позиций возможных действий двух стран в деле предотвращения проникновения Восточного блока в ближневосточный регион¹¹¹. Особое внимание в контексте как общих оборонных интересов Варшавского пакта, так и Болгарии, уделялось болгарской стороной факту возможного размещения ракет в Греции, что, по словам Генерального секретаря НАТО П.-А. Спаака, «необходимо было не только по военным соображениям, а якобы будет использовано и

¹⁰⁹ Brown. Balkan Satellites Differ on Area Disarmament. 1.12.1960. Background Report. "E" Distribution – 550. RFE Evaluation and Analysis Department. P. 6 – [http://www.osaarchivum.org/file/s/holdings/3 00/8/3/pdf/107-1 -93 .pdf](http://www.osaarchivum.org/file/s/holdings/3%2008/3/pdf/107-1-93.pdf)

¹¹⁰ Информация № 56. 1.7.1959 г. Л. 1 // НАТО на Балканите.

¹¹¹ Информация № 62. 9.7.1959 г. Л. 1 // Там же.

для оказания давления на СССР на переговорах (по разоружению – Ар. У.) в Женеве»¹¹². Конфиденциальная информация о переговорах Генсека НАТО и греческого министра иностранных дел представляла интерес для Софии и Москвы, так как затрагивала военно-политическую ситуацию на Балканах. В глазах Кремля первостепенную значимость имело само существование военных баз НАТО и США в регионе, а для болгарского партийно-государственного руководства – ещё и характер взаимоотношений с соседями по региону, где София пыталась усилить свои позиции. Именно поэтому любые сведения об отношении Югославии к плану размещения ракетного оружия в Греции интересовали болгарскую сторону. Однако полученная по каналам болгарской разведки информация не давала возможности сделать однозначного вывода о реакции Белграда по вопросу о базах в соседней Греции. С одной стороны, существовали данные о том, что югославская сторона отнесётся индифферентно к действиям НАТО (это утверждал Спаак на переговорах с Авероффом), а, с другой, были свидетельства (их привёл сам Аверофф в беседе с Генсеком НАТО со ссылкой на К. Поповича, главу югославского МИДа и ближайшего сподвижника И. Броз Тито) о негативной реакции руководства Югославии и «фатальных последствиях для греко-югославских отношений» факта размещения ракет¹¹³.

Географический фактор стратегического планирования являлся в контексте противостояния Западного и Восточного блоков одним из важнейших. В соответствии с оценками Военного комитета НАТО, сделанными в мае 1957 г., Западная Европа представляла собой «рубеж обороны (front line of defense) против распространения коммунизма», Южная Европа – барьер между СССР и Средиземноморьем, т. е. «бастион против распространения коммунизма на Среднем Востоке и в Северной Африке», а также являлась важным со стратегической точки зрения географическим пространством, позволяющим вести боевые действия против СССР в случае его нападения на Западный блок¹¹⁴. При этом южно-европейское пространство разделялось в концепции НАТО на три составных части: Италию, контролируемую Североатлантическим союзом часть Балкан и Азиатскую Турцию. Оборона «балканского сектора» предполагала размещение механизированных сил в северной Греции и в районе гряды Вермион-Олимп, а также в так называемом Монастирском проходе (Монастирской долине) к югу, во Фракии и на Анатолийском плато. Именно эти районы рассматривались в Военном комитете НАТО как наиболее опасные с точки зрения возможного наступления сил Восточного блока. Географические особенности Югославии и её стратегическое положение на полуострове оценивались с точки зрения важности обороны всего региона, а Албании – как важного члена

Варшавского договора, хотя и изолированного географически от большинства его участников, но имеющего выход в стратегически значимый район Средиземноморья¹¹⁵. В складывавшейся ситуации позиции Белграда на международной арене продолжали сохранять свою важность для Вашингтона. Военно-техническое сотрудничество Югославии и США накануне и после создания Балканского пакта, в 1950-1957 гг., позволило получить югославской стороне американскую помощь в размере 745 млн долларов США¹¹⁶. Примечательным фактом

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ North Atlantic Military Committee Comite Militaire De L'Atlantique Nord. 23 May 1957. Final Decision On MC 14/2 (Revised). A Report by the Military Committee on Overall Strategic Concept for the Defence of the North Atlantic Treaty Organization Area// NATO Strategy Documents 1949-1969. P. 296

¹¹⁵ Ibid. P. 302.

¹¹⁶ Baev J. US Intelligence Community Estimates on Yugoslavia (1948-1991)//National Security And The Future. 2000. V. 1, N 1. P. 98. См. также о военно-техническом сотрудничестве Югославии: *Dimitrijevic B.* The Mutual Defence Aid Program In Tito's Yugoslavia, 1951-1958, And Its Technical Impact// The Journal of Slavic Military Studies, 1997. V. 10, N 2; *Milosevic N.* Yugoslavia, USA and NATO in the 1950s // Western Balkans Security Observer. English Edition. 2007, № 5. На протяжении 1955-1957 гг. югославские ВВС получили 122 единицы «Сейбр» F-4 (F-4 Sabre) британских ВВС, которые перед этим были возвращены Военно-воздушным силам США. По своим тактико-техническим данным «Сейбр» F-4 были сопоставимы, а по

в данном контексте была характеристика, даваемая в секретных документах разведки США общественно-политической системе Югославии как «югославской коммунистической диктатуре»¹¹⁷. Несмотря на начавшуюся нормализацию отношений Белграда с Москвой, оценка американским военным ведомством роли и места Югославии в системе обороны Западного блока к осени 1958 г. не претерпела серьезных изменений. Об этом свидетельствовал доклад от 22 сентября, направленный Пентагоном в адрес Совета национальной безопасности, в котором заявлялось о том, что «наиболее сильные наши союзники в европейском регионе – наши союзники по НАТО. Вооруженные силы государств НАТО, а также Испании и Югославии являются внушительными по своему размеру»¹¹⁸.

Однако для определения значимости конкретных стран для существовавших военно-политических блоков были важны не только численность и оснащенность их вооруженных сил. Так, в частности, в конце 50-х – начале 60-х гг., буквально на заключительном этапе пребывания Д. Эйзенхауэра на посту президента США, был разработан план нанесения ядерного удара по Албании в критический момент противостояния между двумя блоками¹¹⁹. Это обуславливалось важностью находившихся на её территории радарных установок, позволявших силам ПВО ОВД получать важную информацию о ситуации в воздушном пространстве по широкому региональному периметру. Значение Албании для всей системы обороны ОВД являлось причиной пристального внимания к ней как со стороны СССР – главного союзника НРА, так и США – ведущей силы Североатлантического альянса. Достаточно точно политика советского блока в Балканском регионе оценивалась аналитиками «Радиостанции “Свобода/Свободная Европа”». Они отмечали в декабре 1960 г. особенности поведения Москвы в отношении стран полуострова в предыдущие годы: Греция и Турция рассматривались советской стороной как цели политики «мирного наступления», а Албания, Болгария и Румыния – как инструменты её реализации¹²⁰. В свою очередь, в советских государственных институтах власти, включая КГБ при СМ СССР, оценка происходящего в начале 1960 г. формулировалась в жёсткой и агрессивной тональности. Так, в частности, заявлялось о том, что «Основными направлениями, стратегическими задачами идеологических диверсий империализма являются: а) подрыв единства социалистических стран. Главная роль отводится возбуждению враждебности по отношению к Советскому Союзу в других социалистических странах путем провокаций, клеветы, активизации буржуазно-националистических, а также ревизионистских и догматических элементов; б) подрыв авторитета и влияния Советского Союза и других социалистических стран на международной арене; в) ослабление морально-политического состояния социалистических стран»¹²¹. Таким образом, поиск слабого звена в «противостоявшем лагере» становился основой тактики двух военно-политических блоков и их ведущих сил – США и СССР.

ряду характеристик и превосходили советский МиГ-15. – <http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?91549-Sabres-in-Yugoslav-Air-Force>

¹¹⁷ Yugoslavia's Policies and Prospects. NIE 31-57. 11/6/1957. P. 1. – http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub17NIE31-57.pdf

¹¹⁸ Baev J. US Intelligence Community Estimates on Yugoslavia. P. 98.

¹¹⁹ См. публикацию об этом: Kaplan F. No More Nikes?// Time, 10.10.2010. В современной албанской прессе обнародование этой информации вызвало особый интерес в контексте общей ситуации, складывавшейся в албано-советских отношениях в конце 50-х гг. – начале 60-х гг. XX в.: Prozhani A. Sulmi berthamor, plani amerikan per te shuar Shqiperine//Shekulli, 27.9.2011.

¹²⁰ Brown. Balkan Satellites Differ on Area Disarmament. 1.12.1960. Radio Free Europe research. R 1. Background Report. BOX-FOLDER-REPORT: 1-1-18. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/107-1-93.pdf>

¹²¹ Тезисы доклада Ф. Д. Бобкова на тему «Идеологическая диверсия империализма против СССР и деятельность органов КГБ по борьбе с ней». 1.1.1960 г. С. 1. 2//KGB in the Baltic States: Documents and Researches. – <http://www.kgbdocuments.eu/index.php?316151294>

§3. Ядерная стратегия: общие принципы и балканский аспект

На протяжении второй половины 50-х гг. XX в. концептуальные основы натовской оборонной доктрины базировались на двух тезисах: 1) необходимости размещения вооруженных сил блока на вероятных направлениях возможного удара со стороны Восточного блока и выполнения ими функций щита в условиях конвенционального (неядерного – Ар. У.) военного конфликта; 2) использовании стратегической бомбардировочной авиации США, играющей роль «меча» в деле обороны Западного блока. В Вашингтоне было принято соответствующее решение в форме секретного меморандума Совета национальной безопасности от 20 апреля 1961 г. (NSAM 40), которое усилило такой подход в стратегическом плане к предполагаемым действиям в условиях ограниченного ядерного удара или конвенционального массированного наступления. На состоявшейся в апреле 1962 г. в Афинах сессии министров обороны НАТО последовало уточнение избранной стратегии. На повестку дня американской стороной был внесён вопрос о возможном использовании ядерного оружия в целях сдерживания предполагаемого наступления армий Варшавского договора на силы НАТО¹²².

Особый смысл в этих условиях начинала приобретать эволюция военно-стратегических взглядов в высших советских военных кругах и высокая степень политизированности постепенно формулируемой новой военной доктрины Кремля. Концепция ракетно-ядерной войны, озвученная в октябре 1960 г. на заседании Штаба Объединенных Вооруженных Сил (ОВС) ОВД его начальником генералом армии А. Антоновым, была повторена командующим ОВС Варшавского пакта маршалом А. А. Гречко. Они оба поддерживали точку зрения на войну как на глобальный межблоковый конфликт с массированным неизбирательным использованием ядерного оружия¹²³. Более того, министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский фактически увязал этот подход с предоставлением, «в случае необходимости», восточноевропейским союзникам СССР ракетного ядерного оружия¹²⁴.

Развитие теоретических подходов к проблеме использования ядерного оружия с середины 50-х гг. XX в. было одинаково актуально для стратегических оборонных концепций как Западного, так и Восточного блока. Различная степень участия союзников в обсуждении этой проблемы в НАТО и ОВД и позиции участников двух блоков по вопросу использования ядерного оружия в конкретных условиях возможной межблоковой конфронтации свидетельствовали о высокой степени политизации проблемы, кажущейся, на первый взгляд, исключительно военно-технической. Первым серьезным и публично озвученным на Западе в январе 1956 г. вариантом нового подхода к теме «инструментально сти» ядерного оружия стала концепция «соразмерного сдерживания»¹²⁵, сформулированная британским контр-адмиралом в отставке и бывшим директором Управления военно-морской разведки Адмиралтейства (1951-1954) сэром Энтони Восс Баззардом. Он фактически выступил за изменение существовавшей ранее в военно-политических кругах Западного блока концепции «массированного ответного удара» («massive retaliation»). Суть подхода Э. В. Баззарда заключалась

¹²² Pedlow G. The Evolution of NATO Strategy 1949-1969// NATO Strategy Documents P. 21.

¹²³ Цит. по: Baev J. The Organizational and Doctrinal Evolution of the Warsaw Pact (1955-1969). – <http://www.coldwar.hu/html/en/publications/organizational.html>. Й. Баев ссылается на материалы Центрального Военного Архива Болгарии.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Термин «graduated deterrence» в русскоязычной интерпретации может означать, по аналогии с «nuclear deterrence» («ядерное сдерживание» и/или «ядерное устрашение»), как «соразмерное сдерживание», так и «адекватное устрашение». Об эволюции взглядов на эту концепцию см.: Long A. Deterrence. Lessons from Six Decades of RAND Research. From Cold War to Long War. RAND. Santa Monica, 2008.

в создании условий нанесения удара, пропорционального угрозе¹²⁶. Необходимость проведения новой оборонной политики в контексте существующей вероятности использования ядерного оружия формулировалась им в следующем виде: «Очевидно, что внешняя политика Запада требует поэтому (из-за возможности внезапного нападения Восточного блока – Ар. У.) такой оборонной политики, которая, продолжая способствовать сдерживанию (начала – Ар. У.) мировой войны, может также обеспечить на региональном уровне тактическую силу (для НАТО – Ар. У.), необходимую для проведения переговоров с позиций локальной силы для того, чтобы сдержать ограниченную коммунистическую агрессию и использовать национальные разногласия третьих сторон. Наша нынешняя политика массированного ответного удара, проводимая до сих пор, едва ли может считаться соответствующей этим требованиям, потому что, в действительности, она угрожает уничтожить цивилизацию, так как результат любой агрессии слишком значительный для наших небольших конвенциональных сил, которым придётся иметь дело с ней»¹²⁷.

Аналогичной точки зрения в это же время (вторая половина 50-х гг.) придерживались крупнейшие и влиятельные американские эксперты – специалисты по проблемам использования ядерного оружия и ядерной оборонной политики, историки и консультанты американского разведывательного сообщества супруги Альберт и Роберта Волзтиттер¹²⁸. Они полагали негуманной и абсолютно неприемлемой доктрину «гарантированного взаимного уничтожения» (*mutual assured destruction, MAD*), т. е. массированного ядерного ответного удара, и поддерживали идею использования в необходимых конкретных случаях тактического ядерного оружия на локальном уровне и только против вооруженных сил противника.

Серьезный характер дискуссии в военных и политических кругах НАТО о необходимости изменения тактических и стратегических подходов к «ядерной доктрине» подтвердился в ходе разработки в ноябре 1957 г. официального директивного документа НАТО по проблеме военной стратегии и ядерного планирования. Основные противоречия между Лондоном и Вашингтоном заключались в том, что британская сторона, а также Верховное союзное командование в Европе (*SACEUR*), во главе которого, кстати, всегда находился четырехзвездный американский генерал¹²⁹ или адмирал, несмотря на ряд разногласий с британской точкой зрения по поводу локальных войн¹³⁰, поддерживали фактически идею «соразмерного сдерживания» («*graduated deterrence*»). При этом *SACEUR* склонялось к использованию термина «широкого сдерживания» (*broad deterrence*)¹³¹. Американская сторона, в свою очередь, про-

¹²⁶ Buzzard A. Massive Retaliation and Graduated Deterrence// *World Politics*, 1956. V. 8, № 2 (January 1956).

¹²⁷ Ibid P. 228.

¹²⁸ Особый вклад в развитие концепций ведения войны с использованием ядерного оружия в конце 50-х гг. XX в. принадлежит экспертам из числа гражданских учёных, работавших в RAND. В соответствии с одной точкой зрения, нашедшей своё отражение в «доктрине стабильности», «уязвимость стратегических сил являлась дестабилизирующим фактором из-за выгод, которые проистекают из [возможности] упреждающего удара». {*Trachtenberg M. History and strategy*. New York, 1991. P. 31.) Вторая точка зрения заключалась в необходимости принятия на вооружение доктрины «соразмерного сдерживания». Примечательным фактом является работа в эти годы в RAND супругов Волзтиттеров. Подробнее об этих экспертах и их роли в формулировании американских оборонных проектов на протяжении 50-х – 80-х гг. XX в., а также о созданной ими школе в: Frachon A., Vernet D. *Le stratege et le philosophe* // *Le Monde*, 15.04.03; *Nuclear Heuristics: Selected Writings of Albert and Roberta Wohlstetter*. Ed by Zarate R., Sokolski H. Strategic Studies Institute, U.S. Army. New York, 2009. О роли и месте представителей академической науки в аналитической работе ЦРУ см.: Winks R. W. *Cloak and Gown: Scholars in the Secret War, 1939-1961*. New York, 1987; Cavanagh J. *Dulles Papers Reveal CIA Consulting Network*. Panel met secretly in Princeton// *Forerunner*, 29.4.1980. – <http://www.cia-on-campus.org/princeton.edu/consult.html>.

¹²⁹ В соответствии со сложившейся американской традицией номенклатуры воинских званий четырехзвездный генерал занимает промежуточную ступень между генерал-лейтенантом и генералом армии. Звание генерал-полковник отсутствует в армии США.

¹³⁰ Подробнее о британских взглядах на использование ядерного оружия и особенностях оборонной доктрины Великобритании в: Clark J. *Nuclear diplomacy and the special relationship: Britain's deterrent and America, 1957-1962*. Oxford, 1994.

¹³¹ NATO Minimum Force Studies. 14.11.1957. Doc. № 2. P. 2(7). – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18470&navinfo=14968>

должала выступать за использование доктрины «массированного ответного удара»¹³². Дискуссия об использовании терминов «широкое сдерживание» и «всеобъемлющее сдерживание» применительно к концепции НАТО в отношении возможного/вероятного акта агрессии СССР и Варшавского Договора так и осталась незавершенной. В то же время в военных и политических кругах стран-членов НАТО, и прежде всего США, вопрос о формулировании подходов к самой идее использования ядерного оружия продолжал сохранять свою актуальность. Главная проблема заключалась в оценке возможных действий руководства СССР в случае военного конфликта. В Госдепе и Пентагоне среди специалистов по европейским делам и ядерному оружию существовали предположения о том, что «было бы нереально для нас (США – Ар. У.) использовать наше ядерное сдерживание из-за возможного ущерба, который бы был нанесен нам противоположной стороной (СССР – Ар. У.)». Вместе с тем, использование этого оружия представлялось возможным в крайнем случае, хотя, в условиях Европы, и нежелательным, так как повлекло бы за собой серьезные, если не катастрофические, последствия¹³³.

Теоретические основы советской военной концепции формулировались в военных кругах и при доминирующем влиянии идеологической доктрины на протяжении второй половины 50-х гг. и являлись отражением гипертрофированного восприятия советской военной и партийной бюрократией «агрессивности» для СССР происходящих в мире изменений. Работа над открытым для общественности изданием велась авторами из числа генералов и старших офицеров под руководством маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, являвшегося с 1952 г. по 1960 г. начальником Генерального штаба. Примечательным фактом было наличие в начале 60-х гг. XX в. в советских политических и военных кругах двух противоположных по своему содержанию подходов к проблеме использования ядерного оружия, в то время как официальная советская пропаганда стремилась представить наличие у советского руководства единой точки зрения – необходимости «борьбы за мир и разоружение», сочетавшейся с «борьбой против империализма и угрозы войны».

Один из подходов заключался в концепции ядерного сдерживания и был озвучен главой СССР Н. С. Хрущевым, придерживавшимся идеи сокращения вооружений, включая ядерное. Эта точка зрения была озвучена им в январе 1960 г. на сессии Верховного Совета СССР. Однако уже летом 1960 г. и именно при обсуждении проблемы размещения ядерного оружия на Балканах, в частности, в Греции, в беседе с послом этой страны 10 августа 1960 г., Хрущёв заявил, что «в случае войны Советский Союз использует ядерное оружие против всех стран НАТО, включая Грецию». Более того, отвечая на вопрос посла о том, «действительно ли он серьезно полагает пойти на уничтожение бесценных культурных памятников, таких как Акрополь, Хрущёв ответил что “уничтожит всё”»¹³⁴. Столь жёсткое заявление было призвано под-

¹³² Ibid. P. 1(6).

¹³³ Эта мысль была выражена в письме Дж. Миллара из Бюро по европейским делам, адресованного Р. Фиссиндену, работавшему в Управлении по европейским региональным делам Бюро европейских дел Государственного Департамента США. При этом автор послания сослался на неназванного «друга из Пентагона», разделявшего подобную точку зрения. Судя по косвенным данным, им был ставший впоследствии генерал-лейтенантом и известный в кругах американского военного истеблишмента как специалист по ядерному оружию, но тогда имевший звание полковника Фрэнк Кэмм (Frank Camm). – Letter by John Millar of the Bureau of European Affairs to Russell Fessenden of the Office of European Regional Affairs. 4.5.1960. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18450&navinfo=14968>. Подробнее о Р. Фиссиндене в: *Giauaque J. The United States and the Political Union of Western Europe, 1958-1963// Contemporary European History. 2000. V. 9. N 1; Dannenberg Von J. The Foundations of Ostpolitik: The Making of the Moscow Treaty Between West Germany and the USSR. Oxford, 2008.* Ф. Кэмм участвовал как эксперт в заседании министров обороны НАТО в декабре 1964 г. в Париже при обсуждении важности тактического ядерного оружия, использование которого предусматривалось в локальном масштабе. NATO Ministerial Meeting. Paris, France – December 1964. The Role of Nautical Nuclear Forces in NATO Strategy. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18607&navinfo=14968>

¹³⁴ Это заявление Н. Хрущёва было сообщено греческими дипломатами их американским коллегам в Москве, которые направили специальную телеграмму по данному поводу в Госдеп. См.: 315. Telegram From the Embassy in Greece to the Department of State. Athens, September 1, 1961, 7 p.m.// Foreign Relations of the United States, 1961-1963 Eastern Europe; Cyprus; Greece; Turkey. Washington, 1994. V. XVI. R 615.

черкнуть решимость Москвы при использовании ядерного оружия и, в конечном счёте, свидетельствовало о начавшемся отказе от ранее заявленного «мягкого подхода» к его применению.

В определенной степени подобная эволюция взглядов Хрущева способствовала усилению сторонников второй точки зрения на ядерное оружие, прежде всего из числа представителей высших военных кругов. Она нашла своё отражение в изданной в 1962 г. под редакцией маршала В. Д. Соколовского коллективной работе «Военная стратегия». В ней делался упор на превентивный характер массированного использования ядерного оружия Советским Союзом против США и НАТО¹³⁵. Борьба между сторонниками и противниками двух точек зрения¹³⁶, хотя и в завуалированной форме, проявилась в организованном советским руководством закрытой дискуссии на страницах секретного военного издания «Военная мысль»¹³⁷. Военному и политическому руководству США эта дискуссия стала известна после передачи полковником ГРУ ГШ МО СССР О. В. Пеньковским американским властям большого количества материалов «Военной мысли». Они были переведены на английский язык в полном объёме и хранились в ЦРУ. На основании полученных данных эксперты этого ведомства разработали собственную «классификацию» «групп влияния», существовавших в советском военно-политическом руководстве по вопросу об использовании ядерного оружия. В соответствии с ней одна из групп, условно названная традиционалистской и консервативной, исходя из уроков Второй мировой войны, считала, что будущая война будет похожа на неё. К её сторонникам американские эксперты относили маршалов А. А. Гречко и П. А. Ротмистрова, а также генерала армии П. А. Курочкина – начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе. Вторая группа была представлена, как полагали аналитики ЦРУ, теми, кто считал, что будущая война будет существенно отличаться от Второй мировой. Это делало необходимым разработку новых подходов к её ведению и использованию ядерного оружия. Сторонниками таких взглядов считались маршалы К. С. Москаленко, А. И. Ерёменко, и, что было важно, министр обороны маршал Р. Я. Малиновский¹³⁸. Об усилении в советских подходах к использованию ядерного оружия точки зрения тех, кто придерживался концепции «сокрушительного удара», свидетельствовал секретный многостраничный доклад за подписью начальника ГРУ ГШ МО СССР генерал-полковника П. И. Ивашутина, направленный 28 августа 1964 г. маршалу М. В. Захарову, являвшемуся начальником Академии ГШ МО СССР. В нём указывалось на то, что

¹³⁵ Военная стратегия. Под ред. В. Д. Соколовского. М., 1962. Она была переиздана в 1963 и 1968 гг., а также переведена на ряд европейских языков. Английское издание было осуществлено RAND Corporation и было неофициальным. Оно содержало материалы американских экспертов с объяснениями нюансов изложенных в работе тезисов. – A Translation from the Russian of Soviet Military Strategy, V. D. Sokolovsky. With Analysis and Anotation by N. S. Dinerstein, L. Gour, T. W. Wolfe, The RAND Corporation, R-416-PR, Santa Barbara. April 1963. См. также: Miller J. D. B., Rigby I H. The Disintegrating Monolith: Pluralist Trends in the Communist World. London, 1966. P. 208.

¹³⁶ О дискуссионном характере выдвигавшихся версий советской военной стратегии в СССР в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. см.: Wolfe I W. Comments on Lomov's «Soviet Military Doctrine». RAND.P-2816. October 1963. – <http://www.rand.org/pubs/papers/2008/P2816.pdf>. Военная стратегия. Под ред. Соколовского; Ломов Н. А. Советская военная доктрина. М., 1963. Фактически советский маршал Соколовский выступил против того, чтобы поддерживать концепцию стратегической обороны и оборонную стратегию, видя в них опасность для СССР.

¹³⁷ Впоследствии они были частично рассекречены ЦРУ и размещены в Интернете. – Memo from Richard Helms to Director DIA Concerning Establishment of the Top Secret Special Collection of Articles of The Journal «Military Thought» («Voyennaya Mysl») by the Ministry of Defence, USSR. 8.11.1961 – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000012294/DOC_0000012294.pdf; Memo from Richard Helms to Director DIA Concerning «Military Thought». 7.12.1961 – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000012296/DOC_0000012296.pdf. Подробности в книге участника событий: Garthoff R. A Journey Through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence. New York, 2001. P. 113-116. В постсоветский период появилась точка зрения на советскую военную доктрину как инструмент стратегического обмана, использовавшегося в отношении союзников и противников СССР. По мнению автора подобного утверждения – Кристофера Джоунса, – Москва использовала угрозу применения ядерного оружия или сам факт нападения на НАТО как маскировку с целью обеспечить выживание восточногерманского режима, а также недопущения ухода из Варшавского пакта её сателлитов. Подробнее в: Jones C. Soviet military doctrine as strategic deception: An offensive military strategy for defense of the socialist fatherland// The Journal of Slavic Military Studies. 2003. V. 16, N 3.

¹³⁸ Soviet Military Thought on Future War. Current Intelligence Stuff Study. Office of Current Intelligence. 3.4.1962. P. 10-12. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/CAESAR/caesar-29.pdf>

для обеспечения безопасности «социалистических стран, чтобы охладить воинственный пыл империалистической военщины, социалистические страны вынуждены быть готовыми к решительному проведению ещё более сокрушительных стратегических операций ядерных сил»¹³⁹. В то же время, судя по содержанию этого же документа, советская сторона рассматривала возможность ограниченного использования ядерного оружия, что давало основания предполагать отсутствие однозначного решения в пользу массированного ядерного удара: «Оборона армий социалистических стран должна строиться на удержании важнейших районов и рубежей, на безусловном недопущении вторжения войск противника в пределы социалистических стран. Она будет базироваться на сочетании ядерных ударов с применением обычных огневых средств и маневренных действий войск, а также на широком использовании заграждений»¹⁴⁰. В октябре 1964 г. вопрос об использовании ядерного оружия в противостоянии с НАТО нашёл своё отражение в военном плане, который носил учебный характер и предназначался для центрально-европейского театра. Ядерный удар со стороны Варшавского пакта рассматривался как ответный на аналогичные действия Североатлантического альянса¹⁴¹.

Подходы к использованию ядерного оружия в условиях обладания им отдельными странами-участницами противостоявших военно-политических союзов становились важным фактом с точки зрения определения перспектив развития возможного межблокового конфликта. Если со стороны Варшавского пакта предпринимались попытки выявить готовность конкретных членов НАТО предоставить свою территорию для базирования подобного вида оружия, то в Североатлантическом альянсе обращали особое внимание на инициативный характер запросов, поступающих от союзников СССР в адрес Москвы с просьбой размещения его уже в интересах соответствующих отдельных участников ОВД или в целом всего социалистического лагеря. Это порождало определенные алармистские настроения в военных и разведывательных кругах противостоявших блоков. В январе 1961 г. авторы аналитического доклада американского ЦРУ, получив, вероятно, некую информацию, но не детализированную до такой степени, чтобы можно было делать серьезные выводы¹⁴², тем не менее сообщали о том, что «похоже, на заседании Варшавского Договора (имелось в виду совещание ПКС 4 февраля 1960 г. в Москве

¹³⁹ Материал о развитии военного искусства в условиях ведения ракетно-ядерной войны по современным представлениям. 18.8.1964. С. 328. – <http://se2.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=PHP&fileid=D3861DEF-4DF1-76D8-7707-1E873AB3793C&lng=ru> Очевидцы и участники событий с советской стороны отмечали явно противоречивый характер выдвигаемых советскими военными установок: *Гриневский О.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М., 2004. С. 74, 75. Автор воспоминаний – советский дипломат – ссылается также на доклад Ивашутина.

¹⁴⁰ Материал о развитии военного искусства. С. 400. Подробнее об оценках использования ядерного оружия НАТО и Варшавским договором в: *Uhl M.* Nuclear Warhead Delivery Systems for the Warsaw Pact, 1961-65: Documents from the Russian State Archives of Economics and the German Federal Military Archives on the Reorganization and Modernization of the Armed Forces of the Soviet Bloc// *War Plans and Alliances in the Cold War: Threat Perceptions in the East and West.* Ed. by Mastny V., Holtmark S., Wenger A., Locher A., Nuenlist C. 31 Aug 2006. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_berlin/intro_uhl.cfm

¹⁴¹ Warsaw Pact War Plan of 1964. 14.10.1964. Central Military Archives (VLJA), Prague; Collection Ministry of National Defense, Operations Department. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=16239&navinfo=15365>. Комментарий к плану см.: Comment on the 1964 Warsaw Pact War Plan, by Gen. William E. Odom. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_warplan/comment_odom.cfm?navl=1&nav2=2&nav3=1 Полученные от сотрудника легальной резидентуры ГРУ во Франции капитана второго ранга В. А. Любимова (Аборкина) (псевдоним Лютов) материалы «План ядерной войны № 200/63», «Перечень целей для нанесения ядерных ударов по территории СССР и странам советского блока», а также «Наставление НАТО по использованию ядерного оружия» стали ещё одним аргументом в пользу предположений, распространенных в среде советского генералитета и партийно-государственного руководства, относительно возможности нанесения ядерного удара со стороны Запада. О деятельности В. А. Любимова в: *Лурье В.* Военно-морская разведка СССР (1918-1960-е гг.). Справочник. Санкт-Петербург, 2009. С. 117, 118; *Болтунов М.* Бескорыстный Бернар. Как французский ученый и бизнесмен помог Советскому Союзу создать твердотопливные баллистические ракеты//Совершенно секретно. 1997. № 6/241.

¹⁴² См. отчет болгарского премьер-министра А. Югова о заседании ПКС с достаточно подробным описанием повестки дня обсуждавшихся вопросов и пересказом основных выступлений: Report on PCC Meeting by the Bulgarian Prime Minister (Anton Iugov) to Bulgarian Politburo Session. 11.2.1960. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=17883&navinfo=14465>

– Ар. У.) было предпринято совместное китайско-восточногерманское¹⁴³ давление на русских с целью поделить ядерным оружием, однако, это вызвало сопротивление. Вопрос о стратегии полностью не решён»¹⁴⁴.

Персональные изменения в составе советского руководства, произошедшие в октябре 1964 г., оказали серьезное влияние на ситуацию, складывавшуюся в Восточном блоке, включая и его военно-политическую структуру – Организацию Варшавского Договора. Смещение Хрущёва и приход к власти группы во главе с Л. И. Брежневым были восприняты в партийно-государственных кругах союзников СССР по ОВД, а также коммунистических государствах, не являвшихся его членами, в контексте их взаимоотношений с Москвой и возможных перспектив действий Кремля в новых условиях. Оборонная политика в государствах Восточного блока продолжала во многом зависеть от советских военно-политических установок, доминировавших при определении направленности действий пакта; в выработке его стратегии и тактики на международной арене; в военно-техническом обеспечении вооруженных сил государств-членов

ОВД. Именно политическая составляющая советской военной доктрины оказывала влияние на развитие блока под руководством Москвы и его позиции в системе международных отношений. В этой связи многое зависело от принимаемой кремлевским руководством оборонной стратегии, частью которой являлось доктринальное оформление возможности использования ядерного и традиционного оружия; концептуализация понятий «оборона» и «наступление» применительно к возможностям и потребностям СССР как в целом, так и на различных театрах военных действий (ТВД), а также военно-политическое обоснование внутриблокового взаимодействия в рамках Варшавского пакта.

Наиболее проблемным как для Москвы, так и Вашингтона являлся вопрос ядерного паритета СССР и США и выработка стратегии и тактики использования ядерного оружия, адекватных складывающимся условиям. В соответствии с советской точкой зрения баланс ядерных вооружений не являлся статичным в силу совершенствования технологий и расширения арсенала подобного оружия. В целом советская политика в данной области давала основания для выводов о том, что стратегия Кремля «в большей степени базируется на устрашении (сдерживании)», а сама «концепция устрашения основывается на установке, что агрессор будет сокрушительно наказан в случае реального или грозящего нападения в форме удара по стратегически важным объектам»¹⁴⁵. Парадокс заключался в том, что ни американские аналитики, а также разведывательные институты США, ни само советское руководство, действия и планы которого они анализировали, не имели однозначного ответа на данный вопрос¹⁴⁶. Это дало основания для вполне обоснованного вывода о том, что военная доктрина Москвы с начала 60-х гг. и до 80-х гг. XX в. представляла собой преднамеренный обман как противника, так и союзников, и базировалась на тезисе о необходимости достижения победы в случае вооруженного конфликта на контролируемом НАТО геополитическом пространстве¹⁴⁷. При-

¹⁴³ На совещании как наблюдатели присутствовали представители КНР, КНДР, МНР и ДРВ.

¹⁴⁴ Current Intelligence Staff Study. The Sino-Soviet Dispute on World Communist Strategy (Its Development from Autumn 1959 to Summer 1960). ESAU XI-61. 29.1.1961 P. ii. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/ESAU/esau-11.pdf>

¹⁴⁵ Chapter I. Macro Trends in Soviet Strategy 1965-1985//Soviet Intentions 1965-1985. Volume I: An Analytical Comparison of U.S.-Soviet Assessments During the Cold War. Ed. by Hines J., Mishulovich E., Shulle J. BDM Federal, Inc., September 22, 1995, Unclassified, excised copy. P. 2. – http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb285/doc02_1_ch1.pdf. В то же время продолжала сохраняться неясность относительно того, могла ли прибегнуть Москва к превентивному удару или готовилась лишь нанести «удар возмездия» после нападения противника.

¹⁴⁶ Позднейшие исследования, базирующиеся на информации, ставшей доступной после окончания холодной войны и самоликвидации СССР, позволили сделать вывод о том, что Кремль, во-первых, не рассматривал возможность ведения ограниченной ядерной войны, прежде всего в Европе, и, во-вторых, не ставил цель поддержания стратегического баланса, т. к. изначально считал, что его достижение фактически невозможно. См. там же: Chapter I. Macro Trends in Soviet Strategy 1965-1985 P. 3.

¹⁴⁷ Jones C. D. Soviet military doctrine as strategic deception: An offensive military strategy for defense of the socialist fatherland//

мечательным фактом являлось осознание военной частью советского руководства возможных разрушительных последствий использования ядерного оружия и необходимости избежать его применения, что нашло своё обоснование в специальном исследовании, проведённом в советском оборонном ведомстве в 1968 г. и выявившем невозможность победы в ядерном конфликте¹⁴⁸. Эволюция взглядов советского партийно-государственного руководства, а также его военной части, на военно-стратегические аспекты оборонной политики СССР свидетельствовала о том, что с середины 50-х гг. и до конца 70-х гг. XX в. последние претерпели серьезные изменения. Так, в частности, со второй половины 50-х и до середины 60-х гг. фактически доминирующей стала провозглашенная советским партийно-государственным руководством в лице Н. С. Хрущева концепция возможной мировой ракетно-ядерной войны глобального характера. Её началом должны были стать ракетно-ядерные удары «по тыловым районам противника». «Предполагалось, – как отмечал Белослудцев, – что на СССР будет совершено нападение, однако он сможет нанести ответный удар, и, учитывая размеры страны и степень рассредоточения населения и Вооруженных Сил, Советский Союз при этом понесет меньшие потери, чем США и страны НАТО. Утверждалось, что в таком конфликте можно добиться победы, что необходима соответствующая подготовка в военной и гражданской области, чтобы СССР из любого ядерного конфликта вышел победителем»¹⁴⁹. В этих условиях предусматривалось массированное использование всех видов и родов Вооруженных сил, использующих «результаты ядерного поражения для окончательного разгрома противника»¹⁵⁰. Однако в середине 60-х гг. XX в. советская позиция по вопросу ядерной войны претерпела серьезные изменения, что было обусловлено как политическими, так и военно-техническими причинами. Суть нового видения заключалась в том, что «признавалась возможность длительной мировой войны с поэтапным применением все более разрушительных средств вооруженной борьбы», выдвигалось «требование тщательной и всесторонней подготовки Вооруженных Сил, экономики государства и его народа к серьезной и напряженной борьбе. С конца 60-х годов постоянно подчеркивалось, что скоротечные войны могут, вероятнее всего, возникнуть в том случае, если одна из сторон будет иметь решающее военное превосходство и в полной мере использует при начале агрессии фактор внезапности. Однако и в этих условиях она, по идее, сможет придать затяжной характер, если не предусмотреть надлежащие меры для отражения агрессии». Последний тезис обуславливал необходимость изучения вопроса «о стирании граней между наступлением и обороной. Некоторыми советскими теоретиками наступление в этот период определялось как “движение вперед носителей различных видов оружия и посланных ими средств поражения, а кульминационным актом его является удар по врагу поражающей мощностью огня и ударной силы оружия”. Из этого следовало, что все виды оружия, с помощью которых могут быть нанесены удары по врагу, относятся к наступательным средствам даже в случае применения их в обороне. Таким образом, признавалось, что военное искусство мировой войны опирается на наступательное ядерное оружие и в случае ее развязывания оно станет лучшим средством обороны»¹⁵¹.

The Journal of Slavic Military Studies. 2003. V. 16. N 3.

¹⁴⁸ О докладе по данному вопросу директора ЦНИИ Ю. Мозжорина на заседании Научно-технического совета при Министерстве обороны СССР см.: III. Evolution of Soviet Strategy. Utility of Nuclear Weapons//Soviet Intentions 1965-1985, Volume I: An Analytical Comparison of U.S.-Soviet Assessments During the Cold War. Ed. by John Hines, Ellis M. Mishulovich and John F. Shulle. BDM Federal, Inc., September 22, 1995, Unclassified, excised copy. P 26

¹⁴⁹ Белослудцев О. Взгляды военно-политического руководства СССР на характер будущей мировой войны (1946-1991 гг.)// Military Professionalization, 1900-1999. The Quest for Excellence. Conflict Studies Working Group. Budapest, 2004. P. 76. Автор статьи ссылается на материал: Военная мысль. 1955. № 2. С. 5-17.

¹⁵⁰ Там же. P. 76.

¹⁵¹ Там же. P. 77. О. Белослудцев приводит в доказательство данного утверждения следующие материалы: Малиновский Р. Я. Бдительно стоять на страже мира. М., 1962. С. 26; Завьялов И. Соревнование между наступательными и оборонительными средствами и их влияние на способы военных действий//Военная мысль. 1970. № 7. С. 22.

Эволюция советских подходов к оценке перспектив военного конфликта с использованием ядерного оружия была отмечена американскими военными и аналитиками из разведывательного сообщества и внешнеполитических ведомств. Прежде всего, уже весной 1965 г. они обращали внимание на то, что продолжавшийся в конце 50-х – начале 60-х гг. спор в высших военных кругах между сторонниками усиления ракетно-ядерного потенциала СССР, делавшими ставку на стратегическое ядерное оружие и межконтинентальные ракеты, и их оппонентами, рассматривавшими сухопутные силы как основной вид вооруженных сил, привёл к определенному консенсусу¹⁵². В практическом отношении это означало продолжение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в ракетостроении и создание новых образцов. В 1961 г. на вооружение поступил ракетный комплекс «Луна», составляющими которого были пусковая установка 2П16 на базе плавающего танка ПТ-76 и ракетами ЗРЮ и ЗР9 с ядерной и осколочно-фугасной боевыми частями. К 1964 г. началось производство усовершенствованной модели 9К52 «Луна-М». К середине 60-х гг. одним из перспективных с точки зрения использования ядерного оружия становился оперативно-тактический ракетный комплекс (ОТРК) 9К76 «Темп-С» с ракетой 9М7 (по классификации НАТО SS-12 SCALEBOARD mod.1 и mod.2), дальность полёта которой достигала до 900 км¹⁵³.

Наращивание ракетно-ядерного потенциала советскими вооруженными силами и перспектива размещения носителей ядерных зарядов в странах-членах ОВД могли иметь серьезные последствия для баланса сил двух блоков. В этой связи особое внимание американские эксперты и аналитики уделяли изменившейся позиции Москвы по вопросу применения ядерного оружия и участию СССР в так называемом конвенциональном военном конфликте, когда Советский Союз «столкнулся бы с возможностью сохранения военно-воздушной мощи НАТО и нейтрализации превосходства советских сухопутных сил»¹⁵⁴.

Теоретические дискуссии и попытки формулирования стратегических доктрин использования ядерного оружия как в Западном, так и Восточном блоке имели непосредственное влияние на взаимоотношения союзников по соответствующим военно-политическим коалициям, а также затрагивали проблему поиска «слабого звена» в блоковой системе оппонента. Для государств Балканского полуострова это имело принципиальное значение, так как именно в этой зоне межблокового противостояния стороны пытались ослабить союзнические связи соответствующих участников двух пактов. Обращение к конкретным доктринам использования ядерного оружия становилось в этой связи одновременно элементом внутриблоковой и региональной политики.

На Востоке уделяли большое внимание возможным действиям НАТО и США в контексте меняющейся доктрины использования ядерного оружия. В соответствии с оценками Разведывательного управления Генерального штаба чехословацкой армии, относившимися к вопросам ядерного планирования Североатлантического альянса и стратегической концепции использования ядерного оружия на Центрально-Европейском ТВД, делался вывод о том, что «командование НАТО полагает возможной применительно к нынешнему соотношению сил социалистических и капиталистических государств не только полномасштабную, но и ограниченную ядерную войну. В соответствии с этим была разработана теория ограниченных боевых действий, которая отражает операционную подготовку союзных вооруженных сил на центрально-европейском театре, в частности, на протяжении последних нескольких лет»¹⁵⁵.

¹⁵² Ermarth F. Recent Soviet Military Doctrine. 24. 3. 1965. Radio Free Europe Research. P. 2 // Box-Folder-report: 62-3-14/ - <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/62-3-14.pdf>

¹⁵³ Подробнее в: *Первое М.* Отечественное ракетное оружие 1946-2000. Энциклопедия ракетной техники СССР и России. М., 1999.

¹⁵⁴ Petersen Ph., Clark J. Soviet Air and Antiair Operations // Air University Review. 1985. March-April. – <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1985/mar-apr/petersen.html>

¹⁵⁵ См. документ военной разведки ЧССР от 1965 г. (без точной даты): Document N 28. Warsaw Pact Intelligence on NATO's

В то же время чехословацкая разведка достаточно точно определяла «главное противоречие момента», а именно: «Вопрос использования ядерного оружия во время ограниченной войны ещё не решён окончательно. Воззрения командования НАТО на использование ядерного оружия первым во время конвенционального конфликта, в том случае, если их (натовские – Ар. У.) войска понесут серьезные потери, либо в случае утери контроля над важными районами, или, в целом, если намеченные политические цели не смогут быть достигнуты средствами обычной войны, делают эту теорию достаточно проблематичной, в частности, применительно к условиям центрально-европейского театра»¹⁵⁶. В этой связи примечательным становилось разделение авторами аналитического доклада региона Центральной Европы без какой-либо её диверсификации на географические сектора: северный, центральный и южный, что свидетельствовало о доминировании так называемого фронтального взгляда на противостояние ОВД и НАТО, т. е. от Балтики до Средиземноморья.

Strategy and Combat Readiness, 1965// A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955-1991. Ed. by Mastny V., Byrne M., Klotzbach M. Budapest, 2005. P. 170.

¹⁵⁶ Ibid. P. 171.

§4. Первая «трещина» в балканском «щите социализма»

К концу 50-х гг. в политике стран Восточного блока стало усиливаться стремление к большей самостоятельности от Кремля по отдельным аспектам внутренней и внешней политики в рамках проекта, получившего среди историков и политологов название «национальный коммунизм». Одновременно они стремились не допустить осложнений отношений с Москвой и демонстрировали ей свою лояльность, выступая уже на международной арене в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., с одной стороны, как её союзники, а с другой – как самостоятельные государства, «независимый» статус которых Кремль мог использовать, продвигая свои внешнеполитические инициативы через таких союзников. В свою очередь, правившие в государствах Восточной Европы коммунистические режимы пытались извлечь из складывавшегося положения выгоды для себя, имея в виду перспективу улучшения взаимоотношений с Западом. В то же время во второй половине 50-х гг. начали проявляться и первые серьезные противоречия между отдельными членами Варшавского пакта и СССР. Одной из первых конфликтных ситуаций в этом ряду стала позиция Бухареста по вопросу создания Балканской зоны мира. Начавший обостряться в конце 50-х – начале 60-х гг. конфликт между Москвой и Тираной был способен серьезно повлиять на оборонную политику Варшавского пакта на Юго-Западном ТВД, включая позиции СССР в Средиземноморье. Усиление изоляции НРА в Восточном блоке создавало проблемы для её руководства, которое было заинтересовано в том, чтобы не допустить дистанцирования Албании от СЭВ и ОВД как по политическим, так и экономическим причинам. В то же время албанская сторона стремилась сохранить полную автономию во внутривнутриполитических делах и при определении внешнеполитического курса по отношению к другим коммунистическим странам, прежде всего к Югославии и Китаю. Во многом это способствовало усилению противоречий между СССР и НРА, которые к 1960 г. свидетельствовали о возможности их перехода в плоскость межгосударственного конфликта¹⁵⁷. На протяжении весны-лета 1960 г. Управление государственной безопасности Албании (*Drejtoria e Sigurimit të Shtetit*), или сокращенно «Сигурими», обнаружило в среде высшего военного и партийного руководства лиц, которые, как стало известно албанским органам безопасности, якобы готовили государственный переворот. В июле того же года были арестованы контр-адмирал Т. Сейко, получивший военное образование в СССР и занимавший в 1947-1960 гг. ответственные посты в военной разведке албанских вооруженных сил, а в последние годы возглавлявший её, являясь начальником Оперативного управления Министерства обороны, а также ряд партийных функционеров – Т. Деми, А. Ресули и др. 8 сентября 1960 г. из партийного и государственного руководства на XVIII пленуме ЦК АПТ по личной инициативе Э. Ходжи как члены «просоветской ревизионистской группы» были выведены Лири Белишова и Кочо Ташко¹⁵⁸.

В свою очередь, в соседней Югославии руководство всё большее внимание уделяло укреплению позиций страны как внеблокового государства. Формирование Движения непри-

¹⁵⁷ О пребывании Албании в ОВД см. также: *Lalaj A. Albanien und der Warschauer Pakt// Der Warschauer Pakt. Von der Gründung bis Zusammenbruch 1955 bis 1991. Herausgegeben von Torsten Diedrich, Winfried Heinemann und Christian F. Ostermann. Berlin, 2009.*

¹⁵⁸ Анализ происходивших событий делался и экспертами «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”»: C. M. D. (Topali) Purity and Purge in Albania's Communist Party. 14.11.1960. RFE Evaluation and analysis department. BOX-FOLDER-REPORT: 1-5-1. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-5-1.pdf>. Л. Белишова была приговорена к смертной казни, замененной домашним арестом, из-под которого она была освобождена лишь после падения коммунизма в Албании в 1991 г. Воспоминания в виде интервью Л. Белишовой см. в: *Liri Belishova: Nexhmije Hoxha e meriton të quhet Gruaja e Djallit// Gazeta 55, 3.4. 2009.* Позиция Э. Ходжи была озвучена 6 сентября 1960 г. на пленуме ЦК АПТ: *Ne do të shkojmë në Moskë jo me dhjetë flamurë, por vetëm me një, me flamurin e e Marksizem-Leninizmit. Fjala në Plenumin XVIII të KQ të PPSH lidhur me gabimet e rënda në vijë të Liri Belishovës. 6 shtator 1960// Hoxha E. Vepra. V. 19. qershor 1960 – dhjetor 1960. F. 186–209.* О советско-албанских отношениях см. в сб. документов: *Çeku E., Kaba H. Shqipëria dhe Kosova në arkivat ruse; 1946–1962. Prishtinë, 2011.*

соединения, в котором Югославия играла одну из ведущих ролей, как нового центра силы в системе международных отношений серьезно влияло на региональную политику, включая Балканский полуостров. В феврале 1959 г. югославское руководство заявило, что выступает против воссоздания военного союза с Грецией и Турцией, что фактически означало окончательный отказ Белграда от участия в Балканском пакте и прекращение его функционирования. Официальная югославская версия заключалась в том, что подобные объединения лишь способствуют усилению напряженности в регионе и не отвечают интересам Югославии¹⁵⁹. Белград использовал складывающуюся ситуацию в целях упрочения позиций как в средиземноморскобалканском секторе, так и во взаимоотношениях с ведущими государствами Западного и Восточного блоков. Советская оценка роли и места Югославии в Балканском пакте заключалась в том, что «правящие круги США прилагали большие усилия для того, чтобы втянуть Балканские страны в антисоветский агрессивный блок... Воспользовавшись разрывом отношений Югославии со странами социалистического лагеря в 1948 году, США сделали все для того, чтобы превратить Югославию в фактор борьбы против СССР и стран социалистического лагеря и международного коммунистического движения»¹⁶⁰.

Мотивация югославской стороны, активизировавшей свои отношения с союзниками по региональному блоку, объяснялась советской стороной достаточно точно: «История существования Балканского пакта свидетельствует о том, что югославы шли на активизацию военных и других аспектов Балканского пакта в периоды обострения международной обстановки, а в периоды общего смягчения международного положения они выдвигали на передний план экономическое и культурное сотрудничество трех стран в рамках Балканского пакта»¹⁶¹. Более того, отмечалось, что заявление о внеблоковой политике, проводимой руководством Югославии, а также непопулярность этого союза в общественном мнении страны способствовали замораживанию участия ФН-РЮ в пакте. Весной 1960 г. Белград вновь активизировал свою деятельность на этом направлении, что объяснялось советской стороной уже «обострением международной ситуации», и в советском посольстве в Белграде делали вывод о том, что «дальнейшее развитие Балканского пакта будет зависеть как от общего состояния международных отношений, так и от состояния советско-югославских отношений»¹⁶². В советских дипломатических кругах начинала доминировать идея о необходимости оказания нажима «на югославов в этом вопросе», тем более что, как они отмечали, югославскую сторону «беспокоит критика югославского руководства т. Хрущевым на III съезде РКП за участие Югославии в Балканском пакте» и они «по каким-то причинам... проявляют определенную чувствительность в этом вопросе»¹⁶³. В то же время посол СССР в ФНРЮ И. К. Замчевский отмечал, что «в 1960 году отношение югославов к Балканскому пакту не претерпело каких-либо существенных изменений. Анализ состояния отношений Югославии с Турцией и Грецией в 1960 г. свидетельствует о том, что югославы сохраняют интерес к Балканскому пакту... По данным посольства, югославы будут и впредь придерживаться такой линии в отношении Балканского пакта, поскольку такая позиция полностью соответствует их внешнеполитическому курсу лавирования между двумя лагерями»¹⁶⁴.

¹⁵⁹ См. подробнее материал: *Pejic. Balkan Pact – A Few Facts*. 23.2.1959. General Desk – No. 630/ RFE News and Information. Evaluation and Research. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/95-2-252.pdf>

¹⁶⁰ Приложение № 1. Справка посольства СССР в ФНРЮ «Балканский пакт» (не позднее 18 июня 1960 г.)// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 377.

¹⁶¹ Там же. С. 380.

¹⁶² Там же. С. 386.

¹⁶³ Док. № 75. Запись беседы советника посольства СССР в НРБ М. Е. Позолотина с югославским послом в НРБ Р. Йовановичем о III съезде Румынской рабочей партии. 5 июля 1960 г.// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 286.

¹⁶⁴ Док. № 76. Записка посла СССР в ФНРЮ И. К. Замчевского заведующему 5 Европейским отделом МИД СССР С. Т. Астасину о «Балканском пакте». Не позднее 5 октября 1960 г.// Там же. С. 288.

Становившаяся традиционной ставка Восточного и Западного блоков на внутренний раскол в рядах противника вела к поиску возможных «чувствительных» точек в отношениях между союзниками по военно-политическим коалициям. Так, в мае 1960 г. болгарскими дипломатами была получена информация о серьезных противоречиях в НАТО, возникших между руководством Турции, премьер-министром которой являлся А. Мендерес, и США как по вопросам объемов американской экономической помощи ей, так и по поводу «вмешательства американцев во внутривосточные дела» возглавляемой им Демократической партии¹⁶⁵. В этой связи военный переворот 27 мая 1960 г. в Турции рассматривался в Западном и Восточном блоках как важное событие, способное повлиять на расстановку сил в общей системе противоборства двух военно-политических союзов, а также и на региональном уровне. Попытка главы СССР Хрущева использовать сложившуюся ситуацию и предложить возглавившему руководство страны генералу Дж. Гюрселю установить особые отношения с Москвой, если Турция станет нейтральной (послание от 28 июня 1960 г. и ответ от 8 июля 1960 г.)¹⁶⁶, не увенчалась успехом. В ответном послании глава Турции заявил о верности союзническим обязательствам страны как в рамках НАТО, так и СЕНТО¹⁶⁷.

Происходившие на Балканах события способствовали активизации разведывательных организаций государств-членов Варшавского пакта. Органы государственной безопасности (ДС) Болгарии были ориентированы на поиск и получение информации о функционировании как в целом военной структуры НАТО, так и государственных оборонных институтов его ведущей силы – США, что представляло интерес не только для Софии, но и для Москвы. Осенью 1960 г. в результате негласного вскрытия дипломатической почты, направленной из Вашингтона в американское посольство в Софии, болгарская сторона получила доступ к материалам, в которых содержалась информация о военно-командной системе американских баз за рубежом и инфраструктуре, обеспечивавшей их функционирование¹⁶⁸. Вскоре эти данные были переданы в Москву¹⁶⁹. В декабре 1960 г. ДС получила информацию о новой структуре военной разведки США, утвержденной 1 декабря того же года¹⁷⁰, и она также была направлена в СССР¹⁷¹. По линии Разведывательного управления Министерства Обороны (РУМО) Болгарии велась работа, нацеленная на получение оперативной информации о действиях вооруженных сил Турции в бассейне Черного моря и в период наибольшего осложнения международной обстановки с учётом военно-политических устремлений СССР.

На протяжении 1961-1962 гг. болгарские разведывательные службы особое внимание уделяли действиям Анкары и координации её действий с Вашингтоном в условиях Берлинского и Карибского кризисов. Как по линии политической разведки – первого управления Комитета Государственной Безопасности (КДС), так и военной – Разведывательного управления Министерства Обороны – София получила подтверждение своих опасений по поводу предпринимаемых США усилий, направленных на достижение взаимодействия между вооруженными силами Греции и Турции в стратегически значимом Балканском регионе. В августе

¹⁶⁵ Посолство на НР България за Министерство на Външните работи. Входяща шифротелеграма № 2827. 9.5.1960 г. Л. 1// НАТО на Балканите. Подробнее о взаимоотношениях Турции и США, а также А. Мендереса с американскими администрациями в: *Улуян Ар. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945-1960 гг. М., 2001.*

¹⁶⁶ Documents On International Affairs, 1960. Ed. by Gott R., Major J., Warner G. London, 1964. P. 419-422.

¹⁶⁷ *Uslu N. The Turkish-American relationship between 1947 and 2003: the history of a distinctive alliance. New York, 2003. P. 73.*

¹⁶⁸ Вътрешен информационен бюлетин на Второ Управление ДС. № 56. За проведените агентурно-оперативни мероприятия в управлението и получените от тях резултати на 19 ноември 1960 г. С. 1. —<http://narodopis.narod.ru/ds60/DS601121bg.pdf>

¹⁶⁹ Писмо от ген. Г. Цанков до А. Шелепин относно придобитите материали от мисията на САЩ в София. 1 януари 1961 г. — http://bgrod.by.ru/ds60/DS6101_bg.pdf

¹⁷⁰ Информация от ген. Б. Думков относно новата структура на американското военно разузнаване. Декември 1960. — http://bgrod.by.ru/ds60/DS6012_bg.pdf

¹⁷¹ Писмо от ген. Г. Цанков до А. Шелепин.

1961 г. болгарская разведка получила информацию о том, что турецкие вооруженные силы собираются проводить военные учения в прилегающих к советской территории районах Турции и одновременно Афины и Анкара при активном участии Вашингтона разрабатывают тактику «эффективной обороны на случай нападения со стороны государств-членов Варшавского договора». Частью такого плана был перевод «армий двух стран полностью под начало общего командования НАТО, вместе со всеми воздушными коммуникациями»¹⁷².

Болгария рассматривалась в Западном блоке как потенциальный участник вероятного конфликта, который нанесёт одним из первых удары по Греции и Турции. Такое предположение натовских военных, с одной стороны, давало основание болгарскому партийно-государственному руководству основания для того, чтобы подчеркивать важную роль Софии в Варшавском пакте со ссылкой на военные оценки НАТО, но, с другой, серьезно опасаться «превентивных» действий со стороны соседей и избегать откровенно жёстких действий в их отношении. Параллельно София пыталась получить информацию о характере реальных или желаемых ею разногласий как в целом в НАТО, так и между её отдельными членами – соседями Болгарии. В этой связи в болгарской разведывательной сводке в августе 1961 г. особо отмечалось, что «по американским сведениям, Инёню¹⁷³ был против какого бы то ни было вмешательства Турции по берлинскому вопросу, так как он не затрагивает напрямую безопасности Турции»¹⁷⁴. Скоординированный характер действий государств Североатлантического альянса в ведении разведывательной работы против Варшавского пакта представлял в данном контексте особый интерес, так как данная деятельность затрагивала практически всех стран-участниц коммунистического блока. Полученная по каналам болгарской политической разведки в начале января 1961 г. информация о создании в июле 1960 г. координирующего центра разведок НАТО, содержала сведения о том, что особое внимание они уделяют местам базирования ракетного оружия и пусковых установок среднего радиуса действий, а также стратегическим базам в Центральной Европе и СССР, организации и состоянию артиллерии ОВД, способной использовать ядерные заряды, а также подводному флоту в Средиземноморском и Балтийском регионах¹⁷⁵.

Оценка американской разведкой оборонных возможностей балканских членов ОВД в начале 1961 г. делалась на основании данных за предыдущий 1960 г., что не в полной мере учитывало складывавшуюся в Варшавском блоке новую политическую ситуацию, прежде всего – обострение советско-албанских отношений. Поэтому, отмечая активизацию советско-албанского военно-технического сотрудничества в вопросах укрепления военно-морских баз в Албании, авторы разведывательного доклада пока не учитывали этот важный для балканского сектора оборонной политики ОВД фактор. Наиболее серьезные изменения, что было отмечено и аналитиками ЦРУ в их документе, происходили в болгарских вооруженных силах, где помимо реорганизации и создания новых войсковых частей различных родов войск шёл процесс перевооружения с упором на укрепление танковых частей и соединений, а также осуществлялись поставки из СССР подвижных зенитно-ракетных комплексов С-75 (по классификации НАТО SA-2 «Guideline»), что свидетельствовало о значимости для ОВД болгарских средств ПВО в секторе её оборонной ответственности в Балканском регионе¹⁷⁶.

¹⁷² Разузнавателни сведения от РУМО и ДС за действия на турската и гръцката армия срещу България. 12.8.1961 г. Л.62 // България във Варшавския Договор.

¹⁷³ Мустафа Исет Инёню (1884-1973) – турецкий военный и политический деятель, сподвижник Ататюрка, лидер Республиканской народной партии и премьер-министр Турции (20 ноября 1961 – 20 февраля 1965). После прихода к власти генерала Дж. Гюрсея сформировал по его поручению правительство, которое должно было вывести страну из общественно-политического и экономического кризиса.

¹⁷⁴ Разузнавателни сведения от РУМО и ДС за действия на турската и гръцката армия.

¹⁷⁵ Информация от Държавна сигурност относно решения на съвещание на Съвета на НАТО в Истанбул, 15.1.1961. Л. 1-2// България във Варшавския Договор.

¹⁷⁶ USAREUR Intelligence Estimate – 1961 (U). Headquarters USAREUR, Office of the Deputy Chief of Staff,

Со своей стороны, наметившееся в конце 50-х – начале 60-х гг. сближение Тираны и Пекина советская сторона рассматривала как реальную угрозу советскому доминированию в международном комдвижении и потенциально опасный прецедент, способный негативно повлиять на позиции Кремля в восточноевропейских странах, способствуя появлению соответствующих настроений в руководстве местных компартий. Пытаясь выяснить степень албано-китайского сотрудничества и характер взаимоотношений партийно-государственного руководства НРА и КНР, советское посольство в Пекине активизировало контакты с дипломатическими представителями Албании в КНР. Свидетельством этому стала серия встреч албанских и советских дипломатов, на одной из которых – 27 июня 1960 г. – советский посол С. В. Червоненко проявил особый интерес к данной теме в беседе со своим коллегой – послом НРА М. Прифти. Одновременно в центре внимания советских дипломатических представителей в Пекине были оборонные и экономические вопросы. Заключение 15 октября 1957 г. договора о военно-техническом сотрудничестве СССР с КНР рассматривалось в Пекине с точки зрения усиления оборонного потенциала страны и возможности получения доступа к ядерным технологиям¹⁷⁷. Поэтому отказ Кремля 20 июня 1959 г. реализовывать соглашение из-за расширявшихся противоречий с китайской стороной по идейно-политическим вопросам, в том числе из-за провозглашаемых китайским руководством радикальных левачьих установок, были восприняты последним исключительно остро¹⁷⁸. В обстановке секретности Пекином было принято решение о скорейшей реализации «Проекта 596» (первые две цифры названия которого означали год, а третья – месяц начала самостоятельной работы над ядерным боеприпасом). Осведомленность советской стороны в вопросах военно-технического развития КНР, как стало ясно позже, оказалась недостаточной для того, чтобы делать выводы о стратегических перспективах в этой сфере. На состоявшейся 15 июня 1960 г. встрече послов Прифти и Червоненко последний высказал уверенность в том, что КНР не в состоянии создать ядерное оружие ранее 1962 г.¹⁷⁹ В конце января 1963 г. ЦРУ США получило информацию аналогичного содержания от некоего «высокопоставленного советского чиновника» о том, что Пекин не обладает ядерным оружием и не сможет разработать его в ближайшем будущем, так как в противном случае, если бы КНР имела его, она бы «вела бы себя более ответственно»¹⁸⁰. Однако такая оценка возможностей Пекина не разделялась в Вашингтоне, и летом 1963 г. американ-

Intelligence. Jan 1961. P. 17, 18. – [http://209.85.129.132/search?q=cache:VQGfviPB7LgJ:se2.isn.ch/serviceengine/FileContent%3FserviceID%3D12%26fileid%3D008AFB25-096B-B116-FE55-EAF59BD36108%261ng%3Den+USAREUR+Intelligence+Estimate+%E2%80%93+1961+\(U\)&cd=1&hl=en&ct=clnk](http://209.85.129.132/search?q=cache:VQGfviPB7LgJ:se2.isn.ch/serviceengine/FileContent%3FserviceID%3D12%26fileid%3D008AFB25-096B-B116-FE55-EAF59BD36108%261ng%3Den+USAREUR+Intelligence+Estimate+%E2%80%93+1961+(U)&cd=1&hl=en&ct=clnk)

¹⁷⁷ О советско-китайском сотрудничестве в области ядерных технологий см.: *Negin E., Smirnov Y.* Did the USSR Share Atomic Secrets with China? – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_china_wapa/negin_smirnov_engl.cfm?navinfo=16034;Shen_Zhiua.Khrushchev,Mao and the Unrealized Sino-Soviet Military Cooperation – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_china_wapa/Zhiua_engl.cfm?navinfo=16034#_ednref3.

¹⁷⁸ Подробнее о советско-китайском военном сотрудничестве, а также роли и месте советско-китайского конфликта в развитии Варшавского пакта в конце 50-х – начале 60-х гг. см.: *Симонов С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Kramer M.* The Warsaw Pact and the Sino-Soviet Split (1955-1964). Paper for an International Conference «The Cold War in Asia». Jan. 1996, Hong Kong; *Lilthi L.* The People's Republic of China and the Warsaw Pact Organization, 1955-63// *Cold War History*. 2007. V. 7. №. 4. Подробнее о военно-промышленном комплексе и его связях с зарубежными государствами: *Быстрова И.* Военно-промышленный комплекс СССР на международной арене// *Отечественная история*. 2006. № 2; она же. Советский военно-промышленный комплекс. Проблемы становления и развития (1930-1980-е годы). Москва, 2007.

¹⁷⁹ Memorandum of Conversation between Albanian Ambassador to the PRC Mihal Prifti and Soviet Ambassador to the PRC Stepan V. Chervonenko, 27 June 1960// *Cold War International History Project. Bulletin. Issue 16. Fall 2007/Winter 2008. Inside China's Cold War*. P. 187.

¹⁸⁰ В рассекреченном ЦРУ документе, к сожалению, удалены не только имя чиновника, с которым беседовал, судя по всему, сотрудник этой организации, но также место и время этой беседы. Views of a Soviet Official on Future Chinese Nuclear Capability and Current Bellicose Attitude. Telegram. Information report. 31.1.1963. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000384512. Более того, «источник», как называется в тексте телеграммы собеседник представителя американской разведки, высказал сомнение в том, что советско-китайские разногласия столь серьезны, что могут привести к разрыву между Пекином и Москвой. Остается неясным: был ли данный советский чиновник вообще в курсе происходящего или он занимался сознательной дезинформацией.

ская сторона предложила советской сотрудничеству с тем, чтобы добиться недопущения развития ядерной программы КНР, но Н. С. Хрущёв холодно отнёсся к этой американской инициативе¹⁸¹. 16 октября 1964 г. КНР провела первое ядерное испытание.

Несмотря на складывавшиеся в ОВД взаимоотношения между отдельными государствами-членами блока, военная составляющая пакта усиливалась.

Таблица 5

Долг Балканских государств-членов ОВД за военные поставки из СССР в млн советских рублей на 1961 г.¹⁸²

Страна	Виды задолженности	Объем задолженности
Албания	Всего	8,2
	Основной долг	7,4
	%% по долгам	0,8
Болгария	Всего	109,8
	Основной долг	101,1
	%% по долгам	8,7
Румыния	Всего	159
	Основной долг	143,6
	%% по долгам	15,4

Американская разведка отмечала этот факт и делала вывод о том, что к 1965 г. центрально-европейские и балканские члены Восточного блока уже должны были обладать внушительной силой: 880 боевыми самолётами, 555 вертолетами, 6075 танками, 17312 бронетранспортёрами, 554 радарными станциями, 41440 комплектами радиосвязи и другим боевым снаряжением и техникой¹⁸³.

В целях реализации программы военно-технического перевооружения болгарских вооруженных сил осенью 1961 г. Москва сообщила Софии о возможности обеспечить до конца года болгарские ВВС 150 самолетами МиГ-17 и МиГ-15 бис, 9 реактивными разведывательными самолетами Ил-28, оснащенными 12 боекомплектами авиабомб и 5 боекомплектами стрелковых боеприпасов. Стоимость предоставлявшейся техники и вооружений оценивалась в 24 млн рублей по ценам 1961 г., из которых болгарская сторона оплачивала 8 млн за счёт будущего кредита со сроком погашения 10 лет и 2% годовых¹⁸⁴. Военно-технические и организационные реформы болгарских вооруженных сил были призваны усилить позиции НРБ в регионе, тем более, что её важность как балканского члена Восточного блока отмечалась и в НАТО. Поставки советских вооружений Болгарии вызывали особый интерес у соседних Греции и Турции, где болгарским вооруженным силам в случае возникновения военного конфликта предстояло самостоятельно вести боевые действия до подхода основных советских частей. Греческая разведка, как стало известно болгарским контрразведывательным органам, обладала к апрелю 1961 г. информацией «из хорошего источника» о том, что «во время своего последнего посещения Москвы болгарские руководители ставили вопрос о снабжении болгарских вооруженных сил современным оружием и особенно атомным, так как Болгария отставала в этом отношении от других стран (Венгрии, Румынии) и находилась в невыгодном положении

¹⁸¹ Подробнее об этом: *Ltithi L.* The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. New York, 2008. P. 246. Л. Люти ссылается на утечку, организованную Вашингтоном в газете The New York Times (2.10.1964).

¹⁸² Справка о задолженности стран народной демократии за поставки военной техники из СССР и о сроках погашения этой задолженности (по состоянию на 1.1.1961 г.). С. 7. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?idH 6695&navinfo=16161>

¹⁸³ *Uhl M.* Nuclear Warhead Delivery Systems for the Warsaw Pact, 1961-65: Documents from the Russian State Archives of Economics and the German Federal Military Archives on the Reorganization and Modernization of the Armed Forces of the Soviet Bloc// War Plans and Alliances in the Cold War: Threat Perceptions in the East and West.

¹⁸⁴ Доклад от министра на отбраната ген. И. Михайлов относно доставка на самолети от СССР за нуждите на БНА. 17.09.1961 г. Л. 2// България във Варшавския Договор.

по отношению к Греции с точки зрения (имевшихся у неё – Ар. У.) вооружений»¹⁸⁵. Осведомленность греческой разведки свидетельствовала о том, что ей, судя по всему, стало известно о создании в 1961 г. 10-го смешанного авиационного корпуса под командованием генерала С. Симеонова, включавшего подразделения ВВС в Безмере и Чешнигорово, лётный состав которых отрабатывал приёмы бомбометания ядерных зарядов¹⁸⁶. Греческая сторона также фиксировала во второй половине лета 1961 г. передислокацию большого количества подразделений БНА к границе с Грецией и Турцией¹⁸⁷.

Укрепление союзнических взаимоотношений СССР и НРБ проходило на фоне углублявшегося советско-албанского конфликта. Особую остроту он начал приобретать в конце зимы – начале весны 1961 г. Обмен письмами между Главнокомандующим Объединёнными вооружёнными силами Варшавского договора маршалом СССР А. А. Гречко и министром обороны НРА генерал-полковником Б. Балуку (25 февраля, 27 марта, 28 марта), а также памятными записками (22 марта и июнь 1961 г.)¹⁸⁸ свидетельствовал о приближении разрыва между Москвой и Тираной, что, в свою очередь, влияло на отношения Албании с Варшавским блоком¹⁸⁹. Тем временем в Албании шла подготовка к открытому судебному процессу над Т. Сейко и несколькими представителями высшего звена АПТ. Суд, проходивший в мае 1961 г. и признавший виновными обвиняемых, приговорил некоторых из них к смертной казни, включая самого Т. Сейко. Официально им вменялось в вину сотрудничество с греческой и югославской разведкой¹⁹⁰ и планирование государственного переворота¹⁹¹. Однако на неофициальном уровне

¹⁸⁵ Информация относительно данных, полученных от греческой и турецкой легаций. Начальник Управления Ш-ДС. 6 Февраля 1963. С. 1. – <http://bgrod.by.ru/ds60/DS630206bg.pdf>

¹⁸⁶ Андонов Е. «Атомная авиация» на ПВО и ВВС на БНА. Част 1// Аеро. Българското авиационно списание. 26.5.2011.

¹⁸⁷ Информация относительно данных, полученных от греческой и турецкой легаций. С. 1.

¹⁸⁸ Подробнее: The Soviet-Albanian Dispute: Albanian Defense Minister (Beqir Ballulcu) to the Supreme Commander of the Joint Armed Forces (Andrei A. Grechko) 28 Mar 1961. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=17892&navinfo=15697>; Решение Политического Консультативного Комитета Варшавского Договора. 29 марта 1961 г. – <http://php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?id=17888&lng=en>

¹⁸⁹ Письмо премьер-министра НРА М. Шеху от 5 апреля 1961 г. в адрес ПКК, в котором содержится критика действий союзников по блоку за их позицию в отношении предпринимавшихся Тираной действий. – The Soviet-Albanian Dispute: Reply by Albanian Premier Mehmet Shehu to the Political Consultative Committee. – <http://se2.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=PHP&fileid=85CDC0DF-EBE3-E127-CD54-128AADCE6FD&lng=ru> Албанская версия письма, оригинал которого составлен на русском языке, с указанием данных архивного хранения в Албании (Arkivat e Traktatit të Varshavës, origjinali rusisht. Arkivat e Shtetit Shqiptar. Dosja Nr.4, viti 1961): Boriçi K. Shehu: Ja si do të pushtohet Shqipëria nga Jugosllavia, Greqia, NATO e tradhtarët e brendshëm! Arkivat sekrete të Traktatit të Varshavës, viti 1961. Ditari sekret i Komandës së Traktatit, për situatën kritike në Bazën Detare të Vlorës//Shekulli, 13.11.2007.

¹⁹⁰ Реакция югославской стороны была продемонстрирована в виде официального ответа Белграда, опубликованного в газете «Борба»: Saopštenje Vlade FNRJ povodom izjave Enver Hodze, clana Prezidijuma NR Albanije i prvog sekretara Partije rada Albanije na Cetvrtom kongresu PR Albanije, 13. februara 1961// Borba, 17.2.1961. В Югославии был также опубликован сборник документальных материалов о деятельности государственных органов НРА против Югославии: Bela knjiga o neprijateljskoj politici vlade Narodne republike Albanije prema FNRJ. Beograd, 1961. Подробнее об очередном обострении албано-югославского конфликта в период ухудшения взаимоотношений между Тираной и Москвой в это время см.: Zivotic A. Zaostravanje jugoslovensko-albanskog odnosa u send sovjetsko-albanskog sulcoba (1959-1961)// Vojno-istorijski glasnik. 2010, № 1.

¹⁹¹ В феврале 1961 г. на заседании ЦК АПТ эта версия обсуждалась достаточно активно. В то же время как в греческих правящих кругах, так и на Западе, судя по всему, не существовало в этот период острой заинтересованности в смещении Э. Ходжи и приходе нового руководителя, который, в конечном счёте, был бы связан с СССР. «Югославский фактор» также имел своё значение в складывавшейся ситуации. В Афинах опасались того, что при поддержке Москвы Белград организует переворот в Албании и установит там дружественный ему режим. См.: Παλαγκάς Μ. Όψεις των ελληνογιοιουγκοσλαβικών σχέσεων κατά την περίοδο 1955-1965. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης Φιλοσοφική Σχολή Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας, Λαογραφίας και Ανθρωπολογίας. Προτεύουσα Μεταπτυχιακή Εργασία Θεσσαλονίκη, 2009. Σ. 67. О «деле Т. Сейко» см.: Улуян Ар. А. Готовился ли переворот в Албании? «Дело Т. Сейко»: версии//В поисках новых путей: Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011. К сожалению, до сих пор многие материалы, относящиеся к этим событиям, не доступны в полном объёме как в Албании, так и в современной России. Дискуссия, состоявшаяся в албанской печати весной 2010 г., о степени осведомлённости американского ЦРУ и советского КГБ не прояснила данного вопроса: Tare A. Shqipëria në sytë e CIA-së dhe KGB-së// Shqipëria, 26.04.2010. О подготовке государственного переворота с участием подсудимых и вовлечённости в это СССР нет аутентичных документов, подтверждающих планирование такой операции со стороны СССР и симпатизировавших ему членов

(что не было секретом для высшей партийной номенклатуры) все подсудимые подозревались в подготовке просоветского заговора и переворота.

Ухудшение советско-албанских отношений ускорилося весной 1961 г., когда после серии конфликтов на военных объектах базы Влёры Москва предприняла радикальные шаги, направленные на ликвидацию своего военного присутствия в Албании, руководство которой продолжало отказываться от принятия антисталинских идейно-политических тезисов и проводило избранный курс, направленный на усиление взаимодействия с китайским руководством. Решение Президиума ЦК КПСС, принятое в марте 1961 г., легализовало ликвидацию базы во Влёре, но было крайне остро воспринято в Тиране. Албанские власти, пытаясь не допустить ухода ряда военно-морских судов (включая подводные лодки), а также вспомогательной техники,

руководства Албании. Однако отсутствуют и данные, которые позволяют окончательно отвергнуть подобную версию. Более того, российский автор, доктор исторических наук А. О कोरोков в публикации под названием «Зигзаги албанской политики. 1942-1995 гг.» (Чекист.ру: информ.-аналит. издание. (Электронный ресурс) 16.2.2009 – <http://chekist.ru/article/2575>) без ссылок на источник писал: «К середине 1961 года в Москве был разработан план силового решения “албанской проблемы”. Он предусматривал свержение Э. Ходжи с помощью албанских коммунистов “верных социалистическим идеалам” и их последующее обращение к СССР и странам Варшавского Договора с просьбой о “военной помощи”. После этого войска СССР и других социалистических стран, кроме Румынии, отказавшейся от участия в “помощи”, должны были войти в Албанию с севера и востока – через Югославию и с юга – через Ионическое море. “Освобождение” Албании планировалось осуществить не позднее 1 сентября 1962 года. Однако из-за обострившихся советско-американских отношений по поводу Кубы Карибский кризис не позволил реализовать его в намеченные сроки. Воспользовавшись отсрочкой, албанское руководство предприняло превентивные меры. Весной 1962 года, во время очередной встречи Э. Ходжи и премьера страны М. Шеху с китайскими лидерами Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем была достигнута договоренность о всесторонней помощи Албании со стороны КНР. После этого в страну стали прибывать китайские военные советники, вооружение, боеприпасы. В срочном порядке стали строиться подземные укрепления, охватившие к 1968 году почти всю страну. Одновременно была произведена очередная “чистка” партийных рядов, в первую очередь государственного аппарата. В результате, в 1960-1962 годах было обновлено до 70% состава ЦК и руководство большинства министерств и ведомств. “Курировал” эти мероприятия секретарь ЦК Р. Алия, ставший впоследствии преемником Ходжи. Летом 1962 года Москва вновь вернулась к “албанскому вопросу”. Главная роль в плане “десталинизации” страны отводилась югославскому лидеру И. Тито. В Москве полагали, что албано-китайский альянс, антититовская политика и пропаганда Тираны, а также усилившееся апеллирование Ходжи к “угнетению албанцев в Косово” вынудят Белград пойти на сотрудничество с СССР. В июле 1962 года Н. С. Хрущев запросил у Тито разрешения на пропуск войск Варшавского Договора через Югославию к албанским границам. Но, несмотря на конфронтацию с Ходжей, Тито отказался помочь Хрущеву. Более того, он конфиденциально поведал албанскому лидеру о планах Москвы и известил Неру, Насера и Сукарно о намерении Хрущева “проучить” Тирану. Опасаясь огласки своих действий, Москва вынуждена была отступить, а достигший апогея конфликт СССР с США из-за Кубы поменял геополитические приоритеты». В Албании данная публикация была замечена с опозданием и приведена в пересказе под названием «Российские архивы: проясняется план оккупации Советами Албании». В материале говорилось о том, что данные почерпнуты из российского военного архива, но без уточнения его названия: Arkivat ruse, zbardhet plani për pushtimin e Shqipërisë në gusht 1962 nga sovjetikët. 17.3.2010 // Mekuli Press – <http://www.mekulipress.com/index.php?m=shfaqart&aid=1976>. Примечательным фактом являлось явное противоречие, заключавшееся в том, что Т. Сейко, будучи руководителем военной разведки албанских вооруженных сил и одним из организаторов антиюгославской разведывательной и подрывной деятельности, включая акции внутри самой Югославии, обвинялся в работе на югославскую сторону. На этот факт указывали и югославские СМИ во время проведения судебного процесса в мае 1961 г. См.: Stankovic Yugoslav Comment On Tirana Spy Trial. 30.5.1961.Box-Folder-Report 1-6-71. RFE Evaluation and Analysis Department. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-6-71.pdf>. Весьма примечательным и остающимся до сих пор невыясненным фактом (что уже неоднократно становилось поводом для серьезных подозрений в подготовке военного переворота) была неожиданная смерть одного из важных функционеров МВД – 38-летнего генерал-майора Х. Сейти 26 апреля 1960 г. из-за, как было сообщено властями, «внутреннего кровотечения». Похороны были проведены демонстративно помпезно. В июле 1960 г. югославское УДБ арестовало за шпионскую деятельность некоего С. Барчи, который обвинялся в попытке убить высокопоставленного эмигранта из коммунистической Албании – генерала и члена ЦК АПТ П. Пляку. – Stankovic Yugoslavs Using Albanian «Spy» Case to boost Tito's Protege for Tirana Power? 18.7.1961. RFE Evaluation and Analysis Department. Yugoslav Special. No. 1087/1961. Box-Folder-Report 1-6-37. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-6-37.pdf>. В публикации югославской прессы, передавшей слова Пляку относительно его обвинений албанскими властями в подготовке переворота, говорилось о том, что впервые о ситуации в албанских руководящих кругах накануне своего бегства в Югославию генерал сообщил Москве. Симптоматичными фактами, привлечшими внимание албанской разведки, стала деятельность подполковника И. Колчина. Он входил в состав советского военного персонала в Албании. Не меньшее значение было уделено словам советского посла В. Иванова «будьте настоящими военными», обратившегося в подобном тоне во время встречи в посольстве к албанским офицерам и генералам 6 августа 1960 г., т. е. фактически после ареста Т. Сейко и ряда других высокопоставленных деятелей режима и отдельных граждан. Их число стало известно намного позже и достигло 200 человек. Слова советского представителя были расценены албанской стороной как провокация и открытое подстрекательство к действиям. См. публикации документов Сигурими в: Si ranë sekretet ushtarake të Enver Hoxhës në dorën e agjentit sekret sovjetik. 2004. F. 66–71. – http://www.shqiperiaweb.com/portal/component/option,com_fireboard/Itemid,94/func,showcat/catid,4/index.php?option=com_fireboard&Itemid=94&id=107&catid=32&func=fb_pdf

предприняли шаги по блокированию базы с использованием поставленных ранее СССР вооружений (береговой артиллерии, минных заграждений и т. д.). Поэтому выход из территориальных вод базы Влёры оказался для советских военных судов серьезно затруднен, и Москва была вынуждена оставить часть судов ВМФ в распоряжении албанцев¹⁹².

26 апреля 1961 г. Кремль разорвал договор о предоставлении советских кредитов Албании. На заседании Политического Консультативного Комитета ОВД была принята секретная резолюция, требовавшая от албанской стороны предоставить союзникам по пакту подтверждение факта нападения на Албанию со стороны Греции и VI американского флота (о чём заявляло ранее албанское коммунистическое руководство)¹⁹³. Попытка албанского руководства сделать ссылку именно на подготовку подобного нападения, а не как на уже свершившийся факт агрессии, была воспринята в ПКК с подачи Москвы с подозрением относительно намерений Тираны использовать фактор потенциальной внешней угрозы для оправдания своей позиции в споре с Кремлем о методах использования советским ВМФ базы во Влёре. Поэтому Э. Ходжа постарался в начале июля 1961 г. восстановить сокращавшиеся экономические и оборонные контакты с блоком, но ему не удалось достичь этого. Более того, делегация АПТ не была приглашена на встречу компартий стран Варшавского пакта, состоявшуюся в августе того же года. Одновременно албанская сторона внимательно наблюдала за действиями СССР в отношении Движения неприсоединения, где одну из ведущих ролей играла Югославия, которую Э. Ходжа рассматривал как потенциального противника. В телеграмме, направленной в Тирану албанским послом в Москве Н. Насе 5 июня 1961 г., сообщалось о попытках советской стороны, хотя и осторожно, фактически создать внутри этой организации блок стран, которые бы выступили с жёстких и непримиримых «антиимпериалистических» и «антиколониальных» позиций в соответствии с подготовленной для XV сессии ГА ООН государствами Азии и Африки резолюцией по разоружению. В ней осуждались эти два явления, и она не была принята, в конечном счёте, на заседания Генеральной Ассамблеи. На этот раз Москва стремилась использовать также и Декларацию о деколонизации, являвшуюся официальным документом ООН¹⁹⁴.

В октябре 1961 г. Хрущёв уже открыто заявил в своей речи на XXII съезде КПСС о неприемлемости политической практики и идеологических воззрений руководства АПТ, что вызвало ответную реакцию Э. Ходжи. Последний сделал жёсткие заявления в адрес руководства КПСС и лично Хрущёва на международном коммунистическом совещании 16 ноября 1961 г. В декабре того же года Москва отозвала своих дипломатов из Албании и обратилась к Тиране с заявлением о нецелесообразности пребывания албанского посольства в СССР, что, по сути, означало разрыв дипломатических отношений, который сопровождался ожесточенной публичной полемикой.

Парадокс складывавшейся ситуации заключался в том, что коммунистическая Албания фактически переставала являться членом Восточного блока и начинала переходить на позиции нейтралитета, но существенно отличавшегося от югославского, финского, а также австрийского, и ориентированного на самоизоляцию¹⁹⁵. Один из первых серьезных кризисов в Варшав-

¹⁹² Советский флот в войнах и конфликтах «холодной войны» //Персональная страница Александра Розина. – <http://alerozin.narod.ru/mediter.htm>. См. также: *Негаишев В.* О становлении албанского подводного флота и о начале освоения советскими подводниками глубин Средиземного моря//Подводник России. 2003, № 3.

¹⁹³ Ссылка на планы Греции, Югославии и НАТО содержалась в письме Б. Балуку от 28.3.1961 г. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=17892&na_vinfo=14465. Албанская версия письма была напечатана в албанской газете «Shekulli» 11.11.2007 в статье под названием «Beqir Balluku-Varshaves: «Na ndihmoni, do na sulmoje Jugosllavia, Greqia e NATO!»» (Бекир Балуку – ОВД: «Мы поможем, мы атакуем Югославию, Грецию и НАТО»).

¹⁹⁴ Telegram from Nesti Nase, the Albanian ambassador to the USSR, to the Ministry of Foreign Affairs of Albania. 5 June, 1961// Cold War International History Project. Digital Archive. – [http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Document%20II%20\(June%205,%201961\).pdf](http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Document%20II%20(June%205,%201961).pdf)

¹⁹⁵ О формулировании новых подходов во внешней и оборонной политике режима Э. Ходжи этого периода см.: *Bashkurti*

ском пакте привлёк внимание военных и политических кругов НАТО, а также граничивших с Албанией стран-участниц альянса. Наиболее серьезная ситуация складывалась в албано-греческих отношениях. В этой связи Тирана испытывала серьезные опасения относительно возможных действий Афин, направленных на изменение греко-албанской границы не только и не столько военным путем, сколько с помощью международного арбитража и при молчаливой поддержке со стороны США, НАТО и даже СССР. Территориальный спор о принадлежности южной части Албании (в соответствии с греческой исторической традицией называемой Северным Эпиром) был способен серьезно дестабилизировать военно-политическую ситуацию на Балканах и в Средиземноморье. Помимо того, что Афины постоянно заявляли о преследовании албанскими коммунистическими властями греческого национального меньшинства, Тиране стало известно о якобы выраженной Москвой поддержке греческих требований об автономии Северного Эпира и готовности обсуждать эту проблему на международном уровне. Ситуация приобрела столь острый характер, что Генеральный штаб итальянских вооруженных сил составил специальный документ для НАТО, в котором действия Греции в отношении Албании, как по вопросу сохранения ею состояния войны с соседней страной, так и по «чамскому вопросу»¹⁹⁶, были жёстко осуждены. Это обуславливалось желанием Италии усилить свои позиции на Балканах и не допустить укрепления Греции в регионе. Лишь после вмешательства США Италия сняла этот документ с повестки дня обсуждений в НАТО¹⁹⁷.

Одновременно Вашингтон активизировал военно-техническое сотрудничество с Афинами, имея в виду значимость Греции для оборонных интересов США и НАТО в Средиземноморье и на Балканах. В свою очередь, греческая сторона настаивала на усилении американской помощи в контексте складывавшейся в средиземноморско-балканском секторе военно-политической ситуации. Во время визита премьер-министра Греции К. Караманлиса в апреле 1961 г. в Вашингтон глава греческого кабинета особо подчеркивал важность его страны для оборонной политики США и НАТО в Европе и на Ближнем Востоке, ссылаясь на высокую степень дипломатического давления со стороны коммунистического блока на Грецию. Это требовало, по его мнению, усилить поддержку США своего союзника¹⁹⁸. Караманлис придерживался мнения о том, что «было естественным в интересах успеха НАТО сохранять баланс на юге НАТО», и Греции, которая, по его словам, «является связующим звеном между Турцией и Югославией», «на протяжении последних десяти лет удавалось этого достигать»¹⁹⁹.

В этой связи развитие советско-албанского конфликта превращалось в важный фактор, способный повлиять на оборонные возможности ОВД. С советской стороны действия албанского партийно-государственного руководства были в достаточно жёсткой форме оценены лично Хрущевым в речи 16 мая 1962 г. «на товарищеском ужине» во время его визита в Болгарию, что также было не случайно, имея в виду статус НРБ как наиболее близкого союзника СССР в Варшавском пакте²⁰⁰.

L. Diplomacia shqiptare në fillimet e luftës së ftohtë. 1945–1961. Tiranë, 2003. V. 2; *Bashkurti L. Diplomacia e vetëizolimit: rasti i Shqipërisë. 1961–1989. Tiranë, 2004. V. 3.*

¹⁹⁶ Албанцы-чамы (алб. Çamë, греч. Τοάμδες) – население Чамерии – северо-западного района Греции. Большинство чамов после Второй мировой войны и Гражданской войны в Греции (1946–1949 гг.) были вынуждены покинуть Грецию, так как многие из них были обвинены в сотрудничестве с оккупационными силами Германии и Италии, которые создали из них отряды для борьбы с греческими партизанами, а другие, наоборот, в поддержке прокоммунистических повстанцев (ЭЛАС и Демократической Армии Греции). В Албании действия греческих властей, приведшие к выселению чамов и их бегству в Албанию, а также другие страны, называются этнической чисткой, и 27 июня объявлен днём геноцида чамов (в память массовой гибели чамов 27 июня 1944 г. в Парамитии).

¹⁹⁷ Подробнее об этом: *Meta B. Marrëdhëniet shqiptaro-greke në vitet 1960–1962//Studime Historike. 2004. N 1/2*

¹⁹⁸ 312. Memorandum of Conversation. Washington, April 19, 1961, 10:30 a.m. // *Foreign Relations, 1961–1963. Eastern Europe; Cyprus; Greece; Turkey. Washington, 1994. V. XVI. P. 608–612.*

¹⁹⁹ 312. Memorandum of Conversation. Washington, April 19, 1961, 10:30 a.m. // *Ibid. P. Turkey 610, 611.*

²⁰⁰ См. подробнее в: «Я являюсь продуктом сталинской эпохи». Речь Н. С. Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде (Варна) 16 мая 1962 года//Источник. Вестник Архива Президента РФ. 2003, № 6.

В американском разведывательном сообществе конфликт между Тираной и Москвой всё больше начинал рассматриваться в контексте ситуации, складывавшейся в ОВД²⁰¹. Предполагая возможность прямого или косвенного использования силы со стороны СССР в отношении албанского руководства, аналитики ЦРУ приходили зимой 1962 г. к выводу о том, что подобные действия однозначно приведут к окончательному разрыву в отношениях между СССР и КНР. В то же время, как они считали, «советское покровительство успешному государственному перевороту было бы менее очевидным делом и могло бы не привести к разрыву с Пекином»²⁰².

Обращение к теме возможной реакции китайского руководства на действия советской стороны в отношении Тираны было закономерным. Сотрудничество между коммунистическими режимами Албании и Китая, которые оказались в изоляции в коммунистическом блоке, приобрело в начале 60-х гг. XX в. устойчивый и доверительный характер, что проявилось в области обороны и безопасности. Министерство внутренних дел Албании активно сотрудничало с Министерством государственной безопасности КНР в вопросах сбора и реализации разведывательной информации по широкому спектру политических²⁰³ и военных вопросов. Главными из них являлись конкретные военно-политические действия любых государств в географических регионах нахождения двух стран и внешняя политика стран Западного и Восточного блоков в отношении Тираны и Пекина. Интенсивность обмена разведанными между албанской и китайской сторонами за первое полугодие 1961 г. была достаточно высокой, о чём свидетельствует предоставление албанской разведкой 16 информационных сообщений в адрес Министерства государственной безопасности КНР²⁰⁴.

В передававшихся китайским партнерам разведывательных материалах албанская сторона нередко косвенно связывала сходство действий в отношении Албании и Китая недружественных и враждебных политических сил (государств), что, вероятно, было призвано, по мнению Тираны, подчеркнуть объективную необходимость тесного союза между двумя странами. В начале февраля 1961 г. министр внутренних дел Албании генерал-лейтенант К. Хазбиу направил информационное письмо с разведанными, полученными его ведомством по линии Управления государственной безопасности, своему коллеге – министру государственной безопасности КНР Сю Фу Жи. В соответствии с данными, которыми располагала албанская сторона, американские «главный штаб морской пехоты и ВВС приняли решения об усилении в

²⁰¹ Об особенностях американских разведывательных оценок в этот период см. в: *Anton M. Diversitate în unitate. Percepții Americane Asupra Blocului Comunist, 1962// Arhivele Totalitarismului. 2004. № 3/4.* Информация, поступающая в ЦРУ США из Тираны на протяжении 1948–1961 гг., как стало ясно из рассекреченных документов этого ведомства, отличалась высокой степенью достоверности и наличием важных с точки зрения полноты освещения положения внутри руководства АПТ фактов. ЦРУ не раскрыло источников получения сведений и исключило из рассекреченных материалов установочные данные на них (имя или имена). Однако уровень и осведомленность источника/ов свидетельствуют о принадлежности его (их) к высшим партийно-государственным кругам коммунистического режима. О деталях в: *Karaj V. Njeriu misterioz i CIA-s në Tiranë: misteritë e agjentit që i raportonte CIA-s bisedat me Mehmet Shehun dhe dëshirën e tij për ta lidhur Shqipërinë me Perëndimin// Shekulli. Nr. 177, 4.7.2007. F. 13.* Сам документ: *Soviet-Albanian Relations, 1940–1960.* (Reference Title: ESAU XIX-62). 22 June 1962. Current Intelligence Study. Office of Current Intelligence. Central Intelligence Agency. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/ESAU/esau-19.pdf>. См. также: *Blum W., Ahmed N. M. CIA dhe Ushtria Amerikane: Ndërhryjet në vende të ndryshme të botës që prej Luftës së II Botërore. Tiranë, 2005.*

²⁰² Current Intelligence Staff Study. The New Stage of the Sino-Soviet Dispute (October 1961 – January 1962). Reference Title: ESAU XVIII-62. 26.2.1962. P. 89. – [http://www.faq.org/cia/docs/90/0000107344/:CURRENT-INTELLIGENCE-STAFF-STUDY—NEW-STAGE-OF-THE-SINO-SOVIET-DISPUTE-\(OCTOB.html](http://www.faq.org/cia/docs/90/0000107344/:CURRENT-INTELLIGENCE-STAFF-STUDY—NEW-STAGE-OF-THE-SINO-SOVIET-DISPUTE-(OCTOB.html)

²⁰³ *Plani Kennedy – Hrushov dhe qëndrimi i De Golit: bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1963: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961// Ndryshe, 30.5.2008; Japonia është duke lozur rolin e ndërmjetës...: bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1963–1965: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi// Ndryshe, 31.5.2008.*

²⁰⁴ Текст благодарственного письма министра государственной безопасности КНР Сю Фу Жи в адрес министра внутренних дел НРА генерал-лейтенанта Кадри Хазбиу. 26.6.1961. См.: *Përgjigje. 26.6.1961 – Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961// Ndryshe, 28.5.2008.* Точное количество аналогичных сообщений от китайской стороны пока не приводилось в открытой печати.

течение 1961 г. сил поддержки VI флота в Средиземном море и VII флота в Тихом океане». В число планировавшихся мер входило: увеличение авианосных единиц; усиление присутствия сил авиации в прилегающих к акватории Средиземного моря территориях и конкретных районах Тихого океана (прежде всего, на Тайване, названном в албанском документе Формозой); совершенствование системы командных пунктов с использованием средств воздушного базирования, а также разработка новых видов системы раннего предупреждения. Тирана предоставила Пекину информацию о разработке тайваньскими военными противовоздушного оружия – ракет²⁰⁵, а также копии наставлений для вооруженных сил НАТО по вопросам организации и проведения наступательных и контр наступательных действий²⁰⁶. Помимо общей военно-технической информации албанская сторона направила китайским партнерам данные о подготовке кадров переводчиков в вооруженных силах США и оперативную информацию о зарубежных американских дипломатических представительствах²⁰⁷.

Отслеживание военно-политической обстановки в регионах, представлявших взаимный интерес для Тираны и Пекина, позволили албанской разведке выступить в роли серьезного партнера разведывательной службы КНР. Одним из направлений деятельности Управления безопасности МВД НРА было ведение работы по военно-политическому блоку СЕНТО и складывавшейся в нём ситуации. Это было особенно важно, учитывая зону ответственности альянса, имевшего выход на регионы, близкие географически как к Албании, так и КНР. Албанские органы разведки передали китайским коллегам весной 1961 г. информацию о составе и численности вооруженных сил стран-членов блока на конец 1960 – начало 1961 г.²⁰⁸ Особое место в работе албанской разведки по СЕНТО занимала военно-политическая составляющая этого союза. Елейность полученных Тираной данных о характере происходивших в блоке процессов заключалась в том, что они касались вопросов военно-стратегического планирования и взаимоотношений союзников по региональному пакту. Именно поэтому добытые сведения были направлены в Пекин, где также внимательно следили за происходящим в СЕНТО, так как это затрагивало его взаимоотношения со многими членами организации, в частности, Пакистаном, рассматривавшимся в КНР как союзник против Индии. Несмотря на предупреждение албанской стороны о том, что «информация требует проверки», полученные сведения во многом отвечали действительности. Тиране, и, соответственно, Пекину стало известно о том, что на заседании представителей стран-членов СЕНТО, проходившем 27-29 апреля 1961 г. в Анкаре, «Турция, Иран и Пакистан обратились с просьбой об увеличении экономической и военной помощи к США», однако американцы не дали никаких обещаний. Три названных государства выступили также с инициативой создания единого военного командования, главой которого предложили назначить американского генерала. Американская сторона, как стало известно албанской разведке, выдвинула в ответ свои условия, заключавшиеся в том, что Пакистан и Иран разместят на своей территории ядерное оружие; Великобритания увеличит свой вклад в финансовое обеспечение СЕНТО; Турция, Иран и Пакистан будут вести осторожную политику в отношении арабских стран, Афганистана и Индии, а также будут противодействовать распространению коммунизма²⁰⁹. Не меньшую важность составляли сведения, полученные из натовских военных кругов и касавшиеся позиции членов альянса по важным для коммунистической Албании и КНР вопросам. Так, в частности, относительно проходившего в

²⁰⁵ Текст письма Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фу Джи. 1.2.1961// Ibid.

²⁰⁶ Текст письма заместителя министра внутренних дел НРА Зои Темели министру государственной безопасности КНР Сю Фу Джи. 15.3.1961//Bashkepunimi shqiptaro.

²⁰⁷ Ibid. Примечательным фактом были одновременные сообщения от 15 марта 1961 г. как Хазбиу, так и Темели, адресованные Сю Фу Джи.

²⁰⁸ Ibid.

²⁰⁹ Текст письма министра внутренних дел НРА Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фу Джи. 16.5.1961. Informate. 8.5.1961// Bashkepunimi shqiptaro.

Осло 8-10 мая 1961 г. заседания министров иностранных дел государств-членов НАТО отмечалось, что «американцы стремятся усилить борьбу против социалистических стран и сделать её более долгосрочной. В дополнение к этому они предложили, чтобы военные силы НАТО вмешивались в дела тех новых государств, в которых существует угроза коммунизма. Англичане и французы высказали своё несогласие с этими предложениями и настаивали на том, чтобы страны Североатлантического альянса проводили политику переговоров. Франция оценивала ситуацию в Южном Вьетнаме более серьезно, чем в Лаосе, и требовала принятия срочных мер с целью недопущения попадания Южного Вьетнама в руки коммунистов. В отношении берлинского вопроса было принято единогласное решение о том, что не может быть сделано никаких компромиссов»²¹⁰. Как и в одном из предыдущих сообщений МВД НРА в адрес МТБ КНР, албанская сторона вновь предупреждала своих китайских коллег о необходимости проверки данных. Ставшие доступными в последние годы и опубликованные архивные материалы подтверждают точность полученной Управлением безопасности МВД НРА информации²¹¹. Активизация сотрудничества Тираны и Пекина в военно-политической области означала окончательную переориентацию руководства Албании на взаимодействие с Китаем и укрепление «оборонной составляющей» в двусторонних взаимоотношениях.

²¹⁰ Текст письма министра внутренних дел НРА Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фу Джи. 8.6.1961. – *Bashkepunimi shqiptaro*.

²¹¹ О сессии министров иностранных дел государств НАТО в г. Осло, проходившей 8-10 мая 1961 г., см.: *NATO Strategy Documents. 1949-1969. Ed. by Pedlow Gr. W. Brussel, 1997; Nash Ph. The Other Missiles of October: Eisenhower, Kennedy, and the Jupiters, 1957-1963. New York, 1997.*

§5. Национальные «проекции» оборонных интересов от Адриатики до Черноморья

В условиях происходивших изменений внутри Варшавского пакта и расширения взаимоотношений Албании и Китая, с которыми у СССР развивался партийно-государственный конфликт, особую значимость для военно-стратегической ситуации на Балканах приобретала позиция Югославии. Как отмечали эксперты американской разведки, занимавшиеся этой проблемой в мае 1961 г., «югославы, однако, воздержались от формальных союзных отношений с западными государствами и Балканским пактом, включающим Грецию и Турцию, о котором шли переговоры в 1953-1954 гг., когда угроза со стороны (коммунистического – Ар. У.) блока продолжала всё ещё оставаться серьезной, а сейчас практически уменьшилась. Белград всё же не отказался от связей с ними, так как они обеспечивают ему определенные выгоды в отношениях с этими двумя странами, а также потому что этот пакт (Балканский – Ар. У.) является своего рода гарантией против возрождения жёстких действий со стороны (коммунистического – Ар. У.) блока. Это также представляет собой форму не прямых контактов с западной оборонной системой, которая однажды могла бы стать полезной для Югославии, несмотря на то, что в своём политическом курсе она прибегает к осуждению НАТО»²¹². В определенной степени на оценки американской разведки влияло принятие правительством США новой внешнеполитической концепции – так называемой «доктрины Кеннеди», провозглашенной президентом Дж. Кеннеди в его инаугурационной речи 20 января 1961 г. В ней вновь была продемонстрирована приверженность Вашингтона идее поддержки противостоявших коммунизму сил.

На проходившей в Белграде 1-6 сентября 1961 г. первой конференции Движения неприсоединения позиция Югославии в отношении Западного блока проявилась достаточно отчетливо. В речи И. Броз Тито при открытии работы конференции югославский руководитель достаточно мягко охарактеризовал возобновление ядерных испытаний со стороны СССР, выразив лишь «озабоченность». В то же время испытания ядерного оружия Францией со стороны Белграда подверглись жёсткой критике. Тито фактически поддержал советскую версию причин и последствий развития

Берлинского кризиса. В жёсткой критической форме он охарактеризовал общественно-политические процессы в Западной Германии, которые он назвал свидетельством усиления фашистских и реваншистских тенденций²¹³, в то время как ситуация в ГДР была представлена главой Югославии как «дальнейшее строительство социализма». Такой подход к происходившим событиям вызвал недоумение посла США в Югославии Дж. Кеннана, являвшегося в своё время одним из авторов так называемой «Доктрины сдерживания». По его мнению, руководство Югославии почувствовало, что обозначенный Белградом подход к этим двум важным для США проблемам был способен серьезно осложнить отношения с Вашингтоном. Именно поэтому на официальном уровне югославская сторона попыталась представить про-

²¹² Документ «CIA National Intelligence Estimate. Number 15-61. Outlook for Yugoslavia» (23.5.1961) цит. no: *Baev J.* US Intelligence Community Estimates on Yugoslavia (1948-1991) // National Security And The Future. 2000. V. 1, N 1. P. 99. Сам документ доступен по адресу в Интернете: http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub 19 NIE15-61 .pdf

²¹³ В октябре 1957 г. правительство ФРГ разорвало отношения с Югославией в ответ на установление ею дипломатических отношений с ГДР. Это было сделано в соответствии с провозглашенной государственным секретарем МИД ФРГ В. Халльштейном на совещании западногерманских послов в Бонне 8–9 декабря 1955 г. «доктриной». Основным тезисом «Доктрины Халльштейна», разработкой которой занимался, в действительности, глава Политического отдела МИДа ФРГ В. Греве, было недопущение со стороны Западной Германии признания легитимности ГДР. Любое государство, устанавливавшее дипломатические связи с ним «наказывалось» разрывом дипотношений с ФРГ. Лишь спустя 10 лет, в 1967 г. дипломатические отношения между ФРГ и Югославией были восстановлены. Радиоинтервью В. Греве от 11 декабря 1955 г. с изложением положений известной в будущем как «Доктрина Халльштейна» в: Wilhelm Grewe Jede Anerkennung der «DDR» ein unfreundlicher Akt. // Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, 13.12.1955. № 233.

изошедшее как «недопонимание со стороны» посольства США и лично посла²¹⁴. Во время встречи с Тито накануне конференции Кеннан получил от него информацию о том, что последний собирается коснуться в своей речи при открытии заседания как Берлинского кризиса, так и советских ядерных испытаний в критическом для Москвы тоне²¹⁵. Таким образом, глава Югославии решил «уравновесить» подход Белграда к политике двух сверхдержав. Позиция югославского руководства представляла особый интерес для Вашингтона, где считали, что «первостепенное значение Югославии остаётся в том, что она является независимым коммунистическим государством, которое успешно сопротивляется советскому империализму. Значительный экономический рост, достигнутый этим режимом, а также эволюция его системы обеспечили ему роль разрушительного элемента в международном коммунистическом движении и источника, способствующего усилению национальных антисоветских тенденций в (Восточном – Ар. У.) блоке»²¹⁶. Ситуация в нём в начале 60-х гг. свидетельствовала о наличии противоречий между его отдельными членами.

Реализация оборонной политики в рамках Варшавского договора была тесно связана с проблемой экономического развития стран-участниц союза. Одно из первых решений, подготовленное советской стороной по данному вопросу, было принято Политическим Консультативным Комитетом ОВД 29 марта 1961 г. В нём заявлялось о том, что «одной из важнейших задач по укреплению обороноспособности Организации Варшавского Договора является улучшение работы по мобилизационной подготовке народного хозяйства в странах и особенно по созданию мобилизационных мощностей для производства изделий военной техники в военный период»²¹⁷. Представленный Н. С. Хрущевым на заседании глав государств-членов СЭВ, проходившем в Москве 3-5 августа 1961 г., план создания наднационального органа планирования был крайне негативно воспринят румынским партийно-государственным руководством. Наиболее активно ещё в начале 1961 г. против него возражал Г. Гастон-Марин – зам. председателя Совета Министров, отвечавший в правительстве за планирование²¹⁸. На проходившем 6-7 июня 1962 г. совещании представителей СЭВ Москва выступила с предложением о разделении специализации государств Восточного блока в области тяжелой индустрии и сельского хозяйства. Это было крайне негативно воспринято румынской стороной, так как Бухарест делал ставку на развитие не только аграрного сектора, на чём настаивал Кремль, но и промышленности. Такие противоречия, во многом повторявшие аналогичный спор между Тираной и Москвой в 50-е гг., достаточно серьезно влияли и на характер дальнейших отношений СССР и Румынии. На февральском (1962 г.) заседании руководящих органов СЭВ румынская сторона в достаточно жёсткой форме отвергла попытки Москвы усилить региональную интеграцию за счёт изменений планов индустриального развития Румынии, а на заседании СЭВ 6-7 июня вице-премьер А. Бырлэдяну вообще заявил о том, что идея предложенной Москвой региональной интеграции и специализации каждой из стран-участниц Совета серьезно затрагивает национальную безопасность Румынии. Вошедший в историю советско-румынской полемики по вопросам интеграции и специализации под названием «план Валева»²¹⁹ проект создания

²¹⁴ 99. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, September 26, 1961, 6 p.m.// Foreign Relations of the United States, 1961-1963. Eastern Europe; Cyprus; Greece; Turkey. Washington, 1994. V. XVI. P. 209.

²¹⁵ 93. Memorandum of Conversation. Brioni, July 17, 1961; 95. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, August 31, 1961, 7 p.m.; 96. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. September 3, 1961, 4 p.m.; 97. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, September 15, 1961, 7 p.m.// Ibid. P. 191-196; 199-202; 202-204; 204-207.

²¹⁶ 112. Memorandum from Secretary of State Rusk to President Kennedy//Ibid. P. 238.

²¹⁷ Решение Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского Договора. 21.3.1961 г. – http://se2.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=PHP&file_id=84C43407-ABF5-87D5-53A7-274FA8F38F32&lng=ru

²¹⁸ Berend I. Central and Eastern Europe, 1944–1993: Detour from the Periphery to the Periphery. New York, 1999. P. 130; Gaston-Marín G. În serviciul României lui Gheorghiu-Dej. Însemnări din viață. București, 2000.

²¹⁹ Своё название он получил по фамилии научного сотрудника МГУ им. М. В. Ломоносова Э. Б. Валева, специалиста

Придунайской экономической зоны включал 150 тыс. км² с населением в 12 млн человек и значительную часть Румынии, практически 1/3 Болгарии, а также советские республики Украину и Молдавию. План рассматривался Г. Георгиу-Дежем как попытка «найти научные аргументы для оправдания политических интересов» Москвы²²⁰, направленных на хозяйственно-экономическое «привязывание» Румынии к СССР. Ставка румынского партийно-государственного руководства на скорейшее развитие промышленности была отмечена в начале 1963 г. в соседней Югославии, которая занимала особое место как в региональной, так и международной системе отношений, являясь, по заявлениям её руководства, социалистической страной²²¹. К 1964 г. контакты между Белградом и Бухарестом интенсифицировались, что было во многом связано с проявлявшимся желанием руководства Румынии использовать Югославию как своего рода «ворота на Запад»²²². Со своей стороны, Москва продолжала настаивать на усилении региональной интеграции и особенно хозяйственно-экономической специализации в рамках СЭВ. В июне 1964 г. советская газета «Известия» опубликовала серию статей, содержащих критику экономических планов Бухареста. Эта, на первый взгляд, имевшая экономическое содержание полемика свидетельствовала о расширении раскола внутри Восточного блока. Стремясь утвердить свою самостоятельность в отношениях с Москвой, Бухарест пошёл в августе 1964 г. на демонстрацию независимости в рамках «социалистического сотрудничества», пригласив партийно-правительственную делегацию из Албании на празднование 20-летия августовского переворота, носившего в румынской коммунистической традиции название «августовское восстание 1944 г.»

В то же время в самом Варшавском Договоре и СЭВе идея региональной интеграции имела определённую популярность среди руководителей отдельных, помимо СССР, государств. Так, в частности, глава Польши В. Гомулка в конце 1958-1959 гг. рассматривал как весьма перспективный план регионального объединения Польши, Чехословакии и ГДР²²³. Симптоматичным фактом с точки зрения обнаруживавшейся последовательности действий Г. Георгиу-Дежа, направленных на усиление автономии Румынии в рамках Восточного блока, стала его речь 29 декабря 1962 г. перед Национальным Собранием, посвященная 15-летию образования Румынской Народной Республики. В ней, что было отмечено зарубежными журналистами и внешнеполитическими экспертами²²⁴, особое место заняли утверждения не только о ведущей роли румынской компартии, но и о положительном вкладе некоммунистических

по экономической географии. В законченном виде проект был опубликован: *Валев Э. Б.* Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР // Вестник Московского университета, серия география. 1964. № 2. Вскоре перевод этого материала появился на румынском языке в: *Via(a) economica*. 1964. № 24. В румынской научной и общественно-политической прессе он подвергся жёсткой критике с позиций отстаивания суверенитета Румынии. Подробнее: *Tita M.* The Black Sea in the Regional Collaboration Politics of Romania at the End of the 1950s and the Beginning of the 1960s // *Valahian Journal of Historical Studies*. 2007. № 7-8. О политическом характере разногласий между Москвой и Бухарестом по данному вопросу в: *Retegan M.* Razboi politic in blocul comunist. Relatiile romano-sovietice in anii '60. Documente. București, 2002; *Costache B.* Romania și C.A.E.R. 1949-1960 // *Arhivele Totalitarismului*. 2000. Nr.3/4.

²²⁰ *Neagoe-Plesa E.* Rolul lui Gheorghe-Dej În Elaborarea Politicii Externe Și În Direcționarea Relațiilor Romîno-Sovietice (1960–1965) // *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. N 9/I. 2005. P. 232. Подробнее аргументацию Г. Георгиу-Дежа со ссылками на архив ЦК РКП см. в данной статье.

²²¹ Этот факт нашёл своё отражение в усиливавшемся внимании со стороны аналитиков «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”» к взаимоотношениям между Бухарестом и Белградом: *Stankovic S.* Borba: Atmosphere of Haste in Rumania. Non-Target Communist Area. Analysis Department: Yugoslavia. 31.1.1963. – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-1-164.pdf>

²²² Действия Бухареста оценивались именно так зарубежными экспертами, внимательно следившими за складывавшейся ситуацией: *Stankovic S.* Yugoslavia: Rumania's Gate to Western Europe. Radio Free Europe/Munich. Non-Target Communist Area Analysis Department. Background Information. Yugoslavia. 1.4.1964. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 50-2-125 – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-2-125.pdf>

²²³ Colonel Tykocinski's Revelations. August 1966. Recorded for the RFE New York Polish Desk by Colonel Wladyslaw Tykocinski. August 1966 P. 39, 40 // Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 42-1-101 – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/42-1-101.pdf>

²²⁴ Gheorgiu-Dej Recalls Role Played by CP And Democratic Parties During 1944 Coup D'etat. 2.1.1963. – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-1-168.pdf>

партий в государственный переворот 23 августа 1944 г., который ранее, с учётом «советского фактора», трактовался как сочетание действий РКП и Советской Армии, при ведущей роли последней. Весной 1963 г. новая интерпретация недавней румынской истории в части, касавшейся роли и места страны во Второй мировой войне, приобретала всё более чётко выраженную форму. Румынское партийно-государственное руководство уже открыто заявило о неправомерности и ошибочности тезисов об изначальности союза Бухареста и Берлина как членов Оси²²⁵. Основой внешнеполитического курса Бухареста становилась его автономия по внешне- и внутривнутриполитическим вопросам.

Охлаждение взаимоотношений с Румынией советское руководство стремилось компенсировать усилением связей с Болгарией. Визит Н. С. Хрущева в Софию 14-19 мая 1962 г. проходил на фоне его жёстких заявлений о размещении американских ракет в Турции, что было достаточно симптоматичным, если иметь в виду распределение зон ответственности членов Варшавского пакта на Балканах. В то же время, как отмечали пристально следившие за визитом эксперты из аналитического отдела «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”», глава СССР делал особый акцент на расширении сотрудничества СССР с Грецией и Турцией и позитивно оценивал аналогичные действия Болгарии²²⁶. В конце лета 1962 г. болгарское партийно-государственное руководство сформулировало собственную версию «снижения региональной напряженности», но не ограничиваясь Балканским полуостровом. Для согласования в Москву через посольство СССР в Софии министром иностранных дел НРБ К. Лукановым был отправлен «Проект плана проведения мероприятий в отношениях Болгарии с Балканскими странами в районе Черного моря и Адриатики». Суть этого плана сводилась к улучшению взаимоотношений Болгарии с соседними государствами и «превращения Балкан и района Адриатики и Черного моря в зону, свободную от ракетного и ядерного оружия». Примечательной особенностью болгарской инициативы была ориентация её авторов как на многосторонние мероприятия «с участием и других стран и международных организаций», так и двусторонние, но в формате Болгария «с одной стороны, и Греция, Турция и Югославия – с другой». Выдвигая свою программу действий, София знала об исключительной подозрительности Москвы к любым попыткам общего межбалканского сотрудничества и стремлении СССР не допустить исключения собственного участия в подобных мероприятиях. Поэтому обращение болгарских союзников не только к Балканскому региону, но и Черноморскому, а также Адриатике было призвано успокоить Кремль, не допустив создания «закрытого Балканского клуба»²²⁷.

План предусматривал «прозондировать по дипломатическим каналам у правительств Румынии и Югославии о согласии последних, чтобы три страны выступили с общим предложением перед правительствами Турции и Греции» по вопросам превращения Балкан в зону, свободную от ядерного и ракетного оружия, иностранных баз, а также заключения коллективного пакта о ненападении и о сокращении вооружений, об отказе от проведения «крупных военных мероприятий на своих территориях или военных учений с участием иностранных вооруженных сил». Однако эти инициативы, изложенные в такой форме наиболее лояльным союзником СССР по Варшавскому пакту, не соответствовали тем не менее интересам советского руководства, опасавшегося ослабления Юго-Западного ТВД в случае присоединения Болгарии и Румынии к планировавшимся договорённостям²²⁸.

²²⁵ Stankovic S. Foreign' (Eastern) Historians Irritate Rumanians. Non-Target Communist Area Analysis Department: Yugoslavia. 14.3.1963 Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 108-4-117 – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-l-130.pdf>

²²⁶ Soviet Delegations in Bulgaria. P. 2. 21.9.1962. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-2-167.pdf>

²²⁷ Док. № 88. Проект плана проведения мероприятий в отношениях Болгарии с балканскими странами в районе Черного моря и Адриатики, полученный от министра иностранных дел НРБ К. Луканова посольством СССР в Болгарии. (Не позднее 4 сентября 1962 г.)// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 339.

²²⁸ Там же. С. 340.

За действиями Болгарии в области оборонной политики достаточно внимательно наблюдали органы военной разведки Турции и Греции. Турецкая сторона интересовалась передислокацией болгарских вооруженных сил ближе к турецкой границе и характером возможного взаимодействия советской и болгарской армий в районе возможного проведения учений на территории Болгарии. В августе 1962 г., как стало известно об этом болгарской разведке, между военными атташе Греции и Турции, аккредитованными в Румынии, состоялась консультация по вопросу «широкомасштабных маневров Варшавского договора на болгарской территории и особенно на границе с Турцией, с участием советских и румынских войск». Оба дипломата, являвшиеся кадровыми сотрудниками военной разведки, пришли к выводу о том, что маневры «проводятся или будут проводиться не в центральной и восточной Болгарии, а на восточном побережье Черного моря»²²⁹. Однако, наряду с соответствующими действительности данными об оборонной политике коммунистической Болгарии, в ряде случаев разведывательные органы отдельных стран-участниц НАТО получали и ошибочные сведения, не являвшиеся преднамеренной дезинформацией со стороны Варшавского пакта, а лишь свидетельствовавшие о недостаточной компетентности отдельных разведслужб государств Западного блока. Так, в частности, итальянская разведка, о чём стало известно контрразведывательным органам Болгарии, располагала данными о наличии планов военного нападения Болгарии на Италию и ФНРЮ, что не соответствовало действительности и никогда не обсуждалось болгарским руководством в начале 60-х гг. Не соответствовала действительности информация и о переходе БНА на бригадную форму организации вооруженных сил. Сведения о дислокации ракетных подразделений на болгарской территории также были ошибочны, так как местом их расквартирования был указан населенный пункт Саранцы. Вместе с тем данные о противовоздушной обороне Болгарии, полученные итальянской разведкой, как признавалось болгарской стороной, соответствовали действительности, что явилось для болгарской контрразведки неприятным фактом.

В преддверии Карибского кризиса (октябрь 1962 г.) обращение к теме ракетного оружия именно во время пребывания советского руководства в Болгарии, а затем сама болгарская инициатива делали Софию невольным участником более масштабного, чем просто региональный, конфликта. Прямая связь между советско-американским противостоянием и оборонными интересами Болгарии в контексте кубинской ситуации проявлялась уже в апреле 1961 г. Софии, которая делилась подобными сведениями с Москвой, по дипломатическим каналам стало известно, что после 15 апреля, т. е. высадки антикастровских сил в заливе Кочинос, были приведены в боевую готовность подразделения армии США в Турции. Более того, болгарская сторона узнала, что американское руководство рассматривало вероятность участия СССР и его союзников в нападении на те страны по периметру Восточного блока, в которых были расположены военные базы НАТО²³⁰.

Серьезность происходившего подтверждалась проведением 5-10 октября 1962 г. Варшавским пактом маневров «Балтика-Одер», целью которых была отработка взаимодействия различных родов войск на центрально-европейском театре действий с участием вооруженных сил Польши, Чехословакии, ГДР и СССР. Меньше чем через неделю 15-19 октября 1962 г. аналогичные учения, имевшие характер оперативно-тактических, прошли в Румынии под руководством румынского министра вооруженных сил генерала армии Л. Сэлэжана. Они были ориентированы их инициатором – СССР на противодействие НАТО, и прежде всего США, в черноморско-средиземноморском районе. При планировании учений особо учитывалась роль Греции и Турции в оборонной политике Западного блока в балканском регионе, рассматривавшимся советским генералитетом как «часть Юго-Западного (Варшавского блока и СССР – Ар.

²²⁹ Информация относительно данных, получении от грывката и турската легации. Началник Управление III-ДС. 6 Февруари 1963. С. 2. – <http://bgrod.by.ru/ds60/DS630206bg.pdf>

²³⁰ Посолството на НРБългария за Министерство на Външните работи. Входяща шифротелеграма № 2146. 20.4.1961 г. Л. 1// НАТО на Балканите.

У.) театра военных действий», являвшегося «связующим звеном между агрессивными группировками – НАТО и СЕНТО»²³¹. В этих учениях, проходивших как на территории Румынии, так и черноморской акватории²³², приняли участие вооруженные силы СССР (7500 человек), Болгарии (2 тыс.) и Румынии (27500 чел.)²³³. Они были поддержаны 310 танками и самоходными артиллерийскими орудиями, 3650 БМП и соответствующей техникой, 60 бомбардировщиками и 120 истребителями и штурмовиками²³⁴. Задействованные силы и средства были меньшими по количеству и видам использовавшейся техники по сравнению с учениями «Балтика-Одер», но являлись достаточно внушительными для южного (балканского) фланга Варшавского пакта.

В советских военных кругах начала 60-х гг. и особенно после фактического разрыва отношений между Москвой и Тираной усилилось внимание к укреплению военно-стратегических позиций в черноморско-средиземноморском секторе Юго-Западного ТВД с точки зрения повышения готовности (включая и методическое обоснование) использования комбинированных сил и средств по осуществлению контроля над Проливами в условиях военного конфликта. Разработка концепции совместных действий ВМФ и сухопутных сил по овладению Проливами именно как часть наступательной операции при ведущей роли войск формулировалась с учётом наступления на так называемом береговом направлении, рассматривалась в различных работах представителей командования ВМФ СССР²³⁵.

Особую значимость для оборонной политики Софии начинали приобретать американские планы размещения ракетно-ядерного оружия на Балканах, в частности, в Греции и Турции. Болгарская сторона стала основным контрагентом своего главного союзника – СССР в деле решения проблемы поиска ответных шагов. В марте 1961 г. в окрестностях г. Самоков в обстановке исключительной секретности была размещена ракетная бригада, подчинявшаяся непосредственно Объединенному командованию ОВД. Летом 1962 г. около городов Карлово и Ямбол были расквартированы ещё две ракетных бригады, а недалеко от города Боровец находилось хранилище ядерных зарядов к ракетному оружию²³⁶. Советская сторона заботилась о соблюдении строжайшей секретности в вопросах, касавшихся размещения на болгарской территории ракетного оружия класса «земля-земля», о чём сообщала руководству болгарского оборонного ведомства весной 1962 г.²³⁷

²³¹ Выступление Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами Варшавского Договора маршала СССР А. А. Гречко на разборе оперативно-тактических учений (15-19 октября 1962 г.)// НАТО на Балканите.

²³² Baev J. Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Maritime Power.

²³³ В советской, а затем и российской историографии доминирует мнение о том, что первыми общештабными и войсковыми учениями ОВД являлась «Бура», проходившая на центрально-европейском ТВД (ГДР, Польша, Чехословакия). Подробнее об особенностях историографии с учётом определенной тональности всей работы см.: Бруз В. Военно-политическая деятельность Организации Варшавского Договора по обеспечению европейской безопасности. Историографическое исследование: монография. М., 2006; он же. Сотрудничество государств Организации Варшавского Договора в военной области и европейская безопасность// Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2007. № 2. – [http://www.mil.ru/files/35\(06\).doc](http://www.mil.ru/files/35(06).doc)

²³⁴ Opreş P. A Romanian Point of View about the Hot Days of October 1962: The Military Exercises Performed by the Warsaw Treaty Organization in Poland, East Germany, and Romania. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_milex/introduction.cfm?navinfo=22632

²³⁵ Одной из подобных работ, защищенных в Академии Генерального Штаба МО СССР как диссертация на соискание ученой степени кандидата военных наук, о чём ЦРУ США получило информацию через добытый по разведканалам журнал «Военная мысль» (№ 1 (68), 1963), было исследование контр-адмирала Устинова М. Г. «Взаимодействие сил флота и сухопутных войск при овладении проливами в ходе наступательной операции в береговой полосе» (обратный перевод с английского) – Cooperation between Fleet Forces and the Ground Troops in Seizing Straits in the Course of an Offensive Operation on a Coastal Axis. Rear Admiral Ustinov M. G., Moscow, 1962, 174 pages+ four diagrams. Military Academy of general Staff// Memorandum for: The Director of central Intelligence. From: William W. Wells. Subject: Military Thought (USSR): Dissertations (for the Candidate's Degree) 10 August, 1977. P. 9. – <http://www.foia.cia.gov/SovietandWarsawPact/1977/1977-08-10.pdf>

²³⁶ Данные по материалам болгарского сайта «Декоммунизация». Раздел «Хронология»: <http://www.decommunization.org/Communism/Bulgaria/1956-70.htm>

²³⁷ Письмо генерала армии А. Антонова начальнику Генерального штаба Болгарской Народной Армии генерал-лейтенанту А. Семерджиеву. 2 мая 1962 г. – <http://bgrod.by.ru/ds60/DS620502bg.pdf>. О политике советского руководства в области разме-

Продолжавшееся противоборство между Белградом и Софией в конце 50-х гг. и начале 60-х гг. выражалось как в форме пропагандистского соперничества, так и расширявшейся разведывательной деятельности друг против друга. Руководство Югославии испытывало опасения относительно планов и намерений не только Болгарии, но прежде всего СССР, в чувствительном для Белграда регионе страны – Вардарской Македонии, в случае возможного обострения ситуации на Балканах или советско-югославских отношений, что и обусловило сбор соответствующей информации по широкому кругу политических, экономических и военных вопросов на болгарской территории²³⁸. В свою очередь, болгарская сторона использовала этот факт в собственных интересах: для подчеркивания собственной значимости в глазах советского союзника. На состоявшемся 14-16 марта 1962 г. закрытом заседании Исполкома ЦК СКЮ, о котором было сделано только общее сообщение в югославской прессе, а вся конкретная информация рассматривалась как государственная тайна, партийно-государственное руководство вынуждено было заниматься вопросом взаимоотношений между составлявшими Югославию республиками из-за начавшегося кризиса федерации²³⁹. В ходе заседаний было принято решение о большей децентрализации государственного управления, что, в определенной степени, начинало сказываться и на проводившейся оборонной политике. Именно в это время фактически закладывались основы регионализации военно-административного управления вооруженными силами, которые распределялись пока в рамках военных областей. Однако республиканские органы власти всё активнее интересовались перераспределением федеральных и республиканских полномочий в пользу расширения последних²⁴⁰. Начинаясь обостряться кризис межреспубликанских отношений мог серьезно повлиять и на региональные позиции ФНРЮ. Нестабильность болгаро-югославских отношений отражала как общие тенденции во взаимоотношениях Белграда и Москвы, с которой София демонстрировала свою солидарность, так и специфические черты, имея в виду постоянно поднимавшийся болгарской и югославской сторонами «македонский вопрос» и политизированные интерпретации его сути.

К концу 1962 г. начало активизироваться греческое направление внешней и оборонной политики Софии, что было во многом связано с попытками руководства Греции улучшить отношения с соседями по региону, входившими в Восточный блок. Афины были заинтересованы в получении моральной и дипломатической поддержки на Балканах в противовес Турции из-за продолжавших сохраняться и усиливаться противоречия по кипрскому вопросу. В декабре 1962 г. греческая сторона обратилась к болгарам со специальной нотой, содержавшей предложение провести переговоры по имеющимся между странами проблемам, в первую очередь, репарациям со стороны Болгарии после Второй мировой войны. София избрала тактику выжидания, однако падение правительства Г. Папандреу вследствие его разногласий с королём Павлосом и приход к власти служебного правительства во главе с П. Пипинелисом – известным греческим дипломатом заставили болгарское руководство действовать более активно. Ответ Софии синхронизировался по времени с начавшимися переговорами о частичном запрете ядерных испытаний и ослаблении международной напряженности.

шения ядерного оружия в Восточной Европе, включая Болгарию, см.: Uhl M. Nuclear Warhead Delivery Systems for the Warsaw Pact, 1961-65.

²³⁸ См. Pejčić Yugoslav Note To Sofia On Bulgarian Hostility. 6.10.1958. General Desk – No. 438. RFE News and Information. Evaluation and Research. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/5-2-163.pdf> и сводку болгарской контрразведки в: Информация № 21. 11.1.1961 г. // Cold War International History Project. Digital Archive – http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/53_61021_lbg.pdf

²³⁹ Подробнее о драматическом характере заседаний и перипетиях судьбы сделанной во время них секретной магнитофонной записи см.: Bjelajac M. Karakter jugoslovenskog centralizma u svetlu analize tajne sednice Izvrnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije marta 1962. godine // Dijalog povjesnicara – istoricara. Priredili H. Fleck, Graovac I. Zagreb, 2003; Zečević M. Početak kraja Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice IK CK SKJ održane od 14. do 16. marta 1962. godine, Beograd, 1998.

²⁴⁰ Дискуссия по данному вопросу в: Mijalkovski M., Radović V Istine i zablude o Jugoslovenskoj narodnoj armiji u raspadu Jugoslavije // Kultura Polisa. 2011. Godina VIII. N 15.

Болгарское партийно-государственное руководство рассматривало взаимоотношения с соседней Грецией с учётом международной конъюнктуры и её оценок советской стороной. В то же время София пыталась использовать момент для реализации собственных интересов²⁴¹. Реформирование болгарских вооружённых сил и их техническое переоснащение сопровождалось изменениями в военном руководстве, являвшемся частью партийной номенклатуры. Начавшиеся в начале 60-х гг. изменения в руководстве БКП являлись следствием внутрипартийных процессов, связанных с приходом в 1956 г. к власти в болгарской компартии Т. Живкова и постепенным уходом с политической арены бывшего главы Болгарии В. Червенкова, который в 1962 г. окончательно был выведен из высшей партийной номенклатуры и исключен из партии. Наиболее серьезные кадровые перестановки были сделаны 16 марта 1962 г., когда по инициативе усиливавшего свои позиции Т. Живкова на место министра обороны – генерала армии и члена политбюро болгарской компартии И. Михайлова, партийного и военного деятеля ещё со времён подполья, Коминтерна и советской эмиграции, откуда он приехал в Болгарию в июле 1945 г., пришёл не менее известный, но более молодой партийный и политический деятель Д. Джуров, прошедший Вторую мировую войну в Болгарии и участвовавший в партизанском движении. В то же время он не был членом политбюро и был связан исключительно с военными делами. На пост начальника Генерального штаба 22 марта 1962 г. был назначен генерал-майор А. Семерджиев, сменивший генерал-лейтенанта И. Врачева. Следующая замена произошла в руководстве политического управления Вооружённых сил: генерал-лейтенант М. Мишев, сыгравший в своё время по поручению Кремля достаточно важную роль, когда происходила замена партийного руководителя В. Червенкова на Т. Живкова, также был удален со своего поста. На должность зам. министра по противовоздушной обороне и ВВС был назначен генерал-лейтенант С. Трынски, известный как партийный и партизанский деятель, который был репрессирован в годы правления В. Червенкова, а затем реабилитирован при Т. Живкове. Другим заместителем министра обороны стал И. Бычваров – генерал-полковник, хорошо известный в партийных кругах и относительно молодой функционер БКП. Он занял важную должность заведующего административным отделом ЦК БКП, т. е. партийного куратора военного министерства, военизированных ведомств, включая МВД, а также правоохранительных органов. Одновременно политбюро ЦК БКП приняло специальное секретное решение «Основные положения о работе, правах и обязанностях МВД и его органов на местах»²⁴², суть которого сводилась к усилению роли этого государственного института в деле контроля над обществом. Укрепление режима в данном случае имело непосредственное отношение к проблемам обороны в целом. Не случайным поэтому было и то, что политическая составляющая оборонной политики ОВД на Балканах интерпретировалась советской стороной с учётом внутриполитических изменений в государствах полуострова. В этой связи Главнокомандующий Объединёнными Вооружёнными Силами Организации Варшавского Договора маршал СССР А. А. Гречко заявлял осенью 1962 г. о том, что «победа в большинстве балканских стран народно-демократического строя коренным образом изменила политическую обстановку на Балканах в пользу лагеря социализма. Но империалисты предпринимают отчаянные попытки восстановить здесь прежнее господство и поэтому осуществляют ряд практических мероприятий по укреплению своего положения в Турции и Греции»²⁴³.

Модернизация и реформирование болгарских вооружённых сил, проходившие на фоне политических изменений в стране, выявили отсутствие достаточных финансовых ресурсов и экономического потенциала. Этот факт было вынуждено признать в мае 1963 г. руководство

²⁴¹ Достаточно подробный анализ причин и мотиваций действий Софии летом 1963 г. был дан в статье бывшего министра иностранных Эв. Авероффа-Тосицы в: *Проϊνός λόγος*, 20.07.1963.

²⁴² Расследование болгарского журналиста: *Христов Х* Щит и меч на партията// *Дневник*, 4.6.2006.

²⁴³ Выступление Главнокомандующего Объединёнными Вооружёнными Силами Варшавского Договора маршала СССР А. А. Гречко на разборе оперативно-тактических учений (15-19 октября 1962 г.). Л. 3//НАТО на Балканите.

Болгарии. Оно обратилось к Москве с просьбой о сокращении расходов на оборонные нужды, так как даже льготные советские кредиты за поставки вооружений в Болгарию серьезно осложняли экономическое положение в стране, а сами расходы на оборону составили в 1963 г. 12% её бюджета²⁴⁴. Этот шаг, продиктованный как объективными причинами, так, вероятно, и желанием Софии воспользоваться ситуацией для получения максимально возможных привилегий от Кремля в вопросах военно-технического сотрудничества с Москвой, для военно-политических планов которой балканское направление имело важное значение, привел к определенным результатам. В июле 1963 г. Н. С. Хрущев в специальном письме Т. Живкову сообщил о готовности «поставить в 1963-1965 гг. в качестве дара Советского Правительства вооружение и военную технику на сумму до 74,3 миллиона рублей в номенклатуре и количествах, согласованных между нашими Министерствами обороны», а также выразил согласие с выплатой Болгарией фиксированной суммы по советским кредитам²⁴⁵.

В соответствии с аналитическими оценками американской разведки советских военных планов, сделанными в конце 1962 г., в случае конфликта СССР с Западным блоком главным театром военных действий должна была стать Европа и, как считалось, «Советы планируют стремительное массированное наступление к берегам Ла-Манша в начальные дни такой войны»²⁴⁶. Действия в Скандинавии и Средиземноморье, сочетавшиеся с операциями в Балтийском и Черном морях, а также операционные задачи советского подводного флота против важного в стратегическом отношении «атлантического канала» обеспечения боевых операций НАТО в Западной Европе должны были стать, по предположениям аналитиков ЦРУ, элементами этого плана²⁴⁷. Во многом подобные расчёты являлись результатом анализа проводившихся региональных манёвров ОВД, а также информации, получаемой американской и британской разведками из открытых и конфиденциальных источников. Средиземноморский и черноморский сектора предполагаемого ТВД имели прямое отношение к оборонным возможностям балканских членов Варшавского Договора – Албании, Болгарии и Румынии, из которых первая, находясь во враждебных отношениях с СССР, постепенно переставала играть роль «средиземноморского бастиона» Варшавского пакта.

Весной 1963 г. наступил очередной период стабилизации в отношениях Болгарии и Югославии, выразившийся в том, что София вновь начала подчеркивать близость идеологических позиций коммунистического блока и Белграда. В свою очередь, югославское руководство, имея собственные политические интересы в деле укрепления начавшего формироваться Движения неприсоединения, в котором Югославия стремилась занять лидирующие позиции, фактически выступило на этом этапе союзником возглавляемого СССР блока, усилив критику идейно-политического курса Пекина и поддержавшей его Тираны²⁴⁸. 24 августа 1963 г. София ответила

²⁴⁴ Письмо от Т. Живков до Н. Хрущев с молба за облекчаване разходите на България за отбрана, 23.5.1963 г. Л. 11-15// България във Варшавския Договор. Данный вопрос обсуждался Т. Живковым с П. Демичевым 23 мая 1963 г. в конфиденциальной обстановке во время пребывания в Болгарии с 11 по 26 мая партийной делегации КПСС. Об этом сообщал лично Демичев в ЦК КПСС в специальной записке по возвращении из НРБ. – Документ № 94. Из записки секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева в ЦК КПСС. 1 июня 1963 г.// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 363.

²⁴⁵ Письмо от Н. Хрущев до Т. Живков относительно удовлетворяване молбата за намаляване разходите за отбраната на България. 15.7.1963 г. Л. 20//България във Варшавския Договор. В конце 1963 г. руководство БКП начало обсуждать тему тесной экономической интеграции НРБ и СССР. Более того, при характеристике планов и проектов болгаро-советского сотрудничества нередко использовалось даже выражение «16-я республика СССР». Подробнее на эту тему см.: 1963 – отричането от България. Стенограма от Пленума на ЦК на БКП от 4. XII. 1963 г. за присъединяването на България към Съветския съюз. С., 1994; Стоянов. Л., Лефтеров. Ж. Политиката на БКП за превръщане на България в съветска република. (От идеи до постулати към практически действия). Част I. // Годишник на департамент История. Т. I (2006). С., 2007. С. 168-228; Стоянов. Л., Лефтеров. Ж. Политиката на БКП за превръщане на България в съветска република. (От идеи до постулати към практически действия). Част II//Годишник на департамент История. Т. II (2007). [CD-ROM] София, 2010.

²⁴⁶ Capabilities of the Soviet Theater Forces. NIE 11-14-1962. P. 43. – https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/cias-analysis-of-the-soviet-union-1947-1991/nie_11_11_62.pdf

²⁴⁷ Ibid.

²⁴⁸ Этот факт отметил аналитик Аналитического отдела «Радио “Свободная Европа”/ Радио “Свобода”» С. Станкович в

на декабрьское предложение Афин по улучшению двусторонних взаимоотношений в позитивном, по словам премьер-министра,²⁴⁹ духе. София пыталась осторожно маневрировать в рамках «коридора возможностей», предоставляемого ей членством в «социалистическом содружестве». В отношениях Болгарии с Западным блоком оборонная политика приобретала в данном контексте особое значение, так как затрагивала широкий спектр вопросов, относящихся не только к двусторонней, но и межблоковой дипломатии – НАТО и ОВД. Попытка усилить собственные позиции на международной арене и на региональном уровне могли быть успешными для Софии только при условии проведения умелой и не вызывающей сомнений у Кремля в лояльности болгарской стороны политики, а также демонстрации перед западными партнерами своей относительной самостоятельности.

Всё более проявлявшаяся к началу 60-х гг. XX в. в позиции стран-участников Варшавского пакта тенденция укрепить национальный суверенитет в болгарском случае не была исключением, но обладала особенностью – «подчеркнутой лояльностью» в отношении Москвы в обмен на получение её согласия в деле решения региональных проблем. В беседе Т. Живкова с послом США в стране Е. Андерсон²⁵⁰, состоявшейся 28 ноября 1962 г., глава БКП заявил о заинтересованности Софии «следовать линии мирного сосуществования со всеми государствами» и улучшать отношения с Турцией, «являющейся союзницей США». При этом, как было отмечено американским послом, Живков не упомянул в ходе беседы ни СССР, ни Югославию²⁵¹, что было явной попыткой, с одной стороны, избежать намёка на то, что София выполняет распоряжение Москвы, а, с другой, не допустить аналогии при сравнении позиции Болгарии с независимым особым курсом титовской Югославии.

Поиск СССР и Болгарией возможных вариантов решения проблем оборонной политики ОВД на балканском региональном уровне происходил в условиях обострения советско-китайского конфликта. В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. он серьезно влиял на формулирование оборонной политики Кремля, который был вынужден отныне считаться с начавшимся расколом в так называемом социалистическом содружестве, членом которого являлась и балканский член Варшавского пакта (хотя фактически и прекративший связи с ним) – Народная Республика Албания, поддерживавшая КНР. Особое место в планах Москвы всё больше занимала проблема достижения единства в рамках Организации Варшавского Договора. Она рассматривалась советским партийно-государственным руководством как важный элемент в системе международных отношений, играющий военно-стратегическую роль во взаимоотношениях Запад – Восток. Данное обстоятельство отмечалось в 1963 г. экспертами-аналитиками в разведывательном сообществе США, ориентированном, помимо других тем, и на определение вероятного образа действий Москвы в вопросах военно-технического сотрудничества с союзниками по блоку. По их мнению, подтверждавшемуся конкретными фактами, «новый советский курс заключался до сих пор в том, чтобы усилить Варшавский пакт как военную организацию и представить его как эффективную военную организацию (за исключением Китая), разработать доктрину превалирования стратегических вооружений (подчеркивающую относительную военную слабость Китая) и сделать ясным, что сдерживающий щит, защищающий

специальном материале «Yugoslavs Friendly Towards Bulgars, Hit Sino, Albanians». 15.6.1963. Radio Free Europe. Non-Target Communist Area Analysis Department. BOX-FOEDER-REPORT: 2-1-72 – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-3-68.pdf>

²⁴⁹ О роли американского фактора в формировании внешней политики Греции в этот период в: Ριζός Σ. Η Ελλάδα, οι Ηνωμένες Πολιτείες και η Ευρώπη 1961–1964. Πολιτικές και οικονομικές όψεις του προβλήματος ασφάλειας στο μεταίχμιο ψυχρού πολέμου και ύφεσης. Αθήνα, 2001.

²⁵⁰ В американской традиции она известна также как Елена Евгения Мур Андерсон. Подробнее о ней: Binder D. Eugenie Anderson, 87, First Woman to Be U.S. Ambassador// New York Times, 3.4.1997; Nash P Ambassador Eugenie Anderson//Minnesota History Magazine. 2005. V. 59. N 6.

²⁵¹ 16. Memorandum of Conversation. Sofia, November 28, 1962. SUBJECT: Conversation with Prime Minister Todor Zhivkov // Foreign Relations of the United States, 1961-1963. Eastern Europe; Cyprus/ P. 29.

Китай, зависит от доброй воли СССР»²⁵². В складывавшейся ситуации из трёх балканских членов Варшавского договора реальными участниками блока продолжали оставаться Болгария и Румыния, что усиливало их роль и значение в оборонной политике всего ОВД. Однако Бухарест всё более демонстрировал Москве свою самостоятельность, хотя и делал это исключительно осторожно. Постепенное ослабление союзнической лояльности Румынии в рамках пакта вело к формулированию румынской стороной собственного курса как на международной арене, так и внутри коммунистического блока. Одновременно это серьезно сказывалось на взаимоотношениях Бухареста с союзниками по Варшавскому пакту, и прежде всего Москвой. Начиная с 1962 г. расширявшая взаимодействие с другими членами ОВД по линии разведывательных организаций и органов безопасности советская сторона стала настаивать на введении ограничений при обмене информацией с румынскими союзниками. Ввиду начавшихся в конце 1963 г. секретных переговоров между Бухарестом и Бонном об установлении дипломатических отношений Румынии с ФРГ были приостановлены контакты между Министерством государственной безопасности ГДР и МВД Румынии по инициативе восточногерманской стороны. Более того, Управление государственной безопасности Румынии (Departamentul Securității Statului din Romania – DSS или как он был более известен – Секуритате)²⁵³ было исключено на протяжении 1962-1964 гг. из программы содействия, оказывавшегося советским КГБ партнерам по Восточному блоку²⁵⁴. В то же время органы советской разведки – КГБ и ГРУ – продолжали проводить вплоть до 1968 г. в странах-членах Варшавского пакта секретную операцию под кодовым названием «Байкал». Её целью было выявление сотрудниками этих организаций, работавшими под прикрытием как граждане западных государств, лиц, пригодных для вербовки, а также проверка надежности сотрудников разведывательных организаций государств-союзников СССР по ОВД²⁵⁵.

Одним из серьезных шагов Бухареста в 1963 г., с учётом особенностей отношения коммунистических режимов к распространению независимой информации в находящихся под их контролем странах, стала отмена глушения передач румынской секции «Радио “Свободная Европа”» – «Radio “Europa Libera”». Во многом это способствовало тому, что «западные радиостанции ответили передачами, достаточно благоприятными с точки зрения оценки усилий румынского руководства, направленных на дистанцирование от Москвы»²⁵⁶. Оборонные аспекты внешнеполитического курса Бухареста имели особое значение в контексте развивавшихся отношений Румынии с США. Конфиденциальное заявление 4 октября 1963 г. министра иностранных дел Румынии К. Мэнеску Государственному секретарю США Д. Раску о том, что в условиях конфликта с использованием ядерного оружия НАТО и ОВД, его страна

²⁵² Soviet Military Strategy and the Chinese Problem. Reference Title CAESAR XVII. 26.4.1963. P. 4. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/CAESAR/caesar-32.pdf>

²⁵³ На протяжении своего существования под различными названиями с 1948 г. по 1989 г. это ведомство пережило многократные изменения (1951, 1952, 1953, 1956, 1963, 1967, 1971, 1972, 1973, 1978), проводившиеся властями с целью достижения максимально возможной эффективности действий в интересах коммунистического режима. Подробнее об этом, а также о значении материалов Секуритате для исторических исследований в: *Ivănescu S. Documentele securității și cercetarea istorică*// Xenopoliana, 2001. Vol. X.

²⁵⁴ Larry Watts: Cum au pus KGB-ul și GRU-ul stăpanire pe țara. Factorul co-etnic. Reocuparea României. 2.1.2009 – http://civimedia.ro/acm/index.php?option=com_content&task=view&id=767&Itemid=1. Автор материала – Лэри Уотс являлся долгое время сотрудником корпорации RAND, а затем советником румынского правительства по оборонным проблемам и реформе органов безопасности. Он был допущен к архивным материалам DSS, на основании которых сделал данную публикацию, а также несколько других по этой же теме.

²⁵⁵ Andrew C., Mitrokhin V The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West. London, 1999. P. 341.

²⁵⁶ См. изложение доклада румынского исследователя М. Рачяну в: Cold War Broadcasting Impact. Report on a Conference organized by the Hoover Institution and the Cold War International History Project of the Woodrow Wilson International Center for Scholars at Stanford University, October 13-16, 2004. P. 30. – <http://www.wilsoncenter.org/news/docs/Broadcastingconference052105.doc>

займёт нейтральную позицию, являлось продолжением этой политики²⁵⁷. Избранный руководством Румынии курс, нацеленный на достижение большей независимости от Москвы как во внутри-, так и во внешнеполитических вопросах становился всё более очевидным для лидера Западного блока – Соединённых Штатов. На состоявшейся 26 февраля 1964 г. встрече посла США У. Кроуфорда и министра иностранных дел Румынии К. Мэнеску последний особо подчеркнул «откровенное и полезное обсуждение» внешнеполитических вопросов во время его встречи с Госсекретарём США Д. Раском осенью 1963 г. При этом он заявил о «доступности» румынского руководства для Кроуфорда, т. е. готовности высших официальных лиц в Бухаресте встретиться с послом США по его просьбе для обсуждения любых вопросов, которые он посчитает необходимым затронуть²⁵⁸. Более того, глава румынского МИДа недвусмысленно отметил желательность использования со стороны Запада «применительно к некоторым странам» определения «социалистические государства», а не «сателлиты». Одновременно он «одобрительно сослался» на Д. Раска, которому, по заявлению последнего, во время беседы с К. Мэнеску осенью 1963 г. сообщил о рекомендации своих коллег отказаться от использования термина «сателлиты»²⁵⁹. Подчеркнуто доброжелательное расположение в отношении Вашингтона, продемонстрированное главой румынского МИДа, вызвало ответную реакцию со стороны У. Кроуфорда, который отметил «независимость мысли и действий» Румынии, повлиявших на образ мыслей американского Госсекретаря и впечатливших его²⁶⁰.

Политическая линия Бухареста, демонстрировавшаяся на уровне двусторонних взаимоотношений с членами Западного блока, в то же время не снимала с повестки дня румынского руководства вопрос о военно-техническом сотрудничестве в рамках Варшавского пакта. На протяжении 1960-65 гг. румынское правительство выделило 6 157 млн лей на приобретение вооружений и снаряжения для армии, из которых 4 236 млн лей (1 157 млн советских рублей) были выделены на закупку в СССР средств ПВО, радарных установок; в СССР и Польше гусеничной техники; в СССР, Венгрии и Восточной Германии радиооборудования; а также на приобретение в СССР 104 истребителей МиГ-21 и 423 средних танков Т-54А в СССР и Польше²⁶¹.

Крайне нестабильный характер взаимоотношений СССР с Румынией проявлялся в момент, когда ситуация, складывавшаяся в советско-китайских отношениях, являлась ещё одним из факторов, влиявших на активизацию политики Западного блока в отношении стран Восточной Европы. На состоявшейся в апреле 1964 г. в Лондоне трёхдневной конференции британских послов в восточноевропейских странах был сделан вывод о том, что «развитие китайско-советского спора открывает возможности перед восточноевропейскими правительствами для более свободных действий в отношении СССР и, таким образом, для более активной политики правительства Её Величества в Восточной Европе». Суть этого курса должна была заключаться в том, чтобы не пытаться усилить советско-китайский конфликт, «не создавать впечатление, что мы пытаемся настроить правительства и народы Восточной Европы против СССР», а также в том, чтобы «рассматривать восточноевропейские правительства всё

²⁵⁷ Подробнее об этом: *Garthoff R. When and Why Romania Distanced Itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Spring 1995. № 5. P. III; Otu P. Misterul intalnirii Comeliu Manescu-Dean Rusk // Magazin Istoric. 2002. № 11. О формировании «особой позиции» Румынии в: Jirau L. Intre Washington și Moscova: Politicile de securitate nationala ale SUA și URSS și impactul lor asupra Romaniei (1945-1965). Cluj-Napoca, 2005.*

²⁵⁸ 139. Telegram From the Legation in Romania to the Department of State. Bucharest, February 26, 1964, 3 p.m. // Foreign Relations of the United States 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. P. 380-385.

²⁵⁹ В соответствии с версией, существующей в румынской историографии, отказ от использования определения «сателлит» применительно к Румынии в пользу другого – «восточноевропейская страна» – произошёл в США и в целом на Западе, благодаря позиции Бухареста по кипрскому вопросу в 1957 г., отличной от той, которую заняли страны Восточного блока. Об этом сообщил на заседании Совета министров Румынии министр иностранных дел Г. Преотьяса: *Nicolescu V. The Romanian Political Autonomy. Political Decision and Ideology. Occasional Paper N 3. January 2007. P. 1, 2.*

²⁶⁰ 139. Telegram From the Legation in Romania to the Department of State. Bucharest, February 26, 1964, 3 p.m. // Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. P. 381.

²⁶¹ *Opriș P. Nicolae Ceaușescu și programele industriei de apărare // Jurnalul, 12.5.2009.*

больше как независимые». В терминологическом отношении предлагалось называть страны региона «восточноевропейскими государствами» вместо ранее использовавшегося определения «сателлиты»²⁶². Одновременно отмечалась необходимость дифференцированного подхода к странам советского блока, в связи с чем отмечались особые позиции ряда государств, и прежде всего Румынии, внутри Варшавского пакта.

Формулирование новых подходов в политике США в отношении Восточного блока стало частью внешнеполитического курса администрации президента Л. Джонсона. В своей речи 23 мая 1964 г. он заявил о необходимости «наведения мостов» с коммунистическими странами Восточной Европы, что достаточно серьезно обеспокоило Москву, стремившуюся не допустить ослабления контроля над своими союзниками. В этой связи в целях недопущения резкого противодействия со стороны Кремля, а также ослабления сопротивления со стороны коммунистических режимов Восточной Европы, аналитики и эксперты американского внешнеполитического и разведывательных ведомств подготовили по просьбе руководства ЦРУ специальную записку о возможных мерах по реализации политики «наведения мостов». Практически все основные предложения, содержащиеся в документе, сводились к либерализации взаимоотношений со странами Восточного блока, отказу от демонстративных жестких действий и пропагандистских мероприятий с учётом развивающихся диверсификационных процессов в общественно-политической жизни стран, входящих в блок²⁶³.

Так называемое балканское измерение этой политики касалось членов Варшавского пакта из числа государств региона, в частности Болгарии. Её отношения с соседними Грецией и Турцией имели как двусторонний, так и более широкий «межблоковый» характер. Это было обусловлено тем, что София выступала в роли участника и представителя ОВД в регионе, начиная соревноваться с Румынией – своим партнёром по союзу, также стремившейся усилить позиции на Балканах. Важность обеих стран для Восточного блока признавалась не только в Москве, но и среди её союзников в ОВД. При этом некоторые из них, прежде всего ГДР, опасались расширения взаимоотношений Софии и Бухареста не только со своими соседями по Балканам, но и с усиливавшей своё присутствие в регионе ФРГ. Пытаясь не допустить нормализации двусторонних отношений Западной Германии с Болгарией, Румынией и Венгрией, входивших в так называемый южный пояс обороны Варшавского договора²⁶⁴, руководство ГДР апеллировало к угрозе, исходящей, по его мнению, из ФРГ для всего Восточного блока, так как Бонн выражал согласие на размещение ядерных вооружений на территории Западной Германии²⁶⁵.

Со своей стороны, США стремились не допустить усиления конфликта в балкано-средиземноморском регионе из-за действий всё более демонстрирующей свою независимость от принятия коллективных решений в НАТО Турции. В июне 1964 г. президент США Л. Джонсон направил президенту Турции И. Инёню специальное письмо, в котором предупредил, что в случае провоцирующих СССР действий Анкары и возможной ответной советской реакции США и союзники по НАТО воздержатся от поддержки Турции²⁶⁶.

На этом фоне другое коммунистическое государство региона – Югославия превращалась в важный элемент региональной безопасности. Со своей стороны, Белград начинал всё

²⁶² Съветска България. Книга втора 1964-1966. Из архива на Форин офис по времето на първия британски посланик Уилям Харпъм. София, 1999. С. 38, 39.

²⁶³ См. документ: «Bridges to Eastern Europe». Memorandum For Director of Central Intelligence. 25 June 1964. – <http://www.faq.s.org/cia/docs/79/0000427966/%22BRIDGES-TO-E-ATERN-EUROPE%22.html>

²⁶⁴ Baev J. The Organizational and Doctrinal Evolution of the Warsaw Pact (1955-1969). – <http://www.coldwar.hu/html/en/publications/organizational.html>

²⁶⁵ Писмо от В. Улбрихт до Т. Живков с предложение за свикване съвещание на ПКК на ОВД. 6.11.1964 г. Л. 1—4// България във Варшавския Договор.

²⁶⁶ Uslu N. The Turkish-American relationship between 1947 and 2003: the history of a distinctive alliance. New York, 2003. P. 74.

больше придавать значение развитию Движения неприсоединения, рассматривая его как «третью силу», с которой вынуждены считаться на международной арене Западный и Восточный блок, и одновременно отказываться от идеи возобновления Балканского пакта. Вторая конференция Движения, состоявшаяся 5-10 октября 1964 г. в Каире, способствовала укреплению позиций Югославии не только в отношениях с США и СССР, но и на региональном балканском уровне.

Для коммунистической Албании, заморозившей отношения с Варшавским пактом и сделавшей ставку на развитие особых тесных отношений с КНР, также было важно доказать внешнему миру способность обеспечить свою безопасность. Стремясь подчеркнуть свои оборонные возможности в условиях существовавшего албано-советского и советско-китайского конфликта, Тирана пошла на публичную демонстрацию во время военного парада 29 ноября 1964 г. наиболее охранявшегося ею военного секрета – наличия у вооруженных сил страны мобильных ракет типа земля-воздух, что заставило военных специалистов на Западе делать различные предположения о возможных источниках поступления подобного вида вооружений²⁶⁷.

²⁶⁷ Iz. Surface-to-Air Missiles in Albania. 14.12.1964. Radio Free Europe Research. Communist Area. BOX-FOLDER-REPORT: 2-2-14 – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-2-14.pdf>

§6. «Болгарский кризис» и «нормализация»

В складывавшихся условиях конца 1964 – начала 1965 г., когда позиция Кремля по военно-стратегическому аспекту оборонной политики серьезно затрагивала весь комплекс проблем, связанных с функционированием возглавлявшегося СССР Варшавского пакта, особое значение продолжала сохранять тема выработки единой оборонной доктрины для этого блока; определение места и роли его членов в реализации общестратегических и оперативно-тактических установок. Для специалистов из числа представителей экспертно-аналитического сообщества США к началу лета 1965 г. становилось очевидным, что «нынешняя военная доктрина Варшавского пакта предусматривает серию тесно взаимосвязанных и скоординированных наступательных и оборонительных операций, проводимых советскими и восточноевропейскими силами. Наступательные операции предусматривают использование четко определяемых комбинированных сил восточноевропейцев, которые действуют одновременно и как приданные в состав советских подразделений, и как национальные компоненты (подразделения – Ар. У.), перед которыми поставлены задачи наступления под советским командованием в масштабах фронта. Оборонительные операции предусматривают существование высокой степени взаимосвязи системы раннего предупреждения и скоординированной системы материально-технической поддержки»²⁶⁸. Укрепление противовоздушной обороны за счёт усиления ВВС, призванных выполнять так называемые противовоздушные операции, являлось с конца 50-х гг. частью советской военной стратегии²⁶⁹, которая начала распространяться в целом на стратегическое планирование ОВД²⁷⁰. Её реализация требовала серьезного перевооружения не только советских ВС, но и армий других членов Варшавского пакта. Начало этому процессу было положено на заседании Политического Консультативного Комитета ОВД, проходившем 28-29 марта 1961 г. в Москве с участием Н. Хрущева, когда была принята программа советских военных поставок восточноевропейским государствам, выполнявшаяся и после прихода к власти в СССР в октябре 1964 г. Л. Брежнева. В соответствии с ней на протяжении 1962-1965 гг. вооруженные силы шести стран – членов ОВД (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии) получили более 800 боевых самолётов, 555 вертолетов, 6075 танков, 17 312 бронетранспортеров, 554 радарных установки, 41 440 радиостанций²⁷¹. Одновременно СССР также приступил к импорту ряда видов военной продукции из стран Восточной Европы (Чехословакии и Венгрии)²⁷².

²⁶⁸ Intelligence Study. Warsaw Pact Military Strategy. A Compromise In Soviet Strategic Thinking. Reference Title: CAESAR XXVI. Directorate Of Intelligence. Research Staff. June 7, 1965. P. i. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/CAESAR/caesar-40.pdf>

²⁶⁹ Американские аналитики из разведывательного сообщества достаточно точно определили основной вектор, а также детали проводившихся в этой области мероприятий, включая тактико-технические характеристики (ТТХ) использовавшегося либо планировавшегося вооружения. См.: National Intelligence Estimate. Number 11-3-65. Soviet Strategic Air and Missile Defenses. 18.11.1965. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000231620.

²⁷⁰ Этот факт был отмечен и авторами доклада, посвященного военной стратегии Варшавского пакта, датированного 7 июня 1965 г. Они склонялись к мысли о том, что включение вооруженных сил восточноевропейских сателлитов СССР в его стратегические планы и оснащение их новым оружием – всепогодными самолетами-истребителями и перехватчиками, а также средствами ПВО в виде зенитно-ракетных комплексов – началось в 1958–1959 гг. как признак усиливавшегося стремления Москвы укрепить ОВД и обеспечить выполнение ею стратегических задач в советских интересах. Intelligence Study. Warsaw Pact Military Strategy. A Compromise In Soviet Strategic Thinking. Reference Title: CAESAR XXVI. Directorate Of Intelligence. Research Staff. June 7, 1965. P. 5. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/CAESAR/caesar-40.pdf>. До конца 1965 г. союзники СССР по Варшавскому пакту получили 104 подвижных зенитных ракетных комплекса С-75. – Uhl M. Nuclear Warhead Delivery Systems for the Warsaw Pact.

²⁷¹ Uhl M. Nuclear Warhead Delivery Systems for the Warsaw Pact. Среди новейшего вооружения для ВВС Москва предоставила своим союзникам ракеты класса воздух-воздух К-13/Р-13/Р-3С.

²⁷² Справка о военной технике, намеченной к закупке Советским Союзом в странах-участницах Варшавского Договора. Март 1961 г. С. 5//Parallel History Project on Cooperative Security (PHP). Information on Weapons Supplies and Payment in the Warsaw Pact – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?kEl6695&navinfo=l6161>. В ряде других документов, частью

В то же время ряд членов ОВД уже сам начинал выходить на международные рынки оружия. Из балканских участников Варшавского пакта первой была Болгария. Она достаточно активно развивала собственный военно-промышленный комплекс, используя советские лицензии на изготовление легкого стрелкового оружия, служившего для оснащения не только Болгарской народной армии (БНА), но и предназначенного для экспорта в страны, где устанавливались коммунистические и «революционные» антиамериканские/антизападные режимы. В феврале 1965 г. София осуществила поставку военного снаряжения новому режиму в провозглашенной в 1962 г. после свержения монархии Йеменской Арабской Республике на сумму более чем 500 тыс. долларов США²⁷³.

Таблица 6
Советские поставки МиГ-1911, МиГ-19ПМ, МиГ-19С странам-участницам ОВД²⁷⁴

Страна	Год получения на вооружение	Количество	Войсковое подразделение и базирование
Албания ²	Октябрь 1959 г.	15	7594-й ИАП на авиабазе Ринас ³
Болгария	Начало 1958 г. 1966–1967 гг.	24 13	Авиабаза Доброславцы
Венгрия	Март–апрель 1960 г.	12	3-я эскадрилья 31-го ИАП ПВО
ГДР	Октябрь 1959 г.	12 МиГ-19С 12 МиГ-19ПМ	2-я эскадрилья 3-го авиаполка 1-я эскадрилья 3-го авиаполка
Польша	Лето 1958 г. 1959 г.	12 13 МиГ-19ПМ	28-й ИАП ВВС, база Слупск-Редзиково ⁴ 28-й и 39-й ИАП ⁵
Румыния	1959 г. 1960 г. позже 1960 г.	10 5 45	66-я НАД, база Девеселула
Чехословакия	Конец 1957 г. 1959–1960 гг.	27 МиГ-19П 12 МиГ-19С 33 МиГ-19ПМ	1-й и 11-й ИАП

Албания²⁷⁵

Ринас²⁷⁶

Слупск-Редзиково²⁷⁷

28-й и 39-й ИАП²⁷⁸

В то же время, и это было отмечено зарубежными экспертами, прежде всего из числа аналитиков ЦРУ США, новое советское руководство во главе с Л. И. Брежневым, «будучи обеспокоено ожесточенной дискуссией относительно военной стратегии в хрущевский период, осторожно уклонилось от четкого провозглашения советской военной доктрины и, таким образом, военной доктрины (Варшавского – Ар. У.) пакта. Однако один из факторов советской военной политики – размещение ресурсов – не был обойден вниманием... Главнокомандующий пак-

коллекции которых является и данная справка, даётся перечень планируемых закупок вооружений странами Варшавского пакта друг у друга и у СССР.

²⁷³ Baev J. Bulgarian Arms Delivery to Third World Countries, 1950-1989. – [http:// www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_armstrade/introduction.cfm?navinfo=23065](http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_armstrade/introduction.cfm?navinfo=23065). См. также: Баев И. Българската военна помощ за Третия свят//Военен журнал. София. 1992. № 6.; 1993. № 1.

²⁷⁴ Составлено по: МиГ-19 ПМ// Авиационная энциклопедия «Уголок неба». – [http:// www.airwar.ru/enc/fighter/mig19pm.html](http://www.airwar.ru/enc/fighter/mig19pm.html)

²⁷⁵ О важности МиГов для ВВС Албании и о проблемах, связанных с ними, см.: Gjinaj A. Mig-dt shqiptare: 50 vjet ripë, 10 vjet debat. Tirand, 2006.

²⁷⁶ Обменены в 1965 г. на китайский аналог – F-6.

²⁷⁷ Переданы Польшей.

²⁷⁸ Переданы Болгарии в 1966-1967 гг.

том Гречко на приёме в Кремле 14 мая (1965 г. – Ар. У.) сделал беспрецедентное публичное упоминание о “совместных ядерных силах Варшавского договора”»²⁷⁹. Сам факт обращения к этой теме давал основания для предположений о том, что размещение ядерных сил на территории восточноевропейских союзников мог означать, во-первых, контроль над ними со стороны СССР, и, во-вторых, стремление Москвы «усилить ядерный щит» в Восточной Европе с целью вывода из этого региона советских вооруженных сил²⁸⁰. Продолжавшая сохраняться неясность основных постулатов советской военной доктрины, чему в немалой степени способствовали идеологические пропагандистские тезисы, использовавшиеся советским руководством, включая его военную часть, усилившую свои позиции после свержения Хрущева²⁸¹, не позволяла определить основные параметры всей доктрины в целом. Бесспорными оставались лишь два взаимосвязанных аспекта советской стратегии: во-первых, ставка Москвы на использование советских и восточноевропейских конвенциональных вооруженных сил в целях максимально глубокого продвижения в Западную Европу в случае вооруженного конфликта с НАТО, и, во-вторых, нанесение предельно возможного ущерба военно-воздушным силам альянса и его ядерным арсеналам²⁸². В военно-стратегическом отношении для Москвы, во многом определявшей оборонную стратегию Варшавского пакта, к середине 60-х гг. XX в. основными театрами военных действий на европейском направлении становились Северо-Западный, Западный (Центральный) и Юго-Западный. Это было очевидно экспертам ряда стран-членов НАТО, прежде всего США. Они отмечали осенью 1965 г., что для советской стороны важны все три театра военных действий, для которых, как полагали в ЦРУ, могут быть созданы отдельные региональные штабы²⁸³.

Схема 1

Вероятные ТВД для СССР и Варшавского пакта и возможные изменения их периметров²⁸⁴

²⁷⁹ Intelligence Study. Warsaw Pact Military Strategy. A Compromise In Soviet Strategic Thinking. P. 22, 25.

²⁸⁰ Ibid.

²⁸¹ По мнению аналитиков американской разведки (ЦРУ и РУМО), укрепление позиций представителей военных в руководстве СССР способствовало увеличению советских военных расходов, проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по оборонной тематике и переоснащению/переворужению советских вооруженных сил. – Intelligence Memorandum. The Military Issue In Soviet Policy During 1965 (RR MM 66-1). 1.2.1966. P. 1. – [http://www.faq.s.org/cia/docs/75/0000316256/THE-MILITARY-ISSUE-IN-S O VIET-P OLIC Y-DURIN G-1965-\(RR-MM-6 6-1\). html](http://www.faq.s.org/cia/docs/75/0000316256/THE-MILITARY-ISSUE-IN-S-O-VIET-P-OLIC-Y-DURIN-G-1965-(RR-MM-6-6-1).html)

²⁸² Petersen Ph., Clark J. Soviet Air and Antiair Operations// Air University Review. 1985. March-April. – <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1985/mar-apr/petersen.html>

²⁸³ Capabilities of Soviet General Purpose Forces. NIE. Number 11-14-65. 21.10.1965. P. 8. – [http://www.faq.s.org/cia/docs/75/0000278467/CAPABILITIES-OF-SOVIET-GENERAL-PURPOSE-FORCES-\(NIE-11-14-65\).html](http://www.faq.s.org/cia/docs/75/0000278467/CAPABILITIES-OF-SOVIET-GENERAL-PURPOSE-FORCES-(NIE-11-14-65).html)

²⁸⁴ Источник: Petersen Ph., Clark J. Soviet Air and Antiair Operations// Air University Review. 1985. March-April. – <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1985/mar-apr/petersen.html>

Степень значимости каждого из ТВД для советского военно-стратегического планирования и, соответственно, Варшавского блока, предопределила военно-техническую оснащенность армий стран-участников ОВД, получавших основную часть вооружений в различной форме от СССР. Центрально-европейское направление, являвшееся главным с точки зрения стратегических планов СССР и Варшавского пакта, было ориентировано, прежде всего, на ведение активных боевых действий, целью которых было максимально возможно быстрое продвижение в Западную Европу и захват стратегически значимых позиций. Размещение советского ракетного оружия в Восточной Европе – ракетных комплексов баллистических ракет малой дальности Р-11 «Земля», имевших значение в масштабах ответственности армии, и оперативно-тактических ракетных комплексов «Луна» дивизионного подчинения – лишь подчеркивало приоритетный характер соответствующего ТВД для Москвы. Из 14 бригад ракетных комплексов баллистических ракет Р-11, каждая из которых включала 7 пусковых установок, способных обеспечить запуск ракет не только с обычным, но и ядерным зарядом, Венгрия и ГДР получили по 1 такой бригаде, а Польша и Чехословакия – по четыре²⁸⁵. Одновременно предусматривалось оснащение всех дивизий армий стран-членов ОВД ракетным комплексом «Луна».

Юго-Западный ТВД, одним из секторов которого являлись Балканы, имел в определенной степени «вспомогательный» характер. Главной задачей, которую предстояло решать на нём Варшавскому пакту, было не допустить блокирования силами НАТО черноморско-средиземноморского морского транспортного узла, а также проведения «обходных» маневров со стороны НАТО и нанесения удара по СССР с юга. Одновременно ставилась задача обеспечения массированного продвижения армий Восточного блока на центрально-европейском направле-

²⁸⁵ Uhl M. Nuclear Warhead Delivery Systems.

нии. Именно это обусловило размещение в Болгарии и Румынии по две бригады Р-11²⁸⁶. При этом оценка роли НРБ для западной внешней и оборонной политики с точки зрения дипломатических представителей ряда ведущих государств НАТО, в частности, Британии, делалась в 1964 г. в достаточно скептическом тоне, когда отмечалось, что «с точки зрения Запада, Болгария, несомненно, является наименее важной страной в Восточной Европе, помимо Албании», в отношении которой тем не менее предлагалось проводить политику, способную принести определенную выгоду Западу²⁸⁷. В военном плане делался вывод о том, что «болгарские вооруженные силы будут защищать всеми силами границы своей страны. Они полностью поддерживают режим, но существуют слухи о несогласных голосах, которые выступают в поддержку независимости (от СССР – Ар. У.), сравнимой с той, которая существует сейчас в Румынии. Сомнительно, чтобы они имели какой-либо успех... Болгария не сможет напасть ни на Турцию, ни на Грецию без одобрения и согласия Советского Союза. Следовательно, подобная атака была бы (предпринята – Ар. У.) скорее в политическом, нежели в военном отношении. Вооруженные силы нуждаются в более новом вооружении, а таковые прибывают в страну медленно и, похоже, не в большом количестве»²⁸⁸.

Балканские члены ОВД – Албания, Болгария и Румыния на первых этапах существования блока рассматривались Москвой как важные с точки зрения базирования советских вооруженных сил участки юго-западного направления. Однако к середине 60-х гг. XX в. ситуация серьезно изменилась, так как один из членов ОВД – Албания – фактически прекратил связи с пактом после разрыва советско-албанских отношений, и, более того, его участие в случае межблокового конфликта ОВД-НАТО ставилось американскими экспертами под вопрос и зависело, как они отмечали, от интерпретации албанским руководством национальных интересов коммунистической Албании²⁸⁹. Эта оценка, вероятно, усилила стремление Вашингтона способствовать процессу выхода Тираны из Варшавского пакта, и в 1965 г. в Турции американская сторона инициировала проведение секретных переговоров по данному вопросу, обещая гарантии военно-политической безопасности Албании. Однако антиамериканизм Э. Ходжи, видевшего в США угрозу возглавлявшемуся им режиму, явился решающим фактором, повлиявшим, в конечном счёте, на отказ от дальнейших контактов с Вашингтоном²⁹⁰.

Одновременно албанское руководство начало проводить вполне определенные по своему характеру реформы в оборонной сфере. Во второй половине декабря 1965 г. состоялось заседание политбюро АПТ, официальной повесткой дня которого было принятие мер против бюрократизма, приравнивавшегося по своей значимости к «классовому врагу». Замысел Э. Ходжи, активно развивавшего эту тему, заключался в усилении его личного контроля над партийным аппаратом и ликвидации любой, даже гипотетической, оппозиции в руководстве АПТ, что могло быть достигнуто проведением очередной волны чисток в рядах высшей номенклатуры²⁹¹. В военно-командной системе Албанской народной армии проводились реформы,

²⁸⁶ Ibid.

²⁸⁷ Ответ посла Великобритании в Софии на меморандум Форин офиса. 3 марта 1964 г. // Съветска България. Книга втора 1964-1966. Из архива на Форин офис по времето на първия британски посланик Уилям Харпъм. С. 38.

²⁸⁸ Доклад на военния аташе полковник Уест за състоянието на Българските военни и полувоенни сили през 1964 година // Там же. С. 215.

²⁸⁹ National Intelligence Estimate. Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.8.1965. P. 15. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

²⁹⁰ Долгое время этот факт оставался неизвестным для исследователей и не рассматривался как в американской, так и в албанской историографии. Первые сведения об американо-албанских контактах в 1965 г. были приведены в работе албанского автора Л. Башкурти: *Bashkurti L. Diplomacia shqiptare në fillimet e luftës së ftohtë. Tiranë, 2003.*

²⁹¹ На проходившей в марте 2004 г. в Пекине конференции, посвященной проблемам холодной войны, было отмечено, что албанские реформы отличались от китайских периода «культурной революции» тем, что так называемая борьба против бюрократии была направлена в первую очередь против правительственных, а не исключительно партийных чиновников. См.: *Mastny V Beijing Seminar on China and Eastern Europe in the 1960-80s. The PHP held its second major international conference on March 24-26, 2004, in. Beijing.* – www.php.isn.ethz.ch/conferences/.../2004_Beijing_seminar_report.pdf

близкие, а порой и повторяющие мероприятия китайской компартии: была создана система армейских партийных комитетов, восстановлен институт политических комиссаров и ликвидированы воинские звания²⁹². Официальная трактовка проведённых изменений в вооружённых силах нашла своё выражение в пропагандистских публикациях партийных изданий и заключалась в том, что «создание партийных комитетов, восстановление института политических комиссаров и снятие воинских званий в армии были направлены на сохранение и дальнейшее укрепление народного революционного характера Вооружённых сил Республики, на поднятие на более высокий уровень партийного руководства в армии»²⁹³. Одновременно, в виду явно просматривавшихся аналогий с китайской общественно-политической практикой того времени, подчеркивалась необходимость «пресечения всякого рода поползновений врага изобразить эти постановления как изменение линии партии или как копирование чьей-либо зарубежной практики»²⁹⁴.

Реформы, проводившиеся руководством балканских государств-членов Варшавского пакта в области обороны, включая институциональные нововведения, касались как военной, так и политической областей. В Болгарии это нашло своё отражение в усилении роли Государственного комитета обороны (ГКО). Он был создан впервые на основании специального решения политбюро ЦК БКП от 6 марта 1952 г. и подчинялся непосредственно Совету министров²⁹⁵. Однако в конце 1953 г. по предложению советских военных советников и по личному указанию председателя Совмина В. Червенкова ГКО был упразднен²⁹⁶. Идея возобновления деятельности комитета была реанимирована в июле 1956 г., после прихода к власти в БКП Т. Живкова, и во многом это было обусловлено не только оборонными потребностями Болгарии как члена ОВД, но, прежде всего, тем, что «в рядах руководства Болгарской народной армии проявилось брожение и начались дискуссии относительно произошедших изменений в руководстве партии»²⁹⁷. В апреле ГКО был окончательно легитимирован. Доминирование в этом органе представителей вооружённых сил, а также карательных органов – МВД и госбезопасности, представлявших наиболее сильный «блок» в составе Комитета, куда входила также хозяйственная номенклатура, свидетельствовало о реальном соотношении сил в руководстве коммунистической Болгарии в начале 60-х гг. XX в. В июне 1962 г. произошло расширение состава ГКО с 6 до 9 членов. Фактически комитет был призван выполнять политические функции осуществления контроля над армией, МВД и госбезопасностью; осуществлять хозяйственно-экономические в области оборонной политики с упором на военную часть экономики и промышленности, а также определять партийно-государственную политику в области безопасности с позиций БКП и членства Болгарии в ОВД.

Таблица 7

Первый расширенный состав ГКО НРБ (июнь 1962 г.)²⁹⁸

²⁹² История Албанской партии труда. 1966-1980. (Главы VII, VIII, IX). Тирана, 1981. С. 8-10.

²⁹³ Там же. С. 11.

²⁹⁴ Там же. С. 12.

²⁹⁵ Баев И. Държавен комитет на отбраната на Народна Република България. 1952-1990. С. 2. (публикация на сайте проекта: Projektgruppe Protokolle des Nationalen Verteidigungsrates der DDR – http://www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/baev_dko.pdf).

²⁹⁶ Там же. С. 2.

²⁹⁷ Там же. С. 3.

²⁹⁸ Составлено по: Баев И. Държавен комитет на отбраната на Народна Република България. 1952-1990. С. 3. (публикация на сайте проекта: Projektgruppe Protokolle des Nationalen Verteidigungsrates der DDR). – http://www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/baev_dko.pdf

Персоналия	Должность в ГКО	Воинское звание	Занимаемая должность в государственных и партийных институтах
Тодор Живков	председатель	генерал-майор	Первый секретарь ЦК БКП, член Политбюро ЦК БКП
Антон Югов	член	генерал-полковник	Председатель Совета министров, член Политбюро ЦК БКП
Станко Тодоров	член	генерал-майор	Заместитель председателя Совета министров, председатель Государственной плановой комиссии, член Политбюро ЦК БКП
Иван Михайлов	заместитель председателя	генерал армии	Бывший министр обороны (9.6.1958–17.3.1962 гг.), начальник Гражданской обороны, ответственный за курирование Министерства обороны и внутренних дел в Политбюро, член Политбюро ЦК БКП
Боян Былгаранов	член	генерал-полковник	Секретарь ЦК БКП, член Политбюро ЦК БКП
Добри Джурев	член	генерал-полковник	Министр обороны, член ЦК БКП
Дико Диков	член	генерал-полковник	Министр внутренних дел, член ЦК БКП
Иван Бычваров	член	генерал-полковник	Бывший начальник Генерального штаба (14.12.1950–26.1.1960 гг.), заведующий военно-административным отделом ЦК БКП
Атанас Семерджиев	член	генерал-майор	Министр обороны, кандидат в члены ЦК БКП

Фактическое прекращение членства Албании в Варшавском пакте и усиление самостоятельности Румынии превращало Болгарию в единственного последовательного союзника СССР в регионе. Данный факт учитывался Кремлём при определении возможных последствий ослабления болгарского оборонного потенциала, и Москва предпринимала шаги, направленные на недопущение подобного развития ситуации. В этой связи советское руководство, констатируя, что «дальнейшее уменьшение боевого состава и численности Болгарской народной армии из-за сокращения ассигнований на её нужды могло бы нанести ущерб интересам обороны Болгарии и других социалистических стран», соглашалось «оказать соответствующую помощь Народной Республике Болгарии в дополнение к уже определенному объёму поставок на 1965 год», имея в виду, что подобная «помощь могла бы быть оказана в виде безвозмездных поставок некоторого количества вооружения и военной техники для Болгарской Народной армии»²⁹⁹.

Доминирование Балкан во внешнеполитической повестке дня Софии особо отмечалось и болгарским руководством, а также подчеркивалось на переговорах с партнерами по коммунистическому лагерю. Весной 1965 г. отношения с Грецией и Турцией оценивались болгарской стороной как улучшающиеся, но испытывающие сильное негативное влияние из-за сопротивления со стороны «реакционных кругов, американцев»³⁰⁰. Одновременно болгарская разведка, продолжавшая организационно находиться до июля 1965 г. в составе МВД, усиливала свою деятельность в отношении государств, находившихся в зоне ответственности Болгарии как члена Варшавского пакта. Одним из них традиционно являлась Греция. В начале марта 1965 г., как сообщал министр МВД Д. Диков в середине апреля того же года председателю КГБ СССР В. Е. Семичастному, сотрудники его ведомства проникли в посольство Греции, «в результате были сфотографированы материалы, хранящиеся в сейфе военно-воздушного атташе подполковника Михаила Киркизиотиса, из которых видно какими данными он

²⁹⁹ Письмо от Л. Брежнев до Т. Живков относено оказване на съветска военна помощ за БНА. 25.2.1965. С. 1// България във Варшавския Договор.

³⁰⁰ Стенограмма. Среца на др. Тодор Живков – първи секретар на ЦК на БКП и председател на Министерския съвет на Народна Република България и др. Раул Кастро Рус – втори секретар на Единната партия на социалистическата революция, заместник-министър председател на революционното правителство и министър на въоръжените революционни сили на Република Куба. София, 26.3.1965. С. 19. – <http://narodopis.narod.ru/ds60/DS650326bg.pdf>

располагает в отношении нашей страны, каких (так в тексте – Ар. У.) источников использует и т. и.»³⁰¹

Ситуация, складывавшаяся в отношениях с соседними коммунистическими странами – Югославией и Румынией, была с точки зрения принадлежности первой из них к Движению неприсоединения, а последней – к Варшавскому блоку и СЭВ, по мнению болгарской стороны, исключительно противоречивой. Экономическое положение в этих странах, в отличие от политического, не вызывало у Софии серьезного беспокойства. Разногласия с Белградом и Бухарестом касались области идеологии и трактовки национального суверенитета. Т. Живков признавал во время болгаро-кубинских переговоров весной 1965 г., что болгарское руководство «тревожит националистическая линия, которую проводит румынское руководство»³⁰², которое, хотя и «не полностью разделяет китайскую трактовку», но отклоняется «от классового подхода»³⁰³ на международной арене.

Особое значение для оборонной политики Болгарии весной 1965 г. имела ситуация, складывавшаяся в национальных вооруженных силах и в партийной среде. Её представители в условиях коммунистической Болгарии начала 60-х гг. XX в. часто были связаны со многими офицерами и генералами. Начало этому было положено ещё во времена подпольной деятельности межвоенного и военного периодов, а также партизанской борьбы до коммунистического переворота 9 сентября 1944 г. Все значительные должности в военизированной части госаппарата НРБ занимали выходцы из рядов БКП, имевшие опыт нелегальной работы, боевых действий в партизанских отрядах и прошедшие в разное время подготовку в советских партийных и военных учебных заведениях. Выдвижение этих лиц на командные должности в армии, МВД и госбезопасности, а также окончательная замена старого офицерского корпуса новым, фактически созданным коммунистическим режимом, частью которого они являлись, были призваны обеспечить лояльность «военной касты» ему. Однако складывавшаяся осенью 1964 – весной 1965 г. в военно-политических кругах Болгарии ситуация свидетельствовала о наличии серьезного кризиса в военно-партийной номенклатуре, что было способно повлиять в целом на оборонную политику страны. Сформировавшаяся осенью 1965 г. оппозиция против Т. Живкова³⁰⁴, смена которого рассматривалась ею как необходимое условие общественно-политического развития Болгарии, была также составлена из представителей армии и партийных деятелей, имевших большое влияние как в рядах болгарской компартии, так и вооруженных силах.

³⁰¹ Записка министра МВД Болгарии Д. Дикова председателю КГБ СССР В. Семичастному. 15.4.1965. С. 1// Cold War International History Project. Digital Archive – <http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/142650415bg.pdf>

³⁰² Стенограмма. Среца на др. Тодор Живков – първи секретар на ЦК на БКП и председател на Министерския съвет на Народна Република България и др. Раул Кастро Рус – втори секретар на Единната партия на социалистическата революция, заместник-министър – председател на революционното правителство и министър на въоръжените революционни сили на Република Куба. София, 26.3.1965. С. 20. – <http://narodopis.narod.ru/ds60/DS650326bg.pdf>

³⁰³ Там же. С. 21.

³⁰⁴ Первое серьезное публичное выступление против Т. Живкова было сделано в декабре 1964 г. на Пленуме ЦК БКП, когда заведующий административным отделом ЦК БКП генерал И. Бычваров попытался поставить на повестку дня вопрос о снятии Живкова с поста первого секретаря. После этого И. Бычваров был выведен из состава ЦК и назначен послом в ГДР. 24 ноября 1966 г. самолет, на котором он летел, разбился при загадочных обстоятельствах под Братиславой. Болгарский следователь Н. Генчев, которому было поручено расследование дела, вскоре покончил с собой. Подробнее: *Благов К.* 50-те най-големи атентата в българската история. София, 2000; он же. Враг на Живков загива в мистериозна катастрофа// Стандарт. Интернет-издание. 11.12.2004. – http://paper.standardnews.com/archive/2004/12/11/supplement/s4289_8.htm. Первая информация о заговоре поступила в руководство МВД 11 февраля 1965 г. Довольно часто группу, сформировавшуюся осенью 1964 г., определяют как прокитайскую. Во многом это обусловлено тем, что сами болгарские власти, и, в частности, Т. Живков, были заинтересованы представить её членов как сторонников компартии Китая, что было призвано скомпрометировать их как внутри Болгарии, так и перед советским партийно-государственным руководством. Иностранцами дипломатами, аккредитованными в Софии, прежде всего американскими, делались предположения о том, что позиции Т. Живкова осенью 1964 г. ослабли, в связи с чем существовала возможность его смены по «советскому образцу»: «Телеграмма Посольства США в Болгарии в Государственный Департамент США. № 271. 24.10.1964 г.» (Legtel 271 (Sofia), Johnson to Secretary of State, 10/24/64, «Bulgaria, Volume 1» Bulgaria Country File, National Security File, Box 165, # 26, LBJ Library) в: *Грозев К.* Два нови разсекретени документа за България от архива на Линдън Джонсън. – www.jatsbulgaria.org/upload/images/article_LBJMinal.doc

Заговор, руководство которого осуществлялось известными в партийных и военных кругах активными участниками болгарского коммунистического движения межвоенного периода и партизанского движения в Болгарии в годы Второй мировой войны И. Тодоровым-Горуней, Ц. Крыстевым, Ц. Аневым, довольно серьезно повлиял на последующую ситуацию в болгарских вооруженных силах после его раскрытия и проведения органами МВД соответствующей операции, начатой 28 марта 1965 г.³⁰⁵ Помимо того, что были осуждены основные руководители заговора (за исключением И. Тодорова-Горуня, загадочно покончившего самоубийством в ночь с 7 на 8 апреля 1965 г.), последующей чистке подверглись более 200 офицеров БНА, которые были понижены в звании и должности, разжалованы или уволены из рядов вооруженных сил³⁰⁶.

Эти события серьезно отразились и на кадровом составе высших органов государственной власти, а также военного управления. Одним из результатов внутрипартийной борьбы и победы в ней Т. Живкова стало снятие осенью 1962 г. со своего поста премьера А. Югова, место которого занял сам глава БКП, а после апреля 1965 г. – изменения в персональном составе Государственного комитета обороны, из которого был исключен генерал-полковник И. Бычваров, смещенный в начале октября 1965 г. со своего поста заведующего административным отделом, и введены новые члены – заместитель председателя Совета министров член Политбюро ЦК БКП Ж. Живков, ближайший сподвижник Т. Живкова кандидат в члены Политбюро ЦК БКП, секретарь ЦК БКП П. Кубадински, новый заведующий административным отделом ЦК БКП, член ЦК БКП генерал-лейтенант А. Цанев и председатель созданного в начале июля 1965 Комитета государственной безопасности (ДС), член ЦК БКП генерал-майор А. Цолаков³⁰⁷.

Предпринятые весной – летом 1965 г. структурные изменения в системе государственной безопасности и обороны свидетельствовали о стремлении Т. Живкова усилить личный контроль над этими сферами. Специальным решением Политбюро ЦК БКП от 6 июля 1965 г. из состава МВД выделялась на правах комитета организация государственной безопасности (КДС) с полномочиями министерства, в задачи которой входила борьба против «врагов народа и социализма». Её главой становился генерал А. Цолаков. Отдел административных органов ЦК БКП разделялся на Военный отдел, который контролировал министерство обороны, МВД и КДС, во главе с генералом А. Цаневым и Административный, осуществлявший контроль над министерством юстиции, судом и прокуратурой, во главе с И. Драгоевым. Одновременно

³⁰⁵ Примечательно, что на пленуме ЦК БКП 23 марта 1965 г. Т. Живков заявил о существовавших попытках «авантюристических элементов» изменить курс БКП после октябрьского пленума ЦК КПСС (на котором был снят со своего поста Н. Хрущев). Более того, в отношении И. Тодорова-Горуня в болгарской партийной печати была развернута пропагандистская кампания зимой 1964–1965 гг., которая заставила Горуню искать встречи с Живковым. На ней так и не было ничего решено.

³⁰⁶ Серия публикаций известной болгарской журналистки Любы Маноловой, автора документального расследования «Външият дълг и 10 ноември в документа и факта» (София, 2002), на её персональном сайте привлекла внимание не только болгарской общественности, но и историков. Статьи под названием «О партии и жизни некоего Луканова» («За партия и живота на един Луканов») содержали материал (9, 10, 11, 12. 10.2006) о деталях произошедшего 8 апреля 1965 г. В соответствии с приведёнными данными, имевшая ранее хождение версия об убийстве И. Тодорова-Горуня сотрудниками ДС стала получать своё подтверждение. Статьи находятся по адресу: <http://lubamanolova.info/9okt-inv.html>; <http://lubamanolova.info/10okt-inv.html>; <http://lubamanolova.info/11okt-inv.html>; <http://lubamanolova.info/12okt-inv.html>. Подробнее о событиях в публикациях как самих выживших участников заговора, так и сотрудников МВД и госбезопасности: Цонев Т. Кой уби Горуня? София, 1993; Анев Ц. Спомени и размисли на един «горуновец» 1965. София, 1996; Иванов Д. Политическо противопоставяне в България 1956–1989 г. София, 1994; Анев Б. От Шесто за Шесто. София, 1994; Цолаков А. Председателят на КДС разказва. София, 1993. Протокол от пленум на ЦК на БКП с решение относно дейността на ръководената от Цоло Крыстев, Иван Тодоров-Горуня и ген. Цвятко Анев заговорническа група. 14 април 1965 г. – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdelt2/nbor34ae6.pdf. См. также: Бакалов И. Превратаджии – от първо лице. Заговорите срещу Тодор Живков. София, 2008. См. также: Валева Е. Оппозиционные настроения в Болгарии в 1960-е годы // В поисках новых путей: Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011.

³⁰⁷ Баев Й. Държавен комитет на отбраната на Народна Република България. 1952–1990. С. 4, 5. (публикация на сайте проекта: Projektgruppe Protokolle des Nationalen Verteidigungsrates der DDR – http://www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/baev_dko.pdf).

в Закон о воинской службе были внесены изменения, в соответствии с которыми военнотруженики, допустившие проступки, могли понижаться не на одно, а сразу на несколько званий.

Неудавшаяся попытка переворота в апреле 1965 г. в Болгарии давала серьезные основания для выводов зарубежных, прежде всего американских, экспертов относительно роли и места вооруженных сил в общественно-политической жизни страны и стремлении болгарских властей поставить военных под жесткий политический контроль³⁰⁸. В свою очередь, Живков стремился подчеркнуть контроль власти над вооруженными силами как государственным институтом. В этой связи он заявил в расчете на иностранную аудиторию в интервью зарубежным СМИ летом 1965 г. о том, что «армия в социалистической стране не может сравниваться с армиями латиноамериканскими, где часто происходят государственные перевороты»³⁰⁹.

Болгарские власти были заинтересованы минимизировать общественную значимость произошедшего не только в глазах болгарских граждан, но и международной общественности, и даже своих ближайших советских союзников. Во многом это было обусловлено нежеланием лично первого секретаря ЦК БКП давать основания считать себя слабым политиком, не имеющим поддержки в партийном и государственном аппарате, что могло серьезно насторожить Москву и заставить её начать поиск кандидата на замену³¹⁰. Именно поэтому на состоявшейся 26 мая 1965 г. встрече в Софии Секретариата ЦК БКП с советской партийной делегацией, главными участниками которой были Т. Живков и секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС М. Суслов, сам Живков был вынужден признать серьезность произошедшего. Это нашло своё отражение в его словах о том, что несмотря на малочисленность группы заговорщиков, «это не может отменить сам факт и мы не можем его отменить таким образом, как это делает наша (болгарская официальная – Ар. У.) публичная пропаганда». Глава БКП, хотя и ссылаясь на то, что в заговоре не участвовали заговорщики из боевых частей, тем не менее признал: среди них были высокопоставленные военные и партийные деятели не первого, но и не последнего «ряда». Живков не смог скрыть обеспокоенности тем, что «в армии могут происходить такие вещи». Болгарское руководство постаралось представить произошедшее как заговор «прокитайских элементов», что, по его замыслу, вероятно, должно было обеспокоить советскую сторону и вывести внутрипартийный конфликт из «болгарского контекста» в более широкий, международный, с учётом подозрительности Москвы к действиям Пекина, и представив его «борьбой между нами [БКП] и китайцами». Упоминание о недовольстве в среде болгарских офицеров своим положением из-за низкой зарплаты даже в сравнении с другими коммунистическими странами и массовыми сокращениями из офицерского корпуса при отсутствии трудовых вакансий должно было облегчить Т. Живкову получение советской помощи на оборонные и хозяйственные нужды страны³¹¹.

Внешнеполитическое измерение оборонной политики Болгарии к весне 1965 г., прежде всего, касалось региональной системы безопасности. Болгарская оценка расстановки сил на

³⁰⁸ Brown J. P. The April Conspiracy in Bulgaria. 22.4.1965. Target Area. Bulgaria. Box-Folder-Report 6-5-120. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-5-120.pdf>; Reed Army Implication in Bulgarian Plot Seen. 12.5.1965. RFE East Europe Research and Analysis. Box-Folder- Report. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-5-116.pdf>; «Телеграмма посольства США в Болгарии в Государственный Департамент США. № 643. 14.4.1965» (Legtel 643 (Sofia) Johnson to Secretary of State, 04/14/64, «Bulgaria, Volume 1». Bulgaria Country File, National Security File, Box 165, # 22, LBJ Library) в: Грозев К. Два нови разсекретени документа за България от архива на Линдън Джонсън. – www.jatsbulgaria.org/upload/images/article_LBJMinal.doc

³⁰⁹ Zhivkov Interview Reviewed. 23.7.1965. R 2. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report. 6-5-93- <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-5-93.pdf>

³¹⁰ На этот аспект проблемы обратили внимание и аналитики Исследовательского отдела «Радио “Свободная Европа”»: USSR Opts for Status Quo in Bulgaria. 18.6.1965. Box-Folder-Report. Radio Free Europe Research. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-5-108.pdf>

³¹¹ Протокол от среща на Секретариата на ЦК на БКП със съветска партийна делегация. Обсъждат се икономически въпроси, политическата обстановка в България и др. 26 май 1965 г. С. 26, 27 // – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdelit3a/flbop34ae8.pdf

Балканах давалась в пользу ОВД. «Балканское направление», имевшее выход на Грецию, Турцию и Средиземное море, как оно определялось руководством НРБ, было прочно «прикрыто» с болгарской стороны, так как имелся «сокрушительный перевес и готовность действовать, и это вопрос не дней, а часов...»³¹² Возможности Болгарии, в частности, на условном фракийском рубеже были достаточно серьезны и отмечались в НАТО. В свою очередь, отсутствие координации между членами НАТО на региональном уровне и особенно конфликтный характер взаимоотношений Греции и Турции, влияли на обороноспособность Североатлантического альянса на балканском направлении. Американские официальные лица высказывали опасения по поводу того, что предпринятое греческой стороной исследование планов сдерживания в греческой Фракии не предусматривало участия Турции. Подобный подход рассматривался как провоцирующий Софию на активные действия, так как «узнай болгары об этом, то такая ситуация могла бы ввести их в искушение предпринять наступление, так как они бы знали, что никакого ответа со стороны НАТО не будет»³¹³. Несмотря на последующие заверения министра обороны Турции о готовности действовать в соответствии с планами НАТО, этот инцидент был воспринят американской стороной с явным раздражением.

София, имея в виду зону ответственности болгарских вооруженных сил, особое внимание уделяла кипрскому конфликту, в связи с чем партийно-государственное руководство не исключало возникновение чрезвычайной ситуации, требовавшей в дальнейшем участия вооруженных сил страны в случае «непредвиденных обстоятельств». Это нашло своё отражение в поддержании боевой готовности ряда частей БНА³¹⁴, тем более что болгарское вооружение постоянно направлялось на Кипр³¹⁵.

Подчеркивание геостратегической роли Болгарии на Балканах являлось одним из элементов внешней политики Софии не только в отношениях с западными государствами, но и с СССР. Болгарское руководство особо отмечало факт нахождения страны в центре региона. Т. Живков весной 1965 г. подчеркивал: «Все Балканские страны так или иначе заинтересованы в поддержании добрососедских отношений с Болгарией. Болгария – по счастью или по несчастью – является центром Балканского полуострова, и ни одна балканская проблема не может решаться без неё»³¹⁶. При этом отношения с Грецией и Турцией, несмотря на проблемы (выплата репараций Афинам за действия царской Болгарии в годы Второй мировой войны, положение турецкого меньшинства в Болгарии), характеризовались в Софии как равные. Отношения с Белградом и Бухарестом, находясь в определенной степени под влиянием «македонского вопроса» и «особой позиции» Румынии, также имели, по оценке болгарской стороны, перспективы возможного улучшения³¹⁷. Такая оценка болгарского места на Балканах могла быть полезна для Софии, стремившейся получать максимальную поддержку Москвы и реализовывать собственные устремления в регионе, включая и оборонный аспект международных отношений. Идеино-политический аспект взаимоотношений между Софией, Белградом и Бухарестом имел ярко выраженный военно-стратегический подтекст, так как касался

³¹² Стенограмма. Среца на др. Тодор Живков – първи секретар на ЦК на БКП и председател на Министерския съвет на Народна Република България и др. Раул Кастро Рус – втори секретар на Единната партия на социалистическата революция, заместник-министър председател на революционното правителство и министър на въоръжените революционни сили на Република Куба. София, 26.3.1965. С. 62. – <http://narodopis.narod.ru/ds60/DS650326bg.pdf>

³¹³ Cable on NATO Ministerial Meeting Session. US embassy in Paris to the State Department 15.12.1965. P. 3. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&i d=18588&navinfo=14968>

³¹⁴ Стенограмма. Среца на др. Тодор Живков – първи секретар на ЦК на БКП и председател на Министерския съвет на Народна Република България и др. Раул Кастро Рус. С. 63.

³¹⁵ Там же. С. 21.

³¹⁶ Протокол от среща на Секретариата на ЦК на БКП със съветска партийна делегация. Обсъждат се икономически въпроси, политическата обстановка в България и др. 26 май 1965 г. С. 31 – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdelt3a/flbop34ae8.pdf

³¹⁷ Там же. С. 32.

непосредственно противостояния Варшавского и Североатлантического пактов в балкано-средиземноморско-черноморском пространстве Юго-Западного ТВД.

Советская политика внесения разногласий в НАТО, вплоть до раскола этого военно-политического блока, представляла для Софии особый интерес. Наиболее перспективным Кремль считал использовать демонстрировавшиеся Анкарой перед её западными, прежде всего американскими, союзниками по НАТО, самостоятельность и «особый» внешнеполитический курс. Такая политика была рассчитана на получение турецкой стороной максимально возможной поддержки США как по экономическим, так и по внешнеполитическим (отношения с Грецией и «кипрская проблема») вопросам. Москва фактически рекомендовала Софии смягчить своё отношение к Анкаре, чтобы не допустить более масштабных с точки зрения Кремля негативных изменений в регионе: превращения Кипра в военно-морскую базу НАТО в случае присоединения его к Греции³¹⁸.

Приглашение посетить осенью 1965 г. Софию с официальными визитами (соответственно 13-18 сентября и 22-27 сентября), сделанное главам Румынии и Югославии – Н. Чаушеску и И. Броз Тито – рассматривалось руководством Болгарии как важный элемент в его балканской политике.

В то же время в Белграде и Бухаресте с большой осторожностью воспринимали эту болгарскую инициативу. Тем не менее сотрудничество между болгарскими и румынскими службами развивалось достаточно активно, а «главным противником» продолжали оставаться США и возглавляемый ими Североатлантический альянс. Разведывательная информация, передававшаяся болгарской госбезопасностью её партнеру в Румынии – Управлению безопасности Министерства внутренних дел, содержала данные как по региональным вопросам, так и по более общим, включавшим натовскую и американскую тематику в целом. Подбор в послании из Софии освещаемых проблем позволяет сделать вывод о том, что ознакомление румынской стороны с данной развединформацией, помимо чисто практической задачи, преследовало и идеологическую: убедить Бухарест в том, что Румыния рассматривается на Западе как один из членов коммунистического блока, несмотря на попытки румынского руководства демонстрировать на международной арене свою независимость и подчеркнуть самостоятельный внешнеполитический курс, пытаясь добиться особого статуса во взаимоотношениях с США и другими членами НАТО³¹⁹. Присутствие сил НАТО в Средиземноморье внимательно отслеживалось военно-разведывательными органами стран-членов ОВД. В соответствии с данными операционного управления Генерального штаба Румынии, Североатлантический альянс обладал к весне 1965 г. около 1500 единицами плавсредств, куда входили 370 боевых кораблей, 45 эскадронов военно-морской авиации с более чем 680 летательными аппаратами различной модификации и видов, 8 батальонов морской пехоты³²⁰.

В свою очередь, сотрудничество стран-участниц ОВД в военно-технической и разведывательной сферах продолжало оставаться малоизвестным даже для заинтересованных в получении подобной информации разведывательных организациях государств НАТО, прежде всего американских разведслужб. Однако даже видимая часть активизировавшейся балканской региональной политики членов Варшавского блока, а также не входившей в неё СФРЮ давала определенные основания для выводов о перспективах развития ситуации и замыслах Кремля. Зарубежные аналитики делали вывод о том, что «Москва, вероятно, вдохновляется желанием

³¹⁸ Там же. С. 35.

³¹⁹ Письмо Председателя КГБ при СМ НРБ А. Цолакова министру внутренних дел СРР К. Онеску. 22.12.1965. – http://www.wilsoncenter.org/topics/va2/docs/216_651222bg.pdf. Среди пересланных в Бухарест документов были следующие справки: «Причины, удерживающие Францию в НАТО», «НАТО о формах и методах работы разведывательных органов социалистических стран», «Состояние оборонной способности населения стран НАТО», а также материалы об американо-греческих отношениях, военных интересах Турции и дислокации военных баз США на Дальнем Востоке.

³²⁰ *Baev J. Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Power.*

более тесного официального сотрудничества между тремя государствами как основы для другого, “мирного наступления”, нацеленного на Грецию и Турцию. Улучшение болгаро-греческих отношений, датируемое июльским (1964 г.) соглашением, нестабильная ситуация в самой Греции и улучшение отношений между Москвой и Анкарой могут рассматриваться как обнадеживающее условие для следующих усилий в этом направлении. Подобная политика выявила бы особую значимость Болгарии, единственного советского надежного сателлита на Балканах, и могла бы обеспечить ей большую маневренность, чем ранее, если бы она сделала выбор и воспользовалась этим»³²¹. Однако, демонстрируя свои особые интересы на Балканах, София прибегала и к тактике «уколов» в том случае, если была уверена, что это не создаст серьезные проблемы в её взаимоотношениях с Москвой, но позволит проявить самостоятельность, которая будет воспринята Кремлем спокойно, так как советская сторона не была заинтересована в слишком серьезном усилении Болгарии в регионе за счёт влияния СССР. Публикация в октябре 1965 г. в издававшемся на французском языке журнале – официальном органе Министерства внешней торговли – статьи, иллюстрацией к которой была карта с обозначением части греческой территории как болгарской, относилась к подобного рода маневрам Софии.

Болгарское руководство использовало особую тактику и в отношениях с Вашингтоном – главным участником евро-атлантического военного и политического альянса. С одной стороны, София демонстрировала максимальную лояльность Москве и официально заявляла американской стороне о том, что «к сожалению, в отношениях между Соединенными Штатами и Болгарией девяносто девять процентов зависят от Государственного Департамента и только один процент – от Болгарии; но этот один процент включает нашу добрую волю и добрые намерения»³²². С другой, озвученная главой болгарского коммунистического режима Т. Живковым в беседе с послом США Н. Дейвисом формула о 90 и 10% должна была усилить заинтересованность Вашингтона в Болгарии и призвана активизировать американскую политику на болгарском направлении. В случае реализации данного плана, София могла бы использовать складывавшуюся ситуацию в собственных интересах как на региональном уровне, так и в двусторонних отношениях с Москвой.

Одновременно Болгария проявляла особую заинтересованность в активизации румынского вектора региональной политики. Это становилось очевидным и для Бухареста, который также стремился усилить собственные позиции в рамках балканского сектора «социалистического лагеря» и продолжать проводить свой особый курс в рамках Варшавского пакта. Визит главы Болгарии в Румынию по приглашению руководителя последней – Н. Чаушеску состоялся 22-24 октября 1965 г. После его окончания Т. Живков прибыл 25 октября в Москву и оставался там до 28 октября. Его встреча с Л. И. Брежневым буквально сразу же после болгаро-румынских переговоров фактически подчеркивала «коалиционный характер» действий Москвы и Софии на балканском направлении и имела прямое отношение к оборонной политике Варшавского пакта. Помимо констатации особой позиции Румынии в ОВД и попыток Кремля добиться дистанцирования румынского руководства от китайских идейно-политических постулатов, болгарская сторона выяснила, что Москва, проведя консультации с руководством государств-сателлитов, собирается предложить новый устав блока. Предполагалось создать технический секретариат, который должен был координировать работу по подготовке подлежащих обсуждению вопросов, но без понижения уровня представительства участников ПКК, т. е. первых секретарей компартий³²³.

³²¹ Bulgaria Expecting Tito and Ceausescu. 1.9.1965. P. 3, 4. Radio Free Europe. Box-Folder-Report 6-5-82. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-5-82.pdf>

³²² 31. Memorandum of Conversation/1/ Sofia, October 8, 1965, 10 a.m. //Foreign Relations of the United States 1964-1968 Eastern. Washington, 1996. V. XVII. P. 123.

³²³ Из протокол от пленум на ЦК на БКП с решение относено водени в Москва разговори на членове на ПБ на ЦК на БКП с Леонид Брежнев и членове на Президиума на ЦК на КПСС по икономическото сътрудничество между двете страни,

§7. Начало ослабления Юго-Западного ТВД Варшавского Договора

Внутри Варшавского блока всё большую самостоятельность проявляла Румыния, которая превращалась в исключительно непредсказуемого союзника. Югославия, не являвшаяся участницей пакта, могла рассматриваться в качестве потенциального союзника только при определенных условиях, а именно: создания угрозы для её безопасности. При этом военный потенциал страны был сопоставим с такими членами ОВД, как Чехословакия и Польша, находившимися на «первой линии» противостояния с Западным блоком. В организационном и оперативном отношениях югославские вооруженные силы имели большой боевой потенциал и были дислоцированы на территории всей страны таким образом, чтобы обеспечить её оборону, прибегнув к войсковым операциям или, в случае невозможности фронтального противодействия превосходящим силам и средствам противника, перейдя к партизанским действиям.

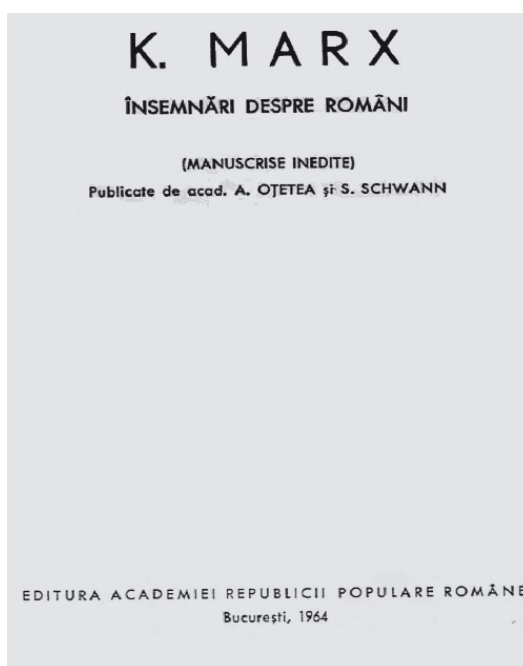
Внутриблоковая расстановка сил в Варшавском пакте давала основания для зарубежных, прежде всего американских аналитиков из числа представителей разведывательного сообщества США, делать вывод о тесной связи внутривосточного развития государств-участниц Варшавского пакта и их военной стратегии. Применительно к Балканскому «щиту социализма» это нашло своё выражение в достаточно точных заключениях, сделанных зимой 1965 г. американскими экспертами о мотивации и характере устремлений соответствующих режимов, которые могли обратиться к усилению собственной самостоятельности от СССР. Так, в частности, Румыния апеллировала, помимо прочего, к фактам национальной истории и роли в ней российско/советско-румынских отношений при решении спорных территориальных вопросов (Бессарабия, Буковина). Для румынского военного и партийно-государственного руководства было ясно, что Москва продолжит оказывать давление на Румынию как члена Варшавского пакта, от которого требуется выполнение общих оборонных скоординированных действий, несмотря на демонстративно отстаивавшуюся Бухарестом самостоятельность в рамках Восточного блока. Одним из зримых проявлений формирующейся румынским партийно-государственным руководством концепции национального суверенитета, затрагивающей и военно-политический аспект членства Румынии в ОВД, становилось всё более частое обращение Бухареста к фактам национальной румынской истории как к аргументу, легитимирующему внутри- и внешнеполитический курс коммунистического режима. Обеспечение территориальной целостности страны становилось в условиях ухудшения советско-румынских отношений важнейшим элементом доктрины национальной обороны. При этом руководство Румынии использовало в соответствии с традициями полемики обращение к так называемому историческому наследию «классиков марксизма-ленинизма». Издание в декабре 1964 г. Академией РНР «Записок о румынах» К. Маркса³²⁴ в количестве 20,5 тыс. экземпляров стало весьма симптоматичным явлением³²⁵, так как в этой работе канонический классик коммунизма в достаточно жёсткой и исключительно негативной форме характеризовал политику царской России в Бессарабии и румынских княжествах в XVIII-XIX вв., включая действия армии под

³²⁴ Marx K. Însemnări despre români. Manuscrise inedite publicate de Acad. Prof. A. Ţeţea şi Prof. S. Schwanin. Editura Academiei RPR. Bucureşti, 1964. Примечательной была история появления этой книги. Профессор С. Шванин в Академии Наук Польши обнаружил записи К. Маркса по истории Румынии и через партийные органы Польши об этом было сообщено румынской стороне. После просмотра рукописи в Академии Наук Румынии партийно-государственное руководство страны приняло решение об издании рукописи. См.: Cioroianu A. Conducătorul şi istoria//Интернет-портал Eastern European History Library. – <http://ee-history.alfamoon.com/index.php?module=articles&act=show&c=7&id=44>; Cioroianu A. Pe umerii lui Marx. O introducere on istoria comunismului românesc. Bucureşti, 2005.

³²⁵ Cioroianu A. Conducătorul şi istoria//Интернет-портал Eastern European History Library. – <http://ee-history.alfamoon.com/index.php?module=articles&act=show&c=7&id=44>

руководством А. В. Суворова и русских войск в регионе позже. Во многом это было отражением процесса «десоветизации» после 1963 г, являвшейся, по сути, механизмом выживания румынской коммунистической элиты, взявшей на вооружение и манипулирующей патриотическими символами»³²⁶.

Обращение к территориальной, бессарабской, проблеме являлось закономерным продолжением обозначенного в апреле 1964 г. курса на повышение уровня самостоятельности Румынии в Восточном блоке. После варшавского совещания ПКК в январе 1965 г. данная тема приобретала значимость и достаточно серьезно рассматривалась в Москве как опасность «дрейфа» Румынии в сторону большей независимости и консолидации с КНР. Именно поэтому как на уровне советской пропаганды, так и на дипломатическом, когда Кремль обратился к Бухаресту, «бессарабская проблема» интерпретировалась не как территориальная, а как историческая в контексте официальной принятой советской версии «объективноположительной роли России на Балканах»³²⁷ и «освободительной миссии Советского Союза» в 1939-1945 гг.

Обложка издания «(Записок о румынах» К. Маркса

Эксперты из числа зарубежных аналитиков делали вывод о том, что и для соседней с Румынией Болгарии равными по значимости для её внешнеполитических устремлений являлись территориальные проблемы с соседними Грецией и Югославией. В данном контексте степень независимости Балканских коммунистических стран от СССР оценивалась в соответствии со сложившейся ситуацией: Албания при существовавшем руководстве Э. Ходжи едва ли могла пойти на примирение с СССР, Югославия была достаточно независима от Москвы, Румыния усиливала свою независимость, а Болгария продолжала оставаться наиболее лояльно настроенной в отношении СССР страной³²⁸. Эта «классификация» Балканских коммунистических стран была важна и с точки зрения оборонной политики как всего Восточного блока, так и той его части, которая относилась к региональному аспекту проблемы.

³²⁶ Comisia Prezidențială Pentru Analiza Dictaturii Comuniste Din România. Raport Final. București, 2006. P. 11.

³²⁷ r.r.g. Did Russia Reunify Rumania? 4.2.1965. Communist Area Analysis Departments USSR – r.r.g. Box-Folder-Report 50-3-172 – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf750-3-172.pdf>

³²⁸ Prospect For Independence In Eastern Europe. Special Memorandum N 10-65.18.2.1965. P. 13, 17, 24, 26. – <http://www.faq.s.org/cia/docs/77/0000427965/PROSPECTS-FOR-INDEPENDENCE-IN-EASTERN-EUROPE.html>

Осенью 1965 г. эти заключения были конкретизированы по вопросам обороны. Так, в частности, заявлялось о том, что «в кризисной ситуации, грозящей началом общей войны... восточноевропейские режимы попытаются оказать сдерживающее влияние на советскую политику. В случае объявления со стороны СССР мобилизации их ответ на это будет, вероятно, отличаться, колеблясь от немедленного исполнения со стороны Восточной Германии до сопротивления со стороны Румынии»³²⁹. Одновременно под сомнение не ставился факт возможного участия вооруженных сил восточноевропейских членов ОВД в случае конфликта в боевых действиях и опоры на них со стороны СССР, по крайней мере, на начальном этапе. Однако, на Юго-Западном ТВД, где помимо Венгрии (имевшей большее отношение к Западному ТВД) предусматривалось участие Болгарии и Румынии, отвечавших за так называемый балканский сектор, могли существовать определенные нюансы в оценке конкретных рисков для этих государств. Так, в частности, не исключалось «балансирование их правительств между общей безопасностью, обеспечиваемой пактом [ОВД], и вероятным втягиванием в “германский вопрос”, который они не рассматривают как непосредственно влияющий на их национальные интересы»³³⁰. Действия ВС восточноевропейских государств, включая балканских членов ОВД, могли быть более активны при защите территориальной целостности соответствующих стран, «чем при нападении на НАТО»³³¹.

Таблица 8

Вооруженные силы Албании и Югославии (к середине 1965 г.)³³²

Силы	Страны	
	Албания	Югославия
Сухопутные силы	30 000	249 000
ВВС	2 000	10 000
ВМС	3 000	22 000
Всего численность ВС	35 000	287 000
Средства		
Боевые самолеты	70	280
Подвижный зенитно-ракетный комплекс С-75	2	4
Подводные лодки	4	3
Эскадренные и эскортные миноносцы	0	6
Торпедные катера	9–12	67
Тральщики	8	51

Количественный состав и военно-техническое оснащение вооруженных сил коммунистических стран Балканского полуострова свидетельствовали о серьезных диспропорциях, но в то же время отражали степень важности каждой из стран для Восточного блока в целом и СССР в частности. Реформа оборонной промышленности СССР, видимая часть которой выразилась в придании решением Президиума Верховного Совета СССР от 26 февраля 1965 г. соответствующим государственным комитетам статуса министерств, была призвана повысить их роль в управлении военно-промышленным комплексом после того, как в 1957 г. они по настоянию Н. С. Хрущева были переименованы в государственные комитеты в ходе проводившейся кампании сокращения союзных министерств.

Таблица 9

Количество дивизий стран-участниц ОВД³³³

³²⁹ Eastern Europe And The Warsaw Pact (ME 12-65). 26.8.1965. P. 4. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

³³⁰ Ibid.

³³¹ Ibid. P. 5.

³³² National Intelligence Estimate. Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.8.1965. P. 17. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_noM000273191

³³³ National Intelligence Estimate. Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.9.1965. P. 8. – <http://www.foia.cia.gov/>

Страна	Пехотные и моторизованные дивизии	Пехотные и моторизованные дивизии постоянной готовности	Танковые дивизии	Танковые дивизии постоянной готовности	Воздушно-десантные дивизии	Общее количество дивизий	Общее количество дивизий постоянной готовности
ГДР	4	4	2	2	..	6	6
Польша	9	4	4	4	2	15	8
Чехо- словакия	9	4	5	5	..	14	9
Венгрия	5	0	1	0	..	6	0
Румыния	8	4	2	2	..	10	6
Болгария	8	4	4	2	..	12	6
Общее число дивизий	43	20	18	15	2	63	35

Таблица 10

Численность ВС стран-участниц ОВД³³⁴(в тыс. человек)

Вид ВС	Страны						
	Польша	Чехословакия	ГДР	Венгрия	Румыния	Болгария	Всего
Сухопутные	225	175	90	100	175	125	890
(Численность в боеготовых дивизиях)	119	95	53	45	80	73	465
ВМС	18	...	15	1	8	6	48
ВВС	25	20	12	5	8	12	82
Всего в ВС	268	195	117	100	191	143	1020
Военизированные силы безопасности	45	40	60	35	30	17	236

Таблица 11

Оценочные возможности ВВС стран-участниц ОВД (на 1 августа 1965 г.)³³⁵

Страна	Спецификация моделей боевых самолетов различных типов							
	МиГ-15; МиГ-17 ПФ	МиГ-17 (ПФ; ПМ/ПФУ)	МиГ-19	Су-7	МиГ-21 (С, Е)	МиГ-21 (Р)	Як-27	Ил-28
Болгария	150	55	75	0	25	0	0	15
Чехословакия	250	60	135	60	35	45	10	40
ГДР	120	75	25	0	70	70	0	10
Венгрия	25	10	10	0	65	30	0	0
Польша (включая ВМС)	540	170	20	5	25	25	5	60
Румыния	150	10	30	0	45	10	0	15
Всего (различных типов боевых самолетов)	1 235	380	295	65	269	180	15	140
								2 570

Таблица 12

Силы ВМФ стран-участниц ОВД (середина 1965 г.)³³⁶

browse_docs.asp?doc_no=0000273191

³³⁴ National Intelligence Estimate. Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.9.1965. P. 9. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

³³⁵ National Intelligence Estimate. Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.9.1965. P. 12. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

³³⁶ National Intelligence Estimate. Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.9.1965. P. 12. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

Тип плавсредств и боевых кораблей	Морские акватории и государства-члены Варшавского пакта			
	Балтийское море		Черное море	
	ГДР	Польша	Румыния	Болгария
Эскадренные миноносцы	0	3	0	0
Эскортные миноносцы/ эсминцы	4	0	0	2
Подводные лодки	0	9	0	2
Торпедные катера	37	19	8	8
Быстроходные патрульные катера с ракетными системами ²	4	4–5	0	0
Береговые сторожевики	63	11	12	8
Морские тральщики	20	17	4	2
Тральщики других типов	38	26	28	22
Амфибии	17	26	8	10

Быстроходные патрульные катера с ракетными системами³³⁷

Балканский сектор Юго-Западного ТВД являлся для СССР на протяжении практически десятилетнего периода существования Варшавского пакта вспомогательным по отношению к Центрально-Европейскому, но не «маргинальным». Это было обусловлено тем, что он обеспечивал непосредственный выход на стратегически важный средиземноморскочерноморский регион и Южный Кавказ (в советской традиции – Закавказье). Весной 1965 г. советская сторона проявила особый интерес к Юго-Западному ТВД, что нашло своё отражение в планировании в середине июня³³⁸ командно-штабных учений с участием представителей штабов советской Южной группы войск и штабов 25-й и 5-й венгерских армий, штаба 25-го Карпатского корпуса³³⁹. Замысел игры базировался на нескольких вводных. Они отражали советское видение возможного развития ситуации на Юго-Западном ТВД и включали предположение о внезапном прямом нападении «западных» на СССР и «другие социалистические страны под прикрытием различных учений». В свою очередь, «восточные» в сложившихся условиях, как это определялось по плану учений, «пытаются добиться снижения международной напряженности и предотвращения войны» и одновременно «усиливают разведывательную деятельность различных видов (а также проводят секретно мобилизацию)». Судя по замыслу этих учений, Москва рассматривала как весьма вероятное нанесение ядерного удара со стороны «западных» на южном направлении и проведение ими массовой наступательной операции «под прикрытием австрийских вооруженных сил к северу от Вены и восточнее Граца с участием 5-го звена тактической авиации и авиации 6-го флота и наступление с целью ликвидации основной группировки “восточных” в южной Чехословакии и западной Венгрии, форсирова-

³³⁷ Этим же странам были поставлены 28 больших ракетных катеров проекта 205, оснащенных противокорабельными ракетными системами П-15 «Термит», и 5 береговых ракетных комплексов С-2 «Сопка» – *Uhl M. Nuclear Warhead Delivery Systems for the Warsaw Pact, 1961-65: Documents from the Russian State Archives of Economics and the German Federal Military Archives on the Reorganization and Modernization of the Armed Forces of the Soviet Bloc// War Plans and Alliances in the Cold War : Threat Perceptions in the East and West. Ed. by Vojtech Mastny, Sven G. Holtsmark, Andreas Wenger, Anna Locher, and Christian Nuenlist. 31 Aug 2006. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_berlin/intro_uhl.cfm*

³³⁸ Official Communication of Major-General Yerastov, Deputy Chief of Staff of the Southern Army Group, to the Chief of Staff Karoly Csemi, on the Instruction of the UAF Headquarters to Execute a Command War Game, 13 April 1965. P. 2 // European Cities Targeted for Nuclear Destruction: Hungarian Documents on the Soviet Bloc War Plans, 1956-71. Parallel History Project on NATO and the Warsaw Pact (PHP) November 2001. Ed. by Mastny V., Nuenlist C., Locher A. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=19637&navinfo=16606>

³³⁹ Plan of the Two-Stage Front-Army War Game for Commanders and Staff Officers to be Conducted on Maps, May 1965. P. 2// European Cities Targeted for Nuclear Destruction: Hungarian Documents on the Soviet Bloc War Plans, 1956-71. Parallel History Project on NATO and the Warsaw Pact (PHP) November 2001. Ed. by Mastny V., Nuenlist C., Locher A. – http://se2.isn.ch/serviceengine/Files/PHP/19635/publicationdocument_singledocument/0E169CD9-75EF-493A-8B64-035B470AE241/en/6505_Plan_E.pdf

ние Дуная и расширение наступательной операции по направлению к границам СССР и Румынии»³⁴⁰. Немаловажное значение для общего плана этих широкомасштабных маневров имели сложившиеся в советских военных кругах представления о массированном танковом наступлении, поддерживаемом ВВС, как наиболее вероятной форме боевых действий с использованием неядерного оружия. Эта точка зрения на характер действий противника активно внедрялась в оборонные концепции стран-участниц Варшавского пакта.

Проведение военных учений в летний период имело вполне определенный смысл, так как соответствовало региональным климатическим особенностям не только Центральной Европы, но и балканской части Юго-Западного ТВД. Этот факт отмечался и экспертами НАТО, в частности – авторами одного из специальных докладов общей серии «Разведывательные оценки» (15.2.1965 г.), составленного в штабе Армии США в Европе (USAREUR). Период с начала июня и до конца сентября рассматривался как наиболее благоприятный для ведения боевых операций³⁴¹. Одновременно отмечалось соответствие транспортной системы стран-членов ОВД требованиям этого периода при том, что основной упор делался на развитие железнодорожной сети. Подчеркивались также усиливавшаяся роль воздушных перевозок и малое значение водного сообщения по сравнению с сухопутной шоссейной и рельсовой инфраструктурами³⁴². Балканский сектор Юго-Западного ТВД представлял особый стратегический интерес, несмотря на удаленность от Центрально-Европейского и Северо-Западного, считавшихся в ОВД и НАТО главными. Выход Балкан в средиземноморско-черноморский бассейн и, соответственно, как на южную часть СССР, так и на Ближний Восток, усиливал значимость транспортных сетей полуострова. Проведение командно-штабных учений Варшавского пакта в июне 1965 г. учитывало тесную взаимосвязь отдельных секторов Центрально-Европейского и Юго-Западного ТВД, объединявшихся в единое геостратегическое пространство, включавшее территорию Чехословакии, Венгрии, Румынии и СССР, подчеркивая значимость Румынии в общей военной стратегии блока.

В соответствии с оценками американских экспертов серьезное влияние на ситуацию внутри Организации Варшавского Договора могли оказать внешнеполитические факторы, к числу которых относилось усиление позиций ФРГ в Европе, что привело бы к повышению роли «особых отношений ГДР, Польши, Чехословакии и СССР»³⁴³. В то же время на Юго-Западном направлении могло произойти определенное ослабление Варшавского пакта за счёт минимизации участия в нём Румынии³⁴⁴.

Роль и место коммунистических Балканских государств в региональной и общеевропейской системе международных отношений приобретали значимость с точки зрения существовавших двух военно-политических альянсов – НАТО и ОВД. Как Москва, так и Вашингтон стремились использовать свои внешнеполитические возможности с целью ослабления противостоявшего блока³⁴⁵. В январе 1965 г. в ходе официального визита в Турцию председателя Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного советская сторона предприняла попытку улучшить отношения с Анкарой, которая, в свою очередь, использовала эти контакты как в экономических, так и в политических интересах, а также для подчеркивания собственной роли в рам-

³⁴⁰ Ibid. P. 3.

³⁴¹ USAREUR Intelligence Estimate – 1965. 15 Feb 1965. R 10. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18593&navinfo=14968>

³⁴² Ibid. P. 13.

³⁴³ Eastern Europe and the Warsaw Pact. NIE (12-65). 26.8.1965. P. 2. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000273191/DOC_0000273191.pdf

³⁴⁴ Ibid.

³⁴⁵ Однако это внешнее сходство действий, на которое ссылаются постсоветские авторы, а также представители левого политического спектра в европейских странах и США, используя как аргумент в пользу концепции «равной ответственности» за начало холодной войны, не имело ничего общего с сущностными политическими целями советской коммунистической диктатуры и ее восточноевропейских сателлитов, с одной стороны, и США с их союзниками, с другой.

ках НАТО в надежде получить преференции по кипрскому и др. важным для неё вопросам от союзников по альянсу³⁴⁶. В военно-стратегическом отношении Москва преследовала задачу сократить уровень угроз на советско-турецкой границе с тем, чтобы, как справедливо полагали зарубежные обозреватели, сконцентрировать внимание на усилении обороны на дальневосточном направлении³⁴⁷ против растущих амбиций Китая.

В свою очередь, Вашингтон проявлял интерес к балканскому направлению с учётом существовавшего албано-советского конфликта. Однако американские аналитики рассматривали Албанию как наиболее трудного, с точки зрения американских попыток установления отношений, партнера, в связи с чем делался вывод о том, что «в случае любой возможности, мы [США] попытаемся открыть канал общения с албанцами». Болгария оценивалась с позиций возможного расширения взаимоотношений, а Румыния виделась как государство, которое «расширит основу своей независимости» с помощью отношений с США³⁴⁸. Наиболее перспективной в плане взаимоотношений с США продолжала оставаться Югославия, в связи с чем предлагалось разрешить продажу американских запасных частей к военной технике югославским вооруженным силам, расширить кредитную линию и активизировать дипломатическую работу на высшем уровне.

Греция и Турция, обеспечивавшие присутствие НАТО в балкано-средиземноморско-черноморском геостратегическом пространстве с конца 40-х гг., уже в начале 60-х гг. XX в. превращались в одно из слабых звеньев альянса из-за усиливавшейся конфронтации между Афинами и Анкарой по кипрскому вопросу. С одной стороны, это требовало от ведущих членов блока в лице США и Великобритании серьезных усилий, направленных на смягчение греко-турецких противоречий. Именно поэтому на состоявшейся в Париже 31 мая – 1 июня 1965 г. сессии министров обороны НАТО особое внимание уделялось вопросам обороны Греции и Турции, а также рассматривалась проблема совершенствования ядерного планирования. Как стало известно разведке Румынии, в НАТО считали, что «группировка турецких и греческих вооруженных сил в Юго-Восточной Европе более слаба в мобильном отношении и по уровню огневой мощи, по сравнению с вооруженными силами НАТО в Центральной Европе, и не соответствует задачам, поставленным в оперативных планах НАТО в отношении Балканской зоны»³⁴⁹. Более того, греческая сторона, по сообщениям румынской разведки, считала, что «вооруженные силы Варшавского договора в Юго-Восточной Европе превосходят по качеству греческие и турецкие вооруженные силы», а «сухопутные силы НР Болгарии обладают большей мобильностью и огневой мощью, по сравнению с греческими, болгарские военно-воздушные силы располагают большим количеством самолетов, которые превосходят по качеству греческие». В этой связи высказывались опасения относительно возможности оккупации болгарскими вооруженными силами греческой части Фракии в течение двух дней, «в результате чего вооруженные силы Варшавского договора выйдут к Средиземному морю»³⁵⁰.

С другой стороны, перед НАТО стояла проблема усиления южного фланга за счёт активизации взаимодействия в Средиземноморье на итальянском и французском направлениях. В первом случае, ситуация складывалась для альянса благоприятно. На состоявшихся 20 апреля

³⁴⁶ Подробнее о тактике Москвы и Анкары на международной арене в более ранний период: Улунян А.р. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945-1960 гг. М., 2001.

³⁴⁷ Soviet Foreign Policy Since the Fall. 19.3.1965. P. 3. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 62-3-32. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/62-3-32.pdf>

³⁴⁸ 12. Paper Prepared in the Department of State //Foreign Relations Of The United States 1964-1968. Eastern Europe. P. 50, 51.

³⁴⁹ Эта информация, полученная по каналам румынской разведки и вошедшая в подготовленный Министерством обороны Румынии «Доклад относительно настоящих и будущих проблем НАТО и проблем, стоящих перед вооруженными силами Народной Республики Румыния», была известна не только в Бухаресте, но предоставлена румынской стороной Софии, и, вероятно, Москве. – Доклад относительно настоящих и будущих проблемами на НАТО и проблемите пред въоръжените сили на Народна Република Румъния. 17.04.1965. С. 3// България във Варшавския пакт.

³⁵⁰ Там же. С. 4.

1965 г. в Государственном департаменте США переговорах американской стороны, возглавлявшейся Госсекретарем Д. Раском, и итальянской во главе с премьер-министром А. Моро первый сослался на сказанные днём ранее слова своего собеседника о поддержке Италией идеи «подлинной объединенной Европы как источника силы НАТО и Атлантического сообщества»³⁵¹. Намного сложнее складывалась ситуация на так называемом французском направлении. Во время тех же переговоров американская сторона достаточно чётко заявила о своей позиции, а именно: «Рассматривая любое предложение, которое могут сделать французы относительно реорганизации НАТО, вероятно даже перед 1969 г., необходимо иметь в виду, что НАТО пользовалось возможностью избежать нападения только потому, что сила НАТО была способна убедить Восточную Европу в самоубийственности подобного нападения. Во-вторых, при любой альтернативе, существующей для государств-членов НАТО, действующих в интересах общей обороны, что рассматривается Соединенными Штатами как самый лучший подход к этой проблеме, мы никогда не согласимся остаться в альянсе, продолжив предоставлять свои вооруженные силы Европе, в то время как Европа будет принимать решения по военным вопросам, предусматривающие использование этих войск независимо от Соединенных Штатов»³⁵². Тем временем позиция Парижа по вопросу необходимых изменений в НАТО продолжала оставаться неизменной, что было подтверждено лично президентом Ш. де Голлем в начале мая 1965 г. в беседе с послом США в Париже, когда генерал заявил о решимости отстаивать идеи реорганизации Североатлантического альянса в 1969 г.; сохранения, в первую очередь, союза с США, Великобританией и ФРГ, но в новом виде; создания некоего консультативного органа такого сотрудничества и вывода всех иностранных вооруженных сил с территории Франции, обеспечив превалирующую роль французского командования над вооруженными силами страны³⁵³. На американо-британских консультациях, состоявшихся 16 июня 1965 г. в Госдепе США с участием Д. Раска и заместителя министра иностранных дел Великобритании лорда Худа, последний предложил проводить в отношении де Голля (с целью не допустить выхода Франции из НАТО) последовательную политику, избегая, как он заявил, «подкупа и угроз», которые «были бы контрпродуктивными». Британская программа включала несколько пунктов: 1) руководствоваться идеей продолжения существования НАТО как военной структуры; 2) подготовить заявления руководителей стран-членов альянса, в которых бы подчеркивалась важность основополагающих принципов НАТО; 3) обнародовать решение о принятии альянсом необходимых мер предосторожности с целью реагирования на возможные действия Франции; 4) предпринимать действия в рамках программы альянса, направленные на интенсификацию политических консультаций, планирования учений НАТО и иных мероприятий, но при сохранении для Франции возможностей участия в этой деятельности; 5) внимательно изучать предложения французской стороны³⁵⁴. В свою очередь, руководство Франции последовательно двигалось в направлении выхода страны из альянса. На состоявшейся 9 сентября 1965 г. пресс-конференции Ш. де Голль заявил о том, что нахождение Франции в военной структуре НАТО закончится к 1969 г.

Тесная взаимосвязь политических и военных аспектов развития Варшавского блока нашла своё проявление в период 1965-1966 гг., когда происходило становление так называемых национальных «версий» коммунистических режимов, что, в свою очередь, влияло и на организационное развитие ОВД, включая её руководящие структуры. В Албании, Румынии и Югославии начинали разрабатываться национальные военные доктрины. Их организационную основу составляла концепция территориальной обороны в национальных границах, а базовым

³⁵¹ 80. Memorandum of Conversation. Washington, April 20, 1965, 4 p.m. // Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. 1964-1968. Washington, 2001. V. XIII. P. 198.

³⁵² Ibid. P. 199.

³⁵³ 83. Telegram From the Embassy in France to the Department of State. Paris, May 4, 1965, 2015Z//Ibid. P. 206.

³⁵⁴ 90. Memorandum of Conversation. Washington, June 16, 1965, noon// Ibid. P. 218.

принципом являлось создание условий, при которых ущерб от нападения для агрессора был бы большим, чем ожидаемая им выгода от интервенции. Такой подход к оборонной политике, в рамках которой формулировалась соответствующая военная доктрина, был окончательно оформлен в официально принятых концепциях военной политики малых безъядерных стран в конце XX – начале XXI в. и получил название концепции надёжного сдерживания (*credible deterrence policy*)³⁵⁵.

Демонстрировавшийся этими государствами подход к оборонной политике достаточно негативно воспринимался советским военным и политическим руководством, видевшим в нём угрозу для ОВД из-за возможности распространения таких идей в правивших кругах других восточноевропейских стран – членов пакта³⁵⁶. Конфликт СССР с рядом коммунистических государств, прежде всего КНР, имевший пропагандистское «прикрытие» с использованием идеологических установок, использовавшихся в так называемой межпартийной полемике, в действительности имел более глубокий характер. Основной проблемой во взаимоотношениях КНР с СССР и Восточной Европой в контексте международных отношений в период от 60-х и до начала 80-х гг. XX в. была, прежде всего, национальная безопасность³⁵⁷. В то же время Пекин, несмотря на усиливавшееся сотрудничество с Тираной, занявшей жёсткую позицию по отношению к Москве, не исключал возможность смягчения взаимоотношений со своим бывшим ближайшим союзником, рассчитывая на изменение советского внешнеполитического курса после смещения Хрущева и прихода к власти Брежнева. Однако на проходившей в феврале 1965 г. в Пекине встрече советского премьера Косыгина и главы КНР Мао Цзэдуна не было достигнуто никаких результатов, и советско-китайский конфликт продолжился³⁵⁸.

Состоявшееся 19-20 января 1965 г. в Варшаве седьмое заседание ПКС ОВД стало одним из серьезных этапов в развитии усиливавшегося кризиса внутри блока. 6 января 1965 г. Э. Ходжа направил специальную директиву члену политбюро АПТ Р. Алии, в соответствии с которой определялась тактика поведения Тираны в отношении приглашения участвовать в работе совещания ПКС в Варшаве. Во-первых, предстояло принять официальное письмо польского правительства и не возвращать его демонстративно, так как «оно направляется нам (албанской стороне – Ар. У.) не только советским правительством, но и всеми другими участниками, с которыми (за исключением советских) мы поддерживаем дипломатические отношения»; во-вторых, было необходимо «дать им ответ, который оставался бы историческим документом и которым мы изобличим всех их в незаконных и предосудительных актах. Письмо должно быть со всей серьезностью составлено Министерством иностранных дел от имени правительства, оно должно быть свободным от всяких идеологических соображений и не должно носить полемического характера. Документ должен иметь государственный характер и отличаться твердостью по форме и сильными, недвусмысленными терминами, что касается фактов и аргументов. Мы не будем принимать участие в этом совещании при нынешних условиях и при любых других условиях, поскольку участниками Варшавского Договора будут нынешние

³⁵⁵ В наиболее полной форме и на официальном уровне это нашло своё отражение, например, в оборонной политике современной Эстонской Республики. Так, в частности, в данном официальном документе заявляется: «Основой оборонной политики Эстонии является надежное сдерживание, с помощью которого мы должны убедить тех, кто может подвергнуть опасности безопасность Эстонии, что ущерб от нападения на Эстонию превысит возможную выгоду». – Министерство обороны Эстонии. Оборонная политика. Целостное толкование государственной обороны. *Kaitsepoliitika* – <http://www.kmin.ee/ru/kaitsepoliitika>.

³⁵⁶ Подробнее об этой тенденции в: The Diffusion of Military Technology and Ideas. Ed. by Goldman E., Eliason L. Stanford, 2003.

³⁵⁷ См. выступление Ли Фен Лина (Li Fenglin) – бывшего посла КНР в России и Президента Китайского общества восточноевропейских, российских и центрально-азиатских исследований в: China and Eastern Europe, 1960s-1980s. Proceedings of the International Symposium: Reviewing the History of Chinese-East European Relations from the 1960s to the 1980s. Beijing, 24-26 March 2004. Ed. by Xiaoyuan Liu and Mastny V. Ztirich, 2004. P. 32.

³⁵⁸ *Mastny V* Beijing Seminar on China and Eastern Europe in the 1960-80s. March 24-26, 2004. P. 2. – http://www.php.isn.ethz.ch/conferences/reports/documents/2004_Beijing_seminar_report.pdf

(политические деятели – Ар. У.)»³⁵⁹. В специальной ноте албанского правительства в адрес ПКК высказывалось требование Тираны признать действия советского правительства, направленные на фактическую изоляцию и исключение Албании из ОВД, нелегитимными и враждебными, а также осудить их; возратить Албании всё принадлежащее ей военное оборудование и материалы, возместить ущерб, нанесённый албанской экономике «в целях гарантировать оборону Народной Республики Албании и социалистического блока». Более того, Тирана запросила копии с оригиналов стенографических отчётов заседаний, на которых обсуждался «албанский вопрос», и практически всех документов (включая внутренние) по данной проблеме. Отдельно предъявлялись требования, во-первых, предоставить информацию о том, насколько согласованным с позицией других членов ОВД было советское решение подписать договор между СССР, США и Великобританией от 5 августа 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в космосе, атмосфере и под водой, и, во вторых, денонсировать московский договор об ограничении ядерных испытаний. В ответ на албанскую ноту советская сторона подготовила проект резолюции заседания ПКК, принятой 19 января 1965 г. В ней, помимо констатации того, что Албания «уклоняется от принятия участия в работе Варшавского Договора», содержался отказ даже рассматривать её претензии, а участие в ОВД ставилось в зависимость от решения самой Тираны, «не оговоренного никакими предварительными условиями»³⁶⁰.

Так называемый албанский вопрос становился для Варшавского пакта серьёзной внутренней проблемой, и развитие конфликта между Москвой и Тираной серьёзно воспринималось теми государствами-членами ОВД и Восточного блока, которые стремились повысить степень своей независимости от СССР. Особое значение происходившему придавалось в Бухаресте, так как глава румынского коммунистического режима Г. Георгиу-Деж и его ближайшее окружение рассматривали происходившее с учётом возможных последствий конфликта применительно уже к румынской позиции, которая становилась всё более демонстративно независимой, хотя и не затрагивала в целом вопроса военно-политического единства Восточного блока. На состоявшейся 18 января 1965 г., накануне заседаний ПКК в Варшаве, встрече первого секретаря РРП Г. Георгиу-Дежа, председателя Совмина Румынии Г. Маурера с первым секретарем ПОРП В. Гомулкой, председателем Совмина Польши Ю. Циранкевичем и членом политбюро ЦК ПОРП З. Клишко глава Румынии настаивал на необходимости отменить все решения, принятые в ОВД против Албании, и пригласить её представителей на заседание. Во время беседы Деж фактически признал неправомерность и несправедливость действий советской стороны и лично Хрущева. При этом достаточно недвусмысленно прозвучала озабоченность румынской стороны не только «албанской проблемой», но и в целом всей ситуацией, так как, по его, имеющему достаточные основания, мнению, «если мы не уладим этот вопрос, любая из социалистических стран может оказаться в ситуации, когда она не будет допущена на заседания Политического Консультативного Комитета, как это произошло с Албанией»³⁶¹.

³⁵⁹ Дать заслуженный ответ участникам Варшавского Договора. Установки. 6 января 1965 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. Полностью «Установки», повторенные в тексте письма, изложены в этом издании на с. 141-151, а также с. 152-156. Данный документ, носивший название «Письмо Правительства НР Албании участникам совещания Варшавского Договора, состоявшегося 19 января 1965 г.», был опубликован 2 февраля 1965 г. в партийном органе АПТ – газете «Zeri i popullit». Ещё ранее Э. Ходжа не скрывал характер требований, предъявляемых Москве, что нашло своё выражение в его речи 29 ноября 1964 г. на торжественном собрании, посвящённом 20-летию освобождения Албании. Зарубежные аналитики приходили к выводу о том, что режим Э. Ходжи отказывался от какого-либо примирения с Москвой без уступок с её стороны: Iz. Albanian Rejection of Warsaw pact Invitation. 3.2.1965. Radio Free Europe Research. P. 1. Box-Folder-Report 2-3-99. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf2-3-99.pdf>; Iz. Albania Remains Immune to Efforts for Rapprochement. 15.2.1965. Radio Free Europe Research. P. 1. Box-Folder-Report 2-3-99. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf2-3-93.pdf>

³⁶⁰ Document N 29: Albanian Note to the Political Consultative Committee. January 15, 1965 // A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955-1991. Ed. by Mastny V., Byrne M. Budapest, 2005. P. 177, 178.

³⁶¹ Memorandum of Discussions between Romanian Worker's Party leadership and Polish United Worker's Party leadership 18.1.1965 // Romania and the Warsaw Pact, 1955-1989. V. 1. Document Reader compiled for the International Conference «Romania

Руководство Албании не собиралось идти с Кремлем на компромисс и демонстративно ужесточило своё отношение к действиям Москвы, используя «военно-политическую» и «международно-дипломатическую» аргументацию для доказательства собственной правоты, и синхронизировало пропагандистские мероприятия с конкретными внешнеполитическими шагами. Во-первых, 16 февраля орган ЦК АПТ газета «Zëri i Popullit» в своей редакционной статье продемонстрировал точку зрения Тираны на ситуацию в Восточном блоке. В этом материале заявлялось об угрозе самому существованию ГДР в виду проводившейся советским руководством политикой – сначала Хрущевым, а затем названными газетой «хрущевской тройкой» – Брежневым, Косыгиным и Микояном³⁶². Стремление Тираны усилить демонстрируемую ею независимость вскоре нашло продолжение на более представительном международном уровне. Буквально в тот же день, 16 февраля 1965 г., посол Албании в ООН Х. Будо выступил с заявлением. В нём содержалось требование расширить полномочия Генеральной Ассамблеи ООН, минимизировать prerogatives Совбеза, в котором доминировали великие державы, и создать Генеральный Комитет Генеральной Ассамблеи с тем, чтобы обеспечить соблюдение Устава ООН по процедуре включения в повестку дня подлежащих обсуждению вопросов и принятия решения по ним. Фактическое обвинение США и СССР в узурпации власти в ООН, по мнению албанского руководства, прежде всего Э. Ходжи, должно было «шокировать их (Вашингтон и Москву – Ар. У.) и, – как полагал глава АПТ, – застанет их врасплох, и мы выбрали подходящий момент, когда за кулисами гангстеры в ООН достигли соглашения о перерыве в заседании до осени. Мы, безусловно, разрушим их планы. Они будут нарушать Устав, с тем, чтобы вырваться из нашей мёртвой хватки, но мы полны решимости выполнить свой долг мужественно. Мы будем их жёстко разоблачать, и об Албании будут говорить в мире с восхищением»³⁶³. Выступление албанского представителя рассматривалось в Тиране как серьёзная победа³⁶⁴, так как оно получило поддержку со стороны стран «третьего мира» и было воспринято в международных политических кругах как признак кризиса ООН, где существовал диктат великих держав³⁶⁵.

К концу лета 1965 г. изоляция Албании в Восточном блоке становилась очевидным для её руководства фактом. Это серьёзно влияло на оборонный аспект её внешней политики, составным компонентом которой являлась и информационно-разведывательная деятельность на основных направлениях вероятных угроз для Албании, в том виде как они определялись её руководством. Первым шагом в этом направлении стал перевод агентурного сектора 2-го Управления военной разведки Министерства обороны в Министерство внутренних дел. 6 августа 1965 г. руководитель МВД генерал-лейтенант Х. Кадри подписал приказ № 229 о создании во главе со своим заместителем генерал-лейтенантом З. Темели специальной школы по

and the Warsaw Pact». Organized by the Institute for Political Studies of Defense and Military History and co-sponsored by the Cold War International History Project and the Parallel History Project. 3-6 October 2002. Bucharest, Romania. Document reader compiled by Munteanu M. Translations by C. Ban, M. Munteanu. P. 187-197. – <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/RomaniaWarsawpact.pdf>

³⁶² После мартовского (1965 г.) совещания ряда компартий, против которого Тирана выступила задолго до его проведения, орган ЦК АПТ газета «Zëri i popullit» поместила специальную статью, посвященную начинавшемуся кризису промосковского направления в комдвижении: «Встреча раскольников, ревизионистов 1 марта – великий заговор против марксизма-ленинизма и международного коммунизма». – Mbledhja përçarëse, revizioniste e 1 marsit – një komplot i madh kundër marksizëm-leninizmit dhe komunizmit ndërkombëtar// Zëri i Popullit, 18.3.1965.

³⁶³ Правильный и твёрдый шаг нашей страны в ООН. 16 февраля 1965 г.// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 163.

³⁶⁴ Сенсация в ООН. 17 февраля// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 164. Действия в ООН были частью кампании албанского коммунистического режима против США и СССР. В 1965 г. Албания вышла из ЮНЕСКО, Всемирной Организации Здравоохранения и Продовольственной Сельскохозяйственной Организации ООН в знак протеста против использования этих международных организаций сверхдержавами в собственных политических целях.

³⁶⁵ Armillotta G. Albania And The United Nations: Two Cases Seen From A Diplomatic History Perspective//International Journal of Albanian Studies. Columbia University. New York. 1997. V.I, № 1; United Nations: Back into Limbo//The Time, 26.2.1965.

подготовке кадров политической разведки. 29 октября 1965 г. Хазбиу подписал приказ и об организации Управления политической разведки. Подготовка курсантов (первый набор составил 35 человек) была ориентирована на конкретную специализацию по странам, и главными среди государств-потенциальных противников были США, Великобритания, Франция, Италия, Югославия³⁶⁶.

Складывавшаяся в коммунистическом блоке ситуация была способна серьезно повлиять на оборонную политику ОВД и советское военно-стратегическое планирование. Выступление на заседании ПКК в Варшаве в январе 1965 г. Л. И. Брежнева содержало два основных тезиса, позволявших судить о роли и месте Варшавского блока в советской внешнеполитической стратегии и военной политике. Во-первых, Москва исключительно серьезно относилась к возможности локального (ограниченного) ядерного конфликта, прежде всего в Европе. В этой связи одной из задач Кремля было совершенствование как ядерного, так и других видов оружия. Во-вторых, особую обеспокоенность советской стороны вызвали действия НАТО по совершенствованию его командной структуры и усилению роли регионального командования альянса. Этот факт, как и другой – усиливающиеся признаки самостоятельности (хотя и в рамках Восточного блока) членов ОВД, заставили Москву поднять во время заседаний ПКК в январе 1965 г. вопрос о реформе альянса. Суть советского плана заключалась в создании более жесткой системы контроля над армиями и внешней политикой союзников Москвы со стороны Кремля. Это нашло своё отражение в предложении расширить полномочия Объединенного командования ОВД, что лишало бы суверенитета национальные вооруженные силы стран-участниц блока и фактически передавало бы их под командование ОВД, в котором доминировали советские генералы. Одновременно Москва настаивала на создании постоянного комитета министров иностранных дел государств-членов Варшавского пакта.

Необходимость модернизации Варшавского блока во всех отношениях с учётом внешнеполитических и оборонных интересов его участников была очевидна для большинства представителей руководства стран, входивших в ОВД. Однако разновекторный характер их интересов серьезно затруднял этот процесс. Для Венгрии и Польши, стремившихся к проведению реформ с учётом повышающейся роли «малых» союзников СССР, создание постоянного консультативного органа в виде совета министров иностранных дел усиливало бы, по мнению В. Гомулки и Я. Кадара, возможности их стран «лоббировать» собственные внешнеполитические интересы³⁶⁷. Оба предложения были крайне негативно восприняты румынской стороной, постаравшейся не допустить усиления советского контроля над ОВД³⁶⁸. Бухарест выступал также против предложенной Москвой Вашингтону версии договора о нераспространении ядерного оружия, так как, по мнению румынского руководства, она не учитывала интересы малых государств.

³⁶⁶ *Nakuçi S.* Viti 1965, kur Kadri Hazbiu hapte shkollën e agjenturës// Shekulli, 29.12.2008. До сих пор как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе нет исследований по этой теме, и данная публикация является одной из немногих, базирующихся на документальных данных. В 1989 г. Отделение безопасности высшей школы МВД Албании выпустило ограниченным тиражом и явно не для широкого общественного пользования 209-страничную монографическую работу (как это было указано в тексте) под характерным для коммунистических времён названием «Взаимосвязь оперативной работы с массами – одно из ключевых требований при выполнении функций органов государственной безопасности». В ней рассматривалась история органов безопасности коммунистической Албании с 1943 г. по 1988 г. Однако качество и информативность издания оставляли желать лучшего: *Gërshetimi i Punës Operative me vijën e masave – një nga kërkimet kryesore për realizimin e detyrave nga organet e Sigurimit të Shtetit.* Tiranë, 1989. Среди языков, преподававшихся курсантам, как об этом сообщает автор публикации в газете, отсутствуют все восточноевропейские, за исключением сербского. В тексте цитируемого С. Накучи документа есть пропуск с многоточием, что позволяет предполагать об изъятии из материала при подготовке газетной статьи упоминаний о ряде языков по политическим причинам.

³⁶⁷ *Békés C.* Introduction. Records of the Meetings of the Warsaw Pact Deputy Foreign Ministers// Parallel History Project On NATO And The Warsaw Pact (PHP). Records of the Meetings of the Warsaw Pact Deputy Foreign Ministers. Ed. by Békés C., Locher A., Nuenlist C. PHP Publications Series Washington, D.C. / Zurich. September 2005. P. 5.

³⁶⁸ *Baev J.* The Organizational and Doctrinal Evolution of the Warsaw Pact (1955-1969). – <http://www.coldwar.hu/html/en/publications/organizational.html>

Румынская позиция была схожа с китайской, что достаточно серьезно беспокоило и насторожило Кремль³⁶⁹. Это объяснялось тем, что данный вопрос затрагивал широкий спектр оборонных проблем на евроазиатском, континентальном и региональном уровнях, включая Юго-Западное направление военной стратегии ОВД, то есть Балканы и Средиземноморье. Официально румынская сторона аргументировала свою позицию тем, что стремится не допустить одностороннего осуждения КНР другими (имелась в виду Индия) странами в их собственных интересах³⁷⁰. Столь однозначная поддержка Пекина была расценена Москвой крайне негативно, и уже на варшавском заседании ПКС по инициативе советского руководства состоялась неформальная встреча без присутствия румынских представителей с целью усилить противодействие китайскому влиянию.

Одновременно выявилась новая черта происходящего: страны коммунистического блока, находившиеся в конфронтационных отношениях с СССР (Албания и КНР), а также те из них, кто сохраняли свои особые позиции в возглавлявшемся Москвой военном пакте (Румыния), либо начинали придерживаться диаметрально противоположной военно-политической стратегии в международных делах нежели проводимая ОВД и Советским Союзом, выступать как открытые оппоненты Кремля, либо пытались избежать слишком очевидной ассоциации своей политики с действиями СССР, видя в ней угрозу своим интересам расширять контакты с Западом. Приграничный индо-пакистанский конфликт апреля – сентября 1965 г. стал одним из таких примеров. Москва и её союзники фактически поддержали Дели, а Албания и КНР, наоборот, выступили в поддержку Исламабада. В свою очередь, Румыния, стремясь избежать ухудшения отношений с КНР в случае однозначной поддержки Москвы, постаралась уклониться от обсуждения этой темы.

Весной 1965 г. Бухарест активизировал свою внешнюю политику в контексте идеологически аргументированного в «Апрельской декларации» 1964 г. курса на усиление самостоятельности. Одним из важных шагов в этом направлении было расширение экономических отношений с Западом и, прежде всего, с США. Румынское руководство демонстративно подчеркивало особую заинтересованность в укреплении американо-румынских связей и давало знать Вашингтону о том, что «взгляды не только румынского правительства, но и всего коммунистического блока устремлены на то, как мы реагируем, с тем, чтобы проверить, действительно ли мы намерены иметь дело (со странами Восточного блока – Ар. У.), используя политику наведения мостов и дифференцированного подхода к Восточной Европе. Более того, об

³⁶⁹ Подробнее дискуссию на заседании в: Document N 30. Minutes of Discussion at Political Consultative Committee Meeting in Warsaw, January 20, 1965// *A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955-1991*. Ed. by Mastny V., Byrne M. Budapest, 2005. P. 179. Румынская версия протокола заседаний в: *Romania and the Warsaw Pact, 1955-1989*. Cold War International History Project. Ed. by Munteanu M. Washington, 2002. Vol. 1. P. 229-244. На заседании ПКС 20 января 1965 г. глава советской делегации Л. И. Брежнев демонстративно обратился к Г. Георгиу-Дежу с вопросом о том, является ли высказываемая румынской стороной точка зрения мнением румынской компартии или это – результат совместных действий с КНР. – Minutes of the Meeting of the Political Consultative Committee of the Warsaw Pact Member States, Warsaw. 20.1.1965// Cold War International History Project. Virtual Archive. – http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_kH=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034E1B3-96B6-175C-97BBCF7394EAA408&sort=subject&item=MLF&print=true. Мотивация действий Бухареста продолжает оставаться не совсем ясной, так как этот вопрос не отражен в документах, обнаруженных в румынских архивах на данный момент. Основное предположение, которое делают румынские исследователи, заключается в том, что, вероятнее всего, Георгиу-Деж рассматривал данную проблему в контексте общего внешнеполитического курса возглавляемого им руководства, усматривавшего в проекте резолюции о нераспространении ядерного оружия диктат Москвы и попытку ограничить свободу действий Бухареста на международной арене. – *Documente Diplomatice Romane. Seria a III-a. Romania și tratatul de la Varșovia. Conferința miniștrilor Afacerilor Externe și ale adjunctilor lor (1966-1991)*. Volum realizat de A. Mioara. București, 2009. R XLIX.

³⁷⁰ *Rijnoveanu C. A Perspective on Romania's involvement In the Sino-Soviet conflict (1960-1965)*. Online publication. Paper prepared for the International conference «New Central and Eastern European Evidence on the Cold War in Asia». George Washington University Cold War Group. Cold War History Research Center. Budapest, 31 October – 1 November, 2003. May 2009. P. 8. – http://www.coldwar.hu/html/en/publications/Rom_Sino_Riv.pdf. Автор статьи приводит в подтверждение этих тезисов ряд выдержек из документов, обнаруженных в архивах румынской компартии.

эффективности продолжающейся политики независимости РНР будут судить в не меньшей степени по нашей реакции (на действия коммунистических стран – Ар. У.)»³⁷¹.

В определенной степени этот внешнеполитический курс Бухареста начинал уже серьезно влиять на оборонный аспект взаимоотношений Румынии с СССР. Весной 1965 г. румынские контрразведывательные органы выявили ряд лиц из числа военнослужащих-офицеров вооруженных сил, сотрудничавших с органами советской разведки, и власти под различными предлогами удалили их из армии³⁷².

Не меньшие чем их советские союзники по ОВД, опасения испытывала и болгарская сторона – наиболее лояльный союзник СССР. Это проявилось зимой 1965. Во время подготовки 15-18 февраля 1965 г. в г. Севастополе военно-морских командно-штабных учений в акватории Черного моря, назначенных на март того же года, с участием болгарских, румынских и советских представителей ВМС, румынская сторона достаточно настороженно отнеслась к идее, высказанной начальником штаба советского ЧФ вице-адмиралом Г. К. Чернобаевым. Предлагалось объединить усилия всех участников учений в организационных рамках единого Черноморского флота. Это явно противоречило усиливавшемуся стремлению румынской стороны не допускать передачу командования национальными вооруженными силами под иностранный, даже под эгидой ОВД, контроль³⁷³. В то же время Румыния не отказалась от совместных учений в рамках ОВД, и её руководство рассматривало повышение боеготовности, а также операционных возможностей совместных действий румынских вооруженных сил и союзных по Варшавскому пакту сил других государств как один из важных элементов оборонной политики. При этом особое внимание уделялось представляющим интерес для Бухареста Южному и Юго-Западному геостратегическим направлениям, имевшим выход на Болгарию, Югославию и Венгрию.

На проводившихся 20-27 мая 1965 г. на территории двух регионов Румынии – Олтении и Трансильвании командно-штабных учениях под руководством министра обороны генерала Л. Сэлэжана присутствовали советские наблюдатели, однако сама подготовка учений была делом исключительно румынской стороны³⁷⁴. План учений заключался в организации и планировании наступательной операции в масштабах фронта с участием сухопутных сил и ВВС и нанесении контрудара как без использования противником оружия массового поражения, так и с учетом его возможного применения. Фактически румынское военное командование по замыслу, составленному самостоятельно румынской стороной, отвечало за совместные действия в рамках условного 3-го Западного фронта, которому придавались румынские 2-я и 3-я армии и 9-й армейский корпус с частями ВВС. В действительности, так называемый 3-й Западный фронт в планах ОВД формировался совместными силами СССР и Чехословакии, не являясь зоной ответственности Румынии. Её вооруженные силы входили в состав Юго-Западного фронта, формировавшегося из 5-й армии вооруженных сил Венгрии, 28-го советского армейского корпуса и 3-й армии румынских вооруженных сил³⁷⁵. В соответствии с вводной учений, силы

³⁷¹ 149. Telegram From the Embassy in Romania to the Department of State. Bucharest, March 18, 1965, 4 p.m.// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. P. 405.

³⁷² См. об этом в воспоминаниях полковника румынской разведки в отставке Г. Мани: *Manea G. Labirintul Vietii prin sarma ghimpata (biografii – memorii – amintiri)*. Bucuresti, 1998. P. 87.

³⁷³ *Oprîş P. Relatii militare romano-bulgaro-sovietice la mijlocul anilor '60*// Revista de Istorie Militara. 2001. N 3 (67). R 18. В приложении к публикации П. Оприша приводится документ – докладная записка капитана первого ранга М. Василе в Политическое управление вооруженных сил Румынии, в которой подробно описываются достаточно натянутые отношения между советскими и румынскими, а также болгарскими офицерами по вопросам координации действий и политическим проблемам.

³⁷⁴ В проведении манёвров приняли участие: начальник Генерального штаба генерал армии И. Титовяну; командующий 3-м Западным фронтом, начальник Управления боевой подготовки Министерства Национальной обороны Румынии генерал армии А. Флока; начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. Тарчэ; командующий 2-й армией генерал-лейтенант И. Георге; командующий 3-й армией генерал-лейтенант И. Коман; командир 9-го армейского корпуса генерал-майор И. Шерб; командир авиационного корпуса генерал И. Тыу

³⁷⁵ См. информацию, ставшую доступной после рассекречивания ряда документов из румынских архивов в: *Scenarii*

НАТО якобы нарушили нейтралитет Австрии и Югославии, и армейская группа «Тиса» вторглась в Румынию на ширине фронта в 450 км без использования оружия массового уничтожения. В этой связи задача 3-го Западного фронта заключалась в ликвидации сил противника на глубине проникновения в регионы Трансильвании и Олтении, защите западных границ страны. В случае использования противником оружия массового уничтожения (ОМУ) предусматривались ответные действия войск 3-го Западного фронта³⁷⁶. Румынским частям предстояло в дальнейшем развить наступление и продвигаться в направлении северной Италии, а частям южного фронта – в направлении Адриатики и Боснии³⁷⁷.

Проведённые учения были достаточно критически оценены советской стороной. Более того, они фактически усилили разногласия между Москвой и Бухарестом по оборонным вопросам³⁷⁸, так как советские военачальники не были довольны степенью подготовки румынских вооружённых сил. Особые нарекания вызвало отсутствие взаимодействия между наземными войсковыми и военно-воздушными подразделениями, инженерными частями и подразделениями химической защиты. Разбор учений происходил с участием советских представителей, включая командующего силами ОВД маршала А. А. Гречко³⁷⁹. Вопрос об использовании фронтовой авиации имел принципиальное значение с точки зрения сформировавшихся в военных кругах СССР на основании опыта Второй мировой войны взглядов относительно массированного использования ВВС³⁸⁰ и появления в тактике советских военно-воздушных сил наступательных и оборонительных воздушных операций. В этой связи отмечалось, что «во время подготовки операции... были определены аэродромы для истребителей и, в частности, для истребителей-бомбардировщиков (этот тип боевых машин относится к классу фронтовых, т. е. тактических истребителей – Ар. У.) без учёта дальности их действия... Не были определены и обеспечены соответствующим прикрытием коридоры пролета и выхода на цель, а также возвращения после выполнения задания»³⁸¹. Румынская сторона с недовольством восприняла советскую критику.

Расширяющаяся активность Бухареста на международной арене достаточно внимательно рассматривалась и оценивалась в Тиране. Действия румынского руководства рассматривались

militare romano-ungare//Jurnalul National, 12.11.2009. —[http:// htdig.informatia.ro/jurnalul/afisez.php?sid=526933&date=2009-11-12&afisez=local](http://htdig.informatia.ro/jurnalul/afisez.php?sid=526933&date=2009-11-12&afisez=local)

³⁷⁶ *Oprîş P. Aplicația de comandament și stat major desfășurată de Armata Română în Transilvania și Oltenia în perioada 20–27 mai 1965// Cetatea Bihariei. Revistă de cultură și istorie militară. 2004. Seria a II-a. N 1. P. 76, 77.*

³⁷⁷ *Ibid. P. 78.*

³⁷⁸ Подробнее об этом: *Dușu A. Cea dintâi aplicație românească la nivel de front independent și primele neînțelegeri româno-sovietice în cadrul Tratatului de la Varșovia (mai 1965)//Revista de Istorie Militară. 2002. N 5-6. P. 73, 74.*

³⁷⁹ *Oprîş P. Aplicația de comandament. P. 78.*

³⁸⁰ Основы этой доктрины были изложены ещё накануне Второй мировой войны начальником Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенантом авиации П. В. Рычаговым в докладе «Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе», озвученном на совещании высшего руководящего состава РККА, проходившем в Москве 23–31 декабря 1940 г. (Место хранения: Российский Государственный военный архив (РГВА) Ф. 4. Оп. 18. Д. 57. Л. 1–24). Особое значение для понимания места авиации в советских стратегических установках имел доклад командующего ВВС Киевского особого военного округа генерал-лейтенанта авиации Е. С. Птухина: «Действия ВВС в наступательной операции фронта и борьбе за господство в воздухе» (ЦАМО РФ. Ф. 131. Оп. 12507. Д. 37). Он был не менее значимым, а по некоторым положениям и более амбициозным, чем материал Рычагова, с упором на превалирование сил и средств дальней авиации, тяжёлых бомбардировщиков как ударной силы в наступательной войне. При этом число предполагавшегося парка боевых машин было нереально высоким. Степень важности данного материала, готовившегося также, судя по всему, к этому же совещанию и хранившегося в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ. Ф. 131. Оп. 12507. Д. 37) была столь высока, что гриф «Сов. секретно» был снят с него только 31 июля 2009 г. – *Солохин М. «Тетрадь расстрелянного генерал а...»//ВПК, 14.9.2011. После войны и особенно в начале 60-х гг. XX в. в ходе сокращения Вооружённых сил СССР, частью которых являлись ВВС, эта проблема приобрела особое значение, так как в расчёт брались новые виды вооружений, к числу которых относились ракеты «воздух-воздух», «земля-воздух» и «воздух-поверхность» («воздух-земля»).*

³⁸¹ Цит. по приводимой П. Опришем выдержке из документа «Доклад о проведении Вооружёнными силами НРР командно-штабных учений (фронт-армия) в полевых условиях с использованием средств связи» (Raport privind aplicațiile de comandament și stat major (front-armată) în teren cu mijloace de transmisiuni, de către Forțele Armate ale R.P.R.)// *Oprîş P. Aplicația de comandament și stat major. P. 79.*

албанской стороной как усиливающаяся независимость Румынии от СССР, позволяющая укрепить албанорумынские взаимоотношения с учётом сложившегося албано-китайского военно-политического союза. Тирана не собиралась возобновлять контакты с Москвой без выполнения предварительных требований с её стороны – признания несправедливыми действия Кремля в отношении Албании, о чём заявил министр иностранных дел НРА Б. Штюла 22 июня 1965 г.

19 марта 1965 г. в торжественной обстановке в Бухаресте был подписан договор о сотрудничестве между двумя странами в области культуры и образования. Зарубежные аналитики отмечали в этой связи, что первым результатом проводимой независимой политики стало улучшение албанорумынских отношений³⁸². Скоропостижная смерть в тот же день Первого секретаря Румынской рабочей партии Г. Георгиу-Дежа вскоре после его возвращения из СССР обострила борьбу за власть в румынском партийном руководстве, но расстановка сил во внутрипартийной иерархии обеспечила Николае Чаушеску избрание на пост Первого секретаря ЦК РРП 22 марта 1965 г.

³⁸² Lz. A new Phase in Albanian-Rumanian Relations, 22.3.1965. P. 2. Radio Free Europe research. Box-Folder-Report. 2-3-62. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-3-62.pdf>

§8. Несостоявшаяся реформа ОВД в региональном «коммунистическом контексте»

Курс на суверенизацию внешнеполитических действий, взятый Бухарестом в апреле 1964 г., был продолжен после прихода к власти Н. Чаушеску, что непосредственно коснулось сферы обороны. Весной 1965 г. в вооруженных силах Румынии без характерного для подобных действий в коммунистических странах пропагандистского сопровождения была проведена частичная чистка командного и офицерского состава, отдельные представители которого рассматривались партийным руководством как имеющие тесные связи с советской стороной и даже обеспечивающие внутренней информацией по военным и политическим вопросам советские разведывательные органы³⁸³. Одновременно усилились ограничения, налагавшиеся румынскими властями на контакты между румынскими и советскими военнослужащими. Румынские офицеры, женатые на гражданках СССР, столкнулись с проблемой: либо развестись с ними и отправить в Советский Союз, либо покинуть службу в румынских вооруженных силах. Ещё в начале 1962 г. предшественник Чаушеску – Георгиу-Деж распорядился о создании секретного подразделения, существование которого являлось тайной даже для большинства высокопоставленных работников румынской госбезопасности. Из числа проверенных сотрудников Управления государственной безопасности с целью ведения контрразведывательной работы, направленной на выявление информаторов советских разведывательных служб (КГБ и ГРУ), а также обнаружение возможных агентурно-разведывательных сетей соответствующих советских организаций, на территории Румынии была сформирована специальная структура³⁸⁴. Во второй половине 1965 г. это подразделение было усилено в кадровом отношении.

Одновременно новый глава РРП достаточно серьезно рассматривал проблему развития национальной военной, а также авиационной промышленности. Ещё в период 1960-1965 гг. по инициативе Г. Георгиу-Де-жа Управлению поставок Министерства обороны было выделено 6 млн 157 тыс. лей, из которых в часть была переведена в 1 млн 157 тыс. рублей для закупок соответствующей военной техники³⁸⁵. К 1965 г. оборонные потребности страны лишь на 27% удовлетворялись румынской промышленностью³⁸⁶. Стремясь ослабить зависимость Румынии в вопросах обороны от СССР, румынские власти сделали ставку не только на развитие собственной промышленности, но и диверсифицировали закупку вооружений, обратившись к КНР и Западной Европе. На формулирование военной доктрины коммунистической Румынии начали влиять новые подходы к определению военных угроз для неё, что сказалось на развитии соответствующих видов вооруженных сил страны. В определенной степени это нашло своё отражение в минимизации значимости танковых подразделений для обороны страны, так как в Бухаресте считали, что в случае конфликта с Москвой советские вооруженные силы смогут использовать имеющиеся возможности как сухопутных войск, так и ВВС, чтобы нанести серьезный удар по танковому парку. В то же время отказа от укрепления танковых подразде-

³⁸³ Bichir F. URSS pregatea invadarea Romaniei// Evenimentul zelei, 21.8.2008.

³⁸⁴ Watts L. Războiul clandestin dintre Pactul de la Varșovia și România (VIII) // Independent, 1.7.2009; Troncoță C. Duplicitățile: O istorie a Serviciilor de Informații și Securitate ale regimului comunist din România, București, 2004; Deletant D. Ceausescu and the Securitate: Coercion and Dissent in Romania, 1965–1989. New York, 1996.

³⁸⁵ О номенклатуре и количестве соответствующих видов и типов вооружений, которые были закуплены Румынией в СССР, Чехословакии, Польше и Венгрии см.: Rusu S. România și Pactul de la Varșovia (III) // Curentul, 14.5.2010. Примечательной особенностью проводившейся Бухарестом политики закупок советских вооружений и техники было обращение к их лицензионным модернизированным видам, производившимся в Чехословакии и Польше. К числу таковых относились МиГ-21 (F-13) и танки Т-34-85. О последних в: Барятинский М. Средний танк Т-34-85// Бронекolleкция. 1999. № 4.

³⁸⁶ Rusu S. România și Pactul. Об особенностях развития военно-промышленного комплекса коммунистической Румынии см.: Oprea P. Industria românească de apărare. Documente (1950–1989). Ploiești, 2007.

лений не произошло. С 1965 г. и до начала 80-х гг. XX в. Румыния смогла получить 1060 танков Т-34С и 757 танков Т-55С³⁸⁷.

Начатые румынским руководством в ноябре 1964 г. реформы в области обороны, выразившиеся в том числе в сокращении сроков обязательной службы призывников с 24 до 16 месяцев, оценивались западными аналитиками как один из признаков «неудовлетворенности военными приготовлениями Варшавского пакта»³⁸⁸. Более того, румынское руководство взяло курс на частичное сокращение вооруженных сил, которые за период с осени 1964 г. и до весны 1965 г. были сокращены с 240 тыс. человек до 200 тыс., что коснулось достаточно серьезно и офицерского корпуса. Накануне IX съезда РРП, состоявшегося 19-24 июля 1965 г., Н. Чаушеску выступил в июне перед группой военнослужащих и заявил о фактическом превалировании в оборонной политике Румынии национальных интересов над всеми остальными. Главной задачей объявлялась защита страны и не делалось упоминаний об Организации Варшавского Договора³⁸⁹. Советская сторона отреагировала на это организацией 17 июня встречи Главкома Варшавского пакта А. А. Гречко с Н. Чаушеску и публикацией в тот же день специальной статьи в советском офицерице газете «Известия», в которой заявлялось о необходимости проведения скоординированной политики в рамках ОВД для всех её участников. По мнению американских аналитиков, складывавшаяся ситуация свидетельствовала о том, что «Советы могут столкнуться с мягкой формой “голлистского” обструкционизма со стороны румын внутри пакта, но существует слишком мало конкретных свидетельств, которые подтверждают это. Более разумно предположить, что пакт, являясь московско-центричной (руководимой из Москвы – Ар. У.) организацией, был объектом румынской критики, и Советы испытывали нажим относительно необходимости изменения механизма принятия решений. Несколько последних визитов маршала Гречко в Бухарест должны, вероятно, относиться к этой проблеме, хотя могли также затрагиваться советские поставки нового оружия Румынии»³⁹⁰.

Вопрос о реорганизации военной структуры Варшавского пакта являлся для румынской стороны одним из важных с точки зрения проводимого курса, нацеленного на достижение большей независимости. С одной стороны, в конце июля 1965 г. Н. Чаушеску ожидал, что Москва предложит представителям стран-участниц ОВД большую степень участия в руководстве блоком, но с другой, он твердо придерживался принципа независимости каждой из армий государств-членов пакта, в соответствии с которым эти армии находились исключительно под контролем национального правительства³⁹¹. Более того, лично Чаушеску был противником концепции, изложенной в книге маршала Соколовского «Военная стратегия», согласно которой в случае «войны с империалистами» все соцстраны должны были действовать единым фронтом. Подобный тезис рассматривался главой румынской компартии как попытка обосновать подчинение национальных армий советскому командованию³⁹².

На состоявшемся во второй половине июля съезде РРП, на котором присутствовала и делегация ЦК КПСС во главе с Л. Брежневым³⁹³, партия была переименована в коммунистиче-

³⁸⁷ The diffusion of military technology and ideas. Ed by Goldman E., Eliason L. Stanford University Press, 2003. P. 141.

³⁸⁸ Wolfe Th. Soviet Power and Europe, 1965-1969. Memorandum RM-5991-PR. Prepared For: United States Air Force Project RAND. Santa Monica, 1969. P. 92.

³⁸⁹ На это также было обращено внимание американских аналитиков: Wolfe Th. Op. cit. P. 92.

³⁹⁰ Ermarth F. The View From Moscow I. Rumania. 6.7.1965. R 17. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report. 50-4-197. – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-4-197.pdf>

³⁹¹ См. высказывания Н. Чаушеску во время встречи с делегацией КПК на IX съезде РКП: Stenographic transcript of the discussions held with the delegation of the Chinese Communist Party which participated in the proceedings of the 9th Congress of the Romanian Communist Party. 26 July 1965. – [http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034B9D8-96B6-175C-949D8FCA396FC2DE&sort=Coverage&item=Romania,%20Socialist%20Republic%20of,%20\(SRR](http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034B9D8-96B6-175C-949D8FCA396FC2DE&sort=Coverage&item=Romania,%20Socialist%20Republic%20of,%20(SRR)

³⁹² Ibid.

³⁹³ На съезде присутствовала делегация АПТ во главе с членом её политбюро и секретариата Р. Алией.

скую. Вскоре, практически через месяц, по инициативе Н. Чаушеску было дано новое название республике, вместо народной она стала называться социалистической, что было также отражено и в новой конституции, проект которой был обсужден и одобрен ещё в конце июня 1965 г. на пленуме ЦК РРП³⁹⁴. Примечательным стало расширение состава ЦК РКП, куда были включены представители военного истеблишмента: три заместителя министра обороны генералы И. Коман, являвшийся секретарем Высшего политического совета армии, И. Георге – бывший глава политического управления армии, занявший 15 июня 1965 г. пост начальника Генерального Штаба, И. Ионицэ – командующий ВВС. Визит румынской партийно-правительственной делегации во главе с Н. Чаушеску в Москву 3-11 сентября 1965 г. и переговоры с советским руководством как по политическим, так и по военным проблемам, в принципе не сняли разногласий между Москвой и Бухарестом. В ходе визита советская сторона дала понять, что в ближайшее время Москва предложит приемлемый план реорганизации военной структуры Варшавского пакта. Продолжая курс на достижение большей самостоятельности от СССР и недопущение с его стороны контроля над оборонной политикой, включая внутривнутриполитическую составляющую, Н. Чаушеску приступил к проведению в конце 1965 г. реформы органов госбезопасности, что нашло своё выражение в создании совершенно секретного и фактически подчинявшегося ему лично контрразведывательного подразделения, вскоре получившего название УМ ОНО (т. е. войсковая часть ОНО) во главе с генералом Н. Дойчару. Задача этой структуры заключалась в выявлении и пресечении на территории Румынии советской разведывательной активности.

Советско-румынские переговоры оказались частью широкой «полосы дипломатической активности» стран Балканского полуострова, так как буквально уже через несколько дней Н. Чаушеску прибыл с официальным визитом в Софию (13-18 сентября 1965 г.). Вслед за Чаушеску Болгарию с 22 по 27 сентября посетил И. Броз Тито. Активизация стран коммунистического блока в регионе представляла интерес для западных аналитиков. Они обращали внимание как на содержание, так и на форму этих контактов, а также на заявления, делавшиеся их участниками. Особое значение придавалось в данном контексте обоснованию югославской стороной позиции Белграда в региональном сотрудничестве, и, в частности, утверждению о том, что на протяжении всего предыдущего периода холодной войны Югославия являлась нейтральной по отношению к существующим блокам и проводила политику, похожую в определенной степени на внешнеполитический курс ряда скандинавских стран и Швейцарии³⁹⁵. Усилившаяся дипломатическая активность Балканских коммунистических стран воспринималась зарубежными экспертами, в частности американскими аналитиками, как вероятная подготовка «подходов» со стороны возглавлявшегося Москвой блока к Греции и Турции. Действия самого лояльного в отношении Кремля не только среди глав балканских коммунистических режимов, но и всего Восточного блока руководителя Болгарии Т. Живкова, как считали иностранные аналитики, имели целью постараться убедить Н. Чаушеску и И. Броз Тито в необходимости проведения международной встречи представителей коммунистических и рабочих партий, которую планировал Кремль с целью не допустить расширения влияния КНР³⁹⁶.

Анализ состояния вооруженных сил государств полуострова-членов Варшавского пакта, а также коммунистической Югославии, не входившей в этот альянс, но тем не менее составлявшей часть «щита социализма» в регионе, позволял специалистам (в данном случае – американским экспертам из разведывательного сообщества) сделать достаточно детальные выводы о характере вероятных действий этих государств и их военных возможностях в кризисный

³⁹⁴ Подробнее: *Чаушеску Н.* Доклад о проекте Конституции Социалистической Республики Румынии. Бухарест, 1965.

³⁹⁵ Iz. Yugoslav Reflections on Interstate Relations in the Balkans. 13.10.1965. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report.76-3-89. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/76-3-89.pdf>

³⁹⁶ Bulgarian and Rumanian Leaders Meet Again Summary.28.10.1965. R 2. Radio Free Europe research. Box-Folder-Report 6-5-63. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-5-63.pdf>

момент. Болгария и Румыния были способны в течение недели отмотилизовать 12 дивизий, которые можно было бы свести в 2-3 армии с последующим усилением этой группировки 6 болгарскими и 4 румынскими дивизиями при общей авиационной поддержке двух стран, способных предоставить 575 боевых самолетов различной (в основном старой) модификации³⁹⁷. В случае возникновения военного конфликта с участием ОВД его формальный член – Албания могла не принять участия в боевых действиях, если бы они рассматривались албанским коммунистическим руководством как не соответствующие его интересам³⁹⁸. Высокая степень боевой готовности вооруженных сил Югославии, признававшаяся зарубежными экспертами, тем не менее оценивалась ими, прежде всего, в контексте оборонных, а не наступательных возможностей, которые были, по мнению американских экспертов, у югославской армии достаточно низкими и могли быть задействованы только в отношении соседней Албании. В то же время Югославия могла использовать партизанскую тактику в борьбе против агрессора и «поддержки партизанских операций в соседних странах».

Военно-техническая составляющая оборонной политики Белграда к весне 1965 г. не оставляла сомнений относительно наращивания сотрудничества с СССР. Это не могло происходить без того, чтобы Кремль был уверен в намерениях югославского партийно-государственного руководства оказать военную поддержку в случае необходимости и при определенных условиях Варшавскому пакту. На протяжении 1962-1965 гг. Белград закупил у Москвы 28 многоцелевых истребителей МИГ-21, оборудование для 3-х комплексов ЗРК, оснащенных ракетами «земля-воздух», 60 танков Т-54, радарное оборудование, штурмовые орудия и противовоздушное вооружение, к которым, по сведениям американской разведки, могли в скором времени добавиться ещё 50 МИГов, 9 ракетных комплексов и 10 танков³⁹⁹. Реформы, проводившиеся зимой-весной 1964-1965 гг. в югославских вооруженных силах, включали сокращение сроков службы призывников с 24 до 18 месяцев и сокращение ВС на четверть⁴⁰⁰.

Перевооружение югославской армии проходило достаточно медленно, что давало основания утверждать экспертам американской разведки о количественном превалировании западных образцов вооружений в югославских вооруженных силах⁴⁰¹. В то же время советско-югославское военно-техническое сотрудничество, как это отмечалось и зарубежными экспертами, не стало признаком сближения Белграда с ОВД. И, как они замечали, «он [Белград] продолжил свою откровенную критику всех военных союзов»⁴⁰². Попытки Москвы предложить кредиты Югославии для обеспечения военно-технических закупок не были приняты югославской стороной⁴⁰³, опасавшейся, вероятно, использования советским руководством этого средства в политических целях и вопреки интересам Белграда на международной арене. Ситуация, складывавшаяся к 1965 г. в оборонной отрасли югославской промышленности свидетельствовала о том, что, в отличие от гражданских предприятий, заводы, производившие военное снаряжение и технику, не могли активно пользоваться кредитами и займами. Ещё одной причиной сохранявшейся ситуации в формировавшемся военно-промышленном комплексе Югославии было улучшение с 1956 г. отношений между Белградом и Москвой. Это способствовало увеличению доли импорта советских вооружений в Югославию и сокращению собственных исследо-

³⁹⁷ Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.8.1965. P. 13. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

³⁹⁸ Ibid. P. 15.

³⁹⁹ Yugoslavia's Policies Toward The Communist World. Special Report. Central Intelligence Agency. Office Of Current Intelligence. 21.5.1965. P. 4, 5. —<http://www.faq.s.org/cia/docs/76/0000720789/YUGOSLAVIA'S-POLICIES-TOWARD-THE-COMMUNIST-WORLD.html#ixzzOX7PdgvEv>

⁴⁰⁰ На этот факт обратили внимание авторы доклада ЦРУ, посвященного взаимоотношениям Югославии с коммунистическими СТpaHaMH Yugoslavia's Policies Toward The Communist World. P. 7.

⁴⁰¹ Ibid.

⁴⁰² Ibid.

⁴⁰³ Ibid.

вательских работ в данном направлении, а также останавливало процесс создания собственных образцов военной техники и снаряжения. Падение производства в югославском военно-промышленном комплексе составило в 1957 г. 41,8% от уровня предыдущих лет, а в 1965 г. до 10,3%⁴⁰⁴. В то же время югославские военные были исключительно заинтересованы в развитии национальной военной промышленности. Такие настроения выражались в получивших поддержку в политическом руководстве страны идеях покупки лицензий на производство техники и снаряжения. Данная точка зрения была высказана ещё в 1960 г. начальником Генерального штаба ЮНА генерал-полковником Р. Хамовичем, заявлявшем, что «в наших условиях было бы более целесообразно и рентабельно купить соответствующие лицензии и технологии... нежели заниматься борьбой за производство таких видов [продукции], которые могут устареть ещё до того, как будут произведены»⁴⁰⁵.

Американские аналитики рассматривали военно-стратегические интересы Белграда с точки зрения его политики нейтралитета. По их мнению, в случае глобальной войны югославское руководство попытается занять нейтральную позицию, и его «сотрудничество с СССР [возможно] только в случае если боевые действия будут складываться в пользу советского блока»⁴⁰⁶. Подлинным доминирующим соображением Белграда при определении своей позиции считалось стремление руководства Югославии сохранить существующий режим⁴⁰⁷, что и могло определять поведение страны на международной арене. Подобная оценка являлась проявлением того, что в начале шестидесятых годов анализ международных позиций Югославии и её внутривнутриполитического развития со стороны ЦРУ стал более критическим. Во многом это было обусловлено опасениями американской стороны, связанными с выдвижением Югославии в число лидеров Движения неприсоединения⁴⁰⁸. Активизация югославской дипломатии летом 1965 г., когда глава страны И. Броз Тито направился с многодневным визитом в СССР, длившимся с 18 июня по 1 июля и прерванным лишь кратковременным отлётом югославского руководителя в Либерию, имела как политическую, так и военную составляющую. К первой относилась позиция Белграда в отношении американских действий во Вьетнаме и касалась непосредственно роли Югославии в Движении неприсоединения, занявшего резко антиамериканскую линию в международных делах. Во время пребывания Тито в СССР он фактически солидаризировался с советским руководством и сделал жёсткие заявления с осуждением политики Вашингтона во Вьетнаме⁴⁰⁹.

Военный аспект активности югославской дипломатии на «советском направлении» относился, прежде всего, к проблеме получения Белградом финансовой помощи. Начатая югославскими властями экономическая реформа, предусматривавшая внешние займы и рассчитанная на получение таковых, прежде всего, от США, в новых международных условиях во многом зависела от возможности получить поддержку от СССР. Несмотря на то, что Белград пока

⁴⁰⁴ Kovačev S., Matijašić Z., Petrović J. Vojnoindustrijski Kompleks SFRJ//Polemos. 2006. N 9. S. 132. См. также: Stamanović A. Vojna privreda druge Jugoslavije (1945–1991). Beograd, 2001.

⁴⁰⁵ Kovačev S., Matijašić Z., Petrović J. Op. Cit. S. 132.

⁴⁰⁶ Eastern Europe And The Warsaw Pact (NIE 12-65). 26.8.1965. P. 17. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

⁴⁰⁷ Ibid.

⁴⁰⁸ Baev J. US Intelligence Community Estimates on Yugoslavia (1948–1991)// National Security And The Future 2000 N 1. P. 98. Предпринятый хорватским исследователем Т. Яковиной анализ опубликованных в официальном издании Государственного Департамента США «Foreign relations of the United States» документов свидетельствует о том, что если в период 1958–1960 гг. основное внимание в этих материалах уделялось позиции Югославии в отношении различных мировых кризисов, то на протяжении 1961–1963 гг. американское посольство в Белграде концентрировало внимание на двусторонних отношениях между Югославией и США. – Jakovina T. Američki komunistički saveznik? Vanjskopolitički odnosi Sjedinjenih Američkih Država i Jugoslavije (1955–1963)//Zavod za hrvatsku povjest. 1998. V. 31. S. 82. Подробнее об этом периоде американо-югославских отношений см.: Jakovina T. Američki komunistički saveznik: Hrvati, Titova Jugoslavija i Sjedinjene Američke Države 1945–1955. Zagreb, 2003.

⁴⁰⁹ См. подробнее: Bogetić D. Pocetak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi //Isorija 20. Veka. 2007. N 1.

отказывался от кредитной линии в военно-техническом сотрудничестве с Москвой, он стремился получить советские кредиты для гражданского сектора экономики, а это позволило бы высвободить средства и на нужды обороны.

Наметившиеся в Восточном блоке в целом и в Варшавском пакте в частности общественно-политические изменения были отмечены американской разведкой и Госдепом с достаточной степенью точности. Аналитики ЦРУ делали предположения о возможном мирном развитии процесса суверенизации государств-членов ОВД без военного вмешательства со стороны СССР: «Советский контроль над Восточной Европой постепенно ослабевает. Изменения в СССР, всплеск восточноевропейского национализма, общее разочарование традиционными формами марксистской экономики и жёсткой политикой советского типа, а также растущая привлекательность Запада, всё это вместе дало государствам Восточной Европы толчок и возможность прокладывать свой собственный путь. Румыния, являющаяся самым наглядным примером этой новой тенденции, использовала наиболее красноречиво силу национализма и быстро достигает степени независимости, сопоставимой с той, которой пользуется Югославия... Советы, со своей стороны, столкнутся с трудностями при предотвращении данного процесса, и, хотя кризис представляет собой постоянную опасность, мы полагаем, что эти страны будут в состоянии успешно обеспечить свои собственные национальные интересы постепенно, и не провоцируя советского вмешательства»⁴¹⁰. Более того, делались предположения о том, что в странах Восточного блока уже идут так называемые тихие революции, так как начавшиеся там изменения свидетельствовали, по мнению аналитиков ЦРУ, о «внутриполитической либерализации», усилении независимости от СССР, сопровождавшейся «прагматическими нововведениями, призванным обеспечить решение насущных экономических проблем»; отмечался также и «прогресс в восстановлении отношений с Западом»⁴¹¹. Одновременно Варшавский договор представлял вполне конкретный интерес как для СССР, так и для входивших в него коммунистических стран, что также отмечалось экспертами американской разведки, справедливо полагавшими, что «ослабление советского контроля в Восточной Европе усилило важность пакта [ОВД] для СССР как инструмента сплочения. Со своей стороны, государства Восточной Европы рассматривают пакт как подтверждение того, что Советы продолжают поддерживать существующие режимы и в интересах обеспечения безопасности существующих границ»⁴¹².

Москва стремилась усилить возглавляемый ею военно-политический пакт, используя при этом тезис существования внешней угрозы коммунистическим режимам в странах Центральной и Восточной Европы. Одновременно такой подход со стороны Кремля к ОВД свидетельствовал и о планах советского партийно-государственного руководства использовать блок в целях «сохранения единства социалистического лагеря». Это могло означать превращение Варшавского пакта в инструмент жёсткого советского военного контроля над Восточной Европой, а также в более крепкую не только оборонную, но и политическую структуру, требовавшую серьёзной модернизации⁴¹³. Расширение ответственности вооружённых сил стран-членов ОВД за соответствующие ТВД способствовало усилению и их позиций как в отношениях с Москвой, так и в целом в европейской политике. Обращение к данному вопросу давало основания считать зарубежным аналитикам, что «процесс принятия решений в организации Вар-

⁴¹⁰ 10. Special Memorandum Prepared in the Central Intelligence Agency. Washington, February 18, 1965. // Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. Volume XVII. P. 29.

⁴¹¹ 12. Paper Prepared in the Department of State. Washington, undated. The source text bears no drafting information, but the paper was transmitted as an attachment to a June 5 memorandum from Read to Bundy// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. P. 43, 44.

⁴¹² Eastern Europe and the Warsaw Pact. NIE 12-65. 26.8.1965. P. L – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000273191

⁴¹³ Ermarth F. The Warsaw Pact on the Bloc Agenda. P. 1. 61.9.1965. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 63-1-321. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-1-321.pdf>

шавского пакта оказывается в центре внутриблоковой политики»⁴¹⁴. В то же время к 1966 г. в оборонной политике блока отчётливо прослеживалась тенденция превращения его в серьёзный элемент военной политики самого СССР и обороны его территории. Данный факт отмечали зарубежные аналитики, приходившие к выводу о том, что «системы противовоздушной обороны стран-членов Варшавского пакта координируют свою деятельность между собой, а также с ПВО СССР и на практике являются продолжением советской системы»⁴¹⁵.

Первой серьёзной официально оформленной попыткой Кремля реформировать Варшавский пакт стало обращение Л. И. Брежнева 7 января 1966 г. к руководству стран-участниц ОВД (за исключением Албании) с предложением о проведении консультаций по данному вопросу. Кремль хотел закрепить официально статус Политического Консультативного Комитета и создать секретариат, целью которого должна была стать координация внешней политики в форме Совета министров иностранных дел. Одновременно Москва стремилась добиться от своих союзников по ОВД согласия на проведение реорганизации командования блока таким образом, чтобы фактически обеспечить главенство советского руководства при определении военно-оперативных мероприятий пакта в чрезвычайных условиях. Уже на этом этапе данный план встретил сопротивление одного из участников ОВД – Румынии⁴¹⁶. С целью решения вопроса реформирования организационной структуры Варшавского пакта Кремль инициировал встречу высших военных руководителей – министров обороны и начальников штабов государств, входивших в альянс. Она состоялась 4-9 февраля 1966 г. в Москве. Во время обсуждения вопроса о принятии Устава Объединенного командования ОВД, предложенного советской стороной, отчётливо выявилось нежелание румынских участников допустить доминирование этого органа в структуре пакта. Румынская сторона стремилась, во-первых, отстоять самостоятельность национальных высших военных органов командования, и, во-вторых, усилить коллегиальный характер механизма принятия решений с участием представителей стран, входивших в Варшавский Договор. Румынская сторона настаивала на создании Военного Совета при Объединенном командовании ОВД, в то время как все остальные соглашались на формирование этого органа из состава министров обороны стран-участниц при ПКК⁴¹⁷. Довольно жёсткая позиция советской стороны в лице Главнокомандующего объединёнными силами ОВД маршала А. А. Гречко, фактически отвергнувшего все предложения румынских участников, в конечном счёте, привела к отказу от подписания совместного коммюнике и переносу решения о реформировании блока на более поздний срок⁴¹⁸. Одновременно советская сторона согласилась на создание должностей заместителей начальника штаба ОВД и Главнокомандующего пакта по видам вооружённых сил и ряду направлений. Балканские государства – Болгария и Румыния получили соответственно посты заместителей командующих по Черноморскому флоту и боевой подготовке⁴¹⁹.

⁴¹⁴ Ibid.

⁴¹⁵ Soviet Strategic Air and Missile Defenses. NIE 11-3-66. 17.11.1966. P. 8. – <http://www.foia.cia.gov/bro/wsedocsfull.asp>.

⁴¹⁶ Documente Diplomatie Române. Seria a III-a. România și tratatul de la Varșovia. Conferințele miniștrilor Afacerilor Externe și ale adjuncților lor (1966–1991). Volum realizat de M. Anton. București, 2009. P. XLIX.

⁴¹⁷ Report on the meeting of the Chiefs of the General Staff of the Armies of the Warsaw Pact, held in Moscow between 4-9 February 1966. Chief of the General Staff, Deputy of the Minister of Armed Forces and Chief of the General Staff Lieutenant General Ion Gheorghe. P. 4, 5. – http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034B9E8-96B6-175C-9BD114E35DA7A73E&sort=Collection&item=The%20Warsaw%20Pact, а также: Baev J. The Organizational and Doctrinal Evolution of the Warsaw Pact (1955-1969). – <http://www.coldwar.hu/html/en/publications/organizational.html>

⁴¹⁸ О деталях полемики и ходе заседания см. упоминавшийся выше доклад начальника Генерального Штаба ВС Румынии генерал-лейтенанта И. Георге, а также вышецитированную работу Й. Баева.

⁴¹⁹ Report on the meeting of the Chiefs of the General Staff of the Armies of the Warsaw Pact, held in Moscow between 4-9 February 1966. Chief of the General Staff, Deputy of the Minister of Armed Forces and Chief of the General Staff Lieutenant General Ion Gheorghe. P. 5. – http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034B9E8-96B6-175C-9BD114E35DA7A73E&sort=Collection&item=The

С аналогичным результатом закончилась проходившая 10-12 февраля 1966 г. в Берлине встреча заместителей министров иностранных дел, обсуждавших вопрос усиления ПКК. В соответствии с инструкциями руководства СРР, румынская делегация должна была выступить против образования постоянного комитета по внешней политике, «так как внешняя политика определяется партией и правительством каждого государства. Поэтому министры иностранных дел не могут получить право участвовать в работе органа “готовящего рекомендации” для их партий и правительств или политических партий и правительств других стран»⁴²⁰. Делегация также не должна была принимать проектов решений или рекомендаций, ссылаясь на предварительный характер проводимых обсуждений. В то же время делегации СРР было поручено высказаться за улучшение работы ПКК и, в частности, за организацию совещаний, на которых должны обсуждаться заранее известные участникам вопросы⁴²¹. В инструкциях говорилось о том, что «для ликвидации недостатков в работе Комитета [ПКК] делегация будет выступать за то, что он должен действовать в рамках и в соответствии с положениями Варшавского договора и принципами, подчеркивающими отношения на основе суверенитета и независимости государств»⁴²². Бухарест стремился подчеркнуть принципиальное значение коллективного характера руководства блоком. На заседании заместителей министров иностранных дел стран-участниц Варшавского пакта представитель Румынии М. Малица заявил о необходимости признания ошибочным решение, принятое в 1961 г. и послужившее формальной причиной отказа руководства Албании участвовать в ОВД⁴²³.

Для советской стороны проблема статуса ПКК была настолько важна, что Москва продолжала настаивать на продвижении собственных предложений, несмотря на сопротивление Бухареста. Консультативные функции и не определенный специальным документом статус этого важнейшего органа ОВД рассматривались Кремлём как угроза военно-политическому характеру возглавляемого Москвой блока. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко⁴²⁴ пытался добиться, прежде всего от румынских участников, согласия на принятие Устава ПКК. При этом он ссылаясь на опыт НАТО, где политические органы имели чётко очерченную в законодательном плане границу полномочий. Однако Бухарест крайне негативно воспринимал идею превращения ПКК в довлеющую над национальными политическими и государственными органами власти государств-участников ОВД структуру, способную, при определенных обстоятельствах, ограничить свободу маневра этих стран как на внешнеполитической арене, так и в вопросах участия в военном конфликте, противоречащем национальным интересам членов Варшавского пакта. Противодействие румынской стороны вновь не позволило Москве добиться желаемого результата – принятия Устава ПКК, а болгарская сторона, вероятно, стре-

%20Warsaw%20Pact

⁴²⁰ Цит. по проекту инструкций, который, судя по всему, не был существенно изменён на конечной стадии доработки: 6. [...] februarie 1966, Bucureşti. Proiect de directive pentru delegația română participantă la consfătuirea adjuncților miniștrilor Afacerilor de Externe cu privire la îmbunătățirea funcționării Comitetului Politic Consultativ; indicație de a nu se accepta înființarea unei Comisii permanente de politică externă. Proiect de directive pentru delegația română care va participa la Consfătuirea adjuncților miniștrilor Afacerilor de Externe cu tema «îmbunătățirea activității Comitetului Politic Consultativ»// Documente Diplomatice Române. Seria a III-a. România și tratatul de la Varșovia. Conferințele miniștrilor Afacerilor Externe și ale adjuncților lor (1966–1991). Volum realizat de M. Anton. București, 2009. P. 13, 14.

⁴²¹ Ibid. P. 12, 13.

⁴²² Ibid. P. 13.

⁴²³ Цит. по проекту инструкций, который, судя по всему, не был существенно изменён на конечной стадии доработки: 6. [...] februarie 1966, Bucureşti. Proiect de directive pentru delegația română participantă la consfătuirea adjuncților miniștrilor Afacerilor de Externe cu privire la îmbunătățirea funcționării Comitetului Politic Consultativ; indicație de a nu se accepta înființarea unei Comisii permanente de politică externă. Proiect de directive pentru delegația română care va participa la Consfătuirea adjuncților miniștrilor Afacerilor de Externe cu tema «îmbunătățirea activității Comitetului Politic Consultativ»// Documente Diplomatice Române. Seria a III-a. România și tratatul de la Varșovia. Conferințele miniștrilor Afacerilor Externe și ale adjuncților lor (1966–1991). Volum realizat de M. Anton. București, 2009. P. 13, 14.

⁴²⁴ Baev J. The Organizational and Doctrinal Evolution.

мось избежать большего обострения ситуации, отказалась от ознакомления присутствовавших со своей версией проекта Устава⁴²⁵.

Складывавшаяся в Варшавском блоке ситуация становилась известной, и не только в общих чертах, в разведывательном сообществе ряда государств-участников НАТО, включая, в первую очередь, США, в кругах журналистов, а также политических обозревателей. В начале мая 1966 г. среди них распространилась информация о предстоящей в июле встрече глав стран-участниц ОВД, что рассматривалось не как ординарное событие.

Место его проведения – Бухарест и повестка дня – выработка механизма принятия решений и использование ядерного оружия, размещённого на территории Восточной Европы уже заранее стали известны зарубежным журналистам и политическим комментаторам СМИ, несмотря на попытки Кремля держать всё в тайне⁴²⁶. Визит И. Броз Тито в Румынию, проходивший 19-23 апреля 1966 г., становился в данном контексте одним из важных шагов, предпринимаемых югославским руководством в целях усиления самостоятельности Балканских государств-членов блоков, а совместная декларация по итогам переговоров, в которой заявлялось об уважении независимости и суверенитета как основы сотрудничества, демонстрировала курс Бухареста и Белграда не допустить (хотя об этом и не говорилось открыто) давления «третьей стороны», под которой подразумевался СССР.

Более того, ссылки на «слухи о том, что румынское руководство начало протестовать против неравноправных отношений между членами пакта»⁴²⁷, не оставляли сомнений в степени информированности зарубежных политических обозревателей, не говоря о разведывательном сообществе стран-участниц НАТО, относительно позиций румынского руководства. Серьезные основания для предположений зарубежных экспертов относительно развивавшегося в Варшавском пакте кризисе давал, как они отмечали, «водоворот непостижимых событий»⁴²⁸. Главными среди них стали: заявление Чаушеску 7 мая 1966 г. о том, что существующие военно-политические блоки серьезно нарушают национальный суверенитет и независимость стран-участниц; последовавший вслед за этим неофициальный визит Л. И. Брежнева в Румынию 10-13 мая 1966 г.; появившаяся в прессе утечка информации о предложениях Бухареста провести реорганизацию ОВД, а также встречи министров обороны и министров иностранных дел пакта. Оценка происходившего американской дипломатией давалась с учётом особенностей румынского внешнеполитического курса: «Выпад в речи Чаушеску от 7 мая, будучи сделан при том, что заранее было известно о неизбежности визита Брежнева, продемонстрировал решимость Румынии сопротивляться советскому давлению, и, вероятно, возобновится на 23 съезде (КПСС – Ар. У.) из-за того, что Румыния продолжит проводить крайнюю националистическую линию в мировом коммунизме»⁴²⁹.

В свою очередь, Москва постаралась усилить сотрудничество с Бухарестом в рамках Варшавского блока и направила во второй половине мая 1966 г. в Румынию генерал-полковника Г. Романова в качестве члена Объединенного командования ОВД в этой стране, вместо генерал-лейтенанта Е. Т. Марченко, подняв, таким образом, уровень представительства пакта. Попытка давления на румынскую сторону, предпринятая советской стороной на проходившем в Бухаресте 4-6 июля 1966 г. заседании ПКК с участием руководителей стран-членов ОВД, закончилась отзывом Румынией данного ею ранее согласия на проведение организаци-

⁴²⁵ Ibid.

⁴²⁶ Ermarth F. Warsaw Pact Summit in July? 4.5.1966. Box-Folder-Report 63-2-87. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-2-87.pdf>

⁴²⁷ Ibid P. 5.

⁴²⁸ Ermarth F. The Warsaw Pact Muddle. 14.6.1966. P. 1. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report. 63-2-19. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-2-19.pdf>

⁴²⁹ 152. Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania. Washington, May 16, 1966, 4: 16 p.m. // Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. Volume XVII. P. 415.

онной реформы Варшавского пакта. Эта проблема была снята с повестки дня ОВД в последний момент в результате достигнутой договоренности между румынской и советской сторонами. Последняя была заинтересована в том, чтобы добиться «единой позиции по поводу созыва общеевропейского совещания по безопасности в Европе» и не желала конфликта с союзниками⁴³⁰. В декларации, подписанной 5 июля 1966 г. участниками заседания ПКС, наряду с откровенно пропагандистским призывом одновременного роспуска двух военно-политических блоков (эта точка зрения не раз уже озвучивалась румынской стороной как часть её внешнеполитической концепции), содержались предложения о признании существования двух Германий, проведении политики разоружения и созыве специального совещания по безопасности в Европе.

Действия СССР, направленные на реформирование Варшавского пакта и усиление контроля над ним, не могли не стать предметом специального интереса в НАТО и США. Ещё накануне проведения совещания в столице Румынии американское ЦРУ достаточно подробно занималось вопросами оборонной политики СССР и перспективами её развития. Отметив, что «не произошло принципиальных изменений в принятой советской военной доктрине и структуре [вооруженных] сил», авторы доклада «Основные направления советской военной политики» указывали тем не менее на новые тенденции её приспособления к новым условиям. Они пришли к выводу, что «нынешние политические лидеры более внимательны, чем Хрущёв, к профессиональным советам военных и до сих пор стремились обеспечить увеличение как оборонных расходов, так и численности [вооруженных сил]»⁴³¹. Военно-стратегическое планирование советского руководства базировалось, как это виделось представителям американского разведывательного сообщества, на тезисе «превалирования сил стратегического нападения и обороны, используемых как для сдерживания, так и для поддержания внешнеполитической деятельности». Попытка вести на одинаково высоком уровне подготовку вооруженных сил к конфликту с использованием как ядерного оружия, так и обычного были затруднены из-за необходимости перехода от доминировавшей ранее подготовки исключительно к ядерному мировому конфликту. Это заставляло советское руководство обращать внимание на подготовку вооруженных сил как в смысле комплектования, так и обеспечения вооружением с учётом неядерного военного конфликта⁴³². Дискуссии в открытой советской печати о совершенствовании военной стратегии свидетельствовали о попытках усилить подготовку советских вооруженных сил к условиям ограниченной войны, «включая войны, которые ведутся с использованием обычного оружия или ограниченным использованием ядерных вооружений»⁴³³.

Варшавский пакт являлся значимым элементом советской оборонной политики и, несмотря на отмечавшееся американскими экспертами стремление участников блока к большей самостоятельности, Кремль рассматривал укрепление вооруженных сил союзников как важный с точки зрения собственных оборонных интересов вопрос⁴³⁴. Однако развитие ситуации как в самом СССР, так и в Варшавском пакте давало основания для выводов о том, что никаких серьезных изменений в оборонной доктрине и структуре вооруженных сил ожидать не приходилось⁴³⁵. Более того, уже к лету 1966 г. для аналитиков американского разведыва-

⁴³⁰ См. об этом: Békés C. Introduction//Records of the Meetings of the Warsaw Pact Deputy Foreign Ministers. Ed. by Békés C., Locher A., Nuenlist C. Parallel History Project On NATO And The Warsaw Pact (PHP). PHP Publications Series. Washington, D.C. / Zurich. September 2005. P. 5, 6.

⁴³¹ Main trends in Soviet Military Policy. NIE 11-4-66. 16.6.1966. P. 1. – [http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000278473/MAIN-TRENDS-IN-SOVIET-MILITARY-POLICY-\(NIE-11-4-66\).html#ixzzOXIXKICDO](http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000278473/MAIN-TRENDS-IN-SOVIET-MILITARY-POLICY-(NIE-11-4-66).html#ixzzOXIXKICDO)

⁴³² Ibid. P. 2.

⁴³³ Soviet Military Theorists Reappraise Nuclear War. Intelligence Memorandum (RR MM 66-6). 1.9.1966. P. 2. – [http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000380715/SOVIET-MILNARY-THEORISTS-REAPPRAISE-NUCLEAR-WAR-\(RR-MM-66-6\).html#ixzzOXaQqQ2Px](http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000380715/SOVIET-MILNARY-THEORISTS-REAPPRAISE-NUCLEAR-WAR-(RR-MM-66-6).html#ixzzOXaQqQ2Px)

⁴³⁴ Main trends in Soviet Military Policy. NIE 11-4-66. P. 3.

⁴³⁵ Ibid.

тельного сообщества становилось очевидным противоречие, заключавшееся в том, что «по мере того, как восточно-европейские коммунистические государства проявляли усиливавшееся стремление утвердить свою национальную независимость, СССР демонстрировал усиливавшуюся тенденцию полагаться на вооруженные силы Восточной Европы с тем, чтобы они выполняли важные военные задачи в случае войны в Европе, и способствовал увеличению военной эффективности, обеспечивая их более совершенным оружием и (поддерживая их – Ар. У.) боеготовность»⁴³⁶.

В контексте происходивших событий оборонные возможности ОВД становились предметом особого интереса противостоявшего ему Североатлантического альянса и, прежде всего, с точки зрения возможного поведения восточноевропейских союзников СССР в момент военного конфликта. Советское участие в нём анализировалось с учётом трёх возможных сценариев: 1) развитие Берлинского кризиса; 2) заранее запланированное нападение на страны Запада без применения ядерного оружия и 3) случайно возникший военный конфликт⁴³⁷. Американские эксперты отмечали в августе 1966 г. наметившуюся тенденцию усиления самостоятельности государств-участниц ОВД, но в то же время приходили к выводу о том, что «коммунистические режимы ценят пакт как советскую гарантию своего выживания и территориальной целостности», и «их цель заключается не в роспуске пакта, а в получении [возможностей] большего участия при принятии решений»⁴³⁸. В свою очередь, СССР, как считали аналитики, «уже более не мог диктовать своим союзникам по Варшавскому пакту, а должен был добиваться их согласия по вопросам, которые их касались»⁴³⁹. Это особенно проявлялось в отношениях с Румынией⁴⁴⁰, оказывавшейся в центре внимания Западного блока, рассчитывавшего на усиление её независимости от СССР. Американские эксперты достаточно реалистично оценивали прогнозируемые советские действия в отношении союзников. Кремль, как они считали, мог активизировать своё давление на восточноевропейские страны с целью «усиления ослабевающего политического контроля [над ними], подчеркивая необходимость единства и общности планирования с тем, чтобы противостоять общей опасности в виде роста военной мощи НАТО и, в частности, перевооружения Западной Германии»⁴⁴¹.

Определяющее влияние на взаимодействие вооруженных сил СССР и государств-сателлитов оказывала оборонная политика Москвы, которая уделяла большое внимание развитию ракетного оружия и сокращению бомбардировочной авиации⁴⁴².

Однако военно-организационные аспекты сотрудничества в рамках ОВД и военно-технические вопросы оснащения сил и средств национальных армий являлись лишь частью, хотя и важной, развития Восточного блока. Другая часть – взаимоотношения между союзниками по Организации Варшавского Договора – имела не меньшее значение. Конфликтный потенциал межсоюзнических отношений имел непосредственное отношение к коммунистическим странам Балканского региона и Центрально-Восточной Европы⁴⁴³. Так, в частности, объективно

⁴³⁶ Ibid. P. 7.

⁴³⁷ *Marchio J.* US Intelligence Assessments and the Reliability of Non-Soviet Warsaw Pact Armed Forces, 1946-89// *Studies in Intelligence* Vol. 51, No. 4 (Extracts-December 2007). P. 7. – [https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol51no4/pdf-files/Marchio_Will_They_Fight-Web\(U\).pdf](https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol51no4/pdf-files/Marchio_Will_They_Fight-Web(U).pdf)

⁴³⁸ Reliability of the USSR's East European Allies. 4.8.1966. Special NIE 11-15-66. P. 1. – [http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000273217/RELIABILITY-OF-THE-USSRS-EAST-EUROPEAN-ALLIES-\(SNIE-11-15-66\).html#ixzzOXIh8NkNy](http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000273217/RELIABILITY-OF-THE-USSRS-EAST-EUROPEAN-ALLIES-(SNIE-11-15-66).html#ixzzOXIh8NkNy)

⁴³⁹ Ibid P. 2.

⁴⁴⁰ Ibid. P. 10.

⁴⁴¹ Ibid. P. 5.

⁴⁴² Warning of Soviet Intention to Attack. 18.8.1966. NIE 11-10-66. P. 3. —[http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000283838/WARNING-OF-SOVIET-INTENTION-TO-ATTACK-\(NIE-11-10-66\).html](http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000283838/WARNING-OF-SOVIET-INTENTION-TO-ATTACK-(NIE-11-10-66).html)

⁴⁴³ О дискуссии относительно пространственно-политического и культурно-исторического содержания этого термина см.: Миллер А. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России// Новое Литературное Обозрение. 2001. № 52.

сохранялась проблема венгерского этнического меньшинства в Трансильвании, что вело к усилению «трений» между Бухарестом и Будапештом по этому вопросу. Подобное развитие событий давало основания американским экспертам делать вывод о том, что «нынешняя ситуация усиливает возможность того, что Румыния будет стремиться занять нейтральное положение в любом конфликте между Востоком и Западом. Это также усиливает возможность того, что Советы войдут в Румынию как оккупанты. Поэтому в момент начала боевых действий румыны, вероятно, займут такую позицию, которая не даст СССР повода для упреждающей оккупации, даже если это будет включать вопрос соблюдения ими (румынами – Ар. У.) обязательств в отношении Варшавского пакта. Какой бы путь ни избрал режим, любое сопротивление ему или (в целом – Ар. У.) антисоветское сопротивление, вероятно, поднимется только тогда, когда советское поражение станет полностью очевидным»⁴⁴⁴.

Активность советской стороны, направленная на скорейшее проведение соответствующих организационных реформ, особенно усилилась весной 1966 г., чему способствовал, как полагали в Кремле, кризис Североатлантического блока, противостоявшего Варшавскому пакту. Однако в самой ОВД ситуация также не улучшалась, а конфликтные отношения Румынии с СССР усиливались⁴⁴⁵. Важным событием в расчётах Москвы относительно раскола в НАТО стало заявление Ш. де Голля 10 марта о предстоящем выходе Франции из военной структуры НАТО. В предпоследний день проводившегося XXIII съезда КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.), 7 апреля, состоялась встреча советского руководства с руководителями стран-участниц Варшавского блока. На ней было принято решение об обсуждении этого вопроса на ближайшем заседании ПКК⁴⁴⁶.

В определенной степени данная тема повлияла на ход заседаний московского совещания 27-28 мая 1966 г. министров обороны государств,

входивших в Варшавский пакт, на котором был одобрен проект Устава Объединенного командования (ОК). Тактика проведения этой встречи (как, впрочем, и последующих) в отношении Румынии, избранная советской стороной, заключалась в следующем. На первом этапе обсуждений румынские предложения открыто не отвергались. На втором, когда речь шла уже о конкретном содержании документов по вопросам реорганизации военного командования и другим важным проблемам, советская сторона постепенно их отвергала, игнорируя при обсуждении. Тем не менее, Бухарест добился изменения ряда формулировок и тезисов. Важными среди них являлись замена функций командования со стороны ОК ОВД на координационные; наделение национального военного руководства командными функциями в отношении вооруженных сил, подчиняющихся ОК ОВД; введение пропорционального присутствия в структурах ГШ ОК ОВД офицеров из стран-участниц пакта и назначение Главнокомандующим (по очереди) маршалов и генералов национальных вооруженных сил. Более того, румынской стороне удалось добиться исключения из проекта Устава положения о том, что Главнокомандующий контролирует ОК ОВД, а также пункта, содержавшего утверждение о том, что ядерные силы не считаются частью ОК ОВД. Был исключен и пункт о создании Военного Совета при ПКК⁴⁴⁷. Таким образом, предположения зарубежных аналитиков относительно стремления восточно-

⁴⁴⁴ Anti-Communist Resistance Potential in the USSR and Eastern Europe. National Intelligence Estimate. NIE 11-6-66. 27.1.1966. P. 10, 11. – [http://www.fqs.org/cia/docs/75/0000261300/ANTI-COMMUNIST-RESISTANCE-POTENTIAL-IN-THE-USSR-AND-EASTERN-EUROPE\(NIE-11-6-.html#ixzzOXIvtvThG](http://www.fqs.org/cia/docs/75/0000261300/ANTI-COMMUNIST-RESISTANCE-POTENTIAL-IN-THE-USSR-AND-EASTERN-EUROPE(NIE-11-6-.html#ixzzOXIvtvThG)

⁴⁴⁵ Подробнее о ситуации, складывавшейся во время командно-штабных учений в марте 1966 г. на Черном море с участием румынских военнослужащих, а также об октябрьско-ноябрьских учениях по отработке взаимодействия войсковой разведки в: *Opriş P. Din Culişele Aplicaţiei de Cooperare desfăşurată de Trupe Ale Organizaţiei tratatului de la Varşovia pe Teritoriile U.R.S.S., R.S. Romania şi R. P. Bulgaria (26 octombrie – 3 noiembrie 1966) // Anuarul Muzeului Marinei Române 2001. Constanta, 2002.*

⁴⁴⁶ *Békés C. Introduction//Records of the Meetings of the Warsaw Pact Deputy Foreign Ministers. P. 5.*

⁴⁴⁷ *Baev J. The Organizational and Doctrinal Evolution; Ionescu M. E. Introduction// Romania and the Warsaw Pact: 1955-1989. Cold War International History Project. Working Paper # 43. Washington, 2004. P. 78*

европейских государств получить доступ к контролю над ядерным оружием подтверждались⁴⁴⁸. Союзники считали, имея ввиду публичные заявления, делавшиеся ранее Москвой, что «в соответствии с военной доктриной пакта (т. е. советской), армии Восточной Европы должны иметь доступ к ядерному оружию в том случае, если они будут играть ту роль, которая им предписана в военный период»⁴⁴⁹.

Настойчивые попытки Москвы, задействовавшей наиболее лояльных сателлитов-членов блока для продвижения своей идеи усиления контроля над Варшавским пактом и использование в виде аргумента необходимость усиления координации между союзниками, становились всё более очевидными летом 1966 г. Наиболее последовательно против этого плана выступал Бухарест. Руководство Румынии желало сохранить самостоятельность во внешнеполитической области, тесно связанной с оборонной стратегией межблокового противостояния, имевшей серьезное влияние на взаимоотношения румынской стороны с членами евро-атлантического сообщества во главе с США. На последовательно состоявшихся 3-4 июня и 7-15 июня 1966 г. заседаниях заместителей министров иностранных дел, а затем и глав МИД государств-членов Варшавского пакта проблема легитимации статуса ПКС превращалась в ключевую. Это было связано с тем, что именно данный элемент ОВД являлся высшим политическим органом, принимающим решения. Уже вскоре после проведенных заседаний структур ОВД выявилась заинтересованность югославской стороны в усилении независимости румынского руководства внутри возглавляемого СССР блока. Такая точка зрения находила своё отражение и в публикациях югославской печати. Авторы материалов пытались объяснить позицию Бухареста в следующем виде: «Несмотря на то, что Румыния не получает особых выгод от Варшавского пакта, она не думала выходить из этого военного союза, потому что это может спровоцировать нежелательные экономические санкции, прежде всего, со стороны Советского Союза, а также со стороны государств-членов пакта»⁴⁵⁰. На начавшуюся кампанию в югославских СМИ обратили внимание и зарубежные эксперты⁴⁵¹. Не менее примечательной была и попытка Пекина усилить своё влияние на румынское руководство, но последнее не проявило стремления к слишком тесному сближению, так как, с одной стороны, это могло серьезно ухудшить отношения Бухареста с Москвой, а, с другой, способствовать подпаданию под исключительно китайское влияние⁴⁵².

⁴⁴⁸ Fritz Ermarth F. Warsaw Pact Summit in July? P. 16, 17.

⁴⁴⁹ Ibid. P. 3.

⁴⁵⁰ Djoric L. Rumunjska, Ljeto 1966 – Pakti i Nezavisnost// Vjesnik u srijedu, 20.6.1966

⁴⁵¹ Stankovic S. Yugoslav Paper Extols Rumanian Struggle for Independence. 22.6.1966. Radio Free Europe Research. BOX-FOLDER-REPORT: 50-5-113. – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-5-113.pdf>

⁴⁵² В июне 1966 г. Румынию посетила партийно-правительственная делегация КНР во главе с премьер-министром Чжоу Эньлаем. Несмотря на особые знаки внимания с китайской стороны, к числу которых относилось весьма символическое исполнение на румынском языке во время праздничного концерта китайским певцом песни «Это моя Молдова!» («Aceasta este Moldova mea!»), румынская сторона подчеркивала нейтралитет в китайско-советском конфликте. Зарубежные эксперты охарактеризовали визит китайской делегации как провал: Brown J. The Failure in Bucharest. 28.6.1966. Radio Free Europe Research. BOX-FOLDER-REPORT: 50-5-105 – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-5-105.pdf>.

§9. Оборонные иллюзии военно-политического единства

Заинтересованность советского руководства в серьезных изменениях военно-командной структуры Варшавского блока была обусловлена недовольством Москвы слабостью механизма реализации коалиционного взаимодействия стран-участниц пакта и ролью объединённого командования вооруженных сил ОВД в этом процессе. В свою очередь, ситуация внутри Организации Варшавского Договора, а также в целом в Восточной Европе, привлекала внимание аналитиков и экспертов из разведывательного сообщества стран-участниц Североатлантического альянса, и, прежде всего США⁴⁵³. По мнению американских экспертов, «в случае войны население Восточной Европы, вероятно, не рискнет предпринять какое-либо значительное организованное сопротивление до тех пор, пока не будет уверено в том, что коммунистические силы потерпели поражение. В любом случае, большинство населения будет избегать участвовать в любом сопротивлении»⁴⁵⁴. Рассчитывать на него можно было лишь в случае боевых успехов сил союзников по НАТО – США, Франции и Великобритании, так как, в отличие от ФРГ, в отношении которой существовал «груз исторической памяти», эти государства имели в общественном сознании стран Восточной Европы положительный образ. Балканский сектор геополитического пространства «Восточная Европа»⁴⁵⁵ оценивался представителями разведывательного сообщества с учётом особенностей региональной ситуации и взаимоотношений в ОВД. Этот участок противостояния между НАТО и ОВД играл особую роль, так как именно он имел выход не только на континентальный, но и на морской театр военных действий – Средиземноморье и Черноморский бассейн. В соответствии с существовавшими в советских военных кругах представлениями о разделении мирового геопространства на соответствующие театры военных действий Европейский или Западный ТВД включал «все страны европейского континента (западнее уральской гряды), северную часть Африки, западную часть Малой Азии. Военно-морская часть театра будет включать Черное море, Средиземное и другие моря, окружающие европейский континент и заливы Атлантического и Арктического океанических бассейнов». Отличительной особенностью этого ТВД, как отмечали советские военные эксперты, являлось наличие на нём «двух противостоящих военно-политических группировок», которые разделены между собой и стоят лицом к лицу – «страны империалистического блока НАТО» и социалистические государства, объединенные в Варшавский пакт. В стратегическом отношении выделялись как важные: скандинавское направление, Балтийский район, Центрально-Европейский, район Британских островов, Пиренейский полуостров и Южная Европа. Особое внимание в данной связи уделялось зоне черноморских проливов, объединявшихся с областью Балканского полуострова, западной частью Малой Азии, Средиземноморьем и Северной Африкой⁴⁵⁶.

Такой подход к геостратегическому планированию объяснял и продолжавшийся рост советского военно-морского присутствия в 1966 г., которое становилось очевидным фактом

⁴⁵³

⁴⁵⁴ Anti-Communist Resistance Potential in the USSR and Eastern Europe. National. NIE 11-6-66. 27.1.1966. P. 3. – [http://www.faq.s.org/cia/docs/75/0000261300/ANTI-COMMUNIST-RESISTANCE-POTENTIAL-IN-THE-USSR-AND-EASTERN-EUROPE\(NIE-11-6-.html#ixzzOXIvtvThG](http://www.faq.s.org/cia/docs/75/0000261300/ANTI-COMMUNIST-RESISTANCE-POTENTIAL-IN-THE-USSR-AND-EASTERN-EUROPE(NIE-11-6-.html#ixzzOXIvtvThG)

⁴⁵⁵ О проблеме геопро пространственной регионализации Европы см.: Улунян А.р. Новая политическая география. Переформатируя Евразию. Историзированные зарубежные гео концепты. Конец XX в. – начало XXI в. М., 2009.

⁴⁵⁶ Генерал-лейтенант (в отставке) А. Владимирский. «Ещё раз о современной концепции и классификации театров военных действий». Документ цитируется в обратном переводе с английского языка. Материал был получен по каналам ЦРУ США и являлся статьёй в журнале «Военная мысль» (№ 2 (78), 1966) МО СССР. – Memorandum for: The Director of Central Intelligence. Subject: Military Thought (USSR): Once More on the Modern Concept and Classification of Theaters of Military Operations. 23 March, 1974. General-Leytenant (reserve) A. Vladimirsky Once More on the Modern Concept and Classification of Theaters of Military Operations. P. 6, 7. – <http://www.foia.cia.gov/Sovieta ndWarsawPact/1976/1976-03-23 .pdf>

для НАТО. Активность советского подводного флота в удаленных от территории СССР регионах усилилась. Как отмечалось в аналитических материалах американской разведки, «большое число подводных лодок и надводных кораблей действуют в отдалении от своих баз». Военно-морская составляющая советской военной стратегии обуславливалась опасениями Москвы в отношении размещённых на американских подводных лодках ракет UGM-27C «Polaris A-3»⁴⁵⁷. Они были способны нести ядерный боезаряд и имели активные средства преодоления противоракетной обороны, а также так называемые ловушки, позволявшие вести борьбу с ПРО противника. В этой связи американские эксперты делали предположения о том, что советская сторона попытается провести совершенствование технической и материальной базы для противолодочной борьбы. В то же время они приходили к выводу о том, что возможности СССР для скорейшего проведения данных мероприятий на океаническом театре вызвали серьезные сомнения⁴⁵⁸.

Со своей стороны, СССР, так же как и США в отношении ОВД, проявлял заинтересованность в усилении размежевания внутри Североатлантического альянса. Попытки Москвы инициировать стремление стратегически важной для Западного и Восточного блоков Турции к большей самостоятельности, предпринятые ещё весной-осенью 1965 г., привели к тому, что в феврале 1966 г. Анкара заявила о намерении пересмотреть двусторонние отношения с Вашингтоном. В то же время турецкие власти усилили преследование представителей коммунистических и левых сил, за которыми стоял СССР. Советское руководство рассчитывало, активизировав внешнеполитическую деятельность на турецком направлении, добиться большей лояльности Анкары по оборонным вопросам, что должно было найти своё проявление в сокращении американского присутствия в Турции в обмен на предоставление советского кредита этой стране в объеме 150 млн долларов США. Одновременно пропагандистское обеспечение проводимого курса делалось советской стороной в виде противопоставления политики Москвы и Вашингтона: «Американская “помощь” является комплексным явлением. Это – особая форма и метод мировой экспансии американского империализма, инструмент неокolonизма и подрыва национально-освободительного движения, политика, направленная на поддержку сопротивления социализму и социалистическим идеям»⁴⁵⁹.

Американские эксперты, отмечавшие усиление «восточного направления» во внешней политике СССР, в частности, в отношении Турции, Пакистана, Индии и Ирана, а также Японии как противовеса политики США в Индокитае⁴⁶⁰, обращали особое внимание на Балканы. Перспектива вероятного развития ситуации в этом регионе в момент военно-политического конфликта между двумя противостоящими блоками представляла особый интерес для НАТО и США, в частности, с учётом оборонных возможностей балканских стран.

Имевшаяся в разведывательных структурах США информация⁴⁶¹ свидетельствовала о том, что сопротивление режиму Э. Ходжи в Албании даже в условиях вооруженного кон-

⁴⁵⁷ Подробнее об этом *Priest A.* In *American Hands: Britain, the United States and the Polaris Nuclear Project 1962-1968*// *Contemporary British History.* 2005. September. № 19 (3).

⁴⁵⁸ *Capabilities of Soviet General Purpose Forces.* NIE 11-14-66. 3.11.1966. P. 2. – <http://www.foia.cia.gov/search.asp?pageNumber=11&freqReqRecord=undefined&refinedText=undefined&freqSearchText=undefined&txtSearch=WARSAW+PACT+FORCES+OPPOSITE+NATO&exactPhrase=undefined&allWords=undefined&anyWords=undefined&withoutWords=undefined&documentNumber=undefined&startCreatedMonth=&startCreatedDay=&startCreatedYear=&endCreatedMonth=&endCreatedDay=&endCreatedYear=0&startReleasedMonth=&startReleasedDay=&startReleasedYear=&endReleasedMonth=&endReleasedDay=&endReleasedYear=0&sortOrder=DESC#>

⁴⁵⁹ *Yelutin Y, Petrov M.* *American «Aid»: New Trends?*// *International Affairs,* 1966. № 6. V. 12. P. 50.

⁴⁶⁰ *r.r.g. Soviet Foreign Policy – 1965-1966.* 25.4.1966. *Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report.* – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-2-102.pdf>

⁴⁶¹ Степень информированности американских разведывательных организаций о внутривнутриполитической ситуации в Албании, а также правивших кругах, включая взаимоотношения между представителями высшей коммунистической номенклатуры, продолжает оставаться не достаточно исследованной. Ряд рассекречиваемых правительством США документов, относящихся к 40-м – первой половине 60-х гг. XX в. позволяет говорить о наличии определенных возможностей у ЦРУ США в

фликта Запада и Востока, но без прямого вовлечения страны в боевые действия, не имело положительных перспектив. Одновременно лояльность вооруженных сил в отношении коммунистической власти рассматривалась в прямой зависимости от того, насколько в настроениях военных могла доминировать мысль о том, что «война минует их». Конфликтный внутривнутриполитический потенциал, как полагали американские эксперты, заключался в существовавшей клановой системе албанского общества и возможных попытках «сведения счётов» между теми из них, кто «активно сотрудничал с режимом Ходжи», и их противниками⁴⁶². В политических и экспертных кругах на Западе наиболее обсуждаемыми темами были две: во-первых, являлась ли Албания наиболее последовательным союзником Китая и, во-вторых, существовали ли какие-либо серьезные внутривнутриполитические проблемы в стране⁴⁶³.

Ответ на первый из вопросов не оставлял сомнений. На этом фоне становилась примечательным фактом проявлявшаяся Э. Ходжей солидарность с главным политическим союзником Тираны, заменившим СССР в начале 60-х гг. XX в., – КНР. Поддержка Китаем Пакистана в его конфликте с Индией, за которой стоял СССР и ряд государств Восточной Европы, автоматически означала для Тираны проведение соответствующей внешнеполитической линии. Достаточно вольно интерпретируя события и демонстрируя свою партийную принципиальность с явным расчетом на широкую аудиторию, Э. Ходжа отмечал в своём, впоследствии опубликованном, «политическом дневнике»: «Советские ревизионисты пригласили в Ташкент Лала Бахадура (Индия) [премьер-министр Индии] и Айюба Хана (Пакистан) [Мухаммед Айюб Хан – президент Пакистана и главнокомандующий вооруженными силами], чтобы помирить их. Итак, сутью комедии является трагедия, вызванная [5 сентября 1965 г.] нападением индийских агрессоров, открыто или косвенно устроенным американцами и советскими ревизионистами, на Пакистан, поддерживавший дружеские отношения с Китаем»⁴⁶⁴. Примечательной в этой связи становилась позиция другого коммунистического Балканского государства, проводившего особый курс внутри Варшавского пакта. Румынская позиция по индо-пакистанскому конфликту определялась с учетом как «китайского фактора», так и взаимоотношений между Москвой и Пекином. В отличие от албанского партийно-государственного руководства, Н. Чаушеску не делал публичных заявлений, в которых однозначно негативно определял бы шаги СССР, направленные на примирение Индии и Пакистана. В то же время, он крайне болезненно воспринимал односторонние действия Кремля без учета румынской позиции. На прошедшем 4 марта 1966 г. заседании Постоянного Президиума ЦК РКП было принято решение о том, что румынская сторона воздержится от каких-либо комментариев по данному вопросу, но одновременно глава МИДа К. Мэнеску отметил, что о таких действиях, как организация ташкентской встречи, СССР должен был поставить в известность своих союзников заранее⁴⁶⁵.

Ответ на второй вопрос, имевший отношение к внутривнутриполитическому положению в Албании, был более сложным, так как касался не только объективных, но и субъективных оценок происходящего. Речь «второго человека» в партийно-государственной иерархии страны – М. Шеху, переданная по албанскому радио 4 июля 1966 г. и активно комментировавшаяся наблюдателями⁴⁶⁶, была симптоматична. Она содержала пассаж о том, что угроза (в лице

деле получения из Албании сведений высшей степени конфиденциальности. См.: *Karaj V. Njeriu misterioz i CIA-s në Tiranë: misteri i agentit që i raportonte CIA-s bisedat me Mehmet Shehun dhe dëshirën e tij për ta lidhur Shqipërinë me Perëndimin// Shekulli. 4 7.2007.*

⁴⁶² Anti-Communist Resistance Potential in the USSR and Eastern Europe. NIE 11-6-66. 27.1.1966. P. 7.

⁴⁶³ Iz Continuity and Change on the Albanian Scene. Radio Free Europe Research. 15.2.1966. Radio Free Europe research. Box-Folder-Report 124-1-136. P. 1. – [http://www.osaarchivum.org/files/holdings/3 OO/8/3/pdf/124-1-136.pdf](http://www.osaarchivum.org/files/holdings/3%20OO/8/3/pdf/124-1-136.pdf)

⁴⁶⁴ Вторник 11 января 1966. Ташкентская комедия// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 185.

⁴⁶⁵ Protocol Nr. 10 al Şedinfeii Presidiului Permanent al C.C. al P.C.M. din ziua de 4 martie 1966. P. 1, 2 – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=100984&navin fo=1 13290>

⁴⁶⁶ Iz Shehu Speaks of Danger from Internal Enemies. 7.7.1966. Box-Folder-Report 2-4-85. – <http://www.osaarchivum.Org/files/>

бюрократии) государству исходит изнутри, а ситуация может повториться, как это было в Китае, если не принять превентивные меры, так как бюрократия как класс «может способствовать появлению ревизионизма в Албании», а также, что «никто не должен забывать ни на секунду о том, что появление ревизионизма в Советском Союзе и повсюду не произошло из-за воздействия внешних факторов либо в результате внешней агрессии, а является результатом действия внутренних факторов... создания привилегированных классовых элементов среди основных групп, состоящих из бюрократов в государственных и партийных структурах». Начатая режимом реформа вооруженных сил была направлена на недопущение создания так называемой военной касты, т. е. обособленного профессионального слоя, способного в дальнейшем создать серьезную конкуренцию партийной номенклатуре и при определенных обстоятельствах – угрозу власти Э. Ходжи. Отмена воинских званий⁴⁶⁷ была воспринята среди офицеров и генералов крайне негативно, однако, открыто никто из них выступить не осмелился. Лишь заместитель министра обороны генерал-майор Х. Джельос направил в 1967 г. анонимное письмо Э. Ходже по данному вопросу, но вскоре после проведенного в спешном порядке расследования, органы госбезопасности смогли выявить его авторство и арестовать автора. На следующий день он совершил самоубийство в тюрьме, чтобы избежать пыток и допросов⁴⁶⁸. Несмотря на более «мягкий», чем в коммунистическом Китае, процесс чисток партийного и государственного аппарата, а также армии, к тому же растянувшийся на 20 послевоенных лет, командному составу вооруженных сил Албании был нанесен серьезный урон. Из 13 высших военных деятелей, включая начальников Генерального штаба, 8 были расстреляны; из 12 командиров дивизий 5 были казнены; из 8 начальников корпусов 2 были репрессированы и из 76 командиров бригад были расстреляны 28⁴⁶⁹.

В то же время, имея в виду особенности международных позиций Албании, руководство считало необходимым разработку собственной военной доктрины. Её целью было определение стратегии и тактики оборонной политики, включая формулирование основополагающих принципов организации вооруженных сил и их использования в боевых условиях. Фактически было создано две группы экспертов, каждая из которых работала независимо друг от друга. Одна из них – при премьер-министре Албании М. Шеху, а другая, более известная, – при Министерстве обороны НРА⁴⁷⁰. Работа над концепцией в ней началась в феврале 1966 г. Министр обороны НРА Б. Балук собрал группу военных, в число которых вошли преподаватель Военной академии им. М. Шеху Э. Хадо, закончивший советскую академию им. М. Фрунзе с отличием, два известных генерала – В. Дыне и С. Шалеси. Присутствовавшим на организационной встрече было передано мнение Э. Ходжи о том, что вся имеющаяся советская научная литература по военным вопросам более не представляет никакой ценности и необходимо самостоятельно разрабатывать основы военной теории⁴⁷¹. Глава военного ведомства заявил о том, что

holdings/300/8/3/pdf/2-4-85.pdf

⁴⁶⁷ Воинские звания были восстановлены в полном объеме в 1992 г. после падения в Албании коммунизма и установления демократической общественно-политической системы. В работе приводятся воинские звания, присвоенные до 1966 г. или соответствующие должности, занимавшейся после.

⁴⁶⁸ См. интервью Д. Калочи с полковником А. Мехмети: *Kaloçi D. Si dështoi në '66 arratisja e gjeneral Halim Xhelos: letra anonime që zv/ministri i Mbrojtjes Xhelo shkruajti për Enver Hoxhën në 1967 kundër heqjes së gradave*//Gazeta shqip, 20.2.2005.

⁴⁶⁹ См. публикацию профессора, полковника Э. Леци: *Leci E. Alfred Moisiu: «Si e përdorte Enveri Sigurimin e Shtetit për të dënuar gjeneralët e ushtrisë!» Pohimi mbizotërues i studiuesve rreth faktit se pothuaj e gjithë armata e ushtarakëve madhorë, gjeneralëve dhe kolonelëve*//Shekulli, 22.1.2008. Подробнее о репрессиях в вооруженных силах во время существования коммунистического режима в Албании: *Leci E. Kush i vrau ? Përse i dënuan ?! Historia e eliminimit të kuadrove të Ushtrisë Shqiptare në vitet 1944–1990. Tiranë, 1997; Leci E. Eliminimi i lidershipit ushtarak shqiptar: (1944–1990) (1992–2001). (monografi e zgjeruar). Tiranë, 2002. О репрессиях в армии в период 1956–1966 гг. см.: *Leci E. Spastrimi masiv i '56-'66, 15 mijë oficerë të eliminuar*//Shekulli, 24.9.2005.*

⁴⁷⁰ См. интервью Л. Конди с бывшим высокопоставленным сотрудником Сигурими Б. Будо: *Kondi L. Si i hetuam gjeneralët e ushtrisë që u vranë nga Enveri për «Tezat e zeza»*//Panorama, 19.1.2004.

⁴⁷¹ См. интервью с полковником в отставке Э. Хадо: *Si i futi Enveri në konflikt Shehun me Ballukun: deshmia e panjohur e*

созданная группа должна подготовить «Положение по военному искусству народной войны», которая рассматривалась как общенародное вооруженное сопротивление против агрессора. Идея «общенародной войны» по объективным обстоятельствам базировалась на принципах партизанской борьбы, составными частями тактики ведения которой были внезапное нападение и тактическое отступление перед превосходящими силами противника в целях сохранения собственных сил, создание соответствующих опорных пунктов в горах Албании как локальных баз, обеспечивавших деятельность партизанских соединений. Вопрос об отступлении как части партизанской тактики в идеологическом отношении достаточно щепетильно рассматривался партийным руководством, провозгласившим наступательную борьбу против «врагов социализма» и не признававшим каких-либо компромиссов. Более того, созданной группой военных специалистов была сформулирована «Теория скольжения» («Teoria e greshqitjes»). Её суть сводилась к совместным действиям регулярной армии и поддерживавших её партизанских отрядов, задача которых заключалась в оказании сопротивления противнику в направлении от албанского морского побережья вглубь страны с дальнейшим переходом к обороне центральной (горной) части Албании, где и концентрировались бы основные силы на специально подготовленных базах. Там же должны были размещаться и командные пункты. В определенной степени эта концепция имела и внутривнутриполитическое значение для переживавшегося Албанией периода: Э. Ходжа ориентировался на проведение политики недопущения усиления «военной прослойки» – т. е. кадровых военных и выдвигал идею создания «партизанской армии»⁴⁷².

В свою очередь, М. Шеху выдвинул концепцию, ставшую известной как «Теория перехода» («Teoria e kalimit»), в соответствии с которой конвенциональные боевые действия регулярных войск должны были перейти в новую стадию всеобщей партизанской войны. В законченном виде эта теория нашла своё выражение в утвержденной в 1967 г. Советом Обороны программе, ставшей известной как «Положения Совета Обороны» («Teza të Këshelit të Mbrjijtjes»). Их суть сводилась к двум основополагающим принципам организации оборонной политики страны. Во-первых, предполагалось использование горного ландшафта для создания укрепрайонов, а также строительство разветвленной системы бункеров с тем, чтобы не допустить закрепления агрессора на территории страны. Во-вторых, ставилась задача подготовки двух «видов сил»: а) сдерживающих и блокирующих наступление противника и б) так называемых оперативных, действующих наступательно.

Формулирование новой военной доктрины проходило в условиях обострения разногласий между Тираной и Москвой, а также большинством восточноевропейских стран – членов Варшавского пакта. В этой связи усиливалась роль албано-китайского сотрудничества в военно-политической сфере. Руководство КНР, понимая, что оказание помощи Албании в случае гипотетического нападения на неё со стороны ОВД и СССР может быть серьезно затруднено по объективным причинам, выступило с инициативой, изложенной на секретной встрече Чжоу Эньлая с Энвером Ходжей. Предложение, а по сути, рекомендация, китайской стороны, заключалось в необходимости создания тройственного военно-политического союза в составе Албании, Югославии и Румынии, а также разработки тактики боевых действий с учётом особенностей партизанской войны в Албании⁴⁷³.

Со своей стороны, албанское руководство проявляло особую обеспокоенность возможным влиянием на ситуацию в стране извне. Однако ряд действий Тираны давал основания считать, что Э. Ходжа был заинтересован в улучшении отношений с Западом, так как изоляцио-

kolonelit//Gazeta shqip, 17.3.2007.

⁴⁷² Подробнее о теоретических особенностях тактики вооруженных сил коммунистической Албании в этот период в диссертации на соискание степени доктора наук подполковника вооруженных сил Республики Албания Захо Големи: *Golemi Z. Taktika e ushtrisë shqiptare në periudhën 1945–1975. Disert. për marrtjen e gradës «Doktor»*. Tiranë, 2004

⁴⁷³ См. интервью Л. Конди с бывшим высокопоставленным сотрудником Сигурими Б. Будо: *Kondi L. Si i hetuam gjeneralët e ushtrisë që u vranë nga Enveri për «Tezat e zeza»*// Panorama, 19.1.2004.

низм объективно влиял не только на внешнеполитические позиции и экономическое развитие Албании, на её оборонные возможности. Страна, будучи исключена из системы международных отношений или пользуясь лишь поддержкой далёкой КНР, не могла серьезно рассчитывать на какие-либо международные гарантии в момент обострения любого регионального кризиса, включая действия соседних Югославии и Греции в отношении Албании. Обе страны продолжали рассматриваться Э. Ходжей как источники потенциальной угрозы для созданного им режима. Одновременно фактический разрыв с Восточным блоком поставил перед режимом Ходжи серьезную проблему замены главных экспортеров вооружений и военной техники в Албанию – СССР и Чехословакии⁴⁷⁴ – на КНР, превращавшуюся в единственного «донора» для Тираны, не имевшей своего военно-промышленного комплекса.

Одной из первых попыток разобраться более детально в албанских намерениях стало обсуждение этой проблемы во время межгосударственных австро-американских консультаций осенью 1966 г., когда министр иностранных дел Австрии Л. Тончич-Соринь обратился к Государственному секретарю США Д. Раску с вопросом о том, как следовало бы реагировать на знаки, подаваемые с албанской стороны. Американская сторона крайне скептически относилась к возможности налаживания отношений с руководством Албании, так как Тирана постоянно подчеркивала свой антиамериканизм и находилась под сильным влиянием Пекина. Поэтому Госсекретарь, обосновав невозможность участия США в попытках установить отношения с Албанией, всё же рекомендовал австрийской стороне положительно ответить на действия Тираны⁴⁷⁵.

Балканский сектор международных отношений включал широкий спектр проблем, имевших принципиальное значение для развития военно-политической ситуации на так называемом южном фланге НАТО и Юго-Западном фланге ОВД. Одним из важных элементов оборонной политики Варшавского пакта в регионе была Болгария, которая в начале 1966 г. усиливала свою активность против Китая, пытавшегося использовать идеологические аргументы с целью получения поддержки общественных и политических движений на Западе, включая и государства Средиземноморья, а также его регионального союзника – Албании. На государственном уровне был разработан комплекс мероприятий с участием болгарского Комитета госбезопасности (КДС), направленных как на идеологическое противодействие Пекину и Тиране, так и на получение оборонной и политической информации на китайском и албанском направлениях⁴⁷⁶. Важное место в деятельности КДС и Разведывательного Управления Министерства обороны (РУМО) традиционно занимали Греция и Турция. Задача «разработки разведывательных органов ГШ [Генеральных Штабов] Турции и Греции» становилась одной из главных в

⁴⁷⁴ Одним из первых решений, связанных с отказом от сотрудничества с членами ОВД в этой области, стало распоряжение премьер-министра Албании М. Шеху о прекращении начатого в г. Грамши с помощью Чехословакии производства партии лёгкого стрелкового оружия (одной из модификаций автомата Калашникова) в количестве 3 тыс. единиц и его заявление о том, что достаточно обратиться к Пекину, чтобы получить 100 тыс. комплектов этого оружия. См. интервью бывшего начальника Отдела планирования «Военного канала» (так конспиративно называлось Управление военных поставок) Министерства обороны коммунистической Албании Дж. Реджепи в: *Alla S. Armët nga Kina, marrëveshja e Mehmetit me Çu En Lain, 2 miliardë dollarë: Flet ish-drejtori i Planit të Bilancit të Investimeve e të Kanalit Ushtarak ë Ministrinë e Mbrojtjes// Panorama*, 17.8.2004. Всего за период 1962–1978 гг. объем военных поставок и помощи в этой области со стороны КНР для Албании составил в денежном исчислении достаточно большую сумму. Китайская сторона после обострения взаимоотношений с албанским руководством заявляла о 18 млрд долларов США. – *Musta A. Kur Kadri Hazbiu i shiste armë mafias italiane. Analizë. Historia e furnizimit të Shqipërisë me municione, që nga Italia fashiste, Kina, Bashkimi Sovjetik//Standart*, 4.10.2009; “Shqipëria mori nga Kina 18 miliardë dollarë arsenal ushtarak”//*Gazeta shqip*, 29.3.2008

⁴⁷⁵ 16. Memorandum of Conversation. New York, October 5, 1966// *Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Eastern Europe*. Washington, 1996. V. XVII. P. 55, 56. В своих оценках глава Госдепа, вероятнее всего, исходил из неудачного опыта секретных американско-албанских контактов в Турции в 1965 г.

⁴⁷⁶ Протокол «Б» № 1 от заседания на ПБ на ЦК на БКП на 11 января 1966 г. с решение за водене на разузнавателна и контр ар азузнавателна работа срещу Китай и Албания, придружено с предложение от Ангел Солаков, председател на Комитета за Държавна сигурност. – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdel6t6/flbop64ae345.pdf

начале 1966 г.⁴⁷⁷ Одновременно стал реализовываться комплекс мероприятий, разработанных в конце 1965 г. Он был направлен на недопущение утечки информации о боеспособности и боеготовности болгарской армии, ситуация в которой после апрельской попытки переворота 1965 г. находилась в центре внимания разведывательных служб стран НАТО⁴⁷⁸.

В свою очередь, американские эксперты пытались определить несколько внутривнутриполитических факторов, способных повлиять на оборонные возможности этой страны. Прежде всего, они отмечали, что в Болгарии, «менее чем где-либо в Восточной Европе, существовали анти-русские настроения», и сопротивление против режима могло опираться в социальном отношении на аграрное население, а в этническом – на турецкое национальное меньшинство. Последнее аргументировалось рядом произошедших в 1965 г. беспорядков. Перспектива усиления этнической базы сопротивления ставилась в зависимость от степени возможной вовлеченности Турции в конфликт против Болгарии в условиях военно-политической конфронтации между Западом и Востоком. Одновременно в расчёт брались события апреля 1965 г., когда в антиживковском заговоре участвовали представители офицерского корпуса, часть из которых могла, по мнению авторов аналитического доклада американских разведывательных ведомств, при определенных условиях принять участие в таком сопротивлении⁴⁷⁹.

Летом-осенью 1966 г. эксперты американской разведки стали отмечать новые тенденции в регионе. ЦРУ США в специальном докладе «Оценки национальной разведки» с достаточной степенью полноты отмечало сложившуюся в Варшавском пакте ситуацию, выделяя две группы стран внутри блока. В одну из них входили ГДР, Польша и Чехословакия, рассматривавшие «ремилитаризацию Западной Германии как угрозу своей национальной безопасности», а в другую – «Венгрия, Румыния и Болгария... (которые – Ар. У.) склоняются к созданию баланса общей безопасности, предлагаемой пактом, против вовлечения в германские дела, которые эти три государства не рассматривают как направленные непосредственно против их интересов»⁴⁸⁰. Политические разногласия между членами Восточного блока при всей особенности сложившейся внутри Варшавского пакта ситуации не прекратили взаимодействия между их разведывательными службами по проблемам, имевшим прямое отношение к оборонному потенциалу конкретной страны⁴⁸¹.

В Софии отношения с Западом рассматривались как важный фактор укрепления внешнеполитических позиций и роли не только в региональной политике, но и в рамках так называемого социалистического содружества. В начале 1966 г. болгарское руководство попыталось и весьма успешно активизировать американское направление внешней политики⁴⁸², что нашло своё отражение в подготовленном министром иностранных дел НРБ И. Башевым специальным

⁴⁷⁷ Докладная записка начальника III Управления КДС генерал-лейтенанта В. Терзиева председателю ДС А. Солакову. 5.1.1966. С. 5. – <http://bgrod.by.ru/ds60/DS660105bg.pdf>. В октябре 1966 г. руководство КДС получило детальное описание отобранных для проникновения болгарской разведки целей, среди которых значились, помимо других, греческие и турецкие разведывательные органы, военные и гражданские структуры и организации. – Доклад на ДС относительно състоянието на работата на Държавна сигурност по проникването в разузнавателните центрове и агентурната мрежа на противника. 27.10.1966 —<http://narodopis.narod.ru/ds60/DS661027bg.pdf>

⁴⁷⁸ Докладная записка начальника III Управления КДС генерал-лейтенанта В. Терзиева председателю ДС А. Солакову. 5.1.1966. С. 1.

⁴⁷⁹ Anti-Communist Resistance Potential in the USSR and Eastern Europe. NIE 11-6-66. 27.1.1966. P. 8.

⁴⁸⁰ Main Trends in Soviet Military Policy. NIE 11-4-66. 16. 6. 1966. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000278473/DOC_0000278473.pdf

⁴⁸¹ В 1967 г. председатель Комитета государственной безопасности НРБ А. Солаков, обращаясь с благодарственным письмом к председателю Совета государственной безопасности И. Стэнеску, выражал признательность за предоставленные румынской разведкой сведения, содержащиеся в материалах «Обзор группы экспертов НАТО о действиях Греции в случае нападения со стороны Болгарии», «Предстоящие маневры НАТО на Балканах и в других районах Европы» и многие другие. – Письмо А. Солакова И. Стэнеску. 30.4.1968// НАТО на Балканите.

⁴⁸² Это отмечали аналитики, работавшие в западных СМИ, а также различных внешнеполитических и разведывательных организациях: Bulgarian Steps out of the her Shell. 12.1.1966. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 6-6-250. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-6-250.pdf>

документе «Мероприятия в связи с отношениями НРБ и США». В нём предполагалось «избегать некоторых проявлений, которые в прошлом способствовали ненужному ухудшению отношений, как, например, крайности при демонстрации перед их [США] дипломатическим представительством и ненужная острота в печатной и радиопропаганде»⁴⁸³. В то же время София проявляла опасения в отношении возможного усиления идеологической активности Запада на болгарском направлении. Это нашло своё отражение в заявлении Т. Живкова на встрече с послом США Н. Дэвисом, состоявшейся в конце 1965 г., о том, что Болгарская сторона «увеличивает ресурсы для ведения “контрразведывательной” работы» против США⁴⁸⁴.

Во внешней политике Софии начинают приобретать всё большее значение военно-технические аспекты её оборонных интересов. В середине 60-х гг. XX в. в странах Восточной Европы получил развитие национальный военно-промышленный комплекс, или, как он назывался в соответствии со сложившейся в коммунистических государствах традицией, оборонная промышленность. Расширение экспортных возможностей и их легализация с учётом чувствительности для международных отношений в целом темы торговли оружием становились одной из важных задач болгарской государственной политики. 8 июля 1966 г. Совет министров НРБ секретным решением № 131 создал внешнеторговое государственное учреждение «Кинтекс», задачей которого была организация экспорта вооружений и боеприпасов по ценам, существовавшим на этом специфическом рынке, и за свободно-конвертируемую валюту.

Внимание к восточноевропейским странам, проявлявшееся в НАТО, обуславливалось необходимостью определения возможных сценариев развития событий в них. Балканское направление, не будучи главным, тем не менее не игнорировалось экспертами из разведывательных организаций Североатлантического блока. Особое место в оценках американских аналитиков занимали Югославия и Румыния.

Внутриполитический кризис в СФРЮ, неожиданно разразившийся в начале июня 1966 г. и заключавшийся в разоблачении «аферы подслушивания» или «аферы Ранковича» – по имени ближайшего сподвижника югославского лидера и главы Управления Государственной безопасности (УДБ) – А. Ранковича, организовавшего прослушивание кабинета И. Броз Тито и его личных апартаментов, а также ряда других руководителей страны, стал важным эпизодом в развитии взаимоотношений между властью и военными в стране. 16 июня 1966 г. Тито срочно созвал заседание Исполнительного комитета СКЮ, на котором было принято решение о проведении чрезвычайного Пленума ЦК СКЮ на Бриони. Он состоялся в начале июля 1966 г. и принял решение об освобождении А. Ранковича со всех постов. УДБ поменяла своё название на Службу Государственной безопасности. Одновременно во время кризиса проявилась ещё одна его особенность, имевшая непосредственное отношение к проблеме обороны: стали очевидны острые противоречия между УДБ и Контрразведывательной службой (КОС) ЮНА, сформированной 13 марта 1946 г. из Третьего управления госбезопасности. Именно глава КОС генерал-подполковник

И. Мишкович, известный по своему прозвищу «Брк» (по-сербски – «ус»), активно участвовал в разоблачении А. Ранковича и его сторонников, а впоследствии стал специальным советником по безопасности у И. Броз Тито⁴⁸⁵. В партийном аппарате Сербии, вооружённых силах, а также министерстве внутренних дел и силах безопасности начались массовые чистки сторонников А. Ранковича, обвинённого, помимо незаконных действий по прослушиванию

⁴⁸³ Баева И. Отношения България-САЩ в годините на студената война//Международни отношения. 2003. № 4. С. 83.

⁴⁸⁴ 32. Airgram From the Legation in Bulgaria to the Department of State Sofia, January 26, 1966// Foreign Relations of the United States.1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. P. 129.

⁴⁸⁵ В сложившейся устной внутриведомственной традиции контрразведки ЮНА, а затем и Сербии, нередко упоминается тот факт, что как глава КОС генерал И. Мишкович, сменивший генерала Е. Шашича, как и его заместитель полковник С. Доманкушич, были словенцами и якобы стремились сократить присутствие в КОС сотрудников-сербов, заменяя их словенцами.

руководства Югославии, в злоупотреблении властью, проведении сербской националистической политики, включая подбор и расстановку кадров в УДБ. Были исключены из СКЮ, смещены со своих постов министр внутренних дел С. Стефанович-Чеча, которого заменил брат главы КОС И. Мишковича – М. Мишкович, генералы В. Лукич, С. Кристич, М. Жежель, М. Милоевич⁴⁸⁶.

Серьезность произошедшего была очевидна как внутри самой Югославии, так и за рубежом. Аналитики американского ЦРУ склонялись к мысли о том, что действия Ранковича были направлены на обеспечение гарантий для главы УДБ как «наследника Тито» в случае актуализации этой проблемы во внутривластной жизни страны⁴⁸⁷. Более того, исключительно серьезно оценивались отдельные заявления, сделанные на Брионском пленуме и озвученные как будто бы «вскользь», по поводу стремления А. Ранковича и его группы изменить внешнеполитический курс Югославии. Некоторые эксперты вспоминали в этой связи особую заинтересованность советской стороны в проникновении в службы государственной безопасности коммунистических стран и поездку А. Ранковича в Москву вместе с И. Броз Тито в 1962 г., а также его участие от имени СКЮ на XXIII съезде КПСС весной 1966 г.⁴⁸⁸ Таким образом, после апрельского 1965 г. кризиса в Болгарии с участием военных, июньский 1966 г. в Югославии, где среди участников событий было также много военных, к которым прибавились уже и сотрудники госбезопасности, мог серьезно повлиять на общую ситуацию в регионе, так как затрагивал военно-политический аспект ситуации на Балканах в целом.

Балканское направление оборонной политики Варшавского блока усиливало своё значение в общем контексте военно-политических планов возглавляемого Москвой союза. Дипломатическая активность в регионе, которую развили члены Варшавского пакта – Болгария и Румыния, а также заинтересованность СССР в отрыве от НАТО её отдельных членов воспринимались соответствующим образом аналитиками и экспертами в Западном блоке. Слабость южного фланга Североатлантического альянса, обусловленная греко-турецкими противоречиями, а также попытками Афин и Анкары найти поддержку собственных внешнеполитических позиций за пределами Западного блока и среди членов противостоявшего альянса, а при определенных обстоятельствах – непосредственно у СССР, влияли на выводы, которые делали представители западного экспертного сообщества. Они констатировали, что «...нынешняя активность на Балканах представляет собой опасный момент с западной точки зрения. Будь это просто вопросом взаимоотношений Румынии и Болгарии с Советским Союзом, то это было бы обнадеживающей причиной. Но это касается также и отношений Греции и Турции с западными партнерами, а это даёт пищу для размышлений. И последствия здесь не заканчиваются... Греция и Турция образуют часть западной системы союза, простирающегося до Ближнего Востока и далее... В этом контексте советские подходы к Анкаре представляют особую значимость, так как Турция представляет собой стержень всей системы западного альянса в регионе. Но Турция, похоже, является более твёрдым орешком, чем две страны на её флангах: Греция и Иран. Ни в одной из этих двух стран нет стабильного правительства, в обеих существуют сильные левые настроения и усиливающиеся в общественном мнении идеи нейтралитета»⁴⁸⁹. Проведение осенью 1966 г. традиционных командно-штабных учений НАТО «Fallex», основная часть которых затрагивала на этот раз ФРГ, имело прямое отношение и к Балканам, рассматривав-

⁴⁸⁶ См. воспоминания о событиях того времени: *Лукич В. Сећањаи Сазнања* — Александар Ранковић и брионски пленум Титоград 1989; *Ранковић А. Дневник из забелешке* Београд 2001.

⁴⁸⁷ Yugoslavia – The Fall of Rankovic. 5.8.1966. CIA Analysis – <http://www.faq.s.org/cia/docs/73/0000720786/YUGOSLAVIA—THE-FALL-OF-RANKOVIC.html>

⁴⁸⁸ *Stankovic S. Yugoslavia: before And after the Purge of Aleksandar Rankovic – Part II. 7.7.1966. P. 6. Radio Free Europe research. Box-Folder-Report 76-4-190.* – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/76-4-190.pdf>

⁴⁸⁹ *Brown J. New Initiatives in the Balkans: Their Background and Implications. 20.9.1966. Radio Free Europe Research. R 11.* – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-5-14.pdf>

шимся как часть Центрально-Европейского ТВД. В соответствии с вводной «Fallex-66» от 12 октября 1966 г., в Балканском регионе разразился военный конфликт. СССР и его союзники по Варшавскому пакту оккупировали нейтральную Югославию и приготовились к нападению на Турцию. В это же время вооруженные силы стран-членов Варшавского пакта пересекли внутригерманскую границу. Примечательным становилось наличие в вводной тезиса о контроле над ситуацией в Центральной Европе с помощью неядерных вооружений, в то время как на Балканах ситуация обострялась, и командование НАТО переходило уже к использованию тактического ядерного оружия с учетом того, что вовлеченные в конфликты страны понимали последствия этого шага. Именно угроза его использования заставляла, по замыслу разработчиков вводной, пойти СССР на прекращение боевых действий и на переговоры, что, в конечном счёте, вело бы к победе НАТО⁴⁹⁰.

Таким образом, оценка ситуации в Балканском регионе в 1966 г. как со стороны Варшавского пакта, так и НАТО, выявила определенную обеспокоенность уровнем оборонных возможностей участников двух блоков в данной части общеевропейского ТВД. В этой связи от позиции конкретной страны зависела общестратегическая ситуация в регионе. Для ОВД и НАТО особое значение приобретала политика Бухареста. Балканский сектор внешней политики Румынии, руководство которой обращало особое внимание на оборонный аспект региональных межгосударственных отношений с учётом существования противостоявших блоков, становился одним из главных. Состоявшиеся в августе – начале сентября 1966 г. визиты премьер-министра СРР И. Маурера в Турцию и Грецию предусматривали решение как экономических вопросов сотрудничества, так и спорных проблем – предоставление компенсаций греческим гражданам, имущество которых было национализировано коммунистическим режимом в Румынии.

Дипломатическая активность в Балканском регионе давала основания зарубежным экспертам достаточно точно определять советские намерения и планы в контексте внешнеполитических инициатив Софии, Бухареста и Белграда на Балканах. Для советского руководства было важно не допустить подпадания Болгарии под влияние Румынии и исключить блокирование последней с Югославией, но при этом способствовать так называемому мирному наступлению в регионе с участием трёх стран. В случае успешной реализации такой политики, это могло привести к тому, что Греция и Турция сократили бы свою поддержку Запада, и Москва достигла бы своей долговременной цели⁴⁹¹.

Активизация внешнеполитических действий Бухареста и Софии на Балканах была не только проявлением интереса Варшавского блока к ситуации на полуострове и членам НАТО – Греции и Турции, но также являлась свидетельством расширявшегося соперничества коммунистических стран региона за влияние в нём. Достаточно серьезно в усилении взаимодействия с соседями-членами ОВД была заинтересована Югославия, видевшая возможность укрепить собственные позиции не только на международной арене, но и среди стран, являвшихся союзниками СССР по военному пакту.

Белград надеялся на создание неформального «Балканского сообщества» в международной политике таким образом, чтобы с ним считались в политическом, а при определенных условиях, и военном отношении, как на Западе, так и Востоке. Оборонная составляющая подразумевала создание таких условий, при которых в военном конфликте на Балканах решение об участии в нём принималось бы странами региона, а не руководством двух соперничавших блоков или ведущих государств противостоявших пактов. Одновременно Белград

⁴⁹⁰ Подробнее о военном и политическом аспектах этих учений в: *Dorn W.* So heiß war der kalte Krieg. Fallex 66. Berlin, 2002. См. также: Document N 43. East German Analysis of the NATO «Fallex 66» Exercise, 1967// A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955-1991. Ed. by Mastny V., Byrne M., Klotzbach M. Budapest, 2005.

⁴⁹¹ *Brown J.* New Initiatives in the Balkans: Their Background and Implications. 20.9.1966. Radio Free Europe Research. P. 11. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-5-14.pdf>

надеялся на усиление именно своих позиций, так как участие Югославии в Движении неприсоединения, одним из лидеров которого был И. Броз Тито, давало основание для подобных планов. В этой связи официальные органы информации Югославии в начале февраля 1966 г. всё более активно озвучивали идею трёхстороннего сотрудничества между Белградом, Бухарестом и Софией⁴⁹². Румынская сторона продолжала проводить собственный внешнеполитический курс, призванный продемонстрировать высокую степень независимости от СССР и его наиболее близких союзников. Изменения в высшем военном руководстве, последовавшие после скорпостижной смерти министра обороны Л. Сэлэжана и заключавшиеся в назначении на этот пост одного из самых молодых (42 года) представителей военного истеблишмента СРР – генерал-полковника И. Ионицэ⁴⁹³, не повлияли на взятый Бухарестом курс, проявлявшийся в усилении самостоятельности Румынии в рамках ОВД. Примечательным стало озвучивание сущности такой политики высшими представителями румынских военных кругов даже в частных беседах с их коллегами по ОВД – болгарскими офицерами: независимость и недопущение давления со стороны кого бы то ни было, включая Советский Союз или Китай⁴⁹⁴. На этом фоне особое внимание Запада привлекала политика Болгарии в регионе. Попытки Софии добиться особых позиций на Балканах, используя также и свои тесные отношения с Москвой, достаточно болезненно воспринимались Белградом. Для болгарской стороны претензии Югославии на роль регионального лидера были неприемлемы, а постоянно подчеркивавшаяся Белградом идея македонской этнической идентичности не только в рамках югославской союзной государственности, но и в региональном масштабе, вызывала жёсткое сопротивление Софии. Сам «македонский вопрос» продолжал серьезно влиять на межгосударственные и межпартийные отношения Болгарии и Югославии. Осенью 1966 г. эта проблема вновь обострилась, но уже в контексте расширявшейся дипломатической активности Софии. В югославской официальной прессе в сентябре 1966 г. отчётливо проявилось раздражение белградского руководства слишком настойчивыми и явно идущими вразрез с его планами действиями болгарской стороны, стремившейся составить конкуренцию попыткам СФРЮ занять на Балканах признанные в системе международных отношений позиции главного координатора региональных инициатив. В этой связи, София обвинялась в приверженности плану Балканской федерации с целью фактического расширения своего влияния во всей Македонии, включая её югославскую часть⁴⁹⁵.

Важность региональной компоненты в планах Софии была подчеркнута на IX съезде БКП (14-19 ноября 1966 г.): в выступлении Т. Живкова доминировал, как отметили зарубежные аналитики⁴⁹⁶, внешнеполитический аспект. Для болгарской стороны было важно избежать осложнений отношений с Румынией. Поэтому, несмотря на существовавшее региональное соперничество между Софией и Бухарестом, продолжал сохраняться обмен разведыватель-

⁴⁹² Данный факт был отмечен и аналитиками PCE: *Stankovic S. Yugoslav Paper Stresses Bulgarian-Rumanian-Yugoslav Triangular Cooperation*. 15.2.1966. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 50-5-198. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-5-198.pdf>

⁴⁹³ И. Ионицэ получил звание генерала армии в 1971 г. и являлся министром обороны Румынии до июня 1976 г., после чего занимал пост вице-премьера правительства (1976–1982 гг.). В 1984 г. он был одним из участников заговора против Н. Чаушеску, который узнал о планировавшейся акции от двух высокопоставленных военных, вовлеченных в переворот. После провала заговора генерал армии И. Ионицэ не был арестован, но находился под негласным наблюдением спецслужб. Он скоропостижно скончался от неожиданно быстро развившегося онкологического заболевания в июле 1987 г. и был похоронен без полагающихся для его воинского звания почестей. См.: Ion Ioniță: Însemnări // *Ziarul Financiar*, 23.11., 7.12.2007; *Scurtu I. Revoluția Română din decembrie 1989 în context internațional*. București, 2006.

⁴⁹⁴ Доклад на ген. В. Терзиев относительно разговора с директора на румънското военно контраразузнаване. 4.11.1966 г. С. 1. – <http://bgrod.by.ru/ds60/DS661104bg.pdf>

⁴⁹⁵ *Djoric Lj. Koji treba «makedonske problem»? – Novi zagrijavanje stariteza u bugarski tisak* // *Vjesnik u srijedu*, 14.9.1966. См. также: *Stamova M. Makedonsko vprašanje, Tito in Todor Živkov (1963–1967)* // *Prispevki za novejšo zgodovino*. Ljubljana 2001. № 1.

⁴⁹⁶ *Storojev J. V The Ninth Bulgarian Party Congress – An Appraisal*. 25.11.1966. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 6-6-69. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-6-69.pdf>

ными материалами по оборонным вопросам в отношении НАТО на балкано-средиземноморском направлении⁴⁹⁷.

В декабре 1966 г. интенсивность межгосударственных контактов между Болгарией, Румынией и Югославией усилилась, так как партийно-государственное руководство каждого из государств рассматривало региональную политику как важный аспект всей своей внешней, а также оборонной политики. Дипломатическая активность трёх стран давала зарубежным экспертам основания предполагать о формировании некоего «балканского треугольника» София – Белград — Бухарест, в котором так называемый «болгарский угол» был наиболее слабым из-за исключительной лояльности Т. Живкова Москве. Высокая степень самостоятельности И. Броз Тито и Н. Чаушеску, наоборот, усиливала позиции этих двух стран на региональном уровне. Болгария в этой конфигурации выступала как союзница СССР, а не как независимый региональный субъект⁴⁹⁸.

В военно-стратегическом отношении отсутствие видимой определенности в советской оборонной доктрине и, в частности, в той её части, которая касалась применения ядерного оружия, способствовало тому, что в военно-политических кругах НАТО вопрос о выработке необходимых мер противодействия СССР находился в центре дискуссий. На проходившей в Париже 25 ноября 1966 г. встрече министров иностранных дел выявилось два подхода к решению проблемы. Первый из них, поддержанный большинством, в которое входили Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Норвегия и США, заключался в необходимости принятия соответствующей стратегической концепции, способной определить реальную роль ядерного оружия в оборонной доктрине НАТО с учётом намерений СССР⁴⁹⁹. Вторая группа стран, т. е. меньшинство, была представлена средиземноморскобалканским «сообществом» – Италией, Грецией и Турцией. Они принимали во внимание «традиционные элементы возможностей противника, нежели его намерения, и выступала за максимальное обладание ядерным потенциалом и [средств] сдерживания с тем, чтобы оказывать влияние на намерения Варшавского пакта». При этом другие государства – Дания, Люксембург, Исландия, Канада и Португалия – устранились от обсуждения данного вопроса, но последняя (Португалия) склонялась к точке зрения, высказанной представителями государств южного фланга НАТО, в то время как ФРГ была сторонницей первого подхода⁵⁰⁰. В складывавшейся ситуации, когда, как отмечалось американскими дипломатами, Италия проявляла гибкость, предстояло оказать нажим на Афины и Анкару, представляющих собой «особый случай»⁵⁰¹.

К поздней осени 1966 г. проблема выработки решений по оборонной политике НАТО в контексте вероятных советских намерений, военных возможностей СССР, а также определения так называемого «момента тревоги» (т. е. высшей степени опасности военного нападения) приобрела внутри альянса отчётливый политический характер. Обсуждение этих вопросов министрами обороны Североатлантического союза 15 декабря 1966 г. в Париже вновь обострило противоречия между группами государств – членов организации. Несмотря на согласие всех участников с необходимостью разработки общих политических принципов оборонного планирования в новых условиях, отчётливо выявилось их стремление усилить оборонные воз-

⁴⁹⁷ Письмо Министра внутренних дел СРР К. Онеску Председателю Комитета Государственной Безопасности НРБ А. Солакову. 28.1.1966// НАТО на Балканите.

⁴⁹⁸ Brown J. F. The Zhivkov Visit to Belgrade. 9.12.1966. Box-Folder-Report 6-6-43. R 2, 3. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-6-43.pdf>

⁴⁹⁹ Cable on NATO Ministerial Meeting. Defense Planning. From US Embassy, Paris to US Department of State, Washington. 26 Nov 1966. P. 1// Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18770&navinfo=14968>

⁵⁰⁰ Cable on NATO Ministerial Meeting. Defense Planning. From US Embassy, Paris to US Department of State, Washington. 26.11.1966. P. 21// Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18770&navinfo=14968>

⁵⁰¹ Ibid.

возможности в собственных национальных интересах. При этом греческий и турецкий министр обороны надеялись на решение финансовых проблем обеспечения вооруженных сил этих государств, что было критически оценено представителями США, так как основным «донором» фактически должен был бы выступать Вашингтон⁵⁰².

На этом фоне конфликтная ситуация в «Балканском секторе» Варшавского пакта являлась в определенной степени схожей с тем, что происходило среди балканских членов НАТО. Ещё в декабре 1966 г. вопрос о взаимоотношениях членов ОВД с Западной Германией являлся одним из наиболее серьезных в повестке дня Варшавского пакта. Варшава и Берлин постепенно оказывались в изоляции, так как в Софии, Праге и Будапеште начинала доминировать идея нормализации отношений с Бонном⁵⁰³. Действия Румынии, которая первой взяла курс на установление отношений с ФРГ, серьезно подействовали на обстановку внутри ОВД. Это привело к тому, что во время встречи в Варшаве 11 января 1967 г. министра иностранных дел Польши А. Рапацкого и главы внешнеполитического ведомства ГДР О. Винцера первый заявил о том, что вопрос о заключении двустороннего договора о дружбе будет во многом зависеть от того, подпишет ли аналогичное соглашение Чехословакия с Польшей и ГДР. В этот момент чехословацкая сторона вела переговоры с ФРГ об установлении отношений⁵⁰⁴. 13 января Л. Брежнев фактически дал согласие на установление странами-членами ОВД дипотношений с Бонном⁵⁰⁵. Одновременно советская сторона полагала, что в тот момент было важно добиться согласия большинства компартий на проведение международной конференции компартий. Последнее достаточно остро было воспринято в Белграде, что нашло своё отражение в публикациях официальной югославской прессы непосредственно по данной теме⁵⁰⁶, а также по вопросам болгаро-югославских взаимоотношений, так как действия руководства Болгарии нередко рассматривались в официальных кругах Югославии не как самостоятельные, а срежиссированные Москвой. Обращение Софии к так называемому македонскому вопросу⁵⁰⁷ в данном контексте оценивалось в Белграде с учётом того, что это может происходить в интересах усиления нажима на Югославию и достижения выгодного не только Болгарии, но, прежде всего, СССР решения по другим проблемам. К их числу относились как политические, так и оборонные аспекты взаимоотношений Белграда с ОВД.

Тем временем Румыния форсировала контакты с Западной Германией и 31 января 1967 г., уже без специальных консультаций со своими союзниками по ОВД и фактически не предупредив ГДР, установила дипломатические отношения с ФРГ. 3 февраля 1967 г. орган СЕПГ газета «*Neues Deutschland*» выступила с резкой критикой в адрес Бухареста. Это вызвало незамедлительную реакцию румынской стороны, обвинившей власти ГДР во вмешательстве во внутренние дела Румынии⁵⁰⁸. Не менее жёстко на действия Бухареста отреагировала Тирана, которая, в свою очередь, обвинила румынское руководство в преследовании «узко националистических интересов»⁵⁰⁹. Албания продолжила свой особый курс и достаточно резко отреа-

⁵⁰² Cable on NATO Ministerial Meeting. Defense Planning. From US Embassy, Paris to US Department of State, Washington. 15.12.1966// Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18769&navinfo=14968>

⁵⁰³ Подробнее об этом см.: *Selva D. Poland, the GDR and the «Ulbricht Doctrine» // Ideology, Politics, and Diplomacy in East Central Europe*. Ed. by Biskupski M. New York, 2003. P. 230.

⁵⁰⁴ Ibid. P. 232.

⁵⁰⁵ Ibid. P. 233.

⁵⁰⁶ *Bilic M. Iskustvo govori drugi jezik // Vjesnik*, 17.1.1967.

⁵⁰⁷ *Stankovic S. Yugoslav Relations with Albania and Bulgaria Discussed*. 30.1.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 6-7-139. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/6-7-139.pdf>

⁵⁰⁸ *Selva D. Op. cit.* R 236.

⁵⁰⁹ Этот факт был особо отмечен зарубежными аналитиками: *Iz Zeri I Popullit Attacks Rumania and Walter Ulbricht*. 10.2.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 50-6-249. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-6-249.pdf>

агировала на установление дипломатических отношений между СРР и ФРГ, озвучив заявление о том, что Восточный блок под руководством СССР и собственно режим В. Ульбрихта в ГДР «предает социализм»⁵¹⁰. Более того, выделение Румынии из общего числа других советских сателлитов не было случайным (на это обратили внимание и зарубежные эксперты). Такая оценка была вызвана тем, что Бухарест нередко подчеркивал свой нейтралитет в рамках коммунистического движения, устранившись от занятия чьей-либо позиции, как это было в советско-китайском конфликте⁵¹¹. Югославская сторона, выступив в середине января 1967 г. в поддержку идеи установления отношений с Западной Германией⁵¹², прежде всего, обращала внимание на то, что на данном этапе «труднее, чем ранее, синхронизировать отношения внутри [Варшавского] пакта по вопросу взаимоотношений между Востоком и Западом и одновременно сохранять единство действий»⁵¹³.

Параллельно с установлением дипломатических отношений с ФРГ в конце января 1967 г., румынское руководство активизировало отношения с ведущими странами евроатлантического сообщества, прежде всего, с США. При этом румынская сторона подчеркивала свою приверженность принципу независимости и суверенитета⁵¹⁴. Она заявляла, что «чем дольше существуют блоки, тем дольше продолжает существовать угроза миру, и вот почему Румыния считает, что как НАТО, так и Варшавский пакт должны быть распущены. Эта позиция не направлена против кого-нибудь, а является требованием международной ситуации»⁵¹⁵.

Внутриблоковый конфликт, в котором оказались задействованы практически все государства-члены Варшавского пакта, был способен серьезно ослабить оборонные возможности возглавляемого Москвой альянса. Именно поэтому Кремль предпринял усилия, включая политический нажим на отдельных своих союзников – Польшу, Венгрию, Чехословакию и ГДР, с тем, чтобы не допустить разрастания кризиса. Советское руководство инициировало проведение совещания министров иностранных дел стран-членов ОВД. Во второй половине января 1967 г. глава советского МИДа А. А. Громыко и первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К. В. Русаков направили специальные записки в Политбюро ЦК КПСС относительно необходимости этой встречи⁵¹⁶. Она состоялась в Варшаве 8-10 февраля 1967 г., и на ней было принято два решения. Первое из них касалось координации действий по вопросу признания ГДР на международной арене. Второе имело непосредственное отношение к оборонной политике и предусматривало исключение США из числа европейских участников системы безопасности, а также ограничение ФРГ в решении этих проблем. Фактически это было повторено на меж-

⁵¹⁰ Центральный ежедневный орган ЦК АПТ газета «Зери и популлит» опубликовала специальную редакционную статью под громким названием: «Единственный путь защитить Германскую Демократическую Республику и границы по Одер-Нейсе». (Vetëm kështu mbrohen Republika Demokratike Gjermane dhe kufijtë Oder-Najse// Zëri i Popullit, 8.2.1967).

⁵¹¹ В анализе вышеупомянутой публикации это предположение занимает особое место: Iz Zeri i Popullit Attacks Rumania and Walter Ulbricht. 10.2.1967. P. 2. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 25-3-100. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/25-3-100.pdf>

⁵¹² Antic Z. Yugoslav-German Relations to be Normalized? 19.1.1967. Radio Free Europe. Box-Folder-Report 77-1-315. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/77-1-315.pdf>

⁵¹³ Публикация в загребской газете Vjesnik (12.2.1967) по: Stankovic S. Yugoslav Paper Discusses Differences in Warsaw Pact over Rumanian Moves. 23.2.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report. 50-6-246. P. 1. —<http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-6-246.pdf>

⁵¹⁴ 154. Telegram From the Embassy in Romania to the Department of State. Bucharest, January 23, 1967//Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. P. 420.

⁵¹⁵ 155. Airgram From the Embassy in Romania to the Department of State. Bucharest, February 3, 1967. SUBJECT. Meeting with Secretary General of the Romanian Communist Party, Nicolae Ceausescu: Romanian Policy and Bilateral Relations With U.S.// Ibid. P. 424.

⁵¹⁶ См.: Материалы к постановлению Политбюро № П 29/V «О совещании министров иностранных дел стран-участниц Варшавского договора»; записка А. Громыко, К. Русакова от 19/20 января 1967г.; копия записки А. Громыко, К. Русакова от 19/20 января 1967 г., список присутствовавших на заседании Политбюро 21 января 1967 Г./РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 346. Л. 5, 94-95, 97-101, 107-112.

дународной конференции компартий, состоявшейся в Карловых Варах 24-26 апреля 1967, но без участия румынских и югославских представителей⁵¹⁷. Со своей стороны Бухарест не отказывался от проведения активной внешней политики в рамках Варшавского блока и налаживания отношений по военной линии с другими восточноевропейскими государствами, позиции которых на определенных этапах не совпадали с румынскими.

Однако в наиболее сложной в оборонном отношении ситуации из всех коммунистических балканских государств оказалась Албания. Это остро воспринималось её руководством. Находившаяся в различной степени конфронтации как с большинством государств-членов Варшавского блока, так и с лидером Движения неприсоединения – коммунистической Югославией; продолжавшая сохранять состояние войны с соседней Грецией, Албания была исключительно заинтересована в усилении политических, экономических и военных связей со своим единственным союзником – КНР. Однако проходившая в Китае «культурная революция» воспринималась Тираной с опасением как проявление хаоса, способного ослабить в политическом и военном отношении её союзника. Череда визитов высокопоставленных чиновников АПТ – министра обороны Б. Балуку, члена Политбюро Х. Капо и министра иностранных дел Б. Штюдла в январе – феврале 1967 г. в Пекин, их встречи с руководством КПК свидетельствовали об обеспокоенности руководителей АПТ, стремившихся выяснить внутривнутриполитическую ситуацию в Китае, что сразу и достаточно точно отметили иностранные аналитики⁵¹⁸.

Для албанского руководства, рассматривавшего положение страны как окруженной со всех сторон враждебными государствами и постепенно переходившего к идеологически мотивированной концепции «осажденной крепости», характеристика военно-политической ситуации в балкано-средиземноморском регионе в начале 1967 г. приобретала достаточно своеобразное звучание. Этим пытался воспользоваться Кремль, что понимал и глава АПТ Э. Ходжа. Он, в частности, отмечал в своём «Политическом дневнике»: «Московское радио в одной из своих передач две недели назад, если я не ошибаюсь, прибегая к шантажу, попыталось напугать нас. Касаясь “Общей европейской безопасности”, оно говорило, что “Албании угрожает НАТО, у которого имеются базы в Италии и в Греции” и что “флот Соединенных Штатов Америки находится в движении в Средиземноморье, особенно теперь, после того, как Соединенные Штаты Америки изменили свою тактику и свое отношение к Китаю”, и т. д. Иными словами, советские ревизионисты хотят сказать нам, что Китай уже “не может защищать вас, поэтому примите нашу защиту”»⁵¹⁹.

Оборонная составляющая в общеполитической повестке дня коммунистических стран-членов ОВД занимала одно из важных мест, и, прежде всего, это относилось к СССР. Во многом такая ситуация обуславливалась не только сохранившимся, но и усилившимся влиянием так называемого военного истеблишмента на выработку и принятие политических решений⁵²⁰. Быстрое назначение 12 апреля 1967 г. главнокомандующего объединенными силами ОВД маршала А. Гречко на освободившийся после смерти 31 марта маршала Р. Малиновского пост министра обороны СССР, свидетельствовало о важной роли ОВД в расчётах кремлёвского

⁵¹⁷ Подробнее в: Document No. 42: Transcript of Gathering of Warsaw Pact Leaders in Karlovy Vary, April 25, 1967// A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955-1991. Ed. by Mastny V, Byrne M., Klotzbach M. Budapest, 2005.

⁵¹⁸ См., например: Iz Balluku's Surprise Departure For Communist China. 10.1.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 11-4-192. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/11-4-192.pdf>; Iz Hysni Kapo's Surprise visit to China. 10.2.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 2-5-111. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-5-111.pdf>

⁵¹⁹ Понедельник, 20 февраля 1967. Советские ревизионисты пытаются напугать нас// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из Политического дневника. Тирана, 1986. С. 194.

⁵²⁰ Мнение американского аналитика-специалиста по стратегическим оценкам Ф. Ирматта (Fritz W. Ermarth), изложенное в его лекции, подготовленной для семинара в Лондонской школе экономики под руководством британского специалиста по СССР Л. Шапиро и называвшейся «Советская военная политика при Брежневе и Косыгине»: Ermarth F. Soviet Military Politics under Brezhnev And Kosygin. 16.5.1967. Radio Free Europe research. Box-Folder-Report 63-4-125. P. 1. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-4-125.pdf>

руководства. Подтверждением этого стало назначение в июле 1967 г. на должность Главнокомандующего силами Варшавского пакта первого заместителя министра обороны генерала армии И. И. Якубовского, получившего звание маршала в день назначения Гречко на министерский пост.

§10. «Геостратегическая периферия» между Южным флангом НАТО и Юго-Западным ТВД ОВД

Весной 1967 г. оборонная составляющая во внешнеполитической деятельности двух балканских членов Варшавского пакта – Болгарии и Румынии – нашла более явственное проявление, чем ранее. Оценка Софией потенциальных угроз для болгарского коммунистического режима и в целом Восточного блока заключалась в констатации того, что «усилилась разведывательная и подрывная деятельность» зарубежных спецслужб, в то время как правительства Западных государств, по мнению болгарской стороны, «проводили в отношении Восточной Европы политику, направленную на ликвидацию социалистического строя вооруженным путём». В этой связи отмечалось, что в новых условиях они преследуют цель «компрометировать сотрудничество между социалистическими странами, ликвидации их единства, сокращения роли и влияния Советского Союза»⁵²¹. К числу основных противников Софии помимо стран-членов НАТО были добавлены КНР и коммунистическая Албания⁵²². В то же время отмечалось, что «разведывательные органы КДС обладают возможностью своими средствами оказать влияние на общественное мнение некоторых стран, представляющих особый интерес для НР Болгарии в выгодном для нас и прогрессивных сил в этих странах направлении»⁵²³. Столь однозначно жёсткая позиция болгарского руководства по вопросам взаимоотношений как с государствами Запада, так и с теми странами, которые не входили в военно-политические блоки, но относились к числу коммунистических, контрастировала с точкой зрения руководства соседней Румынии на проблемы безопасности и международных отношений.

Однако, несмотря на это, румынская сторона не отказывалась от сотрудничества с болгарской по вопросам, относившимся к отслеживанию внешнеполитических шагов и оборонных мероприятий стран-членов НАТО из числа Балканских государств. Активность Болгарии и Румынии по добыче развединформации в регионе и её реализации свидетельствовала об исключительной заинтересованности Софии и Бухареста в максимально возможном определении вероятных угроз в области обороны для коммунистических режимов двух стран и блока в целом. На протяжении первых трёх месяцев 1967 г. румынская разведка в соответствии с существовавшей договоренностью об обмене развединформацией в рамках Варшавского пакта передала болгарским коллегам материалы по Греции и Турции. Помимо этого она предоставила разведданные по Ближнему Востоку, среди которых были справки «Обзор группы экспертов НАТО о действиях Греции в случае нападения со стороны Болгарии», «Положение о снабжении и учете материального имущества во время войны», «Внешняя торговля Турции», «О подготовке США и Англией переворота в Сирии», «Организация встреч между членами парламентов стран-участниц НАТО и социалистических стран», «Предстоящие маневры НАТО на Балканах и в других районах Европы», «Сессия Совета НАТО в Люксембурге». В свою очередь, болгарская разведка направила в апреле 1967 г. румынским контрагентам материалы о внутривосточном и экономическом положении Турции, её внешней политике на Ближнем Востоке и в Европе, а также установочные данные на военных и политических деятелей Турции, среди которых были премьер-министр С. Демирель, президент Дж. Сунай, начальник Генштаба генерал Дж. Турал и др.⁵²⁴

⁵²¹ Пленум на Централния Комитет на Българската Комунистическа партия. 23.3.1967. С. 2-4// Cold War International History Project. Digital Archive. – http://www.wilsoncenter.org/topics/va2/docs/17_670323bg.pdf

⁵²² Там же. С. 9.

⁵²³ Там же. С. 31.

⁵²⁴ Письмо председателя КГБ НРБ А. Солакова председателю Совета госбезопасности СРР Й. Стэнэску. 20.4.1967. С. 1, 2// НАТО на Балканите.

Руководство Румынии стремилось оказать влияние на болгарскую сторону в вопросах, относившихся к общеклассовой позиции Варшавского пакта. В апреле 1967 г. Н. Чаушеску пытался убедить находившегося с визитом в Бухаресте Т. Живкова в необходимости установления взаимоотношений с ФРГ, отказе от предварительных условий по германскому вопросу, а также ликвидации иностранных военных баз в Европе, что было обусловлено, как он заявлял, не стремлением создать угрозу в отношении СССР, а нацелено на «ослабление американского влияния в Европе». Однако позиция Живкова осталась неизменной и основывалась на принципе признания равенства двух германских государств в системе международных отношений, а также необходимости сохранения советского военного присутствия в Восточной Европе⁵²⁵. Усиление советско-болгарского сотрудничества в данной связи становилось одним из важных элементов политики болгарского руководства. Поэтому визит Л. И. Брежнева в Софию 10-13 мая 1967 г. и заключение договоров по экономическим и военно-техническим проблемам имел принципиальное значение для Т. Живкова, рассчитывавшего использовать складывающуюся ситуацию для укрепления своих позиций в региональной политике.

В соответствии с предположениями американских аналитиков, достаточно точно определявших весной 1967 г. так называемые программы «максимум» и «минимум» советской внешней политики в оборонной области на международном уровне, Москва стремилась использовать складывавшуюся ситуацию, чтобы сорвать подписание в 1969 г. договора о пролонгации НАТО или, в крайнем случае, «выхолостить новый договор», используя разногласия между партнерами по Североатлантическому альянсу⁵²⁶. В свою очередь, Комитет военного планирования НАТО принял 9 мая 1967 г. новые «Наставления для военного руководства НАТО». Они были оформлены 11 мая на заседании министров в Комитете военного планирования альянса как решение. В нём заявлялось, что «вся концепция НАТО должна быть пересмотрена с тем, чтобы позволить НАТО действовать с большей гибкостью и дать задействовать одну или несколько форм непосредственной защиты в виде сознательного наращивания (обычных – Ар. У.) сил или общего ядерного ответа, для противодействия противнику (с помощью создания – Ар. У.) реальной угрозы наращивания сил в ответ на любую агрессию, находящуюся ниже порога общего ядерного нападения»⁵²⁷. Для балкано-средиземноморского сектора Юго-Западного ТВД Варшавского пакта это решение имело своё проявление в следующем. Ещё при провозглашении администрацией Дж. Кеннеди в 1961 г. доктрины «гибкого реагирования» Турция крайне резко восприняла отход от прежней стратегии Североатлантического альянса, заключавшейся в нанесении ответного массированного ядерного удара в случае нападения Варшавского пакта. Анкара рассматривала новый подход как возможное согласие НАТО на то, чтобы «пожертвовать турецкой территорией с целью выиграть время во время конфликта сверхдержав». Однако в 1967 г. Турция, как и ряд других стран-участниц альянса, согласилась на признание этой доктрины⁵²⁸, так как становилась ясной усиливавшаяся роль каждого из существующих ТВД и их взаимосвязанность в случае межблокового военного конфликта. В сложившихся условиях опасения по поводу возможной территориальной «жертвы» для Турции уже не существовали. В определенной степени на решение Анкары повлияло и её желание не обострять отношений с США и НАТО в интересах получения поддержки по кипрскому вопросу.

На фоне происходившего в балканском секторе ОВД внутриблокового конфликта американские эксперты из разведывательного сообщества особое внимание уделяли коммунисти-

⁵²⁵ Grozev K., Baev J. Bulgaria, Balkan Diplomacy and the Road to Helsinki// Helsinki 1975 and the transformation of Europe. Ed. by Bange O., Niedhart G. New York, 2008. P. 163.

⁵²⁶ г.г. Soviet Foreign Policy – 1966-67. Radio Free Europe Research 16-5-1967. Box-Folder-Report 63-4-166. P. 2. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-4-166.pdf>

⁵²⁷ NATO Strategy Documents. 1949-1969. Ed. by Pedlow G. Brussels, 1998. P. XXIV.

⁵²⁸ Hale W. Turkish foreign policy, 1774-2000. London, 2000. P. 146.

ческой Югославии и отмечали, что «основной целью внешней политики Тито было сохранение независимости Югославии любой ценой, выступая примером неприсоединившегося социалистического государства в глазах мира, и получение экономических преимуществ в отношениях как с Востоком, так и с Западом... Югославия проявляла активность в деле улучшения отношений со своими непосредственными соседями как на Востоке, так и на Западе. Частично это было обусловлено возможностями, которые предоставляет сокращение напряженности в Европе, частично это представляет собой оборонительный барьер против любых будущих попыток доминирования»⁵²⁹. Выводы американских аналитиков касались общего вектора оборонной политики Белграда, который оценивал ситуацию в несколько ином виде. В мае 1967 г. И. Броз Тито рассматривал общую международную ситуацию как «ухудшившуюся, по сравнению с тем, что было два года назад». Более того, по его мнению, существовала реальная угроза со стороны Греции в отношении Югославии и Албании. В последнем случае глава югославского режима считал, что Югославия не может «оставаться равнодушной к любым угрозам в отношении Албании»⁵³⁰.

Весной 1967 г. югославское руководство предприняло меры, направленные на модернизацию существовавшего режима. Данные шаги заключались в принятии поправок к Конституции СФРЮ, в соответствии с которыми усиливалась роль Палаты Национальностей, представлявшей интересы союзных республик и автономных национально-региональных образований, а также ликвидировались посты вице-президента республики и заместителя главнокомандующего. Это рассматривалось местными и зарубежными обозревателями как движение в сторону децентрализации⁵³¹ политической жизни и военного управления. Аналогичная реформа начала проходить и в органах Службы государственной безопасности (СДБ), переподчинявшейся региональным властям.

Усиление военно-командных структур на республиканском уровне объективно вело к укреплению национально-территориального принципа формирования вооруженных сил Югославии и могло на определенном этапе серьезно повлиять на обороноспособность страны. Данный подход к решению проблемы единоначалия и поддержания системы военно-командной структуры в рамках союзного государства вызывал серьезную озабоченность у военного истеблишмента СФРЮ. Дискуссия по этой проблеме началась ещё в конце 1966 – начале 1967 г., когда было озвучено решение Белграда о создании двух параллельных военных структур – так называемых вооруженных сил оперативного назначения с подчинением их федеральному центру и территориальных вооруженных сил под непосредственным командованием республиканских властей. Одной из важных причин проведения реформы было стремление сократить расходы на оборону в условиях начавшегося в стране экономического кризиса. Планировавшиеся изменения предполагали сокращение численности офицерского корпуса, а также предусматривали замораживание заработной платы кадровых офицеров. Одновременно республиканские власти стремились усилить свои позиции в отношении федерального центра и попытались с помощью перевода под своё командование территориальных воинских формирований добиться этого. Серьезные изменения предусматривалось внести в военную доктрину СФРЮ, основой которой становился принцип общенародной войны, т. е. делался упор на ведение обо-

⁵²⁹ 183. National Intelligence Estimate. NIE 15-67. Washington, April 13, 1967//Foreign Relations of the United States. 1964-1968 Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. R 494, 495.

⁵³⁰ Report on the talks of Josif Tito with UAR Ambassador Abuzeid in Vanga. Notes About the talks of the President of the Republic with the Ambassador of the UAR Abuzeid in Vanga, May 30th 1967. General Secretary of the President of the Republic Comrade Vladimir Popovic was present. 30.5.1967// Cold War International History Project. Digital Archive. – http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=HOME.document&identifier=CBA81C67-E795-6523-DC649E8821C203BE&sort=Coverage&item=Yugoslavia

⁵³¹ Antic Z. Ameniments to the Yugoslav Constitution Strengthen the Rights of Republics and National Minorities. 20.4.1967. Radio Free Europe Research. P. 1. Box-Folder-Report 77-1-101. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/77-1-101.pdf>

ронительных боевых действий, носящих характер партизанского сопротивления со стороны способных действовать самостоятельно воинских подразделений. В их задачу входило остановить противника до прихода помощи возможных союзников с Запада или Востока (в зависимости от того, кто выступал в роли агрессора)⁵³². Произошедшая кадровая замена весной – летом 1967 г. министра обороны генерала армии И. Гошняка на генерала армии Н. Любича и начальника Генерального штаба ЮНА генерал-лейтенанта Р. Хамовича на генерал-лейтенанта М. Шумонью, несмотря на попытки ряда экспертов найти некую идейно-политическую причину произошедшего, в действительности, не имела таковой и была связана с обычной ротацией высшего командного состава.

Имея в виду происходившие изменения в оборонной политике Югославии, большинство экспертов и наблюдателей внимательно следили за происходившими изменениями во внешней и оборонной политике члена ОВД – Румынии, подчеркивавшей верность своего курса на сохранение высокой степени суверенитета и независимости в рамках Варшавского пакта. Руководство Румынии активизировало весной 1967 г. отношения с Польшей. 9 апреля румынская делегация во главе с министром промышленности М. Маринеску подписала договор с польской стороной о сотрудничестве в области машиностроения, а 11-20 мая 1967 г. в Варшаве находилась военная делегация Румынии во главе с министром обороны генералом И. Ионичей. Однако для зарубежных аналитиков становилось ясно, что в складывавшейся ситуации Москва, всё более болезненно относившаяся к усиливавшейся самостоятельности Бухареста, могла постараться использовать существующие противоречия между Румынией и рядом стран Восточной Европы с целью её изоляции в Варшавском блоке⁵³³. Одной из первых пропагандистских попыток оказания давления на Бухарест стало обращение Кремля к темам национальной румынской истории в XX в. и, в частности, к проблеме существования Бессарабии в рамках румынского государства. Это рассматривалось советскими пропагандистами как «незаконная передача Королевству Румыния в 1918 г.» территории Бессарабии. Целью актуализации советской стороной «бессарабской проблемы» было противодействие румынской интерпретации национальной истории⁵³⁴, которая использовалась румынскими коммунистическими властями как элемент идеологической мобилизации общественного мнения.

В отличие от советского и восточноевропейского направлений, на балканском у румынской стороны были определенные преимущества. Это объяснялось тем, что её отношения с соседними Болгарией и Югославией свидетельствовали о стабильных позициях Бухареста в региональной политике. По мнению зарубежных экспертов, «для Румынии возможное создание Балканского союза, даже и на неформальной основе, было бы дальнейшим укреплением её независимости в регионе, где находятся её непосредственные интересы»⁵³⁵.

Достаточно симптоматичной становилась кадровая политика румынского руководства в военной сфере. В июне 1967 г. по личной инициативе Н. Чаушеску была проведена чистка офицерского корпуса от тех, кто проходил ранее подготовку в советских военных учебных заведениях и был каким-либо образом связан с СССР, включая наличие близких и дальних

⁵³² См., например, анализ проводившихся мероприятий в области обороны СФРЮ в: *Antic Z.* Position of the Army in Yugoslavia to be Changed Radically. 10.1.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 77-1-353. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/77-1-353.pdf>

⁵³³ *Brown J.* Rumania's Situation and Prospects. 10.4.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 50-6-205. P. 17. – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-6-205.pdf>. Американский исследователь, бывший сотрудник RAND, а также советник румынского правительства по вопросам безопасности Л. Уоттс, ссылаясь на полученные им, вероятно, от румынской стороны документы, писал: «...архивы КГБ подтверждают, что в 1967 г. Москва предпринимала "активные мероприятия" в целях международной изоляции Румынии и внесения внутреннего раскола». – *Watts L.* Războiul clandestin dintre Tratatul de la Varșovia și România. Dosare ultrasecrete// Ziua, 11.10.2008.

⁵³⁴ P.T.O. Moscow Claims «Bessarabia was Illegally Attached to Rumania». 28.7.1967. Radio free Europe research. Box-Folder-Report 50-6-138. P. 1 – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-6-138.pdf>

⁵³⁵ *Brown J.* Rumania's Situation and Prospects. 10.4.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 50-6-205. P. 18. – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf/50-6-205.pdf>

родственников. На своих должностях остались лишь те из военнослужащих – представителей офицерского корпуса и генералитета, кто не вызывали сомнений в лояльности. Одновременно глава РКП принял меры, направленные на усиление позиций органов госбезопасности. Они ориентировались на выявление и пресечение внутренних и внешних угроз коммунистическому режиму. Активизация разведывательной деятельности румынских спецслужб требовала определенных системных изменений в их организации. 22 июля 1967 г. специальным указом № 710 было создано Управление Государственной безопасности (DSS), возглавляемое Советом Государственной безопасности в структуре МВД, но на особых правах, во главе с председателем в ранге министра и первого заместителя главы МВД СРР. Эти изменения серьезно повлияли в организационном и политическом отношении на формирование новой системы безопасности и оборонной политики Румынии. В сентябре 1967 г. были проведены очередные изменения в структуре органов госбезопасности. Их организация после слияния Первого (внутренняя безопасность) и Второго (экономическая контрразведка) Управлений в Главное Управление внутренней разведки (DGII) и объединения Третьего (контрразведка) и Четвертого (военная контрразведка) Управлений в Главное Управление контрразведки (DGC) получила законченную форму⁵³⁶. Происходило явное усиление тех служб, которые отвечали за внутривластную ситуацию в стране. Было положено начало новой системе организации органов госбезопасности, когда 4 апреля 1968 г. Совет Государственной безопасности был отделен от Министерства внутренних дел. Это параллельное сосуществование двух институтов продолжилось до 9 апреля 1972 г., когда СГБ оказался вновь объединен с МВД⁵³⁷.

Укрепление Варшавского пакта и проводившиеся государствами-членами ОВД оборонные мероприятия вызывали опасения в среде военного руководства НАТО в связи с возможным наращиванием сил и средств блока. Комментарии, подготовленные в американском командовании сухопутных сил, ВМС и ВВС, свидетельствовали о высокой степени обеспокоенности в их руководстве возможными преимуществами СССР и Варшавского пакта в ряде вооружений (авиация и ВМФ) над США и НАТО, а также недостаточным вниманием, оказываемым обычными неядерными силами сдерживания как США, так и Североатлантического альянса. В этой связи в рекомендательной части записок, представленных командованием сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил по результатам анализа Проекта президентского меморандума, высказывалось предложение усилить данное направление оборонной политики США и НАТО⁵³⁸. Оценка американскими экспертами перспектив развития советской оборонной политики

во второй половине июля 1967 г. заключалась в том, что «на протяжении последних лет не произошло серьезных изменений в основных тенденциях советской военной политики, которая продолжает делать главный акцент на стратегические вооружения. Расходы на оборону увеличились, сопровождаясь широкомасштабным размещением стратегических ракет, как наступательных, так и оборонительных, и продолжено проведение исследований, а также разработок новых систем стратегического оружия»⁵³⁹. Особое внимание в этом контексте уделялось оборонной политике стран-членов Варшавского пакта и их политическим позициям в рамках ОВД. Характерной чертой являлось усиление тенденций самостоятельности восточно-европейских режимов, проходившее на фоне того, как «СССР значительно усилил их военные

⁵³⁶ Deletant D. Ceaușescu and Secirutate P. 74.

⁵³⁷ Подробнее также в: Oprea M. Banalitatea răului. O istorie a Securității în documente, 1949–1989. București, 2002.

⁵³⁸ Comments by the US Joint Chiefs of Staff, Army, Navy, and Air Force on the draft presidential memorandum on NATO strategy and force structure. 7, 9.6.1967// Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en &id=18768&navinfo=14968>

⁵³⁹ Main Trends In Soviet Military Policy. NIE 11-4-67. 20.7.1967. P. 1. – [http://www.faq.s.org/cia/docs/70/0000267917/MAIN-TRENDS-IN-S O VIET-MILITARY-POLICY-\(NIE-11 -4-67\).html#ixzzOXxsj ReDM](http://www.faq.s.org/cia/docs/70/0000267917/MAIN-TRENDS-IN-S O VIET-MILITARY-POLICY-(NIE-11 -4-67).html#ixzzOXxsj ReDM)

возможности»⁵⁴⁰. К середине июля 1967 г. стало ясно, что Москва была вынуждена считаться со складывавшейся в Восточном блоке и Варшавском пакте ситуацией и «приближать свои политические цели к реальности». В военно-стратегическом отношении выявилось стремление Кремля делать основной акцент на так называемый северный пояс, состоявший из Польши, ГДР и Чехословакии, «интересы которых из-за их географического расположения и общих опасений в отношении Западной Германии более всего совпадали с интересами СССР»⁵⁴¹.

Одним из важных аспектов проблемы обороноспособности Варшавского пакта являлось советское участие в военно-техническом оснащении своих союзников по блоку. Начавшиеся проявляться к 1965 г. тенденции в этой области, достаточно чувствительной для Москвы и её союзников с точки зрения секретности, были замечены американской разведкой, использовавшей различные источники и каналы поступления информации. Характерной чертой происходившего аналитики из американского разведывательного сообщества считали сокращение военных поставок из СССР в государства Восточной Европы, включая и двух балканских членов ОВД – Болгарию и Румынию. В соответствии с оценкой аналитиков ЦРУ⁵⁴², «в 1967 г. поставки советского тяжёлого вооружения в восточноевропейские страны достигали от 400 до 500 млн долларов США⁵⁴³, что составляло примерно три четвертых от объемов 1964 г. Вероятных причин этого сокращения две. Во-первых, оснащение восточноевропейских сил современным оружием, начатое в 1959 г., было, вероятно, закончено к 1964 г. Во-вторых, производство в Восточной Европе сейчас удовлетворяет более широкий спектр потребностей региона в большинстве типов вооружений»⁵⁴⁴. Применительно к балканским союзникам СССР по Варшавскому пакту, а также Югославии выяснялось, что последняя, не являясь членом блока, закупила советских вооружений больше, чем Болгария и Румыния⁵⁴⁵. Подобная диспропорция была, помимо всего прочего, связана со стремлением Москвы усилить зависимость Белграда в оборонной и внешнеполитической областях от СССР.

Одним из элементов оборонной политики Варшавского пакта, формулировавшейся преимущественно СССР, стало расширение его присутствия в акватории Средиземного моря, что было обусловлено заинтересованностью Кремля в ближневосточных делах. Ведущую роль на

⁵⁴⁰ Main Trends In Soviet Military Policy. NIE 11-4-67. 20.7.1967. P. 11. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000267917/DOC_0000267917.pdf

⁵⁴¹ Ibid. P. 11.

⁵⁴² При всём несовершенстве методик подсчёта военных расходов коммунистических стран и СССР в частности, предпринимавшегося разведывательными организациями США, они тем не менее отражали основные направления в развитии советского ВПК и его торгово-экономические связи за рубежом, включая государства Восточной Европы, а также страны так называемого третьего мира. О критике оценок ЦРУ американскими исследователями в: *Burton D. Estimating Soviet Defense Spending//Problems of Communism*. 1983. March-April; *Rosefelde S. False science, underestimating the Soviet arms buildup: an appraisal of the CIA's direct costing effort, 1960–80*. New Brunswick, 1982. Одной из причин возникавших коллизий в подсчётах советских военных расходов, объемов военно-технических поставок за рубеж и даже в целом стратегических планов Кремля являлось использование Москвой как гражданских областей экономики и промышленности в военных целях, так и «стратегической маскировки». См. подробнее: *Soviet strategic deception*. Ed by Dailey B., Parker P. Stanford, Lexington. 1987. О наличии специальной структуры в составе Министерства обороны СССР, занимавшейся военно-техническими аспектами этой проблемы, – Главном Управлении Стратегической Маскировки см. воспоминания бывшего сотрудника ГУСМ: Полковник Советской Армии Соколов: «Я болею за Саддама». 22.3.2003//Интернет-газета «NewsLab.ru» – <http://www.newslab.ru/news/11194>. В открытой отечественной печати о специализации данного управления писали журналисты, отмечавшие, что одним из направлений его деятельности было распространение дезинформации по оборонным вопросам: «В 1970-х годах в СССР при Генштабе была создана структура под официальным названием ГТК (Государственный технический комитет) и засекреченным – ГУ СМ (Главное управление стратегической маскировки). В числе прочих там трудились специальные люди, распускавшие слухи о продукции того или иного завода». – *Латынина Ю.* Взгляд на вещи//Коммерсант, 26.1.2006.

⁵⁴³ В дальнейшем, по тексту цитируемого документа его авторы уточнили объем советских поставок, который они определили для 1967 г.: от 410 млн долларов США до 512 млн долларов США. – *Intelligence Memorandum. Soviet Exports of Military Hardware to Eastern Europe*. Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. July 1969. P. 4. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000232638

⁵⁴⁴ Ibid. P. 1.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 5.

средиземноморском направлении играли советские ВМС. ВМФ СССР наращивал свои силы в этом регионе с перспективой создания военно-морского соединения масштаба эскадры в составе советского Черноморского флота. Это обстоятельство привлекало внимание и Северо-атлантического альянса⁵⁴⁶. Еще летом 1967 г. аналитики Министерства обороны США, оценивая советские намерения на Ближнем Востоке, в районах Северной Африки и Африканского Рога отмечали: «В рассматриваемом регионе Советский Союз ставит своей задачей осуществление косвенного удара по Европе с использованием всех средств, с тем, чтобы ликвидировать влияние Запада, в основном США, подорвать НАТО, СЕНТО и двусторонние связи Запада с регионом, затрагивающим вопросы безопасности, и получить соответствующие позиции с целью осуществления собственного политического, военного и экономического влияния»⁵⁴⁷. Оценка американской стороной взглядов их европейских союзников на образ действий и планы СССР излагалась представителями разведывательного сообщества США в конце 1967 г. следующим образом: «В целом европейцы полагают, что советское нападение на Западную Европу едва ли возможно»⁵⁴⁸.

Расширение оперативного горизонта советских ВМС сопровождалось активным развитием океанических направлений в регионах Атлантики и Тихого океана. На протяжении 1964-1973 гг. время дней пребывания в океанических бассейнах кораблей ВМФ СССР увеличилось с 4 тыс. до 50 тыс.⁵⁴⁹ Средиземноморье становилось с точки зрения Москвы одним из важнейших в стратегическом отношении театром военно-морских действий, объединявшим регионы Южной Европы, Балкан, Ближнего Востока и Северной Африки в единый транспортно-коммуникационный узел и одновременно рассматривалось как источник углеводородов мирового значения. К началу лета 1967 г. действия советских ВМФ в Средиземноморье оценивались американскими военными аналитиками с учётом не только боевых, но и коммуникационных возможностей. В этой связи они отмечали, что «участие СССР в развитии портов и судоверфей, а также сухих доков в рассматриваемом районе сконцентрировано в основном на судоверфях Александрии (Египет) и строительстве, а также расширении портовых сооружений Берберы (Республика Сомали) и Ходейды (Йемен). Сооружения в этих стратегических пунктах могут быть использованы для дозаправки, снабжения продуктами питания и ремонта советских военных и торговых судов...»⁵⁵⁰ Советская политика в средиземноморском регионе предусматривала оказание военной и экономической помощи государствам, образовавшимся после крушения колониального господства Великобритании и Франции и падения монархических режимов. В идеологическом отношении она базировалась на антизападной пропаганде. По оценкам американских аналитиков к лету 1967 г. советское военно-морское присутствие

⁵⁴⁶ Spencer R. Alliance Perceptions of the Soviet Threat, 1950-1988// The Changing Western Analysis of the Soviet Threat. Ed. by Schweitzer Carl-Christoph. London, 1990.

⁵⁴⁷ Ближний Восток, Северная Африка и Африканский Рог: рекомендуемая американская стратегия. Доклад, подготовленный специальной группой анализа Министерства обороны США (б/д, не позднее 17.7.1967) – Foreign Relations of the United States, 1964-1968. Near East Region; Arabian Peninsula. Washington, 2000. Vol. XXI. Document N 22; Dunn K. Soviet Perceptions of NATO. Carlisle Barracks. U.S. Army War College, 1978.

⁵⁴⁸ Памятная записка. 1.12.1967. Philip J. Farley, Bureau of Politico-Military Affairs, to Deputy Under Secretary of State for Political Affairs Foy Kohler . (n. d.), with attachment Differences on MC 14/3 reflect divergent views over escalation and duration of political warning of hostilities. Parallel History Project on NATO and the Warsaw Pact. P. All Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.isn.ethz.ch/php/nbb42.pdf>.

⁵⁴⁹ Освещение вопросов военно-морской политики СССР в годы холодной войны в зарубежной, прежде всего американской, историографии дано в: Киличенков А. Советское военно-морское присутствие в период «холодной войны» в оценках зарубежных исследователей//Военно-исторический журнал. 2008, № 1; он же. «Холодная война» в океане: советская военно-морская деятельность 1945-1991 гг. в зеркале зарубежной историографии. М., 2009.

⁵⁵⁰ ORR Project N S-2334. Soviet Involvement with the Development of Ports on the Mediterranean and Red Seas, the Persian Gulf, Indian Ocean and Contiguous Waters. 1.6.1967. P. 2. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000474627

в регионе Средиземного моря «как по его нынешнему размеру, так и возможностям, не представляет серьезной угрозы военным-морским силам США или НАТО»⁵⁵¹.

Часть экспертов полагала, что «главной целью советского военного морского присутствия является менее всего военный, но более всего – политико-психологический (компонент – Ар. У.): заявить о том, что Средиземное море не является “американским озером”. В случае общего конфликта, разумеется, эти силы попытаются напасть на американские авианосцы»⁵⁵². В то же время американские аналитики высказывали нередко во многом поверхностные оценки того, какие цели преследовал Кремль в Средиземном море в перспективе. В частности, они заявляли о том, что не верят в то, что «Советы преследуют цель добиться для себя военных позиций или возможностей в этом регионе, который был бы важным в связи с общей войной. Прими они, в конце концов, политику вовлечения в ограниченные конфликты в этом регионе, они были бы должны обеспечить себе возможности, которыми сейчас не располагают и, вероятно, стремиться создать соответствующую инфраструктуру для ВВС и ВМС в некоторых пунктах самого Средиземноморского бассейна»⁵⁵³. Другая часть экспертов рассматривала перспективу усиления советских позиций в Средиземноморье как вполне вероятную. В связи с чем они отмечали превращение бассейна Средиземного моря в предмет особого интереса политики Москвы⁵⁵⁴ и возможность вовлечения СССР в ограниченные локальные военные конфликты⁵⁵⁵. Открытые советские публикации о роли и месте ограниченных конфликтов в советской военной доктрине давали основания считать, что Москва ведёт подготовку своих вооруженных сил и в этом направлении, хотя и без уточнения «доктрины гибкой реакции»⁵⁵⁶.

Примечательным фактом стало появление осенью 1967 г. в открытой советской печати материалов, авторы которых – министр обороны А. Гречко, генерал-майор В. Земсков и др. – достаточно активно обсуждали необходимость тесного объединения политической и военной составляющей при формировании высших командных структур. Ряд зарубежных экспертов был введен в заблуждение этими публикациями и ошибочно полагал, что в советском партийно-государственном руководстве эта тема приобрела особую значимость применительно к условиям СССР⁵⁵⁷. В действительности, всё обнародовавшееся в печати, судя по всему, было рассчитано на идейно-пропагандистскую подготовку «зарубежной аудитории» – союзников Москвы по Варшавскому пакту и принятия решения, как это стало ясно на встрече 16 ноября 1967 г. в г. Дрездене начальников Генеральных штабов вооруженных сил государств-членов ОВД, о создании единого штаба Объединенного командования ОВД, а также так называемой технической комиссии, как первого шага на этом пути. Бухарест, как и прежде, выступил против этой инициативы Москвы. Противодействие румынской стороны советским попыткам усилить контроль Кремля над Варшавским пактом проходило и на уровне официальных заявлений румынского руководства, распространявшихся пропагандистской машиной режима. Одним из наглядных проявлений этого стала сессия Великого Национального Собрания СРР, проходившая 24-26 июля 1967 г. Во время его заседаний постоянно звучал тезис независимости Румынии и необходимости уважения её суверенитета. К декабрю 1967 г. румынская позиция

⁵⁵¹ Ibid. P. 1.

⁵⁵² Soviet Strategy and Intentions in the Mediterranean Basin. NIE 11-6-67. 1.6.1967. P. 1, 2 – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000278476

⁵⁵³ Ibid. P. 2.

⁵⁵⁴ Ibid. P. 10.

⁵⁵⁵ Ibid. P. 12.

⁵⁵⁶ The Evolution of Soviet Doctrine on Limited War. SR IM 67-9. 1.10.1967. P. 1. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000309808

⁵⁵⁷ См.: *Ermarth F.* Grechko Raises Issue of Supreme Military Command. 7.11.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 64-1-114. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/64-1-114.pdf>

стала всё больше беспокоить советское руководство, которое увидело в действиях Н. Чаушеску угрозу не только политическому, но и военному единству Восточного блока.

Расширявшаяся советская пропагандистская кампания в отношении Румынии к концу 1967 г. приобрела законченные формы, и основным тезисом Москвы, постоянно повторявшимся на высшем уровне и в передачах московского радио на румынском языке, было «единство и интернационализм», к которым добавились призывы усилить сотрудничество союзников с СССР. Советско-румынские отношения в декабре 1967 г. начали обостряться ещё по одной причине: руководство Румынии более не желало подписывать Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в том виде, как это было сделано в 1948 г. Оно стремилось подчеркнуть необходимость соблюдения принципа равноправия при составлении этого соглашения. В свою очередь, Москва, уже заключившая новую серию подобных договоров в обновленном виде с другими странами-членами Восточного блока, надеялась применить подобный подход и к отношениям с Бухарестом. Разногласия достигли такого уровня, что заключение данного договора было отложено и состоялось лишь в 1970 г.

Особое значение для формулирования оборонных задач на Юго-Западном ТВД приобрели взаимоотношения СССР с Албанией и Югославией. Характер и перспективы советской политики на этом направлении находились в центре пристального внимания американских экспертов. Военный аспект проблемы с учётом существования Варшавского пакта и интересов Москвы по обеспечению Юго-Западного фланга ОВД оценивался ими крайне скептически: «Существование двух коммунистических стран в Средиземноморье – Албании и Югославии в настоящий момент не имеет большого значения для действий СССР в регионе. Вероятно, однако, изменения в Албании могли бы способствовать восстановлению отношений с СССР и дать возможность Советам возобновить доступ к военно-морским объектам. Политические тенденции в Югославии указывают на то, что Белград продолжит проведение независимой политики, несмотря на перемежающиеся в последние годы попытки улучшить отношения с Москвой. Белград также говорит языком революционного социализма и антиимпериализма и разделяет советские взгляды на многие международные вопросы»⁵⁵⁸. Не менее пессимистично оценивались к началу лета 1967 г. возможности советской объединенной военно-морской эскадры в Средиземноморье как с точки зрения её маневренности, так и наличия сопутствующей береговой инфраструктуры, учитывая дефицит портов базирования⁵⁵⁹.

Однако положение начало резко меняться после Шестидневной арабо-израильской войны 5-10 июня 1967 г. Решение о создании особого военно-морского формирования ВМФ СССР в бассейне Средиземного моря было принято 14 июня 1967 г. приказом главнокомандующего ВМФ № 0195. В этом документе данное подразделение называлось 5-й Средиземноморской эскадрой, впоследствии переименованной в 5-ю оперативную эскадру (5-я ОпЭск), комплектование которой проходило с участием Балтийского, Северного, Черноморского и Тихоокеанского флотов при количественном доминировании надводных плавсредств 30-й дивизии противолодочных кораблей⁵⁶⁰.

Ситуация, складывавшаяся в Средиземноморском регионе к началу лета 1967 г., оценивалась советским партийно-государственным руководством и высшими военными кругами в резко выраженных алармистских тонах. В немалой степени этому способствовали, во-первых, произошедший в Греции 21 апреля 1967 г. военный переворот и переход власти в руки военных, действия которых Москва рассматривала как «американские происки» и «выполнение

⁵⁵⁸ Soviet Strategy and Intentions In the Mediterranean Basin. P. 7, 8.

⁵⁵⁹ Ibid. P. 9.

⁵⁶⁰ Подробнее об этом: *Заборский В. В.* Советская Средиземноморская эскадра//Независимое военное обозрение, 13.10.2006. См. также: *Дубягин 77.* На Средиземноморской эскадре. М., 2006; *Касатонов И.* Сорок лет 30-й дивизии Черноморского флота: через все эпохи и потрясения. М., 2009; *Платонов В.* Воспоминания первого начальника штаба 5-й эскадры ВМФ // Тайфун. 2000. № 3.

плана ЦРУ»⁵⁶¹, и, во-вторых, Шестидневная война (5-10 июня 1967 г.) на Ближнем Востоке. Последнее событие имело важное значение для развития геостратегической обстановки в Средиземноморье и на Балканах в целом. Оно влияло на региональные позиции военно-политических блоков – НАТО и ОВД. За каждой из противостоявших сторон, участвовавших в ближневосточной войне, стояли соответственно Североатлантический альянс во главе с США и Варшавский пакт, возглавлявшийся СССР. 9 июня 1967 г. в Москве проходило срочно созванное совещание руководства Восточного блока, в котором участвовала и Югославия – член Движения неприсоединения. На нём было принято решение о поддержке арабских стран и, в частности, Египта, а также осуждение действий Израиля. На следующий день, 10 июня, все участники совещания, за исключением Румынии, выступившей с особой позицией, и ГДР, которая не имела дипотношений с Израилем, разорвали отношения с этой страной. Присутствовавшие на заседаниях 9-10 июня Н. Чаушеску и премьер-министр Румынии И. Маурер отказались подписать совместную декларацию с осуждением действий Израиля. Примечательным, однако, являлся факт приглашения в МИД Румынии представителей арабских стран, а также США, Франции и Великобритании на специальные беседы. На них румынская сторона делала заявления о необходимости разумного подхода к происходящему, сдержанности и отказа от вмешательства в этот конфликт со стороны членов Евроатлантического сообщества, а также недопущении дальнейшего продвижения войск Израиля⁵⁶².

Вероятность прямого вмешательства СССР и США в конфликт увеличилась после получения 10 июня 1967 г. американским президентом Л. Джонсоном телеграммы советского премьера А. И. Косыгина о недопустимости пересечения израильской армией линии Голанских высот и готовности СССР предпринять военные действия в случае дальнейшего продолжения боевых действий⁵⁶³. Однако, по мнению американских аналитиков, высказанному ими в конце июня 1967 г., «не похоже, чтобы СССР стремился создать военно-морские и другие военные базы в ОАР, Ираке, Сирии и Алжире. Советы будут отказываться от долгосрочной политики, которая станет создавать риск усиления антиколониальных настроений, направленных в арабских странах против них самих и даже враждебную реакцию в Восточной Европе. Более того, они будут вынуждены непосредственно вмешиваться в любую будущую борьбу в регионе, чего бы они хотели избежать»⁵⁶⁴.

⁵⁶¹ Подробнее об этих событиях, а также военно-политическом режиме в Греции в период 1967–1974 гг. см.: Улунян. *Ар. Ошибка полковника Пападопулоса: Крах идеи «сильной руки» и крушение системы «управляемой демократии» в Греции (1967–1974 гг.)*. Москва, 2004; *Καράωφρας Γ. Αλό τον ΙΔΕΑ στο πραξικόπημα της 21ης Απριλίου*. Αθήνα, 1975.

⁵⁶² Об этом сообщил в Софию болгарский посланник в Румынии Богданов. Цит. по: Пленум на Централния Комитет на Българската Комунистическа партия. Стенографски протокол. 14.6.1967. С. 12. – <http://bgrod.by.ru/ds60/DS670614bg.pdf>

⁵⁶³ 243. Message From Premier Kosygin to President Johnson. Moscow, June 10, 1967, 8:48 a.m.// Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Arab-Israeli Crisis and War, 1967. Washington, 2004. V. XIX. P. 409. О роли руководства СССР в инициировании арабо-израильского конфликта см.: *Ginor I. The Cold War's Longest Cover-Up: How And Why The USSR Instigated The 1967 War// Middle East Review of International Affairs (MERIA)*. 2003. V. 7, N 3. September; *Ginor I. The Russians Were Coming: The Soviet Military Threat in the 1967 Six-Day War// Middle East Review of International Affairs (MERIA)*. 2000. V. 4, N 4. December; *Golan G. The Soviet Union and the Outbreak of the June 1967 Six-Day War// Journal of Cold War Studies*. 2006. V. 8, N 1. Winter. Ближневосточный кризис серьезно отразился на ситуации в руководстве советской компартии. Во время пленума ЦК, проходившего 20-21 июня 1967 г. глава московской парторганизации КПСС Н. Г. Егорычев выступил в первый день заседаний с резкой критикой проводившейся оборонной политики. Он заявил о недостаточности предпринимаемых мер, а также о необходимости более требовательно относиться к советским союзникам на Ближнем Востоке с целью не допустить вовлечения СССР в их амбициозные военно-политические планы. Материалы Пленума ЦК КПСС по: РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 57-77. 1967 г. Сам Н. Егорычев позже вспоминал о происходившем в руководстве СССР в момент кризиса на Ближнем Востоке: «Ведь Насер своей неразумной политикой довел дело почти до атомной войны. Во время войны 1967 года в нашем руководстве шли споры: не стоит ли нам непосредственно вмешаться в конфликт. Я как-то звоню Брежневу, он поднимает трубку, а в кабинете идет горячий спор. Косыгин говорит: “Ну что нам там атомную бомбу применять? Еще до этого что ли дойти?!”»// Жирнов Е. «Версию о заговоре придумали в ЦК»// *Власть*, 2.7.2002. № 25(478). Электронная версия: <http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=330040>

⁵⁶⁴ Special Assessments on the Middle East Situation. Soviet Military Bases in the Middle East. CIA Memorandum. 27.6.1967. P. 1. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000234136

Парадокс ситуации заключался в том, что из двух сохранявших активное членство в Варшавском пакте балканских коммунистических государств – Румынии и Болгарии, лишь последняя оказалась единственным лояльным Москве балканским союзником по ОВД в ближневосточном конфликте. Характеристика произошедшего болгарской стороной на срочно созванном 14 июня 1967 г. Пленуме ЦК БКП Т. Живковым отличалась жёсткой тональностью. Глава болгарского коммунистического режима, в частности, заявил: «Мы не знаем, кто и как оценивал, какие будут результаты этой войны, но члены Политбюро ещё с начала войны оценили, что Израиль победит»⁵⁶⁵. В то же время, он стремился избежать явного противоречия между изначально предполагавшимся результатом и действиями Восточного блока в ходе конфликта. В этой связи Живков заявил о том, что «исходя из большого стратегического, военного и политического значения арабского Востока, из того, что он находится в нескольких километрах от Болгарии и Советского Союза, исходя из нашей последовательной антиимпериалистической и антиколониальной политики, Советский Союз и остальные страны-члены Варшавского договора оказывают последовательную помощь национально-освободительным движениям в арабском мире. Особенно большой и всесторонней является помощь Советского Союза: и политическая, и экономическая, и дипломатическая»⁵⁶⁶.

Со своей стороны, София также наращивала помощь ближневосточным союзникам Восточного блока. Совет Министров НРБ принял 19 июня 1967 г. секретное решение № 189 относительно созданной ранее торговой организации «Кинтекс»⁵⁶⁷, в соответствии с которым она должна была заниматься тайными операциями по нелегальной закупке, транспортировке и доставке материалов военного назначения, включая непосредственно оружие и боеприпасы, драгметаллов и электроники. Военные поставки со стороны Болгарии арабским странам, включая Сирию и Египет, а также подготовка военного персонала приобрели летом-осенью 1967 г. довольно широкий размах и должны были достигнуть по решению Софии довольно значимой для экономики страны суммы в размере 22 млн левов⁵⁶⁸.

Активизация болгарской внешней политики как на региональном, так и на более высоком, международном, уровне была отмечена в Бухаресте. Особую значимость для укрепления румынских позиций в мире и в структуре Варшавского блока имела интенсификация контактов на высшем уровне между Бухарестом и Вашингтоном в конце июня 1967 г. Визит премьера правительства СРР И. Маурера в США и его встреча с американским президентом Л. Джонсоном свидетельствовали о стремлении румынского руководства продолжить избранный им курс на достижение относительной самостоятельности в Восточном блоке в вопросах так называемой большой политики. В данном случае одним из таких вопросов являлся конфликт на Ближнем Востоке. Во-первых, румынская сторона оценивала позицию американской администрации и лично президента США в арабо-израильской войне как хорошо сбалансированную. Во-вторых, румынская точка зрения, изложенная официально на двусторонних переговорах,

⁵⁶⁵ Пленум на Централния Комитет на Българската Комунистическа партия. Стенографски протокол. 14.6.1967. С. 5 – <http://bgrod.by.ru/ds60/DS670614bg.pdf>

⁵⁶⁶ Там же. С. 8.

⁵⁶⁷ После падения коммунизма в Болгарии об этой организации было написано немало материалов как научного, так и публицистического характера. Одна из оценок её деятельности содержится в статье К. Макиенко, который отмечал: «Теневые продажи вооружений с коммерческой целью практиковались главным образом на периферии двух конфронтирующих блоков или даже вне биполярной системы. ... Особое место в этой среде занимала Болгария. По некоторым сведениям, в период холодной войны ее спецслужбы и внешнеторговые организации специализировались на конфиденциальных поставках вооружений. Не исключено, что именно поэтому и в 90-е годы болгарское государственное агентство по экспорту вооружений «Кинтекс» осталось рекордсменом по деловой активности на таком рынке. Как утверждают американские источники, в 1992-1993 годах «Кинтекс» заключил примерно десять-двенадцать сделок по контрабандной доставке оружия в бывшую Югославию на сумму около 100 млн долларов». – *Макиенко К.* Черно-белый спектр в оружейном экспорте// Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1. С. 110, 101.

⁵⁶⁸ *Baev J.* Bulgarian Arms Delivery to Third World Countries, 1950-1989. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_armstrade/introduction.cfm?navinfo=23065; См. так же: *Баев Й.* Българската военна помощ за третия свят//Военен журнал. 1992. № 6; 1993. № 1.

заклучалась в осуждении советских действий в ближневосточном регионе. И. Маурер прямо заявил о том, что «большая часть ответственности за провоцирование конфликта на Ближнем Востоке лежит на Советском Союзе, в меньшей степени на коммунистическом Китае и не лежит на Соединенных Штатах»⁵⁶⁹. В-третьих, румынский премьер был польщён вниманием и деликатностью Л. Джонсона при обсуждении проблем Румынии – «маленькой страны»⁵⁷⁰. Наконец, в-четвертых, в соответствии с полученной ЦРУ США информацией, Бухарест направил по каналам МИДа в адрес своих посольств специальную информацию о том, что американская сторона согласилась на то, чтобы Румыния выступила посредником между Вашингтоном и Пекином⁵⁷¹. Более того, в кругах высших чиновников внешнеполитического ведомства СРР получила распространение мысль о том, что Бухарест может многое получить в том случае, если «сделает США своей политической целью, так как Америка является единственной мировой державой»⁵⁷².

Совершенно иную позицию, нежели Румыния, занимала её союзница по ОВД и отвечавшая вместе с ней за балканский сектор Юго-Западного ТВД Болгария. Ещё накануне Шестидневной войны активную деятельность, направленную на то, чтобы убедить югославское партийно-государственное руководство солидаризироваться с Варшавским пактом, развил Т. Живков. Предпринимавшиеся им шаги преследовали цель, помимо сближения позиций Югославии и ОВД, ещё и укрепить взаимоотношения между Софией и Белградом на базе Восточного блока, который становился важным инструментом давления на И. Броз Тито в складывавшейся ситуации. Т. Живков уже накануне войны заявил главе югославского режима о том, что арабские страны проиграют войну, в то время как лидер коммунистической Югославии был уверен в обратном. Обсуждение ближневосточной темы на двусторонней встрече глав Болгарии и Югославии привело в конечном счёте к тому, что Белград занял позицию, соответствовавшую интересам Варшавского пакта⁵⁷³. Ближневосточный конфликт серьезно повлиял на актуализацию дискуссии по вопросам оборонной политики в политических кругах Югославии, что проявилось во время дискуссии 11 июля 1967 г. в парламенте страны. Глава югославского МИДа М. Никезич критиковался одним из депутатов – И. Дердьи за слишком мягкую позицию в отношении Израиля и его союзников из числа стран-членов евроатлантического сообщества, и, в первую очередь, США. Основным аргументом оппонента министра иностранных дел была угроза усиления присутствия в Средиземноморье иностранных вооруженных сил и возможность использования их против, как было сказано, «прогрессивных сил» региона. Под последними понимались как режим Г. А. Насера в Египте – государстве-члене Движения неприсоединения, так и режимы в странах ближневосточного и азиатского регионов, которые рассматривались в Белграде в виде потенциальных союзников. Полемика в югославском парламенте дала основания иностранным экспертам сделать вывод о начавшейся в руководстве страны борьбе между сторонниками жёсткой линии в лице И. Броз Тито, выступившего как союзник Варшавского блока, и теми, кто стремился сохранить за Югославией статус нейтрального государства⁵⁷⁴. Частично эти предположения нашли своё подтверждение во время встречи посла США в Югославии Ч. Илбрика с М. Никезичем. Руководитель югославского

⁵⁶⁹ Rumanian Reaction to the Johnson-Maurer Meeting of 26 June 1967. 26.6.1967. R 1. – <http://www.faq.s.org/cia/docs/70/0000690237/RUMANIAN-REACTION-TO-THE-JOHNSON-MAURER-MEETING-OF-26-JUNE-1967.html#ixzz0kgL6xLSM>

⁵⁷⁰ Ibid.

⁵⁷¹ Ibid. P. 2.

⁵⁷² Ibid.

⁵⁷³ Пленум на Централния Комитет на Българската комунистическа партия. Стенографски протокол. 14.6.1967. С. 5, 11.

⁵⁷⁴ Stankovic S. Yugoslav Foreign Minister Attacked In Parliament On Middle East Policy. 12.7.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 77-2-274. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/77-2-274.pdf>; Antic Z. Middle East Crisis Provokes Political Controversies Among Yugoslav Leadership. 20.7.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 77-2-262. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/77-2-262.pdf>

МИДа заявил о влиянии общественных настроений на внешнюю политику Белграда и о том, что «министерство иностранных дел часто оказывается в положении пытающегося смягчить точку зрения правительства точно также, как это вынужден делать время от времени Государственный департамент»⁵⁷⁵. Одновременно он сообщил своему американскому собеседнику, проявлявшему обеспокоенность усилившейся критикой американской политики со стороны Белграда и стремившемуся доказать невозможность каких-либо военных действий Афин против соседей, о существовании в югославском обществе и руководящих кругах представлений о Греции как об угрозе для Югославии, а также Албании, и это беспокоит югославскую сторону.

В свою очередь, Тирана также продемонстрировала крайне жёсткую позицию по ближневосточному кризису. Ещё накануне Шестидневной войны (5-10 июня 1967 г.) между Израилем и арабскими странами руководство Албании выступило в поддержку последних⁵⁷⁶. Сам конфликт оценивался албанскими руководителями с учётом как собственно позиций Албании в средиземноморско-балканском регионе, так и геостратегических изменений, последствием которых было наращивание военного присутствия НАТО и ОВД в Средиземноморье. На состоявшихся 4-21 июля и 18 сентября пленарных заседаниях пятой чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, созванной по настоянию СССР, при поддержке большинства членов ООН, Албания выступила с жёстким осуждением действий как двух сверхдержав – США и СССР, так и союзников Вашингтона по НАТО, и, разумеется, Израиля. Министр иностранных дел Албании Н. Насе, являвшийся в начале 60-х гг. послом в СССР, внёс на рассмотрение Генеральной Ассамблеи албанскую версию проекта резолюции (A/L. 521, 26 June 1967). Она получила 4 июля 1967 г. минимальную поддержку (22 голоса «за», 71 голос «против», 27 представителей воздержалось и два не голосовало)⁵⁷⁷.

В выступлении албанского представителя в ООН 26 июня 1967 г. содержалась жёсткая критика в адрес США и СССР, которые усилили своё военно-морское присутствие в Средиземноморье, что оценивалось Тираной как реальная военная угроза большинству государств региона, не входивших ни в какие военно-политические блоки⁵⁷⁸. Со своей стороны, Белград от имени Движения неприсоединения предложил резолюцию (A/L. 522, 28 June 1967), в которой содержался призыв к мирному урегулированию конфликта и возвращению захваченных Израилем территорий. Однако и она не была поддержана, несмотря на свою относительную мягкость и отсутствие обвинительного уклона в чей-либо адрес. Принятие резолюции, внесённой 21 июля 1967 г. Австрией, Швецией и Финляндией, предлагавших перенести решение вопроса в Совет Безопасности, вызвало резкую критику Албании, которая вновь, как это было уже однажды, заявила о неспособности Генеральной Ассамблеи выполнять свои функции. Позиция Румынии по арабо-израильскому конфликту, существенно отличавшаяся от занятой государствами-членами Варшавского Договора, а также СФРЮ, КНР и Албанией, крайне враждебно оценивалась албанской стороной. В этой связи Э. Ходжа весьма скептически отнёсся

⁵⁷⁵ 185. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, July 15, 1967//Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. Volume XVII. P. 498.

⁵⁷⁶ На протяжении 1950-х и до начала 1967 г. руководство Израиля стремилось установить с Тираной дипломатические отношения. Одной из последних была попытка израильского посла в Румынии Э. Дорона возобновить контакты для обсуждения этой темы с албанским послом в Бухаресте в феврале 1967 г., но, как и ранее, она оказалась безуспешной. Подробнее в: *Govrin Yo. Annals of Israeli-Albanian Contacts on Establishing Diplomatic Relations// Jewish Political Studies Review. 2005. V. 17. N 3/4.*

⁵⁷⁷ Cm.: *Armillotta G. Storia Degli Scacchi Albanesi. Il complotto antialbanese alle Olimpiadi di Skopje (1972). Parte III. 13.1.2009.* – http://www.giovanniarmillotta.it/albania/scacchi/Scacchi_3.pdf

⁵⁷⁸ Судя по всему, речь представителя Албании в ООН подверглась личной редакции со стороны Э. Ходжи. Сначала она была напечатана в партийном органе ЦК АПТ газете «Zëri i popullit» 28 июня 1967 г., а позже – в изданной в Тиране книге «Два близких народа: отрывок из политического дневника и другие документы по албано-греческим отношениям», опубликованной одновременно на албанском и греческом языках. – *Hoxha E. Dy popuj miq : pjesë nga ditari politik dhe dokumente të tjera për marrëdhëniet shqiptaro-greke, 1941–1984. Tiranë, 1985; Hóτζα E. Δύο φίλοι λαοί. Από το πολιτικό ημερολόγιο κι άλλα υτοκουμένα για τις αλβανοελληνικές σχέσεις, 1941–1984. Tiraná, 1985.*

к действиям своего единственного союзника – Пекина, постаравшегося использовать демонстративную позицию румынского руководства в собственных целях. Мнение Э. Ходжи заключалось в том, что «китайские руководители совершенно не разбираются в политике. Они либо не умеют как следует проводить в жизнь принципы, либо нарочно нарушают их. Ни в коем случае не надо было принять Маурера (премьер-министр Румынии – Ар. У.) в Пекине, ибо он представитель клики ренегатов, а китайцы открыто заявляют, что они против ренегатов. Более того, он показал себя врагом арабов, в то время как китайцы заявляют, что отстаивают арабское дело»⁵⁷⁹.

Китайский фактор во второй половине 1967 г. становился одним из важных, оказывавших воздействие на развитие ситуации в ОВД. В декабре 1967 г. по инициативе Кремля был учрежден специальный межгосударственный межпартийный орган «ИНТЕРКИТ» для координации борьбы против маоизма. В него вошли просоветские компартии, за исключением румынской и северокорейской⁵⁸⁰.

Изменения, развивавшиеся в системе внутриблоковых взаимоотношений ОВД после арабо-израильского конфликта, и прежде всего в Балканском секторе, давали основания Э. Ходже делать довольно противоречивые заключения о характере и перспективах эволюции ситуации в регионе, а также в Восточном блоке. В начале августа 1967 г. его оценки были следующими: «Югославия полностью превращена в капиталистическую страну, а Тито стал на международной арене явным и бесстыдным Спа-аком»⁵⁸¹ американцев. Румыния, которая старается не отставать в своем беге в направлении перерождения, стала полем битв для иностранных капиталистических монополий. Она гордится тем, что «освобождается» от советского ига и рада тому, что, облачившись в лжекоммунистическую вуаль, свободно находит себе других партнеров – США, Западную Германию, Францию, Италию и другие... Примеру Румынии следуют болгары...

Однако нет худа без добра. Весь этот процесс вызовет острые конфликты. Народы встанут на ноги, ибо всё ляжет тяжким бременем на их плечи. Революция, наверняка, созреет и вспыхнет...»⁵⁸²

Военно-политические и международные позиции Балканских стран в целом и коммунистических государств в частности имели особое значение для НАТО и ОВД, членами которых, за исключением Югославии, они являлись. Пользуясь своими международными позициями одного из лидеров Движения неприсоединения, она стремилась играть особую роль во взаимоотношениях Запада и Востока, что нашло ещё одно выражение в том, что именно через югославское руководство Вашингтон получил информацию о намерениях Кремля предупредить египетских союзников: помощь Москвы не безгранична⁵⁸³.

Наличие противоречий между членами противостоявших военно-политических блоков, а также попытки оппонентов из враждебного лагеря усилить их соответствующими действиями в отношении наиболее склонных к проведению «особого курса» в рамках этих союзов государств внимательно отслеживались «главными противниками» – СССР и США. Эксперты ЦРУ отмечали в связи со сложившейся к осени в Варшавском пакте ситуацией, что

⁵⁷⁹ Среда, 5 июля 1967. Трагикомедия в ООН// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 198, 199.

⁵⁸⁰ Подробнее об этом: *Radchenko S. Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962-1967.* Washington, 2009. Документы заседаний ИНТЕРКИТ: Reports on Interkit Meetings on the China Situation and Related Documents// Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=19445&navinfo=16447>

⁵⁸¹ Поль-Анри Шарль Спаак (1899-1972) – бельгийский государственный и политический деятель. На протяжении 1957-1961 гг. являлся Генеральным секретарем НАТО.

⁵⁸² Пятница, 11 августа 1967. Дальнейшее вырождение современных ревизионистов// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 201, 202.

⁵⁸³ Special Assessments on the Middle East Situation. Soviet Military Bases in the Middle East. CIA Memorandum. 27.6.1967. P. 2. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000234136

«попытки СССР убедить восточноевропейские государства следовать единой, определенной СССР, внешней политике натолкнулись в последнее время на сопротивление»⁵⁸⁴. Юго-Западный ТВД ОВД в этой связи оказался частично ослаблен из-за особой позиции Румынии, но он мог быть усилен в интересах Москвы. Румыния активизировала свои отношения с СССР и в целом с Варшавским пактом, а также с Югославией. 20-27 августа 1967 г. состоялись одни из наиболее масштабных оперативно-тактических учений в Балканском регионе под названием «Родопи-67» («Родопы-67»). Подготовка к ним была проведена в кратчайшие сроки с учётом как сложившейся ситуации в Греции после прихода к власти там 21 апреля 1967 г. военно-политического режима, так и положения на Ближнем Востоке. Последнее стало вводной для этих учений. В соответствии с планом локальный конфликт на Балканском полуострове рассматривался продолжением ближневосточного кризиса с возможностью распространения на бассейн Черного моря и на Проливы. В учениях приняли участие помимо советских вооруженных сил, подразделения сухопутных и военно-морских сил Болгарии и Румынии. Попытки, предпринятые болгарским руководством, как и накануне Шестидневной войны, вовлечь Белград в оборонную стратегию Варшавского блока и заключающиеся в приглашении боевых соединений ЮНА участвовать в учениях, не увенчались успехом⁵⁸⁵. Однако югославы согласились на роль наблюдателей. Данный факт оценивался американскими дипломатами⁵⁸⁶, аккредитованными в Белграде, с учётом ситуации, складывавшейся как в регионе в целом, так и собственно в Югославии. Они отмечали: «Отдельные группы в руководстве югославской коммунистической партии в свете реальной или мнимой обеспокоенности относительно “реакционного заговора” рассматривают советский лагерь, особенно в случае оказания ему поддержки со стороны “неприсоединившихся” скоординированными действиями, как наиболее мощную группу, которая могла бы сдержать “наступление”. Мнение посольства заключается в том, что Тито не стал бы колебаться и обратился бы к советскому лагерю во время ближневосточного кризиса, с тем чтобы попытаться получить энергичную поддержку для Насера и других, находящихся под сильным давлением, друзей в арабском мире. Одновременно присутствие (югославов – Ар. У.) на учениях “Родопы” может считаться реакцией на непосредственную, якобы существующую угрозу вдоль югославских границ»⁵⁸⁷.

Территория проведения учений «Родопы-67» охватывала всю Болгарию, западный, северный и восточный сектора акватории Черного моря. На болгарские и румынские силы была возложена десантная операция, в которой принимал участие советский Черноморский флот. При этом в учениях были полностью задействованы болгарские ВМС, 12 кораблей румынских ВМС и 139 кораблей, включая подводные лодки, а также военно-морскую авиацию Черноморского флота СССР⁵⁸⁸.

Несмотря на преимущественное выделение западного направления в оборонной политике СССР и ОВД, Юго-Западный ТВД не только продолжал сохранять, в действительности, свою значимость с точки зрения советских военно-стратегических интересов, но даже повысил её в 1967 г. Этот факт нашёл свое отражение и в замеченных экспертами ЦРУ особенностях развития советской внешней политики. Они делали вывод о том, что хотя «Советы не достигли действительных значительных успехов во внешней политике в последнее время», они тем не

⁵⁸⁴ Soviet Foreign Policy. NIE 11-7-67. 28.9.1967. P. 10. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000272917

⁵⁸⁵ Решение на Политбюро за съвместни маневри на Българската и Съветската армии. 26.7.1967. Протокол «Б» № 6. С. 1//България в Варшавския Договор.

⁵⁸⁶ Одновременно с учениями проводилась контрразведывательная операция «Молния» по дезинформации зарубежных дипломатов и военных атташе западных стран. – Baev J. Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Power in the Eastern Mediterranean (1955-1975). – http://www.coldwar.hu/html/en/publications/int_estim.html

⁵⁸⁷ Baev J. Eastern Europe and the Six Day war: the Case of Bulgaria// The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. by Ro'I Y and Morozov B. Washington, 2008. P. 191.

⁵⁸⁸ Ibid.

менее «усилили влияние в определенных регионах, особенно в государствах по южной периферии СССР и на Ближнем Востоке, а также они достигли некоторого прогресса в достижении своих целей в Западной Европе»⁵⁸⁹.

Ближневосточный конфликт оказал серьезное влияние на взгляды руководства стран-участниц ОВД и, в первую очередь, тех из них, которые имели непосредственный выход в регион в силу своего географического положения. Оценка перспектив оборонной политики, делавшаяся, в частности, в Софии летом-осенью 1967 г. по результатам Шестидневной войны применительно к возможностям национальных вооруженных сил и их состоянию, была крайне критичной и даже алармистской. На последовательно проходивших заседаниях Политбюро ЦК БКП в августе и октябре 1967 г., во время которых анализировался ход войны и военно-политические аспекты действий противоборствовавших сторон, особое внимание уделялось готовности Болгарии выполнить возложенные её членством в ОВД задачи обороны на Юго-Западном направлении. В специально подготовленном для октябрьского 1967 г. заседания Политбюро болгарской компартии «Докладе о состоянии Болгарской народной армии в свете событий на Ближнем Востоке», который был зачитан министром обороны генералом армии Д. Джуровым, содержались оценки степени готовности болгарской армии, взаимодействия в рамках ОВД и уровня информированности болгарского политического и военного руководства о происходившем в регионе. Резко негативно была охарактеризована работа болгарской стратегической разведки (по определению Джурова «стратегической агентурной разведки»). В мирное время она удовлетворяла потребности БНА в получении информации по вопросам «состояния, организации, группировки, вооружений и оперативно-тактических замыслов турецких и греческих вооруженных сил». Однако, как отмечалось в докладе, «она (стратегическая разведка – Ар. У.) ... не располагает необходимыми источниками для раскрытия намерений противника о внезапном нападении, которое, по опыту событий на Ближнем Востоке имеет решающее значение для обороны страны»⁵⁹⁰. Выполнявшиеся нормативы приведения в боевую готовность болгарских вооруженных сил заслужили положительную оценку министра обороны, так как, в соответствии с приведенными данными, оповещение всей армии о военной тревоге не превышало 20-25 минут, силы ПВО оповещались по системе «Круг»⁵⁹¹ в течение 3-5 мин., а выход из мест расположения войсковых частей в летний период составлял 45 мин. и 60 мин. зимой. В то же время достаточно критично были охарактеризованы возможности болгарских ВВС и способы дислокации ВМФ⁵⁹². Критике подверглось Объединенное командование ОВД, так как в структурном отношении и с учётом существовавшего масштаба полномочий оно не могло «адекватно руководить союзными силами». Было признано, что болгарские вооруженные силы не смогли бы провести контрнаступление в случае неожиданного нападения с юга в условиях локального конфликта не только в двух – греческом и турецком – направлениях, но даже в одном из них⁵⁹³.

Осенью 1967 г. Балканский сектор международных отношений, являвшийся одним из регионов противостояния военно-политических блоков, привлёк внимание военных и политических кругов как на Западе, так и на Востоке из-за получившего достаточно серьезное зву-

⁵⁸⁹ Soviet Foreign Policy. NIE 11-7-67. 28.9.1967. P. 1. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000272917

⁵⁹⁰ Доклад за състоянието на Българската народна армия в светлината на събитията в Близкия изток. 7.10.1967 г. С. 5. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=21104&navinfo=15697>

⁵⁹¹ Система радиокомандного наведения зенитно-ракетного комплекса «Круг», начало работ над которой было определено постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О создании опытного образца зенитно-ракетной системы «Круг»» от 15 февраля 1958 г.

⁵⁹² Доклад за състоянието на Българската народна армия. С. 7, 9.

⁵⁹³ Baev J. Eastern Europe and the Six Day war: the Case of Bulgaria// The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. by Ro'I Y and Morozov B. Washington, 2008. P. 189, 190.

чение предложения Будапешта, выступившего с инициативой дунайского сотрудничества⁵⁹⁴. Руководство Венгрии определило основных участников этого проекта таким образом, что из их состава оказались исключены Болгария и Румыния, а членами Дунайской инициативы предполагалось сделать Австрию, Венгрию, Чехословакию и Югославию. Планировавшееся региональное объединение фактически начинало выступать альтернативой существовавшей и испытывавшей в послевоенные годы много кризисов Дунайской комиссии⁵⁹⁵. Политическая составляющая этого проекта оказывала влияние на оборонный аспект взаимодействия в рамках ОВД, так как исключение Болгарии и Румынии болезненно воспринималось руководством этих государств, которые вместе с Венгрией обеспечивали так называемый Юго-Западный ТВД Варшавского пакта, включая и часть бассейна р. Дунай. Данная инициатива противоречила активно пропагандировавшейся в конце 1966 – начале 1967 г. Софией идее широкого балканского сотрудничества, в котором болгарское руководство рассчитывало получить для себя особые позиции.

Борьба за отдельных членов противостоявшего блока, особенно в условиях международных кризисов, приобретала в политике НАТО и ОВД, а также ведущих сил этих союзов – СССР и США, особое значение. Так, в частности, внимание членов НАТО оказалось обращено на Румынию, отказавшуюся солидаризироваться со своими союзниками по Варшавскому пакту и занять однозначно проарабскую позицию, разорвав дипломатические отношения с Израилем. В международных дипломатических кругах ещё летом 1967 г. делались предположения о том, что Бухарест может выйти из возглавлявшегося СССР военно-политического блока⁵⁹⁶. Позиция румынской стороны, излагавшаяся во время дипломатических контактов с представителями зарубежных государств, включая страны-члены НАТО, заключалась в том, что «не существует политических различий между Румынией и государствами-членами Варшавского Договора; Румыния считает Варшавский Договор жизненной альтернативой до тех пор, пока существует НАТО, и будет предпринимать действия, не только направленные на выполнение требований, обусловленных её членством в Варшавском Договоре, но и на усиление её собственных оборонных возможностей, считая, что, действуя таким образом, она усилит оборонные возможности всех членов Договора»⁵⁹⁷. Позиция Бухареста как по ряду конкретных вопросов – ближневосточному кризису и советско-китайскому конфликту, так и по более общей теме – необходимости одновременного роспуска двух противостоявших военно-политических блоков, серьезно повлияла на принятие решения советским руководством об исключении Румынии из числа участников организационно-оформленной политико-идеологической структуры «ИНТЕРКИТ».

Достаточно необычным на фоне обострения разногласий Румынии со своими союзниками по ОВД было усиливавшееся сближение Югославии с Варшавским пактом. Это стало

⁵⁹⁴ Andras C. Neighbors on the Danube. New Variations on the Old Theme of Regional Cooperation. December 1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 97-2-24. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/97-2-24.pdf>. Предложение о необходимости выступить с подобной инициативой было сделано в специальной записке МИД ВНР в адрес Политбюро ВСРП 17 января 1967 г. Фактически она была ответом на региональную активность Румынии и имела своей целью ослабить её позиции. Документ в: Foreign Ministry Proposal to the HSWP Political Committee on European Peace, Security, and Cooperation 17 Jan 1967//Parallel History Project on NATO and the Warsaw Pact (PHP) November 2003. Hungary and the Warsaw Pact, 1954-1989. Edited by Csaba Bekes and Anna Locher. Parallel History Project on Cooperative Security —http://kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/PHP/17021/ipublicationdocument_singledocument/a712346c-566d-41a0-b72a-38079033f8e8/en/670117_for_min_proposal.pdf

⁵⁹⁵ Дунайская комиссия – межгосударственная организация стран Дунайского бассейна была основана 18 августа 1948 г. с целью решения вопросов, связанных с судоходством по р. Дунай.

⁵⁹⁶ Rumania's Foreign Policy "Debate" – an Assertion of Emancipation but no Political Sensations. 27.7.1967. Radio Free Europe Research. P. 1. Box-Folder-Report 50-6-151. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-6-151.pdf>

⁵⁹⁷ Цит. no: Telegram of the Romanian Legation in Tel Aviv to the Ministry of Foreign Affairs of Romanian Socialist Republic, Regarding Positions Taken by Foreign Diplomats and Israeli officials toward Romania, in light of the Position Adopted in the Middle East Conflict. 14.7.1967. – http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=CB8C64F7-CDIC-E4C0-D290631850EDAF31

очевидным для политических и военных кругов Запада после состоявшегося 11-12 июля 1967 г. в Будапеште совещания по вопросам Ближнего Востока глав стран Восточного блока с участием Югославии и при отсутствии на этой встрече Н. Чаушеску. На состоявшейся 9 ноября 1967 г. в Москве рабочей встрече по вопросу

Ближнего Востока, в которой участвовали главы семи коммунистических стран, обсуждавшие более широкую повестку дня – подготовку к международному совещанию, И. Броз Тито заявил о том, что глава египетского режима Г. Насер рассчитывает на то, что СССР «будет оказывать более решительно сопротивление (президенту США – Ар. У.) Джонсону», а сам он – Тито – «лично считает, что было бы неплохо показать ему (Джонсону – Ар. У.) сильный кулак»⁵⁹⁸.

Со стороны ОВД делались попытки воздействовать на руководство Албании с целью использовать складывавшуюся ситуацию и добиться от Э. Ходжи смягчения позиций в отношении Варшавского пакта и его ведущей силы – СССР. На фоне активизации попыток членов Восточного блока установить отношения с Западом, Тирана серьезно опасалась усиления давления со стороны любых внешних сил с целью ослабления её международных позиций. Особую значимость для оборонной политики коммунистической Албании вновь приобрела так называемая северо-эпирская проблема. Её актуализация военно-политическим режимом Греции в 1967 г. была обусловлена новой волной преследований и притеснений греческого национального меньшинства властями Албании после её провозглашения в 1967 г. «атеистическим государством». К началу августа 1967 г. ситуация серьезно обострилась. Э. Ходжа в характерном для него пропагандистском стиле писал в своём дневнике о готовности дать вооруженный отпор любым попыткам со стороны Греции начать боевые действия против Албании. Одновременно он обратил внимание на два достаточно серьезных в контексте оборонной политики Тираны факта. Первым из них было активное использование СССР и его отдельными союзниками тезиса греческой угрозы Албании и подчеркивание возможности нападения именно после действий Израиля в арабо-израильской войне как продолжение неких планов НАТО и при поддержке США. В этой связи официальные представители ряда восточноевропейских государств-членов Варшавского пакта в Тиране обращались к албанским дипломатическим представителям с информацией о возможных действиях Афин и подчеркивали значимость ОВД как гаранта албанской безопасности⁵⁹⁹. Э. Ходжа рассматривал подобные действия как попытку запугать Албанию и заставить её возобновить связи с блоком и «советскими ревизионистами»⁶⁰⁰.

Северо-эпирская тематика привлекала внимание и ряда членов Варшавского блока, в частности Болгарии. Использование этой проблемы рассматривалось как способ воздействия на ситуацию в Греции. 2 августа 1967 г. министр иностранных дел НРБ И. Башев и заведующий Международным отделом ЦК БКП К. Теллалов составили специальное письмо в адрес Политбюро ЦК БКП. В нём недвусмысленно заявлялось о том, что «в связи с необходимо-

⁵⁹⁸ Notes from a meeting of party and government delegations of 7 socialist countries on the situation in the Middle East. Secret Copy No. 1. 9.11.1967. Moscow. Polish Record of Meeting of Soviet-bloc leaders (and Tito) in Moscow. – <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?id=1409&fuseaction=document&identifier=CC264F37-BE80-77C8-AB53F1A6720E5875>. О военной помощи со стороны Югославии Египту см.: Zivotic A. Jugoslovenska vojna pomoc Ujedinjenoj Arapskoj Republici 1967// Istorija 20. velca. 2007. Vol. 25. Br. 1; Zivotic A. Odred Jugoslovenske Narodne Armije na Sinaju 1956-1967 – skica za temu// Vojno-istorijski glasnik. 2006, br. 1-2.

⁵⁹⁹ В начале августа 1967 г. посол ЧССР в Тиране обратился в МИД Албании от имени советского правительства с предупреждением о возможном нападении. – Цит. по: Τετάρτη, 2 Αυγούστου 1967. Τα «αλύχτηματα» των Ελλήνων μοναρχοφασιστών και οι «αησυχίες» των σύγχρονων ρεβιζιονιστών // Χότζα Ε. Δύο φίλοι λαοί. Από το πολιτικό ημερολόγιο κι άλλα ντοκουμέντα για τις αλβανοελληνικές σχέσεις, 1941–1984. Τιράνα, 1985. Σ. 47. – <http://www.enverhoxha.info/gre/greek03%20.doc>

⁶⁰⁰ Цит. по: Τετάρτη, 2 Αυγούστου 1967. Τα «αλύχτηματα» των Ελλήνων μοναρχοφασιστών και οι «αησυχίες» των σύγχρονων ρεβιζιονιστών // Χότζα Ε. Δύο φίλοι λαοί. Από το πολιτικό ημερολόγιο κι άλλα ντοκουμέντα για τις αλβανοελληνικές σχέσεις, 1941–1984. Τιράνα, 1985. Σ. 47. – <http://www.enverhoxha.info/gre/greek03%20.doc>

стью внешнеполитической изоляции режима в Греции и оказания помощи прогрессивным и демократическим силам в их борьбе против военно-фашистской диктатуры и в исполнение утвержденных Политбюро мероприятий по поводу наших отношений с Грецией были обсуждены некоторые инициативы, которые мы могли бы предпринять вместе с другими социалистическими странами»⁶⁰¹. Рассматривавшаяся ранее идея огласить совместно подготовленную декларацию Балканских государств, в которой бы осуждался военно-политический режим в Греции, по словам самих же авторов письма, оказалась малореализуемой в силу того, что позиция ряда стран региона могла быть совершенно противоположной ожидаемой. Так, в частности, Турция могла отказаться от участия в совместном демарше «из-за своих специфических особенностей, которые определяют её отношения с Грецией и ввиду её членства в НАТО». Предполагалось, что «Румыния отклонит своё участие, ввиду своей особой политики», а Югославия, возможно, не поддержит «общую инициативу ввиду проводимой ею политикой неприсоединения»⁶⁰². Именно данные обстоятельства давали основания считать главам болгарского МИДа и Международного отдела ЦК БКП, что необходимо «найти вопрос, вокруг которого мог бы попытаться объединиться более широкий круг государств». По их мнению, «для этой цели наиболее подходящим оказывается ныне вопрос Северного Эпира. В последнее время в Греции началось раздувание проблемы Северного Эпира – есть публикации в прессе, подготавливается конгресс греческого Комитета освобождения Северного Эпира и др. Эти факты, независимо от реальной опасности, которую они представляют, могут использоваться для того, чтобы выступить с декларацией странам

Варшавского договора и Югославии». Предусматривалось, что подобный шаг будет не только политической демонстрацией против военно-политического режима в Греции, но и «выступлением социалистических стран в пользу Албании и, независимо от отношения албанского руководства к ней, будет иметь значение для общественного мнения этой страны»⁶⁰³. На состоявшемся 3 августа 1967 г. заседании Политбюро ЦК БКП было принято решение о необходимости провести зондаж относительно возможности составления совместной декларации по северо-эпирской проблеме государств-членов ОВД и Югославии. При этом в расчёт брался международный статус последней как члена Движения неприсоединения. Предлагалось «выделить специальный пассаж в общей декларации», но не отвергалась также идея о том, что «она выступит самостоятельно с собственным заявлением в том же духе и в смысле, что присоединяется к декларации стран-членов Варшавского договора»⁶⁰⁴.

Для Тираны в складывавшейся ситуации, когда проявилась очевидная координация действий ряда членов Варшавского блока и СССР на «албанском направлении», становились понятны цели инициаторов кампании. Реакция албанской стороны была однозначно негативной. В то же время албанское руководство обратило внимание на предпринимавшиеся Белградом меры, направленные на укрепление греческого участка границы СФРЮ⁶⁰⁵. Попытки СССР, ряда стран-членов ОВД, а также соседней Югославии наладить отношения с Албанией жёстко отвергались последней, несмотря на использование всеми заинтересованными сторонами тезиса военной угрозы Албании со стороны НАТО и Греции в частности. В октябре 1967 г. Белград попытался обратиться к теме нормализации албано-югославских отноше-

⁶⁰¹ Башев И., Теллалов К. До Политбюро на ЦК на БКП. 2.8.1967. С. 3//CD. България във Варшавския договор.

⁶⁰² Там же.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Решение на Политбюро относительно предложение за инициативи на ОВД срещу хунта в Гърция, 3.8.1967. Протокол «А» № 292. на заседанието на Политбюро на ЦК на БКП от 3 август 1967 г. С. 1//България във Варшавския договор.

⁶⁰⁵ Цит. по: Τετάρτη, 2 Αυγούστου 1967. Τα «αλύχτηματα» των Ελλήνων μοναρχοφασιστών και οι «αησυχίες» των σύγχρονων ρεβιζιονιστών //Χότζα Ε. Δύο φίλοι λαοί. Από το πολιτικό ημερολόγιο κι άλλα ντοκουμέντα για τις αλβανοελληνικές σχέσεις, 1941–1984. Τιράνα, 1985. Σ. 47. – <http://www.enverhoxha.info/gre/greek03%20.doc>.

ний, используя косовскую коммунистическую номенклатуру⁶⁰⁶, представители которой подчеркивали в албаноязычных югославских публикациях необходимость восстановления связей между двумя странами⁶⁰⁷. Чтобы продемонстрировать особую заинтересованность в восстановлении югославо-албанских отношений, Белград озвучил тезис: «Югославия выступает против любого вмешательства в дела Албании, так как независимая и свободная Албания всегда являлась условием безопасности Югославии»⁶⁰⁸. Фактически в ответ на это Тирана заявила в достаточно жёстком тоне об отказе восстанавливать какие-либо отношения с Белградом и обвинила его в очередной раз в попытках организации «антиалбанского заговора», сославшись на действия югославских властей в Косово⁶⁰⁹. Таким образом, попытки вернуть Албанию в той или иной форме в Восточный блок или хотя бы установить с ней отношения в ограниченном спектре оборонных проблем коммунистических стран Балканского региона не принесли успехов.

Ближневосточный конфликт усилил внимание как в НАТО, так и в Варшавском пакте в отношении Турции. По мнению советских дипломатов, Анкара начала проводить новый, дружественный курс в отношении арабских стран, преследуя собственные цели, а не на основе принципов «политики нейтралитета»⁶¹⁰. Не меньшее значение для определения оборонных задач имела соседняя с Турцией Греция, в которой 21 апреля 1967 г. произошёл военный переворот. В соответствии с оценками болгарской стороны, сделанными осенью 1967 г., «американцы и НАТО придают греческой территории роль пространства для использования так называемой “стратегии передних рубежей” в случае нападения на социалистические страны. Этим целям служат регулярно проводимые каждый год военные маневры НАТО на сев[ерной] границе Греции. Эти маневры, которые часто приобретают провокационный характер, направлены против социалистических стран. В последние годы, после серьёзных потрясений, которые пережила НАТО, после ухода Франции, руководители Атлантического союза проявляют к Греции как к союзнику всё больший интерес»⁶¹¹. В контексте данных оценок, имевших непосредственное отношение к оборонным интересам как Болгарии, так и Варшавского пакта, болгарские официальные лица делали вывод о том, что «позиция Греции в отношении НАТО остаётся неизменной и “твёрдой”»; внутринатовский кризис и Ближневосточный конфликт повысили значение «юго-восточного крыла союза»; Греция рассматривается в Североатлантическом альянсе «не как “фланг”, а как “центр” НАТО»; предпринимавшиеся США попытки примирить Грецию и Турцию по кипрской проблеме не увенчались успехом»⁶¹².

⁶⁰⁶ Iz Kosova-Metohia: A Nationality Case Study. 30.10.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 77-2-122. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/77-2-122.pdf>

⁶⁰⁷ Stankovic S. Two Yugoslav views on Relations with Albania. 9.10.1967. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 2-5-37. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-5-37.pdf>

⁶⁰⁸ Vjesnik, 6.11.1967.

⁶⁰⁹ Буквально через 10 дней после появления «примирительной» статьи в югославском «Веснике», орган ЦК АПТ газета «Zëri i popullit» опубликовала редакционный материал под названием «Титовская демагогия не может спрятать открытые раны Косово» (Demagogjia titiste s'i mbulon plagët e hapëta të Kosovës)//Zëri i popullit, 16.11.1967. О месте и роли Косово (по-албански: Косовы) в межгосударственных отношениях коммунистических Албании и Югославии см.: Çeku E. Kosova në sfondin e diplomacisë së Jugosllavisë dhe të Shqipërisë 1945–1981. Prishtinë, 2009.

⁶¹⁰ В телеграмме ЦРУ от 25 июня 1967 г., содержащей сведения о разговоре сотрудника этой организации с советским дипломатом, имя которого осталось не раскрытым, информация подана в виде вопросов и ответов по основным аспектам ближневосточного кризиса. Именно они, судя по всему, представляли интерес для американской стороны и касались, во-первых, советского военно-технического и политического сотрудничества с арабскими государствами и Египтом в частности, и, во-вторых, затрагивали советскую политику в отношении занявшей особую позицию Турции – важного члена НАТО с учётом занимаемого ею геостратегического положения. Ответы советского собеседника отличались точностью формулировок и готовностью дать наиболее полную информацию по интересующим американскую сторону темам. – Soviet Position. Mideast Situation. CIA. Intelligence Information Cable. 25.6.1967. P. 6. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000447079

⁶¹¹ Гърция и НАТО. Справка. Изготвил И. Петров. 24.11.1967. Атина. С.(5)/7// НАТО на Балканите.

⁶¹² Там же. С. (10)/12.

В оценках советского военного потенциала и военно-стратегических установок в кругах НАТО в декабре 1967 г. выявились различия. Это нашло своё отражение в подходах США и их европейских союзников по Североатлантическому договору к стратегически важным для коалиционной оборонной политики проблемам. Первой из них являлась так называемая концепция «раннего предупреждения» (по принятой в НАТО терминологии «political warning», дословно – «политическое предупреждение»), суть которой заключалась в реализации политических решений, обеспечивавших военно-мобилизационные мероприятия на случай вооруженного конфликта. Американская версия этой концепции базировалась на утверждении о том, что в распоряжении европейских государств будет несколько недель на данные мероприятия, в отличие от точки зрения европейцев, опасавшихся внезапного нападения Варшавского пакта. Вторая проблема заключалась в определении самого факта развития конфликта и его эскалации. Американская позиция заключалась в том, чтобы не допустить провоцирования СССР и Варшавского блока на использование ядерного оружия, в то время как европейцы считали необходимым использовать все имеющиеся средства для отражения советской агрессии⁶¹³. Одновременно выяснилось, что «в целом европейцы считают советское нападение на Западную Европу маловероятным. В то же время, полагая, что взаимная угроза существует, они не готовы принять стратегию НАТО, которая предусматривает взятие больших рисков для европейцев, чем для США»⁶¹⁴.

К концу 1967 г. на Юго-Западном направлении оборонной политики Варшавского пакта выявилось несколько важных факторов. Во-первых, усилилось присутствие ВМС двух противостоявших блоков в Средиземноморье. Во-вторых, произошло частичное сближение позиций Югославии и Варшавского пакта по отдельным вопросам обороны и региональной военной политики. В-третьих, усилилась самостоятельность Румынии в рамках ОВД, в связи с чем советское руководство начинало всё больше рассчитывать на Болгарию. В-четвертых, внутривнутриполитические изменения в Греции дали основания для соседних с ней коммунистических государств оценивать установившийся военно-политический режим в Афинах с учётом вероятных угроз их обороне. Наконец, в-пятых, несмотря на происходившие изменения на Балканах, а также усиление военно-политической активности в Средиземноморье, формально сохранявшая своё членство в ОВД Албания продолжала избранный её руководством особый курс, частью которого были союзнические отношения с КНР.

⁶¹³ Farley P. Bureau of Politico-Military Affairs, to Deputy Under Secretary of State for Political Affairs Kohler F. «NATO Strategy- Background Memorandum». 1.12.1967. P. (3)1, (4)2. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18767&navinfo=14968>

⁶¹⁴ Ibid.

§11. Определяя возможности: потенциал обороны и/или наступления

Развитие международной ситуации в конце 1967 – начале 1968 г. свидетельствовало об усилении противостояния между Западом и Востоком. Это влияло на эволюцию оборонных доктрин как двух противостоявших блоков, так и отдельных государств, входивших в них. Прежде всего, в центре внимания политических и военных кругов НАТО и ОВД оказалась проблема реагирования на возможные угрозы противоположной стороны. В январе 1968 г. министр обороны США Р. Макнамара направил президенту Л. Джонсону специальный меморандум, в котором рекомендовалось усилить конвенциональные силы НАТО, так как ядерные силы сдерживания потенциального советского нападения уже находились на высоком уровне. Поэтому в условиях конвенциональной (неядерной) войны предстояло обеспечить соответствующий уровень обычных вооруженных сил. Одновременно делался вывод о том, что «преимущественная военная цель Соединенных Штатов в НАТО – сделать так, чтобы агрессия любого вида была исключительно невыгодна для Варшавского пакта»⁶¹⁵.

Таблица 13

Соотношение сил общего назначения НАТО и ОВД (начало 1968 г.)⁶¹⁶⁶¹⁷ ⁶¹⁸

Виды ВС и вооружений	НАТО			ОВД		
	США	Другие члены НАТО	ВСЕГО	СССР	Другие члены ОВД	ВСЕГО
Сухопутные силы (тыс. чел.)	1 194	1 900	3 094	1 950	850	2 800
Тактическая авиация (коп-во единиц)	7 300	4 609	11 368 ²	5 288 ³	3 499	8 737 ²

Оперативно-тактические направления вероятных военных действий и ТВД, а также распределение сил и средств двух военно-политических блоков на европейском пространстве в 1968 г. подчеркивали важность так называемого южного, т. е. балкано-средиземноморского сектора обороны НАТО и ОВД. Основные силы Варшавского пакта концентрировались на трёх направлениях. Первое из них было представлено военно-территориальным формированием – Северной группой войск со штаб-квартирой в польском городе Легница. Второе, условно выполнявшее роль центрально-европейского, было представлено Группой советских войск в Германии (ГСВГ). Наконец, третье – это Южная группа войск со штаб-квартирой в венгерском городе Тёкёл. Именно последняя группировка отвечала за балканский сектор обороны ОВД.

Североатлантический блок обладал более сложной территориальной военно-командной системой. Сформировавшаяся к этому времени структура зон ответственности в рамках НАТО в Европе обеспечивала управление военно-территориальными группировками членов альянса с учётом геостратегической детализации большинства европейских регионов, находившихся в

⁶¹⁵ US Secretary of Defense Robert S. McNamara to US President Lyndon B. Johnson. Memorandum. NATO Strategy and Force Structure. 16.1.1968. P. 2. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18765&navinfo=14968>

⁶¹⁶ К сожалению, материалы, содержащие точные данные по численности вооруженных сил, а также вооружений как в США, так и России, не рассекречены на момент написания работы. В странах Центральной Европы, а также Балканских государствах процесс оглашения данных ВС в период существования коммунистических режимов в последнее время приостановился. Поэтому в данном случае используется статистика, которой оперировали высшие военные и политические чиновники администрации США. Составлено по: Worldwide 1967 NATO and Warsaw Pact General Purpose Forces// US Secretary of Defense Robert S. McNamara to US President Lyndon B. Johnson. Memorandum. NATO Strategy and Force Structure. 16.1.1968. P. 5. – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18765&navinfo=14968>

⁶¹⁷ Не включены стратегические бомбардировщики НАТО и ОВД, а также советские и американские самолёты, входящие в силы ПВО на национальной территории.

⁶¹⁸ СССР располагал от 2 300 до 2 500 старых типов истребителей и лёгких бомбардировщиков, находившихся в резерве.

зоне ответственности блока. Союзное командование в Европе (СКЕ или по латинским акроникам его английского названия – ACE) осуществляло управление всеми вооруженными силами НАТО в Европе, включая Турцию, а также военно-воздушную оборону Великобритании как отдельное направление его ответственности. Структура СКЕ включала соответственно командования Союзных сил в Северной, Центральной и Южной Европе. Первое из них (AFNORTH) располагалось в норвежском городе Колсаас, отвечало за оборону Норвегии, Дании, Балтийских регионов и контролировало не только сухопутные, но и военно-воздушные, а также военно-морские силы. Командование в Центральной Европе (AFCENT), которое переместилось в 1966 г. после выхода Франции из военной структуры НАТО из Фонтенбло в голландский город Брунсум, контролировало сухопутные силы, составлявшие на этом направлении 24 дивизии. В зону ответственности Союзного командования Южной Европы (AFSOUTH), располагавшегося в итальянском городе Неаполь, входили Греция, Италия, Турция, а также бассейны Средиземного моря и черноморские территориальные воды Турции. Именно это направление в Североатлантическом союзе включало в зону своей ответственности практически все Балканы⁶¹⁹. Южная Европа и её балканский участок, несмотря на кажущуюся второстепенность по сравнению с центральноевропейским и североευропейским ТВД, в действительности, имели не меньшее, а при определенных условиях – равное значение для обоих военно-политических блоков.

Таблица 14

Соотношение сил и вооружений в Европе (по оценкам Международного Института стратегических исследований в Лондоне по состоянию на 1968 г.) (без ВМС и стратегических вооружений)⁶²⁰

Виды/рода ВС и вооружений	Северная и Центральная Европа			Южная Европа		
	НАТО	ОВД	СССР	НАТО	ОВД	СССР
Сухопутные силы мирного времени (в бригадах или их аналогичных формированиях)						
Бронетанковые пехотные, механизированные, воздушно-десантные подразделения	26	70	44	15	30	15
	46	100	50	55	80	42
Сухопутные силы после мобилизации призыва первой очереди (в бригадах или их аналогичных формированиях)						
Бронетанковые, пехотные, механизированные, воздушно-десантные подразделения	27	96	55	18	42	18
	55	150	72	80	90	46
Численность войск, сведенных в бригады в мирное время (в тыс. чел.)	490	600	330	425	390	200
Средние/тяжелые танки – кол-во в мирное время	4800	11500	6000	1600	4300	1100
– кол-во после мобилизации резерва первой очереди	6100	14600	6750	1800	5500	2600
Боевые самолёты						
Лёгкие бомбардировщики	50	450	400	–	200	200
Истребители/штурмовики	1500	1650	1120	540	980	740
Перехватчики	720	3000	2000	280	1360	1000
Разведчики	530	280	200	130	210	160

Именно в этой связи оборонная политика государств, расположенных на полуострове, превращалась не только в проблему обеспечения их национального суверенитета, но и в политику безопасности двух блоков – НАТО и ОВД. Расходы на оборону коммунистических госу-

⁶¹⁹ The Military Balance. 1968-1969. International Institute for Strategic Studies. London, 1969. P. 16, 17.

⁶²⁰ The Military Balance. 1968-1969. International Institute for Strategic Studies. London, 1969. P. 53.

дарств региона в 1967 и 1968 гг. составили соответственно для Албании 69 и 77 млн долларов США, Болгарии – 225 и 228, Румынии – 530 и 551, а Югославии 431 и 482 млн⁶²¹.

Коммунистические страны Балканского полуострова не были равнозначными по своим оборонным возможностям в военно-техническом отношении и с точки зрения количественного состава вооруженных сил. Болгария и Румыния формулировали, при всей начинавшейся проявляться специфике румынской позиции, свою оборонную политику с учётом пребывания в блоке и характера взаимоотношений с его ведущей силой – СССР.

Этот фактор серьезно влиял на военно-техническую составляющую всей военной политики Софии и Бухареста. Зимой 1968 г. для представителей политических кругов Западного блока стала очевидна тактика румынского руководства. В этой связи, в частности, американские дипломаты, аккредитованные в румынской столице, отмечали: «Наблюдение за румынской внешней политикой даёт основания считать, что румыны продолжают следовать отчётливо проявившимся курсом, хотя они могут сделать некоторые уступки – больше формального, чем сущностного характера – Москве»⁶²². Одновременно становилось ясно, что поддержание Румынией отношений различной степени близости с КНР и Албанией использовалось румынским руководством для демонстрации своей самостоятельности в рамках Восточного блока и с целью противостоять давлению, оказываемому на Бухарест со стороны наиболее лояльных Москве сателлитов.

Сложнее была позиция Албании и Югославии. Несмотря на формальное членство первой из них в Варшавском блоке, важным условием оборонной политики двух стран было сочетание собственных боевых сил и средств сдерживания агрессора с политическими действиями на мировой арене с целью скорейшего привлечения мирового сообщества для участия в защите как существовавших в них режимов, так и территориальной целостности двух стран. Албания усилила союзнические отношения с КНР. Поддержка Варшавским пактом Тираны в случае гипотетической агрессии против неё могла, вероятно, быть оказана в нескольких случаях. Во-первых, при условии, если нападение было способно изменить соотношение сил в регионе в пользу НАТО. Во-вторых, в случае, если бы произошла маловероятная в тех условиях (вторая половина 60-х гг. XX в.), но допускавшаяся рядом зарубежных экспертов, интервенция со стороны

Югославии. Однако при реализации первого и второго вариантов событий многое зависело от позиции собственно албанского руководства, поведение которого при нападении на страну могло находиться под сильным влиянием идеи «опоры на собственные силы», т. е. фактически ведения партизанской войны. Параллельно с этим могло произойти обращение к международным организациям, в частности ООН, за помощью без участия какой-либо военно-политической коалиции или отдельного государства.

Действия И. Броз Тито в случае гипотетического нападения на Югославию зависели от того, кто мог выступить в роли агрессора. Прежние союзнические отношения в рамках Балканского пакта, членами которого являлись Греция и Турция, были прекращены ещё в конце 50-х гг. в связи с фактической ликвидацией этого блока. Определенные опасения в Белграде вызывала позиция Рима. Это было обусловлено латентно существовавшим конфликтом относительно ряда территорий, вошедших после Второй мировой войны в состав Югославии. Они рассматривались Италией как её исторические земли, с которых коммунистические власти СФРЮ фактически изгнали проживавших там итальянцев. Югославское руководство рассчитывало, помимо ведения долговременной партизанской войны, обратиться соответственно к НАТО или ОВД (в зависимости от того, кто напал на Югославию) с целью оказания помощи

⁶²¹ Ibid. P. 55.

⁶²² Aigram from the Embassy in Romania to the department of State. Bucharest, January 19, 1968//Foreign Relations of the United States. Eastern Europe. 1964-1968. Washington, 1996. V. XVII. P. 436.

Белграду, а также использовать свой статус ведущего члена Движения неприсоединения на уровне ООН. Усилившиеся в Югославии середины 60-х гг. XX в. процессы укрепления республиканских руководств серьезно повлияли на оборонную политику страны. Зимой 1968 г. зарубежные аналитики приходили к выводу о том, что «в то время как тайная полиция (имелась в виду государственная безопасность – Ар. У.) в недалеком прошлом была ослаблена, а партийный аппарат начал терять своё влияние, армия, усилившаяся и обновленная, становится решающим фактором как во внутренней, так и внешней политике. Руководство армии, которое полностью отдаёт себе отчёт в этом, оказывает усиливающееся влияние на разработку политических решений»⁶²³. Однако подобная тенденция внутривластного развития страны проявлялась на фоне стремления партийно-государственного руководства союзных республик получить контроль над армией в рамках их административно-территориальных границ. Это вызывало недовольство военного истеблишмента, видевшего в подобном развитии событий угрозу единой системе обороны Югославии и превращения ЮНА в территориальные республиканские армии. В целях усиления контроля над армией и поднятия статуса партийных организаций СКЮ в войсках руководство Югославии ещё в конце 1967 г. приняло решение об активном участии армейских парторганизаций в общественной жизни страны⁶²⁴. Одновременно в парламенте СФРЮ Комитетом национальной обороны 14 марта 1968 г. было инициировано обсуждение вопроса об учреждении контроля за деятельностью военной разведки со стороны Совета Народной Обороны (СНО) – военно-политического органа, который возглавлялся лично И. Броз Тито, состоявшего из представителей высшей партийной номенклатуры, государственного чиновничества и генералитета. Он являлся аналогом Совета Национальной безопасности США. Таким образом, предусматривался контроль не парламента, как это было сделано ранее с Управлением Государственной безопасности (УДБА), а специальной структуры, отвечавшей за координацию в области безопасности и обороны. Во время заседания часть выступавших, ссылаясь на установление парламентского контроля над органами безопасности СФРЮ, призывала не делать исключения и для военной разведки. На практике это фактически означало расширение полномочий представительной законодательной власти и ограничение исполнительной. Данный подход свидетельствовал о стремлении республиканских властей получить свою долю контроля над оборонной политикой, но не напрямую, а через представителей в федеральном парламенте. Однако эта точка зрения была отвергнута, и СНО стал главным контролером военной спецслужбы.

Важную роль в формировании структуры обороны стран Восточной Европы традиционно играли советские поставки военной техники и вооружений. В 1968 г. они составили, по оценкам американских специалистов, от 500 до 600 млн долларов (включая Югославию) из общей суммы в 700 млн долларов, а сам СССР занял второе место в торговле оружием после США, осуществивших поставки в 1968 г. в размере 1,4 млрд долларов⁶²⁵.

Оборонные возможности государств Балканского полуострова в 1968 г. свидетельствовали о том, что ни одно из них не было в состоянии вести масштабные долговременные наступательные действия, в связи с чем все они рассчитывали (прямо или косвенно заявляя об этом) на помощь союзников в случае военного конфликта. Помимо межблокового противоборства на Балканах между странами полуострова развивалось соперничество за военно-политическое

⁶²³ Antic A. Army Influence in Yugoslavia Growing. 5.2.1968. P. 2. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 77-3-199. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf77-3-199.pdf>

⁶²⁴ Odluka o promenama, nacinu i formama organizacije komunista u Jugoslavenkoj Narodnoj Armiji// Narodna Armija, 1.12.1967.

⁶²⁵ Intelligence Memorandum. Major Directions in Soviet Military Assistance. ER IM 69-61. 1.5.1969. R 5, 6. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000496069/DOC_0000496069.pdf. Советские материалы по данному вопросу продолжают оставаться недоступными. В то же время есть основания считать, что аналитические заключения американских экспертов, использовавших информацию из различных источников, максимально соответствуют действительности.

лидерство в регионе, происходило переплетение исторически сложившихся взаимных претензий с политико-идеологическими установками существовавших общественно-политических режимов уже в реалиях середины 60-х гг. XX в.

В то же время выявились существенные различия в качестве военно-технической подготовки национальных вооруженных сил и степени их интегрированности в существовавшие блоковые структуры. Как Греция и Турция, так Болгария и Румыния, являвшиеся членами противостоявших военно-политических блоков, могли соответственно рассчитывать на поддержку НАТО и ОВД в случае нападения противоположной стороны. Линия соприкосновения двух союзов между коммунистическими странами полуострова и государствами-членами НАТО – Грецией и Турцией – проходила по северной границе первой, северо-западной с выходом на бассейн Черного моря второй. Таким образом, из балканских членов НАТО именно этим двум государствам предстояло обеспечить первый эшелон обороны альянса в случае агрессии со стороны ОВД до подхода основных сил союза или выступить в роли плацдарма для Североатлантического пакта при наступлении на Юго-Западный фланг Варшавского пакта. Оценка ситуации, сложившейся в Греции после установления в ней 21 апреля 1967 г. военно-политического режима, делалась во внешнеполитических и разведывательных кругах на Западе в достаточно осторожной критичной форме. Это нашло своё выражение в констатации того, что «заговор серьезно осложнил взаимоотношения Греции с большинством её союзников по НАТО. Практически во всей западной прессе военный переворот был осужден... США приостановили поставки большинства военного оборудования по программе военной помощи с момента осуществления заговора»⁶²⁶. Внутриполитическое развитие Греции и её позиции в НАТО находились в центре внимания Болгарии. По дипломатическим и разведывательным каналам София получала информацию по этим вопросам и делилась ею с Москвой. Особую важность как для Болгарии, так и для ОВД с точки зрения возможных конкретных военно-организационных мероприятий представляли оценки и выводы политического и военного руководства НАТО и конкретных государств-членов альянса относительно стратегических задач, оперативного планирования и сложившегося положения в геостратегических регионах. Средиземноморье, представлявшее часть Юго-Западного направления Варшавского блока и военно-политических устремлений СССР, имело высокую степень стратегической значимости для обоих. Именно поэтому в информации главы отдела болгарской политической разведки КДС генерала Д. Кыосева, начальнику II (контрразведка) Управления КДС обращалось внимание на то, что ещё в конце 1967 г. Военный комитет НАТО сделал вывод об изменении политического положения в районе Средиземноморья «в противоположном для западных стран направлении», т. е. об ухудшении ситуации для них. Одновременно отмечалось, что «другим фактором, который способствовал ухудшению западных позиций в Средиземноморье, является созданное в Греции после переворота в апреле 1967 г. политическое напряжение; спор между Грецией и Турцией по поводу Кипра и вывод английских войск с некоторых баз в этом районе». Для Софии было важным также и то, что военно-политический режим в Греции, несмотря на «прозападную ориентацию» и декларируемую верность НАТО, характеризовался в альянсе как «трудный союзник с политической точки зрения», а главы МИД Италии и ФРГ «выражали беспокойство в связи с положением Юго-Восточного крыла НАТО»⁶²⁷. Нарастание советского военно-морского присутствия на этом направлении стало особенно заметно весной 1968 г. В марте 1968 г. в Средиземном море началась первая боевая служба дизельных подводных лодок 161-й бригады, поход которых, в составе 8 подлодок и одной под-

⁶²⁶ National Intelligence Estimate N 29.1-68: Greece. Central Intelligence Agency. 11.4.1968. P. 7. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000271761

⁶²⁷ Информация от ген. Кыосев относительно политическата ситуация в Гърция. 24.8.1968. С. 1. – <http://narodopis.narod.ru/ds60/DS680824bg.pdf?>

лодки 9-й эскадры⁶²⁸, продолжался до октября того же года. Задачами похода были обнаружение иностранных подводных лодок, разведка объектов военно-морских сил «вероятного противника», то есть США, изучение средиземноморского театра возможных военных действий и выявление слежения со стороны ВМФ государств-членов НАТО за советскими атомными подводными лодками⁶²⁹. Находившийся в этом регионе американский VI флот рассматривался советской стороной, с одной стороны, как основная ударная сила, способная обеспечить геостратегические позиции США и Североатлантического альянса в целом, а с другой, как реальная угроза советским интересам на Ближнем Востоке и частично в черноморском бассейне⁶³⁰.

Однако именно на средиземноморско-черноморском «участке» НАТО существовали серьезные проблемы из-за конфликтных взаимоотношений Турции и альянса. Американские дипломаты из миссии США при НАТО, которые «с интересом следили за развитием планов сокращения американского присутствия в Турции», отмечали, что «если данные действия будут реализовываться как запланировано, то они ограничат идущий полным ходом процесс обращения турок к национализму, несовместимому с взаимными обязательствами в НАТО. Все мы наблюдаем нарастание нервозности турок, обусловленной их взаимоотношениями с НАТО... Сокращение американских сил в Турции в запланированном объеме, особенно если оно будет рассматриваться турками как изолированное американское действие, не предпринимавшееся более нигде, могло бы поощрить их на то, чтобы интерпретировать подобные шаги в том же смысле, как де Голль говорит о США, и даст [им] основания для подражания французам в занятии более независимой позиции по отношению к альянсу»⁶³¹.

Внутриблоковые противоречия в ОВД и НАТО затрагивали прежде всего их балканских членов. Это создавало определенные условия для появления в руководствах обоих блоков опасений относительно эффективности обеспечения при необходимости первого эшелона обороны. В контексте развивавшегося в НАТО конфликта с Турцией усиливалась роль Греции. Она имела 11 пехотных дивизий, которые объединялись в 3 корпуса (при этом 4 дивизии находились в состоянии полной боевой готовности), одну бронетанковую дивизию, на вооружении которой находились средние танки М-47 и М-48 Patton, и одну бригаду спецназа. Общее число танков М-47 и М-48 составили 300 машин производства 1951–1953 гг., полученных от США и ФРГ по различным договорам⁶³². При этом 8 дивизий, дислоцированных на северной границе Греции, придавались командованию НАТО, в то время как дивизии, расквартированные на юге страны и на о. Крит, находились под национальным командованием, но также могли быть переданы при необходимости под командование альянса. Одновременно греческие вооруженные силы располагали двумя батальонами неуправляемых твердотопливных ракет класса «земля-земля» «Honest John»⁶³³, способных нести ядерные заряды на расстояние до 48 км⁶³⁴. В состав сухопутных сил Турции входили 1 бронетанковая дивизия, оснащенная 1347 танками⁶³⁵ М-47 и

⁶²⁸ 9-я эскадра подводных лодок Северного флота ВМФ СССР базировалась в районе населенного пункта Ура-Губа Кольского района Мурманской области.

⁶²⁹ Подробнее в: Кузин В. П., Никольский В. И. Военно-Морской Флот СССР 1945—1991. Санкт-Петербург, 1996; Широкопад А. Б. Оружие отечественного флота 1945–2000. Минск-Москва, 2001.

⁶³⁰ Baev J. The Communist Balkans against NATO in the Eastern Mediterranean area. 1949–1969. Paper presented at the International Conference on «The Cold War in the Mediterranean». Cortona, Italy, 5–6 October, 2001.

⁶³¹ Опасността Турция да заема по-независима позиция спрямо НАТО. Доклад от американо-турската мисия в НАТО до Държавния секретар. 31 юли 1968. С. 1// НАТО на Балканите.

⁶³² Zaloga S. The M47 and M48 Patton Tanks. Hong Kong, 1982. P. 15.

⁶³³ Подробнее об этом виде вооружений см. недавно рассекреченные материалы Министерства обороны США: Cagle M. History of the Basic (M31) Honest John Rocket Systems (U). 1950–1964. Washington, 1964. – <http://www.redstone.army.mil/history/pdf/honestj/honestjn.pdf>; Cagle M., McLin E. History of the Improved (M50) Honest John Rocket Systems (U). 1954–1965. Washington, 1965. – <http://www.redstone.army.mil/history/pdf/m50/honestjohn.pdf>

⁶³⁴ The Military Balance. 1968–1969. International Institute for Strategic Studies. London, 1969. P. 24.

⁶³⁵ Zaloga S. The M47 and M48 Patton Tanks. Hong Kong, 1982. P. 38.

М-48, 4 бронетанковые бригады с танками М-47, 2 мотострелковых полка, 12 пехотных и одна механизированная дивизия, 2 механизированные пехотные бригады и 2 парашютно-десантных батальона. При этом турецкие вооруженные силы обладали парком лёгких танков М-24, произведенных в конце Второй мировой войны, и самоходных артиллерийских установок класса истребителей танков, выпущенных в то же время. Фактически все подразделения сухопутных сил были приданы НАТО, за исключением отдельных частей⁶³⁶.

Противостоявшие на Юго-Западном ТВД Варшавского пакта Греции и Турции Болгария и Румыния имели определенные черты своеобразия в области имевшегося у них вооружения и организации национальных вооруженных сил также. В сухопутных силах Болгарии превалировали бронетанковые, а также моторизованные подразделения. НРБ обладала также развитой системой ПВО. В общей сложности болгарская армия имела в своем составе четыре танковые дивизии и восемь мотопехотных дивизий (в общей сложности на вооружении свыше 2 тыс. танков Т-54, Т-55 и модернизированных Т-34)⁶³⁷. Эти силы предназначались для проведения масштабных сухопутных коалиционных операций в рамках ОВД с тем, чтобы противостоять противнику на «греческом» и «турецком» направлениях и развить контрнаступление. Подвижные зенитно-ракетные комплексы С-75 были призваны обеспечивать прикрытие как стратегически значимых объектов, так и сухопутных сил на участках возможного наступления. В свою очередь, в Румынии принятые в середине 60-х гг. XX в. изменения сроков службы в вооруженных силах (1 год в сухопутных войсках и 2 года в ВМФ) серьезно повлияли на их структуру, численность и оснащение. Сухопутные силы были сведены в 2 танковые дивизии, 7 моторизованных дивизий, имевших в общей сложности 1200 танков Т-34, Т-54 и Т-55 советского производства. Как и в Болгарии, на вооружении румынских ПВО были подвижные советские зенитно-ракетные комплексы С-75⁶³⁸.

Албания, находившаяся в конфронтационных отношениях с соседними Грецией и Югославией, обладала оборонным потенциалом, накопленным ещё в период тесных отношений с СССР, а также в последующие годы сотрудничества с КНР. Албанские сухопутные силы были малочисленны и насчитывали 30 тыс. человек, включали 1 танковую бригаду и 5 пехотных бригад. На их вооружении было около 100 танков Т-34 советского производства, а также ограниченное число подвижных зенитно-ракетных комплексов С-75, способных обеспечить защиту на высотах 25-27 км и хорошо зарекомендовавших себя как в СССР, так в Китае и Вьетнаме⁶³⁹.

Большими оборонными возможностями обладала соседняя коммунистическая Югославия, развитие вооруженных сил которой к середине 60-х гг. XX в. характеризовалось высокой степенью боевой подготовки и технической оснащенности. Использувавшееся ЮНА тяжелое вооружение, а также парк ВВС имели как западное, так и советское происхождение. Сухопутные войска Югославии, насчитывавшие около 180 тыс. человек, состояли из 3 бронетанковых дивизий, имевших на вооружении американские танки М-47 (их число составляло около 300 машин)⁶⁴⁰ и советские средние танки Т-54, Т-55; 10 пехотных дивизий с приданными им модернизированными танками Т-34; 27 самостоятельных бригад, включая одну воздушно-десантную и одну морских пехотинцев. На вооружении ЮНА также находились советский лёгкий плавающий танк ПТ-76, использовавшийся как разведывательный; американские колёсные бронетранспортёры М-3 периода Второй мировой войны и советские гусеничные БТР-50П на базе шасси лёгкого плавающего танка ПТ-76; американские гаубицы 105 мм М-101 (которые начали

⁶³⁶ The Military Balance. 1968-1969. P. 27.

⁶³⁷ Ibid. P. 2.

⁶³⁸ Ibid. P. 4.

⁶³⁹ Подробнее об этом: *Zaloga S. Red SAM: The SA-2 Guideline Anti-Aircraft Missile // New Vanguard. 2007. № 134; Зенитный ракетный комплекс С-75//Сайт ОАО НПО «Алмаз» имени академика А. А. Расплетина. – <http://raspletin.ru/produce/adms/s75/>*

⁶⁴⁰ *Zaloga S. The M47 and M48. P. 38.*

выпускаться в Югославии под названием М-56) и 155 мм⁶⁴¹. Особое внимание уделялось средствам ПВО, основная часть которых была представлена советскими подвижными зенитно-ракетными комплексами С-75, сведёнными в 60 батарей, и зенитными самоходными установками ЗСУ-57-2.

Сухопутные силы Балканских государств, являясь основным компонентом национальных вооружённых сил, тем не менее не снижали значимости других видов вооружённых сил. Так, в частности, особое значение придавалось как в самой Греции, так и в руководстве НАТО военно-воздушной составляющей греческого оборонного потенциала, включая зенитно-ракетные средства ПВО. Последние начали поступать на вооружение в Греции относительно недавно и в 1968 г. ими был оснащен лишь один батальон ракетно-зенитных комплексов диапазона средних высот (до 25 км) «Hawk», к которым добавился один батальон с противовоздушными ракетными установками «земля-воздух» Nike-Ajax и Nike-Hercules.

Ставка на усиление греческих ВВС нашла свою реализацию в оснащённости греческих вооружённых сил передовыми для своего времени самолётами и вертолетами. Греция имела 2 эскадрильи (каждая по 18 машин) всепогодных лёгких многоцелевых сверхзвуковых истребителей F-5A. Они разрабатывались в США специально для «Программы военной помощи иностранным государствам» в рамках НАТО и СЕНТО. Несколько из этих машин закупило для своих нужд с целью использования во Вьетнаме Министерство обороны США. Помимо этого, греческие ВВС имели в своём составе 2 эскадрильи истребителей-бомбардировщиков F-104G и четыре эскадрильи истребителей-бомбардировщиков F-84F, полученные греческой стороной от США одной из первых в НАТО. Военно-транспортные самолёты С-47 и С-119G, предназначенные для перевозки груза и десантирования, были призваны обеспечить взаимодействие греческих вооружённых сил с союзниками по НАТО. Семь тактических эскадрилий и одна эскадрилья транспортной авиации находились в составе VI союзного тактического флота, который отвечал за воздушное пространство Средиземного и Черного морей.

В свою очередь, военно-воздушные силы Турции были ориентированы на проведение не только оборонительных, но и наступательных действий в составе коалиционных сил НАТО и насчитывали около 500 машин различного типа. Основной упор в организации и оснащении военно-воздушных сил Турции был сделан на подразделения истребителей-бомбардировщиков: 2 эскадрильи F-104G, 4 эскадрильи F-5A и 10 эскадрилий F-100C. Самолёты-перехватчики были сведены в 1 эскадрилью F-5A и 6 эскадрилий F-86D/E/K. Действиям ВВС придавалось особое значение как турецким командованием, так и руководством НАТО. Это было обусловлено географическим расположением страны, имевшей выходы одновременно на Балканы, советское Закавказье, Переднюю Азию и Ближний Восток. Поэтому турецкие ВВС имели в своём распоряжении 3 эскадрильи разведывательных самолётов RF-84F и F-84Q⁶⁴², оснащённых высокоточной аппаратурой для аэрофотосъёмки. Главными элементами разведснаряжения были: камера, способная делать трёхмерные изображения; компьютерная система контроля, объединявшая показатели данных объекта по яркости, скорости и высоте; самофокусирующаяся камера высокого разрешения и вертикального поиска объекта перископического вида на панели кабины пилота, а также специальное синхронизирующее устройство голосового сопровождения пилотом фиксируемого видеоряда. В соответствии с боевым расписанием каждая эскадрилья насчитывала не менее 20 машин. Военно-транспортная авиация состояла из четырех эскадрилий С-47, С-54 и С-130 и была способна обеспечить переброску личного состава, а также технику как собственно турецких ВС, так и союзников по НАТО. Прикрытие

⁶⁴¹ The Military Balance. 1968-1969. P. 43.

⁶⁴² Ibid. P. 28.

стратегически важных объектов средствами ПВО было обеспечено с помощью 6 батарей, сведённых в два батальона ЗРК Nike-Hercules⁶⁴³.

Коммунистические страны Балканского полуострова также придавали особое значение ВВС в структуре своих вооружённых сил в соответствии с определёнными целями, которые они были призваны выполнять. Болгарские военно-воздушные силы комплектовались и оснащались с расчётом на то, чтобы перекрыть доступ к воздушному пространству страны и нанесению ударов по Юго-Западному флангу ОВД. В этой связи основными типами боевых самолётов, в количестве около 250 машин, были истребители и перехватчики МиГ-17, МиГ-19 и МиГ-21. Они были сведены в 6 эскадрилий перехватчиков (МиГ-17 и МиГ-21), 6 эскадрилий перехватчиков МиГ-19, 6 эскадрилий поддержки МиГ-17, 3 эскадрильи самолётов разведки МиГ-17. Помимо этого в составе болгарских ВВС было 20 транспортных самолётов Ил-12 и Ил-14. Вертолетный парк был представлен 40 машинами Ми-4⁶⁴⁴. Военно-воздушные силы соседней Румынии, насчитывавшие 240 боевых самолетов, включали 18 эскадрилий МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19 и МиГ-21⁶⁴⁵. Помимо этого румынские ВВС обладали 10 средними транспортными самолётами Ил-12, Ил-14 и Ли-2, а также вертолетным парком из 10 Ми-4. Отличительной особенностью военно-воздушных сил Румынии являлось наличие в их распоряжении около 150 тренировочных самолётов Як-18 и Л-29⁶⁴⁶.

Югославские ВВС обладали значительными техническими средствами. Их оснащение включало боевые машины, закупленные по линии сотрудничества с США и, в меньшей степени, с СССР⁶⁴⁷. Из 335 единиц боевой техники военно-воздушных сил ЮНА 50 боевых самолётов были новейшими многоцелевыми истребителями второго поколения МиГ-21 различной модификации с преимущественно ракетным оружием; 120 американских самолетов истребителей-перехватчиков F-86D, CF-86; 120 американских истребителей-бомбардировщиков. Одновременно югославские ВВС получили боевые машины местного производства – 15 самолётов-штурмовиков и разведчиков Soko J-21 Jastreb, к которым начинали добавляться Soko G-2 Galeb – штурмовики, предназначенные для борьбы с небольшими подразделениями противника и выполнявшие функции разведчика-поисковика⁶⁴⁸. В состав ВВС входили 30 разведывательных машин RT-33A и F-86E американского производства; 25 средних транспортных самолётов американского и советского производства С-47 и Ил-14. Аналогичным было сочетание машин в вертолетном парке ЮНА: 20 из них являлись произведёнными в Югославии по лицензии копиями американских Whirlwinds и 15 – советских Ми-4⁶⁴⁹.

Наиболее слабыми из военно-воздушных сил коммунистических балканских стран являлись албанские. Этот вид вооружённых сил насчитывал всего 5 тыс. человек. В то же время он был оснащён 60 боевыми машинами – в основном МиГ-15, МиГ-17 и МиГ-19. Они были сопоставимы по своим боевым качествам и тактико-техническим данным с американскими F-86, находившимися на вооружении ВВС соседней Греции. Для переброски войск и вооружений, а также десантных операций военно-воздушные силы Албании имели около 20 самолётов Ан-2, Ил-14, а также вертолеты Ми-4⁶⁵⁰.

Имея в виду значимость средиземноморского и черноморского водных бассейнов для обороноспособности двух противостоявших блоков, как в самих странах НАТО и ОВД, так и на уровне руководства США и СССР большое внимание уделялось военно-морским силам

⁶⁴³ Ibid. P. 28.

⁶⁴⁴ Ibid. P. 2.

⁶⁴⁵ Ibid. P. 4.

⁶⁴⁶ Ibid. P. 4.

⁶⁴⁷ Ibid. P. 43.

⁶⁴⁸ Подробнее см. в: Military Aircraft of the Cold War (The Aviation Factfile). Ed. by Winchester J. London, 2006.

⁶⁴⁹ The Military Balance. 1968-1969. P. 43.

⁶⁵⁰ Ibid. P. 2.

стран-членов альянсов. Состав и вооружение военно-морских сил Греции, в которых доминировали корабли береговой охраны (эскадренные и эскортные миноносцы, десантные корабли), определялись задачами обеспечения безопасности прибрежной зоны Греции и её островов с расчётом на участие в более крупных военно-морских операциях ВМФ стран-участниц НАТО и VI флота США⁶⁵¹.

Военно-морские силы Турции также достигли к 1968 г. достаточной степени оснащённости и организационной оформленности с учётом требований как национальной обороны, так и коалиционного взаимодействия в рамках военной политики Североатлантического альянса. Это выразилось в комбинировании судов, относящихся к категории наступательных, с судами береговой обороны и транспортно-десантными. Являясь страной «двух морей» – Средиземного и Черного, Турция приобретала важное значение для НАТО как государство, географически способное контролировать не только два морских бассейна, но и соединяющие их проливы. Подводный флот турецких ВМС, насчитывавших 10 судов, был усилен надводными кораблями: 10 эскадренными миноносцами, 8 торпедными катерами. Береговая оборона ВМФ включала 15 судов берегового сопровождения, 6 береговых минных заградителей, 14 минных тральщиков и 80 десантных судов различных типов⁶⁵².

Военно-морская компонента албанских вооружённых сил была несопоставима с тем, чем обладали соседи этой страны, так как 3 подводные лодки, 8 минных тральщиков и 20 вспомогательных судов были явно недостаточны с точки зрения оборонных потребностей страны⁶⁵³.

Наиболее слабыми (если исключить Албанию) по оснащению и численности являлись болгарские ВМФ, насчитывавшие около 6 тыс. человек персонала, 2 подводные лодки, 2 эскадренных миноносца, 8 кораблей сопровождения, 6 тральщиков и 35 вспомогательных судов⁶⁵⁴. Незначительными силами НРБ обладала и на р. Дунай, где базировалась Дунайская флотилия.

Румынские ВМС в структуре вооружённых сил страны занимали в 1968 г. достаточно скромное место, обладая 3 кораблями сопровождения, 30 минными тральщиками, 5 ракетными катерами проекта 205 (по классификации НАТО «Оса») и 25 вспомогательными судами⁶⁵⁵. В свою очередь, руководство Румынии всё более склонялось к мысли о необходимости определения собственной «черноморской политики». Её сутью становилось расширение румынского присутствия в черноморском бассейне, расширение взаимоотношений с Турцией – второй после Советского Союза силой в регионе и членом НАТО, а также укрепление позиций в Средиземном море и проведение «собственной игры на периферии Красной империи»⁶⁵⁶. Н. Ча-ушеску планировал строительство большого морского флота и связывание черноморского бассейна с Дунаем, создание нефтеналивных сооружений, позволявших бы аккумулировать сырьё из Ирана и арабских стран⁶⁵⁷. Особое внимание начало придаваться развитию собственно национального военно-промышленного комплекса Румынии. Это нашло своё отражение в решениях пленума ЦК РКП, состоявшегося в марте 1968 г. и занимавшегося вопросами тяжелой и авиационной промышленности⁶⁵⁸. Одним из воплощений решений пленума было создание Авиационного научно-исследовательского института ICPAS (Institutul de Cercetare și Proiectare Aeronautică).

Отличительной чертой югославских военно-морских сил была их ориентация на обеспечение обороны растянутой прибрежной линии, прикрытия которой осуществлялось более

⁶⁵¹ Ibid. P. 24.

⁶⁵² Ibid. P. 27, 28.

⁶⁵³ Ibid. P. 2.

⁶⁵⁴ Ibid. P. 2.

⁶⁵⁵ Ibid. P. 4.

⁶⁵⁶ Zodian V. «Noua și vechea» politică a României la Marea Neagră // *Lumea Militară*. 2005. N 1. P. 7

⁶⁵⁷ Ibid.

⁶⁵⁸ Подробнее в: Orescu Ș. *Ceașismul – România între anii 1965–1989*. București, 2006.

60 батареями береговой артиллерии⁶⁵⁹. Этим объяснялось относительно небольшое количество подводных лодок (4 единицы) и эскадренных эсминцев (3 единицы), береговых тральщиков (4 единицы) в составе ВМФ Югославии. Основная часть флота была представлена кораблями берегового охранения (20 единиц), боевыми катерами (25 единиц), береговыми минными тральщиками (20 единиц) и вспомогательными кораблями. Помимо этого в распоряжении ВМФ находились 40 торпедных катеров и 4 ракетных катера проекта 205 («Москит») советского производства, известных по классификации НАТО как «Osa»⁶⁶⁰, оснащенные советскими противокорабельными ракетами П-15 «Термит» (по классификации НАТО SS-N-2 Styx)⁶⁶¹.

Таблица 15

Советские поставки военно-морских судов в балканские коммунистические государства (1953-1968)⁶⁶²

Виды и типы судов ВМФ	Страны			
	Албания	Болгария	Румыния	Югославия
Подводные лодки	4	5	–	–
Эскортные миноносцы	–	2	–	–
Ракетные катера	–	–	5	7
Торпедные катера	6	8	13	–
Корабли береговой охраны	6	8	4	–
Патрульные катера	11	–	–	5
Миноносцы	8	7	20	–
Корабли обеспечения	4	–	–	–
Вспомогательные суда	14	23	–	–

Средиземноморский бассейн, имевший непосредственное отношение к южному направлению оборонной политики ОВД и НАТО, зимой 1968 г. всё более обращал на себя внимание руководства двух блоков. В феврале 1968 г. Генеральный секретарь НАТО М. Бросио склонялся к мысли о том, что Североатлантический альянс должен иметь в Средиземноморье постоянное формирование ВМС, состоящее из объединенных сил Италии, Великобритании и США. Это предложение было поддержано американской стороной⁶⁶³, которая располагала в данном районе значительными военно-морскими силами в виде VI флота.

Необходимость усиления или перегруппировки имевшихся в распоряжении противостоявших блоков сил определялась как ситуативными, так и долговременными стратегическими оценками собственных оборонных возможностей и потенциала вероятного противника на определенном участке одного или одновременно нескольких европейских ТВД. В этой связи важным фактором, влиявшим на принятие конкретных военно-стратегических решений, становилось определение базовых параметров военной доктрины государств-членов противоположного блока и самого военно-политического союза в целом.

⁶⁵⁹ The Military Balance. 1968-1969. P. 43.

⁶⁶⁰ См. об этом в: Slade S. The True History of Soviet Anti-Ship Missiles// RID Magazine. 1994, May.

⁶⁶¹ The Military Balance. 1968-1969. P. 43.

⁶⁶² Источник: Trends and Prospects in Soviet Maritime Activities. National Intelligence Estimate. Number 11-10-069. 12.6.1969. P. 18 – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000272974/DOC_0000272974.pdf

⁶⁶³ 291. Telegram From the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization. Washington, February 22, 1968//Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. 1964-1968. Washington, 2001. Volume XIII. P. 671.

§12. Накануне Праги: политика, оборона, разведка

К началу 1968 г. в военных кругах США и НАТО не могли прийти к однозначным выводам относительно военной доктрины двух главных коммунистических держав – СССР и КНР. Первая из них являлась ещё и лидером регионального военно-политического пакта – ОВД. Это объяснялось противоположными подходами Москвы и Пекина к политическому и военно-техническому аспектам подготовки собственных вооруженных сил. Противоречие, отмеченное американскими военными, заключалось в том, что «Советы считают, что технология – это ключ к военной мощи. Руководители коммунистического Китая заявляют о том, что народ, правильно воспитанный, является решающей силой»⁶⁶⁴.

Одновременно в отношении советской оборонной политики и роли военных кругов в её формулировании к 1968 г. у зарубежных экспертов из числа представителей американского разведывательного сообщества уже появилась определенная ясность: «Советская оборонная политика является частично функцией кремлевской политики, которая, как и повсюду, затрагивает вопрос о том, кто решает и что должно быть решено. В то время как первый вопрос редко можно задать напрямую в Советском Союзе, он обнаруживается в практическом политическом отношении каждый раз, когда советское руководство стоит перед главным решением, и каждый раз, когда основная политическая линия подвергается анализу... Последние свидетельства говорят о том, что военный истеблишмент не избегает вмешательства в политические дела, с тем чтобы усилить или защитить свои интересы»⁶⁶⁵.

Таким образом, политическая и военная составляющая советской оборонной доктрины, включавшей как один из своих важных элементов коалиционное взаимодействие с коммунистическими странами советского блока, входившими в Варшавский пакт, оказывали серьезное взаимовлияние. Советские высшие военные круги выступали в роли лоббистов определенных реформ в ОВД, имевших не только военный, но и политический характер. Более того, ситуация, складывавшаяся в международном коммунистическом движении, где усиливались центробежные тенденции, имела также непосредственное отношение и к оборонной проблеме, так как затрагивала важный для Москвы и её союзников по пакту вопрос «единства действий коммунистических и прогрессивных сил». Оно использовалось Кремлём как инструмент манипулирования общественным мнением за пределами коммунистического блока и борьбы против оппонентов в лице коммунистических Китая и Албании. Смена партийного руководства в Чехословакии, когда 5 января 1968 г. первым секретарем КПЧ стал А. Дубчек, занявший этот пост после смещения А. Новотного, которого 22 марта на посту президента заменил генерал Л. Свобода, стала одним из важных событий для Восточного блока. Начатая новым чехословацким партийным руководством «политика обновления» и попытка проведения им реформ под лозунгом строительства «социализма с человеческим лицом» обеспокоила руководство СССР⁶⁶⁶, а также ряда глав режимов других государств-членов ОВД. Помимо Румынии и Албании отныне мог появиться ещё один добивающийся большей независимости член пакта. Однако на совещаниях зимы – весны 1968 г. с участием чехословацкой стороны не проявля-

⁶⁶⁴ Scott W. The Contrast in Chinese and Soviet Military Doctrines// Air University Review. 1968. January-February. Цит. no: <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1968/jan-feb/scott.html>

⁶⁶⁵ The USSR: Problems, Policies, And Prospects; 1967-1968. CIA Analysis. 9.1.1968. P. iii-1 – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000233698

⁶⁶⁶ Report by Czechoslovak Television Reporter on Soviet Reactions to the Events in the CSSR, February 28, 1968. Our Source: Navratil J. «The Prague Spring 1968». Hungary: Central European Press, 1998, pp. 55-57. Original Source: IJSD, ALJD KSC, F. 07/15; Vondrova & Navratil. V. 1. P. 52-54. Translated by: Mark Kramer, Joy Moss and Ruth Tosek. Comment: This is the report written by a Czechoslovak journalist some months after Dubcek's election. It concerns the assessments made by the Soviet people about the situation in Czechoslovakia and about Dubcek. Prague Spring. Historical Document. – <http://library.thinkquest.org/C001155/documents/doc06.htm>

лось каких-либо отчётливых признаков изменения отношения Праги к ОВД и СССР. Э. Ходжа так характеризовал происходившее в Чехословакии: «Смена прислуги в Чехословацком ревизионистском руководстве. Брежнев поздравляет Дубчека. В своей телеграмме Брежнев делал упор на сохранение советско-чехословацкой “дружбы”. Но именно эта дружба теперь будет не сохранена, а сведена на нет. Ослабнет дружба между чехами и словаками, не говоря уже о дружбе с советскими... Каким же образом корзины с раками станут Варшавский Договор, СЭВ и всё так называемое сотрудничество, пронизанное духом интернационализма?!⁶⁶⁷ Мы будем свидетелями многих скандалов»⁶⁶⁸.

Ближайший союзник Кремля по Варшавскому пакту на Балканах – глава коммунистической Болгарии Т. Живков – посетил Прагу 21-24 февраля 1968 г. в 20-летнюю годовщину коммунистического переворота в Чехословакии с явно «рекогносцировочным» визитом. Судя по всему, он сделал это не только в интересах болгаро-советского альянса и ОВД, но и реализации собственных региональных внешнеполитических планов. Ставка на пропаганду болгарского подхода к балканскому сотрудничеству, формулировавшемуся Софией как болгарская мирная инициатива на полуострове, была столь высока, что глава болгарского коммунистического режима пытался достичь серьезных результатов во взаимоотношениях с соседними государствами, включая членов НАТО – Турцию и Грецию. В это время с соседней Югославией вновь расширилась пропагандистская полемика по так называемому македонскому вопросу, в связи с чем югославские средства массовой информации, с одной стороны, заявляли о «добрососедском характере взаимоотношений», а с другой, резко выступали против болгарской интерпретации «македонской тематики»⁶⁶⁹. Этот спор, как отмечали и сторонние наблюдатели, при определенных обстоятельствах мог приобрести военно-политическое измерение, так как в случае прекращения существования Югославии и выделения из её состава союзной республики Македония последняя могла начать претендовать на территории, входившие в состав Болгарии и Греции⁶⁷⁰.

Расширение внешнеполитической активности Болгарии зимой 1968 г. отмечалось на средиземноморском направлении, и особенно в отношении стран-членов НАТО, проводивших нередко подчеркнуто независимый курс в рамках евро-атлантического сообщества. К их числу относилась Италия, где болгарская дипломатия в феврале 1968 г. попыталась прозондировать почву относительно возможности балканского регионального сотрудничества. Для Софии была важна оценка итальянским министром иностранных дел А. Фанфани её политики на полуострове, которая характеризовалась главой итальянского внешнеполитического ведомства положительно, так как «болгарское правительство “работало хорошо и мудро во имя спокойствия на Балканах”»⁶⁷¹. Более того, Рим положительно оценивал развитие болгаро-турецких и болгаро-греческих отношений, а также разделял так называемую обеспокоенность Софии по поводу ситуации в Греции⁶⁷².

⁶⁶⁷ В данном случае приводится русский перевод, опубликованный в Албании. В албанском оригинале эта фраза, призванная подчеркнуть высокую степень разногласий в Восточном блоке, была следующей: «Какой же корзиной с раками станут Варшавский Договор, СЭВ и всё так называемое сотрудничество, пронизанное духом интернационализма?!»

⁶⁶⁸ Смена прислуги в Чехословацком ревизионистском руководстве. Пятница, 5 января 1968 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 212, 213.

⁶⁶⁹ Stankovic S. New Yugoslav Attack on Bulgaria over Macedonia. 10.1.1968. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report. 77-3-272. – http://www.osaarchivum.org/files/holdings/3_00/8/3/pdf/77-3_272.pdf

⁶⁷⁰ Stankovic S. Causes Of Anti-Bulgarian Campaign In Yugoslavia. 30.1.1968. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 7-1-297. – http://www.osaarchivum.org/files/holdings/3_00/8/3/pdf/7-1_297.pdf

⁶⁷¹ Из протокол от заседание на ПБ на ЦК на БКП с решение за разширяване на до-говорните отношения на НРБ с Италия, придружено с доклад от Иван Башев, министър на външните работи и утвърдена от Комисията за икономическо и научно-техническо сътрудничество при МС програма. 21 май 1968 г. Протокол «А» № 200 на заседанието на Политбюро на ЦК на БКП от 21 май 1968 г. V. За отношенията на НРБ с Италия. С. 1, 13-14, 63-81. – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdel5t2/flbop35ael99.pdf

⁶⁷² Там же.

В начале марта 1968 г. зарубежные эксперты отмечали, что «оценка проведения Болгарией балканской политики должна учитывать не только болгаро-советский союз, но также и исторические взаимоотношения на Балканах, нынешнюю ситуацию в регионе и возможности, существующие для Болгарии... Не касаясь первой темы в данный момент, ясно, что непримиримость албанского руководства и военный переворот в Греции являются факторами регионального характера, влияющие на развитие балканского сотрудничества и рассматриваемые режимом в Софии как враждебные болгарским интересам»⁶⁷³. Существовавший в Греции режим оценивался болгарской стороной как похожий на предвоенный, затруднявший развитие добрососедских отношений на Балканах⁶⁷⁴.

Балканский аспект проблемы, имевшей и военно-политическое измерение, проявился накануне подготовки международной консультативной встречи представителей коммунистических и рабочих партий, проведение которой было намечено на 26 февраля – 5 марта 1968 г. в Будапеште. Руководство Албанской партии труда, выступило против созыва любого совещания под патронатом СССР. В свою очередь, руководитель РКП Н. Чаушеску поставил условие: в работе совещания должно было предусматриваться участие «всех коммунистических партий и не плохо, если бы также [приняли участие] и некоторые социалистические партии: японская, чилийская и другие; чтобы на встречу в Будапешт были приглашены все компартии, в том числе и СКЮ и все, которые откололись, как то индийская, израильская и прочие; чтобы не принимались документы, а происходил только обмен мнениями; ни под каким видом не восстанавливать центр Международного коммунистического движения (на такой центр не может претендовать ни одна партия); вмешательство некоторых партий в работу других является вредным и ведёт к расколу; каждая партия должна быть самостоятельной, каждая социалистическая страна – независимой. На будапештской встрече не выступать против какой-либо компартии, а искать объединяющую позицию»⁶⁷⁵. Однако на встречу так и не была приглашена югославская сторона, о чём весьма критично уже после проведения консультативного совещания заявил представитель СКЮ Дж. Муезинович, находившийся в Будапеште. Позиция Белграда была во многом схожа с точкой зрения Бухареста⁶⁷⁶. Со своей стороны, руководство коммунистической Албании выступило с жёсткой критикой будапештской встречи, а среди подвергшихся наибольшему осуждению Тираны были, помимо СССР и Югославии, Румыния⁶⁷⁷. Судя по всему, Э. Ходжа, даже несмотря на позиции СКЮ и РКП, решил подчеркнуть свою верность союзу с КПК, которая жёстко выступила с осуждением конференции и тех, кто не сделал того же публично. Выступление против позиции румынской компартии было обусловлено неприятием Тираной любой формы нейтралитета во «внутрикоммунистическом конфликте».

Идейно-политические разногласия между партийно-государственным руководством СРР и СССР имели продолжение уже в оборонной сфере на совещании на уровне начальников Генеральных штабов – заместителей министров обороны стран-участниц ОВД, состоявшейся 29 февраля – 1 марта 1968 г. в Праге. Целью совещания было, по замыслу советской стороны, убедить союзников по блоку в необходимости создания Военного Совета ОВД, который дол-

⁶⁷³ Costello M. Bulgaria's «Peaceful Policy In The Balkans». 1.3.1968. P. 4, 5. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 7-1-264. – http://www.osaarchivum.org/files/holdings/3_00/8/3/pdf/7-1-264.pdf

⁶⁷⁴ 35. Memorandum of Conversation. Washington, April 1, 1968. SUBJECT Visit of Bulgarian Ambassador Guerassimov PARTICIPANTS Bulgarian Ambassador Luben Guerassimov, Vesselin Vassilev, Attache, Bulgarian Embassy Assistant Secretary John M. Leddy, Robert B. Houston, Jr., EUR/EE //Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. P. 141.

⁶⁷⁵ Позиция румынской стороны дана по документу от 6 февраля 1968 г. из Архива МИД Республики Болгарии в: Баева И. 1968 година – повратна за Източна Европа//1968 – Четрдесет година после. Београд, 2008. С. 38.

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ Редакционный материал на данную тему под названием «Будапештский карнавал» был опубликован в органе ЦК АПТ газете «Зери и популит»: Budapest karnaval// Zeri i Popullit, 15.3.1968.

жен был играть роль, аналогичную натовскому Военному Комитету. Однако позиция Румынии серьезно повлияла как на саму работу совещания, так и на принятые решения. Встречей руководил главнокомандующий ОВС ОВД советский маршал И. И. Якубовский. Он ссылаясь на результаты встречи министров обороны стран-участниц пакта, проходившей в мае 1966 г. и принявшей решение о создании штаба ОВС и комитета по техническим вопросам. Якубовский пытался добиться принятия устава Военного Совета. Маршал предпринял попытку представить дело таким образом, что существовавшие ранее замечания румынской стороны о необходимости принятия единогласных решений в Военном Совете и соблюдении права вето, фактически сняты с повестки дня, а Румыния якобы согласна с планом создания этого органа. Последовавшие действия Бухареста были охарактеризованы Якубовским как приобретающие всё более «негибкий характер». Именно поэтому он предложил согласиться в принципе с идеей создания Военного Совета, уточнив позднее детали, и дать, таким образом, возможность румынской стороне принять участие в решении этого вопроса⁶⁷⁸. Попытка румынской делегации вернуться к обсуждению проекта документа 1966 г. натолкнулась на серьезные препятствия. Как оказалось, «все члены других делегаций, и более всего настойчиво это делали генерал армии Соколов и маршал Якубовский, заявляли, что не имеют инструкций по данному вопросу, что они не готовы, и что нынешние условия не подходят для того, чтобы ответить на проблемы, поставленные румынской стороной». Начальнику Генерального штаба румынских вооруженных сил генерал-полковнику И. Георге становилось ясно (что и подтвердилось чуть позже): Москва начинала использовать новую тактику в общении со своими партнерами по Варшавскому пакту с целью достижения желаемого ею результата. Она предлагала проекты решений по важным вопросам, связанным с деятельностью ОВД, без предварительных обсуждений с союзниками. 24 мая 1968 г. маршал Якубовский направил в Министерство обороны СРР проекты уставных документов об Объединенных вооруженных силах ОВД, Военном Совете и Объединенной системе ПВО⁶⁷⁹. По справедливому заключению экспертов румынского Министерства обороны, реализация советских предложений по данным вопросам фактически вела к ликвидации контроля правительств стран-членов Варшавского блока над национальными вооруженными силами и легитимировала их окончательный переход под управление ОВД, т. е. под советское командование⁶⁸⁰.

Бухарест не соглашался на отказ от ранее выдвинутых принципов суверенитета в оборонных вопросах, и фактически по его инициативе 6-7 марта 1968 г. состоялось заседание ПКК в Софии. Ещё накануне его проведения румынская сторона, как впоследствии отмечали в Госдепе США, распространила «слухи о том, что она хотела его созыва с тем, чтобы обсудить договор о нераспространении ядерного оружия»⁶⁸¹. Н. Чаушеску хорошо понимал значение его страны для ОВД. В 1958 г. Н. С. Хрущев согласился на вывод советских войск из Румынии, что во многом было обусловлено второстепенным, как тогда полагала Москва, со стратегической точки зрения местом этой страны в оборонных схемах Варшавского пакта. Однако, являясь частью системы противовоздушной обороны ОВД⁶⁸² и находясь на западном фланге СССР, Румыния играла серьезную роль в советской системе ПВО. Её значимость повышалась в связи с наличием общей границы с Югославией в случае необходимости давления на Белград, так

⁶⁷⁸ См. no: Document n 45. Memorandum of results of the Chiefs of General Staff Meeting regarding Reorganization of the Warsaw Treaty, March 1, 1968// A cardboard castle? An inside history of the Warsaw Pact, 1955-1991. P. 249-251.

⁶⁷⁹ Ionescu M. E. Introduction// Romania and the Warsaw Pact: 1955-1989. Cold War International History Project. Working Paper # 43. Washington, 2004. P. 78, 79. См. также: Баев И. Изграждане на военната структура на организацията на Варшавския Договор, 1955-1969 г.//Военноисторически сборник. 1997. Кн. 5

⁶⁸⁰ Ionescu M. Op. cit. P. 80.

⁶⁸¹ Телеграмма от Държавния секретар на САЩ до мисията в НАТО относно съвещанието на Варшавския пакт в София, 12.3.1968. С. 2// България във Варшавския Договор.

⁶⁸² Retegan M. Romania and the Warsaw Treaty Organization: 1968//Euro-Atlantic Studies. 1999. N 2. P. 34.

как практически весь северный и восточный периметр ФНРЮ, имея в виду границы Болгарии, оказывался бы под советским контролем.

Данный факт учитывался в Бухаресте. Поэтому румынское руководство рассчитывало на то, чтобы быть услышанным советской стороной. В определенной степени румынская позиция была продолжением ранее проводившейся политики, когда на заседании заместителей министров иностранных дел стран-участниц ОВД, проходившем 26-27 февраля 1968 г. в Берлине, румынский представитель жёстко выступил против советской версии договора. Впоследствии это стало причиной принятия остальными членами Варшавского пакта неформального решения не приглашать на подобные консультации в дальнейшем румынских представителей⁶⁸³.

В свою очередь, за действиями румынского руководства внимательно наблюдали в США. В американских дипломатических кругах не считали, что Бухарест в состоянии добиться принятия выгодного для него решения. Это объяснялось тем, что «румыны с трудом могли ожидать поддержку своей позиции по данному вопросу со стороны других членов Варшавского договора и единственное, что они могли ожидать – это новое подтверждение несогласия между ними и другими членами пакта [ОВД] относительно договора о нераспространении ядерного оружия»⁶⁸⁴.

В этой связи два основных вопроса являлись важными для румынской стороны: реорганизация руководящих органов ОВД и договор о нераспространении ядерного оружия. Обе темы имели непосредственное отношение к позициям СРР на международной арене и формулировавшейся её руководством в лице Н. Чаушеску концепции внешнеполитического курса, отличавшегося высокой степенью самостоятельности в Восточном блоке. Уже в самом начале совещания Н. Чаушеску выразил несогласие с формулировкой третьего пункта повестки дня, которая звучала как «Создание и формирование Штаба и Военного Совета Объединенного Командования ОВД». Он попросил изменить название этого пункта на «Военные вопросы», что, по сути, отражало нежелание Бухареста связывать себя обещаниями какого-либо компромисса по вопросу, вызывавшему у него серьезные опасения. В ходе заседаний был заслушан доклад Главнокомандующего ОВС ОВД маршала Якубовского, но решение оказалось вновь отложено, а резолюция носила секретный характер⁶⁸⁵. Одновременно глава коммунистической Румынии хотел внести ряд серьезных поправок в обсуждавшийся Договор о нераспространении ядерного оружия. Этот документ параллельно рассматривался в Женеве на заседаниях Комитета по разоружению восьми стран. Суть требований Бухареста заключалась во включении в Договор положения о неприменении ядерного оружия против неядерных держав, что, по сути, должно было вывести Румынию из-под вероятного удара в случае межблокового конфликта. Однако это требование оказалось невыполнимым, как об этом заявила советская сторона, в виду вероятного сопротивления США. Румынское партийно-государственное руководство также хотело бы избежать в официальных итоговых документах и на политическом уровне в рамках ОВД обращения к тезису «советское ядерное оружие – гарантия безопасности Восточной Европы». Однако за такую формулировку выступили другие союзники Москвы в Восточной Европе – Польша и Восточная Германия, опасавшиеся усиления военного потенциала ФРГ⁶⁸⁶. Позиция Чаушеску была обусловлена его стремлением добиться для себя свободы маневра как в рамках ОВД, так и во взаимоотношениях с Западным блоком, и прежде

⁶⁸³ Об этом решении информация содержится в шифротелеграмме болгарского посольства в Софию, датированной ещё 17 февраля 1968 г., т. е. практически накануне проводившегося совещания: *Баева И.* 1968 година – повратна за Източна Европа. С. 35.

⁶⁸⁴ Телеграмма от Държавния секретар на САГЦ до мисията в НАТО относно съвещанието на Варшавския пакт в София, 12.3.1968. С. 2// България във Варшавския Договор.

⁶⁸⁵ Document N 46. Czechoslovak Report on the Meeting of the Political Consultative Committee of March 6-7, 1968, March 26, 1968// A cardboard castle? P. 257.

⁶⁸⁶ Подробнее о софийском заседании в: Document N 46. Czechoslovak Report on the Meeting of the Political Consultative Committee of March 6-7, 1968, March 26, 1968// A cardboard castle? P. 252-257.

всего – США. Подобная политика начинала восприниматься с подозрением в Москве и среди её наиболее последовательных союзников⁶⁸⁷.

Софийское совещание ПКК оказалось для советского руководства исключительно неудачным. Несмотря на попытки Кремля скрыть этот факт, информация о результатах, хотя и в крайне ограниченном виде, стала доступна американским дипломатам и разведывательным органам. В соответствии с оценкой, сделанной в Госдепе США, «совещание Варшавского договора выглядит наименее продуктивным за всю историю пакта», «коммюнике являлось бесплодным документом, в котором, в основном, «перечисляются присутствовавшие», «Румыния не подписала отдельное заявление», «конференция проведена в атмосфере сгущившихся туч из-за румынского отказа от участия в консультативной встрече коммунистических партий в Будапеште»⁶⁸⁸. В свою очередь, румынская сторона достаточно серьезно воспринимала ситуацию, которая складывалась в её взаимоотношениях с СССР и рядом его союзников. Среди вариантов решения проблемы, предлагавшихся представителями военного истеблишмента партийно-государственному руководству страны, в частности министром обороны И. Ионице, существовало два главных. Одним из вариантов являлся «максималистским», – в случае невозможности достижения компромисса, выйти из военной структуры ОВД, как это сделала Франция в отношении НАТО. Второй вариант предусматривал продолжение пребывания Румынии в Варшавском пакте, но при соблюдении принципа суверенитета, составными элементами которого были отказ от размещения иностранных войск в Румынии, невозможность диктата общештатного командования в отношении румынских вооруженных сил, сохранение за Румынией свободы внешнеполитического маневра⁶⁸⁹.

В то же время Бухарест не прекращал развернутую румынской политической разведкой деятельность, направленную на получение секретной политической и военной информации в странах Европы, а также в структурах НАТО. В Париже на протяжении 1958-1968 гг. действовала хорошо законспирированная так называемая «Сеть Карамана» (Re{ea Caraman)⁶⁹⁰ в составе 13 кадровых сотрудников разведки⁶⁹¹, имевших на связи агентов из числа представителей гражданской и политической элиты Франции. Своё название она получила по имени резидента румынской разведки во Франции Михая Карамана. «Сеть» нанесла серьезный ущерб НАТО, так как полученные румынской резидентурой данные передавались и советскому КГБ⁶⁹². Лишь в 1969 г. после раскрытия ряда агентов «Сети» Караман был вынужден покинуть Францию⁶⁹³.

Происходящее в Варшавском пакте, с учётом усиливавшихся центробежных процессов в Восточной Европе, являлось предметом особого интереса для НАТО и его членов. Проблема оценки разведывательной информации об СССР и Восточном блоке в целом, получае-

⁶⁸⁷ См.: Пленум на Централния Комитет на Българската Комунистическа партия, състоял се на 14 март 1968 год. Стенограма// Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=17966&navinfo=14465>.

⁶⁸⁸ Телеграмма от Държавния секретар на САГЦ до мисията в НАТО относно съвещанието на Варшавския пакт в София, 12.3.1968. С. 1// България във Варшавския Договор.

⁶⁸⁹ Подробнее см. в: Document N 49, report to Nicolae Ceaușescu on the Meeting of the Political Consultative Committee in Sofia, June 3, 1968// A cardboard castle? P. 264–269.

⁶⁹⁰ Подробнее об этом в: *Troncoi C. Duplicității: O istorie a Serviciilor de Informații și Securitate ale regimului comunist din România, București, 2004.*

⁶⁹¹ *Berdeli E. Succesul rețelei Caraman, o minciuna cat Casa Poporului// Confidential Press.* —http://www.confidentialpress.ro/special.php?newa_id=49

⁶⁹² В румынской прессе был опубликован пример такого взаимодействия. Так, в частности, в середине 60-х гг. одним из документов, добытых «сетью Карамана», был прогноз, сделанный специалистами НАТО о том, что крушение коммунизма, вероятнее всего, произойдет в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Этот материал «стал холодным душем не только для Бухареста, но и Москвы, где получили добытую информацию первыми». – *Berdeli E. Succesul rețelei Caraman, o minciuna cat Casa Poporului// Confidential Press.* — http://www.confidentialpress.ro/special.php?newa_id=49

⁶⁹³

мой США, становилась одной из важных во взаимоотношениях Вашингтона с его союзниками по НАТО. Она затрагивала значимый для альянса аспект его деятельности: выработку, планирование и реализацию оборонной политики. В этой связи Государственный секретарь США Д. Раек в специальном письме, адресованном министру обороны США К. Клиффорду, отмечал, что его серьезно «беспокоит тот способ, который мы [США] использовали в отношении наших союзников по НАТО при передаче им данных разведки по советским и другим коммунистическим вооруженным силам. Имея в виду нынешнее политическое давление здесь и в Европе в смысле сокращения военных усилий НАТО, считаю, что мы должны проявлять большее, чем обычно, внимание относительно того, что говорится иностранным правительствам и другим, вне правительственных кругов США, в частности, потому, что эти данные не утверждены как Национальные разведывательные оценки (NIE – Ар. У.)... Я обеспокоен тем фактом, что политические предложения США делаются нашим союзникам по НАТО до того, как мы соглашаемся здесь, в Вашингтоне, по поводу заключений разведки, на которых они базируются»⁶⁹⁴.

При принятии конкретных решений в НАТО по вопросам оборонной политики всё больше начинают учитываться общественно-политические процессы, протекавшие в находившейся под контролем СССР Восточной Европе. Пристально следившие за событиями в Варшавском блоке американские эксперты обращали внимание на стратегически важные с точки зрения оборонной политики Восточного блока ТВД. На Центрально-Европейском начинал появляться так называемый чехословацкий вопрос. В этой связи аналитики из американской разведки отмечали в марте 1968 г., что «среди советских руководителей существует, вероятно, понимание относительно направления развития событий в Восточной Европе, а также, вероятно, некоторые разногласия... Помимо этого, однако, не ясным остаётся отношение Советов (к происходящему – Ар. У.). Москва потеряла своего человека в Праге (Новотного), но не заняла определенной позиции в отношении его преемника (Дубчека). Советы, вероятно, не испытывали неудовольствия, увидев отсутствие румын на будапештской конференции, что позволяет говорить о том, что они могли занять более примирительную позицию в отношении румынской проблемы... Если бы события полностью вышли из-под контроля в Восточной Европе, т. е. случился бы крах коммунистической власти в Чехословакии – Советы, конечно, вновь столкнулись бы с трудной дилеммой: идти или нет на военное вмешательство... В конце концов, они всё-таки, вероятно, не стерпели бы такой неудачи и вмешались»⁶⁹⁵.

На Юго-Западном ТВД Варшавского пакта продолжала оставаться актуальной так называемая румынская проблема. Партийно-государственные органы СССР, прежде всего представленные аппаратом ЦК КПСС, МИДом и КГБ, с беспокойством следили за действиями руководства ряда стран Восточной Европы, где, по их мнению, к весне-лету 1968 г. начали распространяться идеи реанимации военно-политического блока, аналогичного некогда существовавшей Малой Антанте. Эти планы, как считали в советских высших политических кругах, якобы получили поддержку в Чехословакии и Румынии, к которым подключилась Югославия⁶⁹⁶. Возникновение подобных представлений о намерениях отдельных стран Восточной Европы подпитывалось явно тенденциозными заявлениями ряда консервативно настроенных руководителей государств-членов Варшавского пакта, опасавшихся либерализации коммунизма и видевших в этом угрозу собственной власти. Так, в частности, глава Польши В.

⁶⁹⁴ Secretary of State Dean Rusk to US Secretary of Defense Clark McAdams Clifford. Estimates of Soviet Ground Force Capabilities. 22.3.1968. R III Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=l8764 &navinfo= 14968>

⁶⁹⁵ The USSR and Eastern Europe. Special Memorandum. CIA. Board of National Estimates. 21.3.1968. R iii. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000527821. Обзор аналитических документов ЦРУ США по чехословацкой проблеме см.: The CIA and Strategic Warning: The 1968 Soviet-Led Invasion of Czechoslovakia. An Overview. 1.9.2009 – <http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/8-StrategicWarning/2009-09-01.pdf>

⁶⁹⁶ Степанов А. Особый курс руководства АПТ и некоторые аспекты албано-китайских отношений (К вопросу о разногласиях между Албанией и Китаем.). Москва, 1978. С. 103.

Гомулка сообщал советским дипломатическим представителям о том, что Югославия, Румыния и Чехословакия «стремятся развалить социалистический лагерь» и создать новый альянс⁶⁹⁷. Со своей стороны, Белград не собирался провоцировать Москву открытой поддержкой реформистского движения в Чехословакии. Однако на уровне контактов посла СФРЮ в Чехословакии с его румынским коллегой первый заявил о том, что у Праги существует желание «развивать отношения с бывшими партнерами по «Малой Антанте» и в целом с Дунайскими странами как противовес увеличившемуся влиянию СССР, Восточной Германии и Польши, и что эта проблема официально не ставится, но то, что предлагается как ориентир в прессе и других органах Чехословакии, воспринимается с симпатией и большим пониманием югославским руководством, которое окажет этому необходимую поддержку»⁶⁹⁸.

В то же время в самой Румынии отношение к идее создания некоего «дунайского блока» относились крайне настороженно, что было связано с опасениями Бухареста по поводу амбициозных планов Будапешта. Так, в частности, румынская сторона внимательно следила за тем, как действует в данном направлении Венгрия. В этой связи руководство внешнеполитического ведомства Румынии направило в румынское посольство в Праге информацию. В ней говорилось о том, что «имея в виду теорию, выдвинутую венгерскими историками, в соответствии с которой разрушение Австро-Венгерской монархии являлось ошибкой с экономической точки зрения, и что должно быть рассмотрено создание нового экономического союза на территориях бывшей империи, и даже идеи о конфедерации дунайских стран поддерживаются некоторыми лицами в Чехословакии, мы обращаемся к Вам с просьбой о том, чтобы к этой проблеме относились с особым вниманием, и чтобы информировали об этом МИД»⁶⁹⁹.

В свою очередь, в поисках союзников внутри международного коммунистического движения активизировала деятельность и КНР. Через своих албанских союзников китайские руководители попытались не допустить созыва международного совещания под патронатом Москвы и собирались даже провести собственное, альтернативное, в конце 1968 г. в Албании⁷⁰⁰. В Пекине постоянно повторяли, что в «настоящее время устаревшей является точка зрения, что одна или две великие державы монопольно господствуют на мировом материке или на одном континенте»⁷⁰¹. Один из представителей высшего руководства КПК, Чжоу Эньлай, заявил о благоприятной революционной ситуации в Европе. Официальная доктрина китайской компартии выражалась в тезисе: «Источником войн в современную эпоху является империализм и социал-империализм. Американский империализм, советский ревизионизм – социал-империализм неизбежно будет вести захватнические войны... В условиях существования империализма и социал-империализма война неизбежна, пролетарская революция тоже неизбежна...»⁷⁰² Особое внимание в этой связи уделялось контактам и связям с прокитайскими силами в международном комдвижении. Ответственным за эту работу был кандидат в члены ЦК КПК Чжао Иминь⁷⁰³.

Протекавшие в Восточной Европе общественно-политические процессы вызывали интерес экспертов из американской разведки из-за их возможного влияния на оборонную политику государств региона. Они представили в Белый дом и Пентагон доклад под названием «СССР и

⁶⁹⁷ Betea L. Solul lui Brejnev// Istoria comunismului romanesc. Serial publicat in Jurnalul National. 19 august 2008. – <http://istoriacomunismului.blogspot.com/2008/08/solul-lui-brejnev.html>

⁶⁹⁸ Сообщение посольства Румынии в Чехословакии в МИД Румынии от 28 мая 1968 г.: Crowder A. Legacies of 1968: Autonomy and Repression in Ceausescu's Romania, 1965-1989. A thesis presented to the faculty of the College of Arts and Sciences of Ohio University In partial fulfillment of the requirements for the degree Master of Arts. Ohio, 2007. P. 63.

⁶⁹⁹ Директива МИД Румынии от 28 июля 1968 г. в: Crowder A. B. Op. cit P. 62.

⁷⁰⁰ Степанов А. Ук. соч. С. 103

⁷⁰¹ Раскольническая линия маоистов в отношении социалистических стран. М., 1970. С. 18.

⁷⁰² Там же. С. 19.

⁷⁰³ Там же. С. 46.

Восточная Европа». В нём заявлялось о том, что власти Румынии продолжают избранный ими курс, направленный на «использование национализма в интересах коммунизма» с целью получения поддержки со стороны румынского общества и в интересах достижения большей независимости от Москвы⁷⁰⁴. При этом предполагалось, что открытое военное вмешательство СССР в дела какой-либо восточноевропейской страны могло бы негативно повлиять на советские позиции в регионе, минимизировав уже сделанные «политические инвестиции» в Восточной Европе, и испортить образ СССР на международной арене⁷⁰⁵. На состоявшейся 23 марта 1968 г. в Дрездене встрече глав компартий государств-членов ОВД, на которой отсутствовали представители Румынии, Л. И. Брежнев жёстко выступил с обвинениями в адрес чехословацкого руководства⁷⁰⁶. Это стало началом ухудшения отношений между Москвой и Прагой. Ближайший советский союзник по Варшавскому пакту и его балканский член – Болгария также избрала довольно жёсткую линию в отношении происходившего в Чехословакии. Руководство БКП во главе с Т. Живковым в конце марта 1968 г. фактически сделало вывод о том, что при сложившейся ситуации не исключено военное решение «чехословацкой проблемы»⁷⁰⁷. При этом болгарской стороной были приняты вполне конкретные решения, базировавшиеся во многом на полученной болгарской разведкой информации о происходящем в Чехословакии⁷⁰⁸. Во-первых, разрабатывался комплекс мер, направленных на недопущение распространения «пражских идей» в болгарском обществе. Часть мероприятий заключалась «в организации пристального изучения и наблюдения за событиями в Чехословацкой Социалистической Республике по линии Министерства иностранных дел, БТА и других государственных и партийных каналов»⁷⁰⁹. Во-вторых, ставилась задача «избегать нежелательной для Болгарии информации о событиях в Чехословакии»⁷¹⁰.

На Пленуме ЦК БКП, состоявшемся 29 марта 1968 г., озвученное главой болгарского коммунистического режима видение политической и военной компонент внешнеполитического курса Софии в Балканском регионе не оставляло сомнений относительно подлинных целей руководства НРБ. Так называемая чехословацкая проекция была лишь поводом для формулирования вполне конкретной программы, реализация которой имела бы масштабные последствия. Так, в частности, Т. Живков заявил: «Мы категорично заявили т. Брежневу и т. Косыгину, что нам необходимо быть готовыми использовать наши армии. Мы должны действовать с риском во имя нашего дела. События подтвердили нашу оценку. Мы исключительно довольны тем, что советские товарищи взяли инициативу в созыве дрезденской встречи. Нам

⁷⁰⁴ The USSR and Eastern Europe. Special Memorandum. CIA. Board of National Estimates. 21.3.1968. R 8, 9 – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000527821

⁷⁰⁵ Ibid. P. 15.

⁷⁰⁶ Stenographic Account of the Dresden Meeting, March 23, 1968. Our Source: Navratil, Jaromir. «The Prague Spring 1968». Hungary: Central European Press, 1998, pp. 64-72. Original Source: SAPMOB, ZPA, IV 2/701/778; Vondrova & Navratil, vol. 1, pp. 73-117. Translated by: Mark Kramer, Joy Moss and Ruth Tosek. Comment: This is an excerpt of the Dresden meeting where Czechoslovak delegation had come to discuss economic matters and cooperation between the countries of the East-block. Instead, the real agenda was putting some pressure on the Czechoslovak authorities and to insure Czechoslovakia's stand against imperialism. Prague Spring. Historical Document. – <http://library.thinkquest.org/C001155/documents/doc09.htm>; Баева И. Ук. соч. С. 38.

⁷⁰⁷ Информация за среща на представители на партиите и правителствата на НРБ, ГДР, СССР, УНР, ЧСР и ПНР във връзка със събитията в Чехословакия състояла се в Дрезден на 23.ІІІ. 1968 г. 29 март 1968 г. Строго поверително! Само за служебно ползване! За срещата на партийни и държавни ръководители на някои социалистически страни в Дрезден. Подлежи на връщане. Информация за срещата на партийни и държавни ръководители на някои социалистически страни в Дрезден. С. 17, 18. – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdel514v/f1bop35ae1271.pdf

⁷⁰⁸ См. подробнее: Пражката пролет и Държавна сигурност. Документален сборник. София, 2011.

⁷⁰⁹ Протокол от заседание на ПБ на ЦК на БКП с решение относно среща в Дрезден на представители на партиите и правителствата на НРБ, ГДР, СССР, УНР, ЧСР и ПНР във връзка със събитията в Чехословакия. 26 март 1968 г. Протокол «А» № 128 на заседание на Политбюро на ЦК на БКП състояло се на 26 март 1968 г. С. 2 – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdel514v/f1bop35ae1271.pdf

⁷¹⁰ Там же С. 3.

нужно надеяться, что она окажет помощь»⁷¹¹. Более того, глава БКП фактически определил основной вектор возможного развития ситуации в ОВД и в коммунистическом блоке в целом. По его мнению, происходящее в Чехословакии являлось «и делом югославского руководства, которое пытается через Румынию, Польшу и Чехословакию создать в нашей семье своё объединение. Нет необходимости пользоваться сталинскими методами прошлого, но мы должны использовать такие методы, чтобы мы навели порядок и в Чехословакии, и в Румынии, а после этого мы наведём порядок и в Югославии... Какую линию проводит югославское руководство? Контрреволюционную, антисоветскую! Какую линию проводит румынское руководство? Контрреволюционную, антисоветскую!»⁷¹²... Разумеется, мы отдаем себе отчёт, что не надо торопиться, но мы должны действовать...»⁷¹³

Происходящее свидетельствовало о возможных акциях СССР и его союзников как против нового руководства Чехословакии, так и тех, кто мог его поддержать. Однако форма давления на Прагу ещё не была окончательно определена в середине апреля 1968 г.⁷¹⁴ Этот факт отмечался и руководством Албании. Э. Ходжа в присущей ему манере давать характеристики оппонентам определил тем не менее достаточно точно возможный вектор развития событий: «Предательские лидеры партий и правительств ревизионистских стран Восточной Европы во главе с лидерами Советского Союза, за исключением румын, собрались в Дрездене якобы для обсуждения ряда общих для них политических, экономических и военных вопросов, и “закончили работу” очень быстро, за день... Фактически ничего из того, о чём говорится в коммюнике, обсуждено не было, там тем только и занимались, что оказывали давление на своего коллегу, Дубчека, шантажировали его. Какого характера было это давление? Точно мы ещё не знаем, но, наверное, это было давление военного характера (угроза приведения в действие танков под тем предлогом, что чехи заходят слишком далеко и слишком быстро, что они ущемляют интересы “социалистических” стран, ставят под угрозу ГДР и т. д.), экономического и всякого рода другого характера. Сразу же по окончании работы в Дрездене и возвращении Дубчека в Прагу стали распространяться слухи, что у чехословацких границ сосредотачиваются советские войска... Так что интервенция является вероятностью за неимением иного выхода. Теперь советские, немцы и поляки одного мнения»⁷¹⁵.

Общественно-политические процессы в Чехословакии серьезно обеспокоили практически всех глав коммунистических государств Восточной Европы, увидевших в них серьезную угрозу для существовавших режимов. Исключение составляли Югославия и Румыния, руководители которых – И. Броз Тито и Н. Чаушеску – рассматривали происходящее как шанс усиления собственных позиций на международном уровне, а для Бухареста – и в Восточном блоке, где появлялся в лице дубчековской Чехословакии сторонник укрепления национального суверенитета в рамках ОВД.

Э. Ходжа, в свою очередь, счёл необходимым прибегнуть к демонстрации силы единства как рядов АПТ, так и армии⁷¹⁶. Обращая внимание на последнее, зарубежные аналитики сразу отметили, что на проводившийся на центральном стадионе Тираны военный парад в ознаменование 25-летнего юбилея вооруженных сил коммунистической Албании не были приглашены

⁷¹¹ Пленум на ЦК на БКП. 29 март 1968. Част III. С. 41(97), 42 (98) – http://1968bg.com/index.php?option=com_content&task=view&id=247&Itemid=10

⁷¹² О взаимоотношениях Т. Живкова и Н. Чаушеску см. воспоминания личного переводчика последнего с болгарского языка: *Betea L. Amintirile translatorului lui Ceausescu despre prietenia româno-bulgară*// Jurnalul. 10.11.2009.

⁷¹³ Пленум на ЦК на БКП. 29 март 1968. С. 42(98), 43 (99).

⁷¹⁴ См., например: Document N 48. Record of Gomulka – Jakubovski Conversation in Warsaw, April 19, 1968// *A cardboard castle?* P. 261-263.

⁷¹⁵ Дрезденское совещание. Понедельник, 23 марта 1968// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 222, 223.

⁷¹⁶ Hoxha's Recommendations Create Confusion In Party Ranks. 1.7.1968. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 2-6-116. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-6-116.pdf>

зарубежные гости, а власти постоянно подчеркивали исключительно национальный характер этого торжества⁷¹⁷. Частью избранной Э. Ходжей тактики было ужесточение позиций во взаимоотношениях с теми из членов Варшавского пакта и в целом Восточного блока, которые являлись наиболее близкими союзниками Москвы. Одним из них была Болгария. 22 июля 1968 г. обе страны прибегли к высылке дипломатов противоположной стороны, обвинив их в «деятельности, не совместимой с дипломатическим статусом».

В складывавшейся ситуации каждый из условных секторов европейского географического пространства, определенный в Варшавском пакте как потенциальный ТВД и объективно связанный с регионом Восточной Европы, находившимся под советским контролем, начинал играть особую роль в оборонной политике Москвы и возглавлявшегося ею блока. Центрально-европейское направление продолжало сохранять как доминирующее в советских военных планах. Это влияло и на характер военно-технического оснащения, а также боевую подготовку национальных армий стран-участниц ОВД, что определялось географической ориентированностью предполагаемых источников угроз и необходимостью противодействия им.

Данный факт отмечали военные эксперты и представители разведывательного сообщества США, которые смогли в 1968 г. получить уже определенную информацию о состоянии и характере военного планирования в Варшавском пакте. В соответствии с этими данными, основной ударной силой становилась объединенная группировка вооруженных сил СССР, ГДР и Польши на направлении главного удара. Юго-Западный сектор ОВД и Южная группа войск вместе со вторым эшелоном советского Прикарпатского военного округа начинали действовать как вспомогательные, обеспечивающие достижение успеха на основном для СССР и Варшавского пакта ТВД. Особое внимание уделялось конвенциональному оружию, в то время как использование ядерного не снималось с повестки дня⁷¹⁸.

Одним из признаков расширявшегося военного присутствия на юго-западном направлении ОВД было усиление советских военно-морских сил в бассейне Средиземноморья. Это нашло своё проявление в достижении (что было отмечено разведывательными службами США) в апреле 1968 г. самой высокой за всё время численности плавсредств 5-й Средиземноморской эскадры кораблей ВМФ СССР, насчитывавшей 9-10 подводных лодок и 34 надводных корабля, из которых 11 относились к классу основных боевых судов⁷¹⁹. При этом главной целью Москвы, как отмечалось американской разведкой, достаточно точно определявшей советские планы, было стремление обеспечить военно-политическую поддержку союзным СССР араб-

⁷¹⁷ Army Anniversary with a New Historical and Ideological Twist. 16.7.1968. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report. 2-6-104. – http://www.osaarchivum.org/files/holdings/3_00/8/3/text/2-6-104.shtml

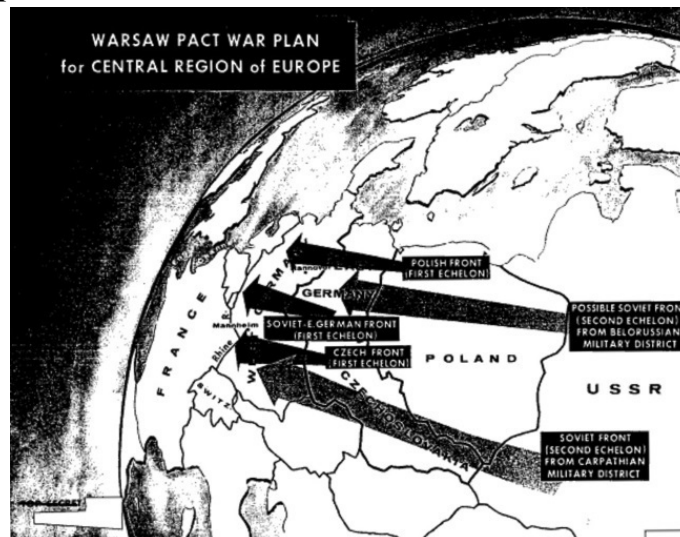
⁷¹⁸ Warsaw Pact War Plan for Central Region of Europe. Intelligence Memorandum. June 1968. P. 1, 3, 4. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000969832. Судя по содержанию документа и особенностям его цензурирования перед рассекречиванием, основная информация о характере и деталях военно-стратегического планирования Варшавского пакта, а также роли в нём вооруженных сил Чехословакии была предоставлена генерал-майором Я. Шейной, бежавшим через Австрию и Италию в США в феврале 1968 г. На протяжении долгого времени он работал в ЦРУ США как аналитик – специалист по контрразведке. В ряде случаев по определенным вопросам его информация не поддавалась верификации, что дало основания представителям западного разведывательного сообщества считать её плодом воображения Я. Шейны. См. также: *Sejna J. We Will Bury You*. London, 1982. О степени осведомленности Я. Шейны в вопросах стратегического планирования Варшавского пакта и оперативных задачах чехословацких вооруженных сил в системе оборонных задач этого блока, планировании государственного переворота с участием Я. Шейны в поддержку отправленного в отставку 5 января 1968 г. с поста Первого секретаря ЦК КПЧ А. Новотного, см.: *Kalous J. Generál Jan Šejna – předmět zájmu vojenské kontrarozvědky// Securitas Imperii 8. Sborník k problematice bezpečnostních služeb. Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu služby kriminální policie a vyšetřování*. Praha, 2001. Сборник доступен по Интернет-адресу: – <http://web.mvcr.cz/archiv2008/policie/udv/securita/sbornik8/sesit8.pdf>

⁷¹⁹ Ввиду продолжающейся сохраняться недоступности документов о численности и оснащении советской Средиземноморской эскадры в архивах РФ, в данном случае используются материалы ЦРУ США: *Soviet Strategy and Intentions in the Mediterranean Basin and Special National Intelligence Estimate. Number 11-9-68. Soviet Interests and Activities in Arab State. SNIE 11-9-68*. 16.5.1968. P. 1. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000272972/DOC_0000272972.pdf

ским режимам, не допустить усиления Израиля и продемонстрировать, что Средиземное море «более не является американским озером»⁷²⁰.

Схема 2

Вероятный план боевых действий Варшавского пакта в Центрально-Европейском регионе по предположениям НАТО⁷²¹

Для той части политических кругов США, которая была вовлечена в разработку и принятие решений по внешнеполитическим вопросам, всё очевиднее становилась перспектива изменения ситуации в Восточной Европе. Москва должна была решать в регионе две серьезные проблемы в интересах его удержания под собственным контролем и обеспечения оборонных возможностей ОВД. Первая из них, так называемая чехословацкая, была на Центрально-Европейском направлении. Вторая, «румынская», существовала на Юго-Западном, «балканском», направлении. В соответствии с предположениями, циркулировавшими в кругах внешнеполитической бюрократии США и рекомендациями, высказывавшимися ею по данному вопросу, оценка ситуации и перспектива действий Вашингтона в регионе заключались в следующем: «Восточная Европа в данный момент находится в состоянии наибольшего с 1956 г. движения в смысле внутривосточных изменений и ослабления советского контроля... На основании нынешних оценок не похоже, чтобы СССР прибег к военному вмешательству в целях восстановления собственного контроля в той или иной стране региона. Существуют, однако, непредсказуемые элементы. Нынешняя ситуация, в частности реформистская революция в Чехословакии и осложнение румыно-советских отношений, продолжает развиваться и не прекращается... Вероятно, что в неожиданных на данный момент условиях Советский Союз будет вынужден почувствовать для себя необходимость военного вмешательства в [дела] Чехословакии или даже Румынии; интервенция в Польшу или спокойную сейчас ГДР маловероятны»⁷²². В случае подобного развития событий Вашингтон не собирался предпринимать какие-либо военные действия, но предусматривал укрепление восточной границы ФРГ, а также использование дипломатических мер, направленных на осуждение советского военного вмешательства

⁷²⁰ Ibid P. 2.

⁷²¹ Warsaw Pact War Plan for Central Region of Europe. Intelligence Memorandum. June 1968. P. 8. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000969832

⁷²² 21. Memorandum From the Deputy Under Secretary of State for Political Affairs (Bohlen) to the Under Secretary of State (Katzenbach). Washington, April 28, 1968//Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. Volume XVII. P. 74.

как на уровне международных организаций, прежде всего ООН, так и международного общественного мнения⁷²³. Ожидания возможных военных действий ОВД в отношении Чехословакии всё больше оказывались в центре внимания Вашингтона, где считали, что возглавляемый СССР пакт может приступить к ликвидации подчеркивающих свою самостоятельность режимов в государствах-членах Восточного блока.

4 мая 1968 г. посол Румынии в Италии К. Буртика сообщил в Бухарест информацию, полученную от руководства Итальянской компартии о готовящейся интервенции Варшавского пакта против Чехословакии, а 17 мая уже румынский посол в Берлине сообщал в МИД своей страны о том, что в руководящих кругах ГДР существует мнение об угрозе безопасности для ГДР, ПНР и СССР, «исходящей извне», т. е. Чехословакии⁷²⁴.

Тем временем необходимость реформирования Варшавского пакта, но не на принципах подчинения его СССР, продолжала обсуждаться представителями партийно-государственного руководства ряда стран-участниц блока. Помимо Румынии активность проявила летом 1968 г. и чехословацкая сторона. 15 июля 1968 г. заведующий военным отделом ЦК КПЧ генерал В. Прхлик призвал к проведению внутренних изменений ОВД с целью обеспечить равенство участников и не допускать использования этого альянса в политических целях, т. е. вмешательства во внутренние дела государств-членов пакта⁷²⁵. Орган Министерства обороны ЧССР журнал «*Lidova armada*» («Народная армия») опубликовал 2 июля 1968 г. «Меморандум ВПА» (имелась в виду Военно-политическая академия им. К. Готвальда), авторами которого были В. Ржевчек, М. Ждимал, Б. Шварц. В нём отрицалась военная опасность со стороны НАТО, которая считалась мифом. Варшавский блок рассматривался как наследие сталинизма и креатура СССР. Документ был одобрен и поддержан начальником ВПА В. Менцлом и ещё 12 сотрудниками академии. Происходившее было резко осуждено 23 июля 1968 г. на страницах органа советского Министерства обороны газеты «Красная звезда», а само заявление Прхлика, вероятно, лишний раз убедило Кремль в существующей опасности, исходящей из Праги.

В частном разговоре министра иностранных дел СРР К. Мэнеску с послом США в ООН А. Гольдбергом, состоявшемся вечером 9 мая 1968 г. в Нью-Йорке, где глава румынской дипломатии находился как председатель XXVII сессии ГА ООН, со стороны главы румынского МИДа была выражена «обеспокоенность относительно отсутствия опровержений как из советских, так и чехословацких источников по поводу нынешних сообщений о передвижении советских войск»⁷²⁶. При этом Мэнеску считал, что в случае, если такие опровержения не последуют от обеих сторон в самое ближайшее время с формулировкой «“империалистические фальшивки”», то ситуация будет очень серьезной»⁷²⁷. Несмотря на это, Румыния, как заявил об этом министр своему американскому собеседнику, пожелав, чтобы его слова были переданы Госсекретарю США Д. Раску, была готова дать отпор любой иностранной попытке интервенции⁷²⁸. По линии румынской разведки Бухарест был достаточно хорошо осведомлен о начавшейся фак-

⁷²³ Ibid. P. 74, 75.

⁷²⁴ Об отношении официального Бухареста к «Пражской весне» см.: 1968. *Primavara de la Praga. Documente diplomatice. Ianuarie 1968 – Aprilie 1969*. Editie de Preda D. Cuvant inainte: Severin A. Studiu introductiv: Popișteanu C. București. 2009.

⁷²⁵ Документ № 47. Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об информации для братских партий относительно событий в Чехословакии». 26 июля 1968. Строго секретно// Prager Friihling. Das Internationale Krisenjahr 1968. Пражская весна и международный кризис 1968 года. Dokumente/Документы. K6 In, Weimar, 2008. Bd. 2. S. 294.

⁷²⁶ Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania. Washington, May 10, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. P. 443. Содержание этого разговора было срочно передано лично Н. Чаушеску: Betea L. Solid lui Brejnev// Istoria comunismului romanesc. Serial publicat in Jurnalul National. 19 august 2008. – <http://istoriacomunismului.blogspot.com/2008/08/solul-lui-brejnev.html>

⁷²⁷ Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania. Washington, May 10, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. R 443.

⁷²⁸ Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania. Washington, May 10, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. R 444.

тически в мае 1968 г. подготовке вероятного вооруженного вторжения СССР и его союзников в Чехословакию⁷²⁹. Разработка плана военной интервенции СССР под прикрытием коалиционных действий стран-членов Варшавского пакта, известной как операция «Дунай», действительно началась весной 1968 г.⁷³⁰ Подготовительно-рекогносцировочной стадией его реализации стало проведение в мае-июне 1968 г. командно-штабных учений «Шумава». Следующими по значимости стали войсковые учения «Неман», проводившиеся с 23 июля по 10 августа 1968 г. на территории трёх государств – СССР, Польши и ГДР, а также учения ПВО «Небесный щит» и ряд других. Параллельно советское партийно-государственное руководство, а также главы режимов стран-союзниц по блоку делали предупреждения руководству Чехословакии о необходимости смены политического курса. Решающими в этом смысле были встреча 4 мая Л. Брежнева с А. Дубчеком в Москве и 29 июля в Чёрной-над-Тисой, а также встреча А. Дубчека с главой коммунистического режима Венгрии Я. Кадаром 17 августа в Комарно.

В начале мая 1968 г. советское руководство достаточно однозначно определяло для себя как ситуацию, складывавшуюся в Восточной Европе, так и желательный образ действий СССР по решению имеющихся, по мнению Кремля, проблем. 6 мая 1968 г. Брежнев уже открыто заявил на заседании Политбюро: «Нам нужно обезопасить себя и весь социалистический лагерь на западе, на границе с ФРГ и Австрией. Мы знаем, что введение войск и принятие других мер, которые мы намечаем, вызовет бунт в буржуазной печати. Очевидно, и в чешской. Ну что же, это не впервой. Зато мы сохраним социалистическую Чехословакию, зато каждый подумает после этого, что шутить с нами нельзя. Если будут стоять 10 дивизий наших на границе с ФРГ, разговор будет совершенно другой»⁷³¹.

Усиление внешнеполитической активности Бухареста весной 1968 г. имело цель укрепить его позиции на международной арене. Визит французского президента Ш. де Голля в Румынию 14–18 мая 1968 г. представлял особый интерес для главы коммунистического режима Н. Чаушеску, так как Париж подчеркнуто демонстрировал свою особую позицию в отношениях с США и НАТО, выйдя в 1966 г. из военной структуры альянса. Для Бухареста этот факт

⁷²⁹ См. интервью В. Рончи с генералом в отставке, бывшим главой СГБ СРР в 1968–1972 гг. Йоном Стэнеску: *Roncea V.* «Îi primeam pe ruși cu foc de armă»// *Ziua*, 20.08.2008. Одним из важных источников румынской разведки был старший офицер вооруженных сил ПНР, имевший непосредственное отношение к руководящим структурам ОВД: *Betea L.* Solul lui Brejnev// *Istoria comunismului românesc*. Serial publicat în Jurnalul Național. 19 august 2008. – <http://istoriacomunismului.blogspot.com/2008/08/solul-lui-brejnev.html>; *Cosma N., Stănescu I.* În anul 1968 a fost programată și invadarea României. Informații inedite din interiorul Serviciilor Speciale ale României. București, 1999. P. 56. Вероятно, именно генерал Н. Козма, служивший в Дирекции зарубежной информации (DIE – внешняя политическая разведка коммунистической Румынии), получил от этого польского офицера, через полковника Иона Бикела, сведения о том, что якобы Л. Брежнев, глава советского КГБ Ю. Андропов, а также ряд высших советских военачальников обсуждали вопрос проведения военной операции как против Чехословакии, так и против Румынии с Югославией, назначенной на 20 июля 1968 г. – *Florian Bichir F.* URSS pregătea invadarea României// *Evenimentul Zilei*, 21.8.2008. Достаточно противоречивым продолжает оставаться факт получения информации через полковника Иона Бикела (Ion Bichel, он же Ivan Bikel), так как к 1968 г. он был уволен из DIE «за использование своего положения в собственных интересах». Не исключено, что полковник поддерживал отношения со своими бывшими информаторами, среди которых был и офицер Генерального Штаба Войска польского. О И. Бикеле см.: *Pelin M.* Culisele spionajului românesc. DIE (1955–1980), București, 1997. P. 283–285. Через две недели после встречи Бикела с его информатором, полковник сообщил в DIE о том, что интервенция в Чехословакию назначена на конец августа 1968 г., и передал полученный от польского офицера план действий Варшавского пакта. – *Cosma N., Stănescu I.* În anul 1968 a fost programată și invadarea României

⁷³⁰ Подробнее см.: *Майоров А.* Вторжение. Чехословакия. 1968. Свидетельства командования. М., 1990. См. также: *Stakalin A.* Primavara de la Praga în viziunea generalului A. M. Maiorov//Document. 2005. № 1.

⁷³¹ Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 мая 1968 г. цит. по: *Латыш М.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. Москва, 1998. С. 104. О международных аспектах чешского кризиса в: *Prager Frühling. Das internationale Krisenjahr 1968. Beiträge.* Köln, Weimar, Wien, 2008. Bd. 1; *Prager Frühling. Das Internationale Krisenjahr 1968. Dokumente.* «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. Kô In, Weimar, Wien, 2008. Bd. 2. См. также: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. Гл. ред. Н. Г. Томилина, С. Карнер, А. О. Чубарьян. М., 2010; «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, документы. Гл. ред. Н. Г. Томилина, С. Карнер, А. О. Чубарьян. М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС: Статьи, исследования, документы. Составители: Л. А. Величанская (ответственный составитель), Т. А. Джалилов, М. Ф. Кишкина-Иваненко, М. Ю. Прокуменников. М., 2010.

имел исключительное значение и создавал некоторую аналогию с румынской позицией в коммунистическом блоке и Варшавском пакте. Визит де Голля планировался ещё в 1967 г., но был отложен в связи с Семидневной войной на Ближнем Востоке, а в мае 1968 г. оказался под угрозой срыва из-за начавшихся студенческих волнений во Франции. Однако французский президент счёл поездку в Румынию значимой с точки зрения выражения уважения к Н. Чаушеску. Он демонстративно подчеркивал необходимость «придания особой важности визиту в Румынию»⁷³². В свою очередь, члены делегации стали очевидцами проявлений поддержки румынами «особого курса», проводимого главой страны⁷³³. К аналогичному выводу приходили и другие зарубежные наблюдатели, которые отмечали летом 1968 г., что «аплодисменты “Марсельезе” в исполнении цыган могут быть расшифрованы просто: румыны не только одобрили внешнеполитическую линию партии и правительства, но они довольны ею»⁷³⁴. Серьезную морально политическую поддержку особой позиции Румынии в Варшавском пакте оказывало и руководство Югославии, пресса которой постоянно подчеркивала положительный характер самостоятельности Бухареста как внутри ОВД, так и на международной арене⁷³⁵.

Одновременно Белград начинал высказывать серьезные опасения по поводу возможного «прямого вмешательства» в чехословацкие дела, что фактически означало военную интервенцию СССР и его ближайших союзников. Политический аспект проблемы (нарушение национального суверенитета) находился в прямой связи с вопросами обороны, так как затрагивал важную для Белграда тему – роль и место Варшавского пакта в Восточной Европе и её балканском секторе. Руководство СФРЮ стремилось добиться лидирующих позиций на Балканах во взаимоотношениях с соседними государствами и обеспечить себе сильные позиции, необходимые для укрепления роли Югославии в Движении неприсоединения, а также на международной арене во взаимоотношениях со странами НАТО и США. 17 июля 1968 г. югославский официоз газета «Борба» уже открыто предупредила Восточный блок против любых попыток вмешательства во внутривнутриполитические дела Чехословакии⁷³⁶. Тем временем среди советских экспертов, занимавшихся проблемами международных отношений и связанных с партийными органами, в 1968 г. впервые стал рассматриваться как один из возможных вариантов развития ситуации на Балканах серьезный кризис Югославии. В специально составленном по запросу ЦК КПСС аналитическом документе его авторы из числа представителей сотрудников советской Академии Наук «выражали сомнения относительно возможности продолжения преемниками Тито его политики и даже самой возможности сохранения СФРЮ как единого государства»⁷³⁷.

На встрече Госсекретаря Д. Раска и советского посла в США А. Ф. Добрынина 22 июля 1968 г. глава американского внешнеполитического ведомства дал недвусмысленно понять, что начинавшая обостряться «чехословацкая проблема» является исключительно делом Восточного блока и США не собираются участвовать в её решении. Череда совещаний представителей стран-участниц ОВД, прошедшая в мае – первой половине августа 1968 г., включая совещания глав коммунистических партий, была посвящена «чехословацкому вопросу». Помимо собственно Чехословакии на этих встречах отсутствовали представители фактически заморо-

⁷³² Dinică Ciobotea D., Marinaş I. Charles de Gaulle la Craiova. Bucureşti, 2007. P. 16.

⁷³³ Об этом, в частности, писала позже в своих воспоминаниях переводчица де Голля с румынского языка, отмечая неподдельный энтузиазм, существовавший в обществе по поводу проводимой Н. Чаушеску политики: Stolojan S. Cu de Gaulle în România. Bucharest, 1994. Впервые эта книга вышла в Париже на французском языке в 1991 г.: Stolojan S. Avec de Gaulle en Roumanie. Paris, 1991.

⁷³⁴ Stankovic S. Rumanian Independence Extolled by «Borba». 16.7.1968. P. 2. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 50-7-163. – <http://files.osa.ceu.hu/holdings/300/8/3/pdf750-7-163.pdf>

⁷³⁵ См. оценку публикаций по данному вопросу в: Stankovic S. Rumanian Independence Extolled by «Borba».

⁷³⁶ О том, как оценивало югославское руководство ситуацию в Чехословакии на протяжении 1968 г. в: Dimić L. Pogled iz Beograda na Čehoslovačku 1968. godine// Tokovi istorije. 2005. № 3/4.

⁷³⁷ Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. Москва, 2004. С. 263.

жившей свои отношения с Варшавским пактом и большинством его членов Албании и продолжавшей являться членом ОВД и не заявлявшей о своём выходе из неё Румынии.

Ситуация начала августа 1968 г., складывавшаяся во взаимоотношениях Бухареста и Москвы, свидетельствовала о том, что советское партийно-государственное руководство взяло курс на временную изоляцию руководства коммунистической Румынии. Оно также приступило к оказанию нажима на румынскую сторону, используя такие методы, как демонстрация военной силы. В «Бюллетенях информации Совета Государственной Безопасности» Румынии, печатавшихся в количестве 5 экземпляров только для высшего руководства, за период начала августа 1968 г., а также в особых записках СГБ, направлявшихся в адрес очень ограниченного числа лиц, прежде всего лично Н. Чаушеску⁷³⁸, сообщалось о концентрации в конце июля 1968 г. советских войск на сопредельной с румынской территорией Молдавской ССР. Приводились также разведсводки румынской службы радиоперехвата, по данным которой возросла активность радиообмена между советскими воинскими частями, расквартированными в Молдавской ССР и Украинской ССР⁷³⁹. Одновременно сообщалось о деятельности советского военного атташе и его коллег из других восточно-европейских стран, направленной на сбор военной информации, и о попытках различных советских организаций направить под различными предлогами «туристов» в Румынию с очевидной целью получения ими информации о происходящем в стране. В специальной записке СГБ № 148 от 5 августа 1968 г. сообщалось о «некоторых враждебных действиях, предпринимаемых советскими властями против СР Румынии». Речь шла о введении ограничений на пересечение границы, посещений родственников и демонстративном грубом обращении с гражданами Румынии. Сообщалось также об обращении ряда советских граждан в посольство СРР в Москве с заявлениями, осуждавшими политический курс руководства Румынии⁷⁴⁰.

Тем временем Н. Чаушеску демонстративно посетил Прагу 15-17 августа 1968 г., т. е. фактически накануне интервенции ОВД (даты начала которой он точно не знал) и пытался оказать моральную поддержку А. Дубчеку и его сподвижникам. В своих высказываниях глава румынской делегации постоянно подчеркивал заинтересованность в укреплении самостоятельности и национального суверенитета коммунистических стран. Примечательно, что ещё накануне, выступая в Военной академии в Бухаресте по случаю очередного выпуска её слушателей, он заявил: «Решение внутренних проблем относится исключительно к компетенции партии и народа соответствующей страны, и вмешательство любого рода может только нанести вред делу социализма, дружбы и сотрудничества социалистических стран»⁷⁴¹. В ходе визита в Прагу 16 августа был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что вызвало серьезную обеспокоенность в Кремле.

Руководство коммунистической Албании довольно жёстко выступило как против действий Москвы, которая, по мнению Э. Ходжи, фактически занималась игрой, выбирая между Новотным и Дубчеком (последний, как полагал глава АПТ, в конечном счете, дистанцировался

⁷³⁸ Среди упоминавшихся адресатов этих совершенно секретных документов – сам Н. Чаушеску, глава СГБ Н. Стэнеску, В. Трофин – секретарь ЦК РКП, отвечавший за кадровую работу, и В. Патилинец – военный советник Н. Чаушеску, заместитель заведующего Военным отделом ЦК РКП, надзиравший за деятельностью МВД, госбезопасности, Министерства юстиции и прокуратуры.

⁷³⁹ См. публикацию материалов из архивов ЦК РКП и СГБ в: *Grigorescu L.-D., Moraru C. Trupe în apropierea frontierei și «turisti» în interior// Magazin istoric. 1998, № 7.*

⁷⁴⁰ См. об этом в: «Информация, представленная Советом Государственной Безопасности руководителям партии о враждебном отношении советских властей к Румынии летом 1968 г. 5 августа 1968 г.» – *Informare făcută de Consiliul Securității Statului conducerii partidului, referitoare la atitudinea ostilă a autorităților sovietice față de România în cursul verii anului 1968, din 5 august 1968// 21 august 1968 – Apoteoza lui Ceausescu. Betea L. (coord.), Diac C., Mihai F.-R., Tiu I. Iași, 2009. P. 89–96.*

⁷⁴¹ Цит. по: *Petrescu D. Continuity, Legitimacy and Identity: Understanding the Romanian August of 1968// Cuadernos de Historia Contemporanea. 2009. V. 31. P. 78.*

от Москвы), так и против чехословацкого движения реформ под руководством КПЧ. Тирана призвала к созданию «подлинной марксистско-ленинской партии»⁷⁴².

В конце августа – начале сентября 1968 г. в Вашингтоне уже тесно связывали гипотетический Центрально-Европейский ТВД с Юго-Восточным для НАТО или Юго-Западным для ОВД театром военных действий. Выводы американского Госдепа касались и ситуации, складывавшейся с Балканскими коммунистическими странами: «В то время как чешский кризис сконцентрировал внимание НАТО на Центральном фронте, беспокойство относительно советского давления на Румынию и Югославию ставит на повестку дня проблему безопасности в Средиземноморье. На июньской встрече в Рейкьявике министры стран-членов НАТО дали серьезные указания, направленные на улучшение подготовки командования, расположения сил ВМФ первой степени готовности и деятельности в области разведки.

Всё это было направлено, прежде всего, против усилившегося советского военно-морского присутствия в Средиземноморье. Недавние события могут потребовать пересмотра и/или интенсификации действий НАТО по обеспечению безопасности в Средиземноморье и на Юго-Восточном фланге НАТО»⁷⁴³.

Помимо усиления советского военно-морского присутствия в регионе, что являлось видимой частью противостояния Западного и Восточного блоков, существовали и неизвестные для НАТО и США действия, предпринимавшиеся отдельными членами Варшавского пакта на чувствительных для Североатлантического альянса направлениях, к числу которых относилось балкано-средиземноморское. Внутривосточная ситуация в Греции – одном из важных с точки зрения оборонных интересов НАТО членов – постоянно находилась в центре внимания соседней с ней коммунистической Болгарии – наиболее «верном» союзнике СССР на Балканах. К августу 1968 г. по линии КДС Болгарии были реализованы выходы на находившихся в запасе или уволенных из греческих вооруженных сил после переворота в апреле 1967 г. офицеров, включая одного из бывших руководителей КИП – разведывательной организации Греции. С момента установления военно-политического режима в Афинах СССР взял курс на проведение подрывной работы против него через местную компартию. Среди действий, планировавшихся с участием советского КГБ, предусматривалась подготовка к актам вооруженного саботажа⁷⁴⁴. В Болгарии в горных районах Пирин и Беласица были созданы специальные пункты перехода⁷⁴⁵, а в Петриче расположился законспирированный пункт советского КГБ⁷⁴⁶. Поэтому последовавшее в 1968 г. обращение Софии к Москве с сообщением о том, что в случае необходимости есть возможность проведения государственного переворота с опорой на часть недовольных режимом офицеров и силы КПГ не были случайным. Однако советское партийно-государственное руководство отказалось от этой операции, имея в виду чехословацкий кризис, исключительную настороженность Запада в отношении действий ОВД в Восточной Европе и жесткие заявления со стороны США и НАТО, носившие характер предупреждения Москве и её союзникам не переходить условную «линию» между блоками.

⁷⁴² Revizionizëm sovjetik dhe Çekoslovakia// Zëri i Popullit, 24.7.1968.

⁷⁴³ 323. Paper Prepared in the Department of State. Washington, undated, (конец августа – начало сентября/Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. 1964-1968. Washington, 2001. V. XIII. P. 747, 748.

⁷⁴⁴ Andrew Ch., Mitrokhin V The KGB in Europe and the West. The Mitrokhin Archive. London, 1999. P. 489.

⁷⁴⁵ Ibid.

⁷⁴⁶ Български и руски агенти били на крачка да вкарат Гърция в соцлагер// Интернет-издание «Разкрития». – <http://www.razkritia.com/2640/български-и-руски-агенти-били-на-крачка/>; Οχάλωτης Ρ. Για τη μυστική σοβιετική διείσδυση στη δικτατορική Ελλάδα. Τα ελληνικού ενδιαφέροντος στοιχεία από το Αρχείο Βασίλι Μιτρόχιν // Τετράδια. 2004. Τεύχος 49.

§13. «Балканская Прага'68»: Бухарест, Белград и Тирана в ожидании действий ОВД

Действия членов Варшавского пакта в отношении Чехословакии серьезно повлияли на оборонные планы коммунистических режимов стран Балканского региона, из которых лишь Болгария не только поддержала интервенцию 21 августа, но и способствовала её планированию, а также реализации при участии болгарского воинского контингента. Болгарское участие в акции Варшавского пакта против Чехословакии подготавливалось в период с 30 июля по 20 августа «по указанию соответствующих советских военных инстанций»⁷⁴⁷, но было несопоставимо малым по сравнению с силами СССР, Польши, Венгрии и ГДР, задействованными в интервенции. Из введённого в Чехословакию 300 000 личного состава войск ОВД, 6 000 танков, 3 000 орудий и 1 000 боевых самолётов, количество болгарских военнослужащих составляло 2 164 человека при вводе в Чехословакию и 2 177 при выводе; количество танков (все Т-34) составляло 26 единиц, а военная авиация вообще не привлекалась. В процентном соотношении болгарское участие составляло по личному составу 0,6%, а по танкам и самолётам соответственно 0,43% и 0%⁷⁴⁸. Болгарские подразделения, действовавшие в составе советского воинского контингента, составляли 12-й мотострелковый полк, дислоцировавшийся в Елхово 2-й мотострелковой дивизии (Стара Загора), и 22-й мотострелковый полк с дислокацией в Харманли 7-й мотострелковой дивизии (Ямбол). Их вступление на территорию Чехословакии было осуществлено через СССР на основании приказа Министерства народной обороны НРБ от 19 августа о переподчинении двух болгарских полков Главнокомандующему ОС ОВД и секретного постановления Совета министров НРБ от 20 августа 1968 г.⁷⁴⁹ Совместная интервенция СССР, ВНР, ГДР (её воинские подразделения в последний момент не были задействованы и находились в готовности на границе), НРБ и ПНР в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. против Чехословакии продемонстрировала важность для ОВД так называемого южного стратегического направления: помимо Центрального фронта были созданы Прикарпатский (на базе Прикарпатского военного округа) и Южный (на базе южной группировки в Венгрии)⁷⁵⁰.

20 августа 1968 г. в 20 часов 15 минут по местному времени советский посол в Вашингтоне А. Ф. Добрынин зачитал на экстренной встрече с американским президентом Л. Джонсоном сообщение об операции стран ОВД против Чехословакии. Ровно через два часа Джонсон срочно собрал заседание Совета Национальной безопасности, где было принято решение об аннулировании планировавшегося президентского визита в СССР. На следующий день, 21 августа, Джонсон выступил с осуждением действий СССР и его сателлитов.

Коллективная агрессия под руководством СССР против Чехословакии, примечательной и характерной особенностью которой было информирование в последний момент союзника СССР по Варшавскому пакту – Румынии, дала серьезный повод для предположений в политических и военных кругах ряда стран Запада относительно возможных действий Москвы в

⁷⁴⁷ Докладна записка от Министра на народната отбрана армейски генерал Добри Джуров до Политбюро на ЦК на БКП. Относно: Действия на частите от БНА в ЧССР. 30 септември 1968. С. 1. Cold War International History Project. Digital Archive – http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=4B9BE492-423B-763D-D7E718801B3C82DD&sort=rights&item=cwihp

⁷⁴⁸ По материалам сайта www.1968bg.org, который обнародовал документы Центрального военного архива Республики Болгарии (ЦВА) Ф. 24, оп. 10-а, а.е. 21, л. 7-8; а.е. 22, л. 277, 328-337; Ф. 3, оп. 6, а.е. 75, л. 186. См. также: Васильева Н. Роль военной силы в «разрешении» кризиса: советские войска в Чехословакии// 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2010.

⁷⁴⁹ Подробнее в: Баев И. Военно-политическите конфликта след Втората световна война и България. София, 1995; Луков Г. Българското военно участие в чехословашките събития 1968 г.//Военноисторически сборник. 2004. № 1.

⁷⁵⁰ Подробнее в: Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. М., 2002.

отношении тех из коммунистических государств Центральной и Восточной Европы, которые демонстрировали свою независимость. Одной из первых в этом ряду считалась именно Румыния. Складывавшаяся ситуация вызывала серьезную обеспокоенность в США и НАТО.

23 августа 1968 г. на встрече политического и военного руководства США была озвучена информация о том, что «румыны испытывают значительные опасения, потому что они боятся того, что коль скоро Россия двинулась на Чехословакию, она может выступить в то же время и против Румынии. Это объясняет мобилизацию румынских сил». Особое внимание было уделено тому, что «Румыния из всех правительств в мире заняла одну из наиболее жёстких публично озвученных позиций по Чехословакии». Также отмечалось, что это «не является лишь вопросом двусторонних отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами, а вопросом, когда Советский Союз – против всех остальных». Попытка выяснить не только реальную ситуацию с передвижением советских войск около границ Румынии, но и отношение официального Бухареста к происходящему, была предпринята заместителем Государственного секретаря Ч. Боленом и ответственным за восточноевропейское направление Госдепа Г. Капланом во время их встречи с румынским послом в США К. Богданом в тот же день 23 августа 1968 г. Однако ответ посла был уклончив и сводился к тому, что дипломат сообщил об отсутствии у него подобной информации⁷⁵¹. Данная позиция была вызвана нежеланием румынской стороны слишком глубоко посвящать Вашингтон в характер своих отношений с Москвой и допустить, чтобы подобная информация могла быть воспринята как жалоба на Кремль в условиях, когда Белый Дом был не в состоянии оказать реальную помощь, хотя его представители в лице высших чиновников Госдепа и сообщили румынской стороне о непризнании раздела мира на сферы влияния⁷⁵². Для Бухареста было важно подчеркнуть свою самостоятельность в Восточном блоке и использовать своё членство в нём как инструмент давления одновременно и на Вашингтон, и на Москву. Именно поэтому К. Богдан заявил о том, что Румыния не собирается покидать ОВД⁷⁵³.

Вашингтон и Лондон, буквально накануне советского вторжения в Чехословакию, серьезно рассматривали меры по противодействию СССР и его союзникам в случае, если они не остановились бы в Чехословакии, а продолжили движение в направлении Германии, Австрии, Албании и Югославии⁷⁵⁴. 24 августа 1968 г. помощник Госсекретаря США по европейским делам Дж. Лиди направил Госсекретарю Д. Раску предложения относительно возможных действий США и их союзников в случае нападения СССР на Румынию. Среди предлагавшихся мер были демонстративное усиление сил НАТО в Европе и военно-морского присутствия в Средиземноморье, оказание помощи Югославии и усиление гарнизона в Западном Берлине, а также сокращение культурного обмена между Западом и СССР, включая его союзников – вероятных участников агрессии против Румынии⁷⁵⁵.

Одновременно Западный блок вёл работу, нацеленную на предотвращение роста влияния противостоящей стороны в Балканском регионе. Вьетнамская война, не пользовавшаяся популярностью в самих США и за рубежом, была одним из уязвимых мест внешнеполитического имиджа Соединенных Штатов и наносила серьезный урон их престижу на международном уровне. Поэтому чехословацкий кризис и его последствия для мирового коммунизма ока-

⁷⁵¹ 163. Memorandum of Conversation. SUBJECT: Eastern European Situation. PARTICIPANTS: Romania: Ambassador Comeliu Bogdan. United States: Deputy Under Secretary Bohlen, George R. Kaplan, EUR/EE. Washington, August 23, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. P. 449.

⁷⁵² Ibid.

⁷⁵³ Ibid.

⁷⁵⁴ NATO braced for European war with Soviets after 1968 invasion // Czech Radio 7, Radio Prague. – In: <http://www.radio.cz/en/article/11361>.

⁷⁵⁵ Information Memorandum From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to Secretary of State Rusk. Washington, August 24, 1968//Foreign Relations of the United States. 1964-1968. P. 450.

зались в центре внимания американских аналитиков и пропагандистов. Советская разведка, сумевшая добыть агентурным путем соответствующую информацию, сообщала в ЦК КПСС: «В подготовленной спецслужбами США ориентировке – инструкции для радиостанции “Свобода” на декабрь 1968 г. даются следующие указания относительно передач, посвященных международному положению СССР. В передачах по внешнеполитическим вопросам следует постоянно подчеркивать, что на развитие современной международной обстановки серьезное влияние оказал ввод в Чехословакию войск пяти стран Варшавского Договора, в результате чего было сведено на нет смягчение в отношениях между Востоком и Западом... необходимо также проводить мысль о том, что события в Чехословакии крайне неблагоприятно сказались на положении коммунистических партий многих стран...»⁷⁵⁶

Румыния, Албания, Югославия и КНР выступили с резкой критикой действий СССР и его союзников. При этом каждая из сторон имела собственные причины и мотивы для занятия подобной позиции. Для Пекина и Тираны⁷⁵⁷ интервенция являлась ещё одним аргументом в пользу теории социал-империалистического характера СССР. Албанское руководство одновременно проявило опасения относительно возможных действий СССР, обладавшего военно-морской группировкой в Средиземноморье, против Албании⁷⁵⁸. 21 сентября 1968 г. Председатель Президиума Народного собрания НРА Х. Лешу направил телеграмму президенту Египта Г. Насеру, в которой приравнивал политику СССР к американской в регионе Средиземного моря. Более того, в послании содержалась ссылка на существование советских военно-морских баз в Египте и заявлялось о готовности Албании защищать свою независимость, а также недвусмысленно выражалась надежда на недопущение египетскими властями использования баз ВМФ для подготовки нападения на НРА⁷⁵⁹. Во время состоявшейся между послами Египта и Албании беседы в ноябре 1968 г. египетский дипломат заявил об отсутствии военных баз СССР в его стране и недопущении каких-либо действий против НРА с территории его страны⁷⁶⁰. Тем не менее албанская сторона обратилась к китайской с просьбой о предоставлении тяжёлого вооружения, но руководство КНР не согласилось с этим и рекомендовало, используя складывавшуюся обстановку, усилить взаимодействие с Югославией и Румынией, обеспечив, таким образом, совместную оборону части Балкан⁷⁶¹. В то же время вопрос о военной и экономической помощи Тиране не был снят с повестки дня в Пекине. Поездка албанской военной делегации под руководством министра обороны Б. Балуку в КНР в октябре 1968 г. и ответный визит китайской военно-партийно-государственной делегации во главе с начальником штаба китайской армии Хуа Янгшеном, являвшимся также членом ЦК КПК, были посвящены именно военно-техническому сотрудничеству⁷⁶².

Оценка Э. Ходжей действий Москвы была следующей: «Советские ревизионисты, под ширмой Варшавского Договора, совершили военную агрессию против Чехословацкой Социалистической республики и её народа... После братиславской встречи чехи торжественно при-

⁷⁵⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 29. Л. 212, 213. Записка КГБ в ЦК КПСС. 16 декабря 1968 г.

⁷⁵⁷ Албания официально покинула Варшавский договор 13 сентября 1968 г.

⁷⁵⁸ Животин А. Югославия, чехословацкий кризис и выход Албании из Варшавского договора//1968 год. «Пражская весна». С. 331.

⁷⁵⁹ Telegram from Haxhi Lleshi to Gamal Abdel Nasser. 21 September, 1968//Cold War International History Project. Digital Archive – [http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Telegram%20V%20\(September%2021,%201968j.pdf](http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Telegram%20V%20(September%2021,%201968j.pdf)

⁷⁶⁰ Report on a meeting between the Ambassador of the United Arab Republic Gamal Eldin Sabet with Reiz Malile, the Albanian Ambassador to China. 14 November, 1968// Cold War International History Project. Digital Archive. – [http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Report%20I%20\(November%2014,%201968j.pdf](http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Report%20I%20(November%2014,%201968j.pdf)

⁷⁶¹ Kola P. The Search for Greater Albania. London, 2003. P. 144, 145.

⁷⁶² См. информацию бывшего сотрудника посольства КНР в СССР Фан Чензо: China and Eastern Europe, 1960s-1980s. Proceedings of the International Symposium: Reviewing the History of Chinese-East European Relations from the 1960s to the 1980s, Beijing, 24-26 March 2004 Ed. by Xiaoyuan Liu, Vojtech Mastny. CSS Zircher Beitrage N 72. Center for Security Studies (CSS), Zurich, Switzerland. P. 123. В соответствии с приводимыми им данными Албания получила от КНР помощь за всё время сотрудничества в размере 10 млрд юаней и 6 млрд долларов США. – Ibid.

няли Тито, который распетушился спасителем Чехословакии и отбыл из Праги с высоко поднятой головой, с выпятившейся грудью, и за оказанные услуги заполучил чек в 13 миллионов долларов у чехословацкого правительства и ещё другой чек в 16 миллионов долларов у американцев. Несколько дней спустя чехи приняли у себя Чаушеску, который прикидывался буйной головушкой»⁷⁶³. Государственное радио НСРА в передаче от 21 августа 1968 г. официально охарактеризовало советские действия как фашистские⁷⁶⁴. 23 августа была обнародована совместная декларация ЦК АПТ и Правительства НРА, в которой действия СССР и его союзников были подвергнуты осуждению⁷⁶⁵. Московское радио на албанском языке в ответ на обвинения Тираны выдвигало претензии к албанскому партийному руководству как союзнику «ревизионистского» руководства

КПК. В конце августа 1968 г. официальная Тирана уже перешла к жёсткой критике руководителей тех стран-членов ОВД, которые участвовали в интервенции: В. Гомулки, Т. Живкова, Я. Кадара и В. Ульбрихта. Таким образом, отношения коммунистической Албании и Болгарии, которые и до этого не были особенно дружелюбными, становились ещё более прохладными. Имея в виду, что обе страны принадлежали к коммунистическому блоку и являлись членами регионального Балканского сообщества, такое развитие событий могло серьезно повлиять на политические и военные аспекты ситуации. Это нашло своё выражение в действиях Тираны, решившей узаконить разрыв с Варшавским блоком. На пленуме ЦК АПТ 5 сентября 1968 г. фактически было принято данное решение. Однако с целью соблюдения законности и демонстрации государственного, а не исключительно партийного подхода к проблеме, предстояло провести соответствующий законопроект через парламент. Сам Э. Ходжа так объяснял происходившее: «Сегодня [13 сентября] депутаты обсуждали в Народном Собрании представленный вчера доклад “О позиции НРА в отношении Варшавского Договора” и поддержали предложение о его денонсировании... Чаша переполнилась! Де-факто мы были вне Варшавского Договора, но после агрессии против Чехословакии надо было сделать этот шаг также де-юре. Денонсирование этого Договора и выход нашей страны из него являются мерой огромного значения и связаны, прежде всего, с защитой независимости нашей Родины»⁷⁶⁶. Это решение, несмотря на то, что лишь закрепляло формально отказ от участия коммунистической Албании в ОВД, достаточно серьезно влияло на взаимоотношения Тираны с бывшими союзниками по пакту из числа Балканских государств – его членов, в частности Болгарией и Румынией. Оборонная политика Албании строилась не только на военно-технической обеспеченности вооруженных сил и их мобилизационной готовности. Помимо них в расчёт бралось отношение мирового сообщества, включая крупные международные организации, в частности ООН, к действиям, подобным тем, которые предпринял Варшавский пакт против Чехословакии. Для Э. Ходжи было важно понять, мог ли он рассчитывать на международную поддержку в случае иностранной интервенции. Происходившее на Балканах в контексте чехословацкого кризиса становилось важным аргументом в пользу занятой ранее Албанией позиции. Ходжа делал неутешительный вывод: «Никто не может верить легенде о том, будто Советский Союз был вынужден совершить вооруженное нападение на Чехословацкую Социалистическую Республику ввиду угрозы вооруженного нападения на неё империалистов, если известно, что советские ревизионисты заранее уже договорились со своими союзниками – Соединенными

⁷⁶³ Советские ревизионисты совершают военную агрессию против Чехословакии. Среда, 21 августа 1968 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 227-229.

⁷⁶⁴ Этот довольно редкий даже для албанской коммунистической пропаганды факт был отмечен зарубежными аналитиками: Iz Tirana calls Soviets «Fascists». 22.8.1968. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report. 2-6-76. – http://www.osaarchivum.org/files/holdings/3_00/8/3/pdf/2-6-76.pdf

⁷⁶⁵ Shqipëria akuzon sovjetikët për agresionin ndaj Çekoslovakisë. Komiteti Qendror dhe Këshilli i Ministrave dënon agresionin rus. Partia Komuniste e Shqipërisë i ofron solidaritet popullit çek // Zëri i Popullit, 23.8.1968.

⁷⁶⁶ Народное собрание НРА одобрило законопроект о денонсировании Варшавского Договора. Пятница, 13 сентября 1968 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 235.

Штатами Америки – и получили их полное согласие на эту агрессию, против которой не только американцы не потрудились даже мизинцем шевелить, но даже и боннская Германия не проявила раздражения, несмотря на то, что у её южных границ сосредоточились крупные советские войска. Советская фашистская военщина, сосредоточившая войска в Народной Республике Болгарии, и клика Тодора Живкова, позволившая превратить болгарскую территорию в агрессивную базу против народов Балкан, в частности, против Албании, никого не могут ввести в заблуждение, утверждая, будто наши заявления о присутствии этих войск на болгарской территории являются выдумкой...»⁷⁶⁷

В ответ на албанские протесты о пребывании в Болгарии советского воинского контингента София сделала 25 сентября 1968 г. официальное заявление. В нём она отвергла обвинения Тираны. Соседняя Югославия также проявляла обеспокоенность в отношении Болгарии, «в пропагандистских провокациях которой югославская сторона видела “крепкий тыл” (т. е. СССР – Ар. У.) и “без сомнения, заранее продуманный план”»⁷⁶⁸. Ещё раньше, чем это сделала албанская сторона, югославские власти продемонстрировали своё отношение к происходившему, о чём свидетельствовал ряд заявлений от 26 августа 1968 г. в югославской прессе. В них Болгария обвинялась в подготовке интервенции против Югославии. Более того, в адрес Софии делались предупреждения против того, чтобы, как отмечали иностранные аналитики, болгарские руководители не тешили себя ложными надеждами относительно распада югославского государства, так как «югославы окажут активное сопротивление любой агрессии, используя все доступные средства»⁷⁶⁹. 24 сентября премьер-министр СФРЮ М. Шпиляк уже открыто обвинил Софию в стремлении реализовать территориальные претензии⁷⁷⁰.

Интенсификация контактов между Белградом и Бухарестом после интервенции ОВД против Чехословакии сопровождалась активизацией дипломатии в балкано-средиземноморском регионе, что было отмечено политическими обозревателями в ряде СМИ США. Особое внимание в этом контексте уделялось австро-югославскому и итало-югославскому сближению, а именно: попыткам наладить отношения между Тираной и Римом. Делался также вывод о том, что стратеги НАТО благосклонно относятся к союзу между коммунистическими Албанией и Китаем⁷⁷¹. Действия Москвы и её союзников способствовали и активизации албанокитайского военно-технического сотрудничества, что также было зримым результатом интервенции ОВД во главе с СССР против Чехословакии⁷⁷².

Не менее значимыми, но в силу их секретности оставшимися неизвестными для внешнего мира, становились взаимоотношения между Тираной и Белградом, стоявшими на протяжении долгого времени на крайне враждебных позициях в отношении друг друга. Серия секретных консультаций и даже обмен данными между военными ведомствами Албании и Югославии свидетельствовали о крайней озабоченности глав двух режимов – Э. Ходжи и И. Броз Тито возможными действиями Варшавского пакта и СССР после интервенции в Чехословакии. Во время двусторонних албано-югославских встреч затрагивался вопрос о совместных

⁷⁶⁷ См. набросок речи Э. Ходжи для выступления в посольстве КНР 30 сентября по случаю 19-й годовщины основания КНР: Цель советских ревизионистов – установление в союзе с США мирового господства. Понедельник, 23 сентября 1968 г.// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959-1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 237.

⁷⁶⁸ Димич Л., Чавовики И. Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии// 1968 год. «Пражская весна». С. 278.

⁷⁶⁹ Stankovic S. Zagreb Daily Accuses Bulgaria Of Preparing Invasion Of Yugoslavia. 27.8.1968. Radio Free Europe Research. P. 1. Box-Folder-Report. 7-1-97. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/7-1-97.pdf>

⁷⁷⁰ См. текст его заявления в: Vjesnik. 25.9.1968.

⁷⁷¹ Hofmann P. Soviet Action Spurs New Alignments in Balkans; Move Against Czechs Leads to Acts of Cooperation Yugoslavia, Austria, Italy and Albania Are Affected// The New York Times, 30.9.1968.

⁷⁷² Об этом начали сообщать и западные СМИ: Peking Arms Aid for Albania Seen; China Held to Have Agreed to It Under New Accords// The New York Times, 29.11.1968; Iz Forging Tighter Sino-Albanian Political, Economic and Military Ties. 6.12.1968. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 2-6-7. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-6-17.pdf>

действиях в случае начала интервенции ОВД против одной из этих стран, а также подтвержда-лась готовность Албании оказать помощь при нападении Варшавского блока на Югославию и Румынию⁷⁷³. Албанская сторона рассчитывала на усиление югославских границ с Румынией и Болгарией, гарантировав со своей стороны полную поддержку оборонных усилий Югосла-вии. Данные, которыми располагало албанское руководство, носили алармистский характер, а выводы о ситуации в Болгарии свидетельствовали о явном незнании происходившего в руко-водстве НРБ. Наряду с полученной по линии албанской разведки информацией о дислокации советских воинских контингентов на болгарской территории, аналогичные сведения, но уже с уточнением о том, что в Болгарию переброшено от 9 до 10 дивизий, сообщил посол Италии в Тиране одному из своих албанских собеседников. В военном ведомстве НРА пришли к выводу о концентрации советских войск, насчитывавших 35-40 тыс. человек, на болгарской террито-рии. Более того, министр обороны НРА Б. Балуку во время своей беседы с Мао Цзэдуном 10 октября 1968 г. заявлял о том, что Т. Живков не достаточно контролирует ситуацию в стране. Поэтому, как сообщил глава албанского оборонного ведомства, СССР, вероятнее всего, во-первых, опасается его смещения по примеру А. Дубчека и прихода к власти прозападных «пра-вых» и, во-вторых, Москва обеспокоена возможностью нападения НАТО на Болгарию. Для китайской стороны в условиях, складывавшихся после интервенции государств-участниц ОВД в Чехословакию, была важна позиция Югославии как возможного противника советской поли-тики в регионе в целом, и в Восточной Европе в частности. В этой связи как в Тиране, так и в Пекине действия югославского руководства, начавшего укреплять югославо-болгарскую гра-ницу, были восприняты как серьезный признак решимости Белграда оказать сопротивление любой агрессии⁷⁷⁴.

Для руководства Югославии интервенция против Чехословакии являлась дополнитель-ным аргументом в пользу правильности избранного курса на неприсоединение. На спешно созванных внеочередных заседаниях Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ 21 августа и ЦК СКЮ 23 августа 1968 г. действия стран-участниц интервенции против Чехо-ловакии были подвергнуты жёсткой критике и охарактеризованы как оккупация суверен-ной страны⁷⁷⁵. Югославская пресса заняла непримиримую позицию в отношении интервенции и одновременно выражала солидарность с реформаторским правительством Чехословакии и гражданами страны. Сочетание политического и военного аспекта отчётливо проявилось в И. Броз Тито, заявившего 21 августа 1968 г., что, «когда дело идёт о Чехословакии, дело идёт и о нас» и «независимости нашей страны»⁷⁷⁶. В течение последующей недели официальный Бел-град неоднократно выступал с осуждением действий Москвы и её союзников против Чехосло-вакии. Такая позиция руководства нашла широкую поддержку в югославском обществе, при-мером чему могла служить 200-тысячная демонстрация в Белграде.

В то же время, на повестке дня югославского руководства, помимо внутривнутриполитических вопросов, стоял, как один из важнейших, оборонный. 21 августа 1968 г. была повышена бое-готовность частей и соединений вооруженных сил Югославии по периметру границ со стра-нами-членами Варшавского пакта – Венгрией, Румынией и Болгарией. Особое внимание было уделено силам ПВО и ВВС, которые с 26 августа и до 10 октября были задействованы в специ-альной операции, получившей в целях конспирации название учения «Авала» (*vezba «Avala»*)

⁷⁷³ Животић А. Югославия, чехословацкий кризис и выход Албании из Варшавского договора//1968 год. «Правда» весна». С. 335. Автор статьи ссылается на архивные документы партийных органов Югославии, внешнеполитического и воен-ного ведомств СФРЮ, а также материалы югославской разведки.

⁷⁷⁴ Boriçi K. Mao Ce Duni-Ballukut: Jugosllavët i kemi aleatë kundër Bashkimit Sovjetik! Biseda e Beqir Ballukt me Mao Ce Dunin, 1 tetor 1968//Shekulli, 17.11.2007.

⁷⁷⁵ Подробнее о международных позициях Югославии в контексте чехословацких событий см. в: Tripković Đ. Međunarodni položaj Jugoslavije i vojna intervencija u Čehoslovačkoj 1968// Istorija 20. veka. Beograd, 2008. N 1

⁷⁷⁶ Димич Л., Чавошки Й. Ук. соч. С. 275.

и проводившейся на всей территории СФРЮ. Силы ВВС находились в высшей степени боевой готовности для возможного применения имевшихся средств, использование которых предусматривалось без предварительного предупреждения противника в случае пересечения им государственных границ страны⁷⁷⁷. В руководстве вооруженными силами Югославии исключительно серьезно относились к происходившему в Чехословакии и проявляли обеспокоенность дальнейшими возможными действиями Варшавского пакта⁷⁷⁸.

В концептуально-теоретическом плане в руководстве Югославии вновь была подтверждена ранее принятая стратегия общенародной войны как единственно возможной в интересах обеспечения обороноспособности страны. В новых условиях Белград был вынужден принять военно-организационные меры для усиления направлений, наиболее опасных с точки зрения вероятного нападения с территории государств-членов Варшавского блока, что неминуемо вело бы к ослаблению обороны западного направления. Последнее имело особую важность, так как югославское руководство серьезно относилось к возможности нападения на страну именно на западных рубежах. Это объяснялось тем, что на протяжении послевоенных десятилетий в Белграде существовали подозрения по поводу вероятных действий Италии с целью ревизии территориального размежевания с Югославией.

Встреча 23 августа 1968 г. И. Броз Тито с послом США Б. Илбриком, длившаяся около часа, в определенной степени успокоила главу югославского коммунистического режима, заявившего о том, что «Югославия... продолжит попытки поддерживать нормальные отношения с группой [государств] Варшавского пакта», однако, «Югославия будет жёстко придерживаться уже публично провозглашенных принципов»⁷⁷⁹. Несмотря на то, что Тито не обратился в сложившихся условиях за моральной и технической помощью к США, Илбрик не исключал этого в будущем. Глава Югославии фактически получил заверения американского посла по этому поводу. Таким образом, как, вероятно, полагал Тито, угроза со стороны Италии, являвшейся союзницей США по НАТО, минимизировалась. На состоявшейся 29 августа уже в Вашингтоне по просьбе югославского посла в США Б. Црнобрня встрече с Госсекретарем Д. Раском, последний заявил, что «как НАТО, так и Варшавский пакт знают, что нападение одного [члена блока] на страну – члена другого [союза] приведёт к войне. Однако НАТО не признает право стран Варшавского пакта оккупировать территорию члена Варшавского пакта. Этого не может произойти в самом НАТО. Мы понимаем, что органы “черной пропаганды”⁷⁸⁰ Москвы пытались состряпать миф о существовании взаимопонимания между США и СССР по вопросу о Чехословакии»⁷⁸¹. Данная оценка происходящего главой американской дипломатии также укрепила уверенность югославской стороны в том, что США окажут поддержку СФРЮ в случае военно-политического кризиса. В то же время наиболее доверительные отношения в вопросе получения гарантий для Югославии со стороны Североатлантического союза сложились между Белградом и Лондоном. Именно Британия была выбрана югославским руководством на роль конфиденнта, способного положительно повлиять на ближайшего союзника – США. Это нашло своё выражение в настойчивых попытках югославской дипломатии выяс-

⁷⁷⁷ Подробнее в: Radić A. Vežba Avala – Jugoslovenska odbrana od Varšavskog pakta 1968. godine//Istorija 20. Veka. 2006. N 2

⁷⁷⁸ См. подробнее: Petrović N. Procene vrha JNA o političkim i bezbednosnim prilikama u Čehoslovačkoj nakon intervencije Varšavskog ugovora (1968–1969)// Vojno-istorijski glasnik. 2010. Br. 1.

⁷⁷⁹ 191. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, August 23, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. Volume XVII. P. 508.

⁷⁸⁰ «Черная пропаганда» (англ. black propaganda) – в сложившейся традиции психологической войны (или её советского варианта – «спецпропаганды») заведомо ложные сведения, которые представляются их распространителями как достоверные и происходящие из источников противника. В действительности они являются пропагандистским продуктом тех, кто прибегает к их распространению.

⁷⁸¹ 192. Memorandum of Conversation. Washington, August 29, 1968, 3:45 p.m. SUBJECT: US-Yugoslav Relations and Czech Developments. PARTICIPANTS: Foreign Ambassador Bogdan Cernobrnja of Yugoslavia. United States: Secretary of State, Orme Wilson, Jr., EUR/EE, Yugoslav Affairs//Foreign Relations of the United States. 1964-1968. P. 510, 511.

нить возможную позицию Великобритании на случай агрессии СССР в отношении Югославии. Данный вопрос тайно от других союзников по НАТО начал обсуждаться Лондоном и Вашингтоном осенью 1968 г. после того, как югославская сторона захотела получить более определенный ответ от британского политического руководства⁷⁸². Со стороны Великобритании через бывшего главу Форин Офиса Дж. Брауна югославскому послу И. Сарай-чичу было сообщено о том, что британская сторона прибегнет к угрозе использования силы в случае, если кто-либо обратится к подобной форме в отношении Югославии⁷⁸³.

Одновременно Белград стремился изыскать возможности усилить обороноспособность страны за счёт укрепления не прямых связей с Североатлантическим блоком и двусторонних отношений с Вашингтоном. С этой целью И. Броз Тито использовал неформальный канал связи с Госдепом США, представленный неким, как об этом сообщалось в телеграмме американского посла в Белграде Б. Илбрика, «американцем югославского происхождения», имевшим возможности прямого общения с Тито и его ближайшим окружением. Политика Белграда на ближайшую перспективу определялась главой Югославии несколькими соображениями: правительство не будет в данный момент обращаться к США за военной помощью; «нет непосредственной военной угрозы, но она имеется в дальнейшей перспективе»; «советское присутствие в Адриатике непосредственно вблизи Италии и Греции будет нетерпимым для Запада, который вновь должен будет оказывать помощь маленькой социалистической стране против нападения со стороны других социалистических стран»; отношения между Белградом и Москвой уже никогда не будут прежними, а Югославия будет стремиться поддерживать отношения с членами Варшавского пакта, только исходя из своих экономических интересов⁷⁸⁴. Одновременно со стороны представителей ближайшего окружения Тито было высказано мнение, хотя и в шутилой форме, но явно с расчётом на его передачу в Госдеп США, относительно возобновления Балканского пакта. Последний факт свидетельствовал о том, что Белград не исключал в критический для себя момент попытаться реанимировать прежний союз, который мог рассматриваться при определенных обстоятельствах и как «черный ход в НАТО»⁷⁸⁵. В конце сентября 1968 г. эта тема стала предметом анализа для экспертов, занимавшихся изучением ситуации в Югославии⁷⁸⁶. Однако представитель одной из стран-участниц Балканского пакта – Греции, П. Пипинелис, являвшийся министром иностранных дел военно-политического режима, установленного в апреле 1967 г., заявил о том, что «нынешняя ситуация не позволяет ведения какой-либо реалистичной дискуссии относительно возрождения этого договора. Политические и стратегические условия ныне совершенно отличны от тех, когда этот договор подписывался»⁷⁸⁷.

В сентябре 1968 г. на совместном заседании Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ вновь рассматривался вопрос организации обороны, базирующейся на принципе общенародной борьбы⁷⁸⁸, но уже с рядом новых интерпретаций, что позволило говорить мно-

⁷⁸² Batović A. The Balkans in Turmoil – Croatian Spring and the Yugoslav position Between the Cold War Blocs 1965–1971. LSE IDEAS Cold War Studies Programme at the London School of Economics. 2003. P. i, ii. – <http://www2.lse.ac.uk/IDEAS/publications/workingPapers/batovic.pdf>

⁷⁸³ Jakovina I Tito, the Bloc-Free Movement? And the Prague Spring// The Prague Spring and the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia in 1968. Ed. by Bischof G., Karner S., Ruggenthaler P. Plymouth, 2010. P. 408.

⁷⁸⁴ 193. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, September 14, 1968 //Foreign Relations of the United States. 1964–1968. R 514, 515.

⁷⁸⁵ В тексте телеграммы американского посла в Югославии Б. Илбрика высказывалось предположение о том, что такого мнения о возможностях присоединения Белграда к НАТО придерживается, вероятно, сам информатор, и это не является словами его югославских собеседников.

⁷⁸⁶ Stankovic S. Is Yugoslavia's Military Alliance with Greece and Turkey Still Legally Valid? 30.9.1968. Radio Free Europe. Box-Folder-Report. 78-2-147. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-2-147.pdf>

⁷⁸⁷ Сообщение корреспондента Радио свободная Европа в Афинах о пресс-конференции П. Пипинелиса под названием «Pipinelis Says Balkan Situation Dangerous» от 28 сентября 1968 г. по: Stankovic S. Op. cit.

⁷⁸⁸ Димич Л., Чавошки Й. Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии// 1968 год. «Пражская

гим экспертам о новой оборонной доктрине коммунистической Югославии. В соответствии с ней оборонительная война определялась как «политическая, военная и организационная подготовка всего народа и его вооруженных сил» в условиях оккупации или захвата югославской территории «всеми средствами и в любом месте»⁷⁸⁹. В организационном отношении выдвинутая концепция предусматривала формирование на республиканско-территориальном уровне фактически параллельной уже существующей структуре вооруженных сил системы территориальной обороны, подчиняющейся непосредственно республиканским партийно-государственным органам.

Обострение взаимоотношений между Белградом и Москвой было с настороженностью воспринято в Вашингтоне, где стремились определить дальнейший ход событий. Однако жесткие заявления, сделанные руководством Югославии, в частности о готовности прибегнуть ко всем имеющимся в его распоряжении средствам для защиты независимости и национального суверенитета СФРЮ, способствовали активизации американской политики на «югославском направлении». Американская сторона учитывала возможность усиления советского присутствия в Средиземноморье и на Ближнем Востоке в случае оказания Кремлем нажима на И. Броз Тито. В этой связи в США рассматривались пути оказания помощи Югославии в случае военного нападения на неё Варшавского пакта⁷⁹⁰. Само югославское руководство считало, что с одной стороны, необходимо укреплять боевую готовность вооруженных сил, а с другой, усиливать позиции Югославии в Балканском регионе.

За всеми идейно-теоретическими установками и интерпретациями коммунистической доктрины проглядывали контуры новой реальности – выдвижение на первый план национально-государственных интересов, которые на данном этапе оформлялись в национальные оттенки той или иной разновидности марксизма-ленинизма, а также укрепление власти конкретного лица или группы. Наиболее отчетливо это было отражено в решениях заседания Исполнительного Комитета ЦК Румынской компартии, срочно собравшегося 21 августа 1968 г.⁷⁹¹, и в речи Первого секретаря Румынской коммунистической партии Н. Чаушеску на внеочередной сессии Великого Национального Собрания 22 августа 1968 г., когда он заявил, что «вся наша партия, весь румынский народ глубоко встревожены военной интервенцией в социалистической Чехословакии. Мы рассматриваем это как грубое нарушение национальной независимости и суверенитета Чехословацкой Социалистической республики, вмешательство путем силы в дела братского чехословацкого народа, как акт, резко идущий вразрез с основными нормами взаимоотношений, которые должны господствовать между коммунистическими и принципами международного права»⁷⁹². Для Бухареста произошедшее стало ещё одним обоснованием необходимости общенациональной идейнополитической мобилизации. Более того, румынское руководство серьезно опасалось возможных действий, аналогичных вводу войск Варшавского Договора в Чехословакию, уже по отношению самой Румынии⁷⁹³.

весна». С. 289.

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ См. подробнее: *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi u svetlu vojne intervencije u Čehoslovačkoj 1968//*Istorija 20. veka.* 2007. N 2.

⁷⁹¹ Protocol No. 5 of the Meeting of the Executive Committee of the CC of the RCP, on the Situation in Czechoslovakia. Bucharest, 21 August 1968// *Romania and the Warsaw Pact 1955–1989.* By Deletant D., Ionescu M. Cold War International History Project. Working Paper #43. Washington, 2004. О преследовании собственных целей в создавшейся ситуации см. основанную на архивных документах статью *М. Корталан* «21 августа 1968: изменение лица Чаушеску. Конъюнктура»: *Cortalan M.* 21 august 1968: schimbarea la față a lui Ceaușescu. De conjunctură // *Cotidianul*, 25.8.2008.

⁷⁹² *Чаушеску Н.* Достижения и перспективы Румынии. Бухарест, 1969. С. 791, 792. Глава коммунистического режима Румынии был поставлен в известность об интервенции стран-членов ОВД во главе с СССР советским посольством в ночь на 21 августа 1968 г., когда специальный курьер передал запечатанный пакет с содержанием, напечатанном на русском языке с надписью «ЦК КПСС» в конце текста, но без всякой подписи, главе СГБ генералу И. Стэнеску, вручившему, в свою очередь, пакет Н. Чаушеску.

⁷⁹³ В румынской историографии существует версия, в соответствии с которой СССР планировал проведение одномомент-

Выступление Чаушеску в Румынии 22 августа 1968 г. с балкона здания ЦК РКП содержало, помимо политических оценок, сформулированную концепцию оборонной политики. Её суть заключалась в необходимости готовиться к общенародной войне в случае нарушения национального суверенитета Румынии. В румынском руководстве существовали опасения относительно вероятного советского нападения на Румынию⁷⁹⁴.

Поэтому идея тотального сопротивления, структурно организованного в новую форму – Патриотическую гвардию, способную осуществить массовую мобилизацию по территориальному принципу, становилась важной с точки зрения реализации оборонной политики. Получение информации о возможных действиях СССР и стран-участниц ОВД против Румынии способствовало тому, что Бухарест начал предпринимать ряд дополнительных, помимо организации Патриотической гвардии, меры. К их числу относились принятие решений о формировании в ближайшее время дивизий горных войск в целях создания очагов сопротивления в горной и лесистой местности в случае иностранной агрессии; создании 8 батальонов специального назначения к ноябрю 1968 г. Было принято решение об изменении кодов и шифров связи, а также о закупке в ФРГ радиопередающего оборудования на подвижной основе для организации подпольного вещания на случай захвата противником или разрушения стационарных радиопередатчиков⁷⁹⁵. Для обеспечения прикрытия основных районов страны от возможного нападения СССР и его союзников румынский Генеральный Штаб срочно разработал новую дислокацию крупных воинских соединений. Они имели конкретную зону ответственности и прикрывали стратегически важные направления вероятного продвижения противника: Бухарест – 57-я танковая дивизия, Браила – 67-я механизированная дивизия, Деж – 81-я механизированная дивизия, Куртя-де-Арджеш – 4-я горная бригада.

Имея в виду дальнейшую перспективу укрепления и развития собственной оборонной промышленности, румынское руководство приняло решение о создании Совета по обеспечению (*Consiliul de Inzestrare*). Его возглавил начальник Генерального штаба, курировавший отныне механизм взаимодействия военного министерства и различных министерств и ведомств, имевших непосредственное отношение к появлявшемуся в Румынии военно-промышленному комплексу.

Интервенция в Чехословакию повлияла на формулирование новой концепции безопасности Румынии⁷⁹⁶. Отныне и вплоть до падения коммунистического режима в декабре 1989

ной интервенции как в Чехословакии, так и в Румынии. При этом нередко делается ссылка на якобы состоявшуюся беседу между Н. Чаушеску и Л. Брежневым, в ходе которой глава РКП сумел успокоить своего собеседника и таким образом способствовал снятию этого вопроса с повестки дня. Ввиду недоступности в данный момент соответствующих материалов из современных российских архивов, не существует реальной возможности подтвердить или опровергнуть данную точку зрения. Румынская версия изложена генерал-майором П. Сарпе в: *Sarpe P. Considerații cu privire la evoluția organului militar român de informații de-a lungul vremii. Direcția Cercetare-Locul și rolul sau în structura actuala a armatei române/133 Ani de Existență a Serviciului Militar Român de Informații, 1859–1992. București, 1992. P. 9.* С осени 1968 г. военная разведка расширила своё сотрудничество с аналогичными структурами ряда стран Запада в целях получения информации о возможных намерениях Москвы и её союзников в отношении Румынии. – *Deletant D. Ceaușescu and Securitate. P. 84.*

⁷⁹⁴ См. воспоминания И. Маурера, являвшегося тогда премьер-министром CPP – *Betea L. Maurer și lumea de ieri. Mărturii despre stalinizarea României. Cluj, 2001. P. 185–186.* В то же время, в румынской общественно-политической публицистике и с привлечением появляющихся архивных материалов не только румынского происхождения достаточно активно обсуждается тема искусственного использования угрозы Румынии со стороны СССР режимом Н. Чаушеску в собственных целях. Более того, утверждается, что такой угрозы не было. См.: *Berdeli E. Adevăruri despre august '68: Ceaușescu n-a fost «invitat» la Praga, Moscova nu dorea invadarea României// Gardianul, 24.8.2008.* Особую критику в румынской научной прессе, а также общественно-политических публикациях вызвала книга покойного журналиста и историка Михая Пелина «За кулисами румынского шпионажа: ДИЕ 1955–1989», в которой автор писал о том, что отказ от приглашения Чаушеску участвовать в интервенции мог означать, что он находится на втором месте после А. Дубчека в «черном списке» Кремля. – *Pelin M. Culisele spionajului românesc: D.I.E. 1955–1980. București, 1997.* Обвинения в том, что книга М. Пелина была написана с помощью бывших сотрудников Секуритате, носит пропагандистский и даже оправдывающий их деятельность характер в: *Dumitrescu C. «Culisele Spionajului românesc» este o facatura a fostilor securisti//Ziu, 6.3.2000.*

⁷⁹⁵ *Betea L. Solul lui Brejnev.*

⁷⁹⁶ О роли кризисов в Варшавском блоке в формировании концепции безопасности Румынии см.: *Rijnoveanu C. Die*

г. основное внимание в военной доктрине уделялось разработке концепции оборонительной войны на собственной территории против превосходящих сил противника, которому должно было быть оказано массовое сопротивление на всей территории страны. Это должно было сделать невозможной оккупацию Румынии из-за постоянной продолжительной полупартизанской и диверсионной войны, участниками которой являлись бы как кадровые войсковые соединения, подразделения сил МВД и безопасности, так и отряды Патриотической гвардии. Тактика «выжженной земли» в боевых действиях против оккупантов была способна, по мнению партийно-государственного и военного руководства СРР, обеспечить победу. Геофизические особенности ландшафта страны, заключающиеся в том, что её центральная часть окружена горными массивами Карпат и Трансильванских Альп, должны были обеспечить естественное прикрытие для баз сопротивления. Особое внимание стало уделяться также югославскому опыту создания военно-территориальных формирований, для чего в Белград была отправлена уже летом следующего года делегация во главе с генералом И. Георге⁷⁹⁷. На заседании Постоянного Президиума ЦК РКП 11 сентября 1968 г. было принято решение о превалирующем значении национального командования для вооруженных сил стран-участниц ОВД, что, однако, не снимало с повестки дня обсуждения этой темы на заседании ПКК⁷⁹⁸.

Отношения Кремля и ряда коммунистических партий обострились к осени 1968 г. Москва и Бухарест перешли к открытой конфронтации: 23 августа 1968 г. Политбюро ЦК КПСС направило Исполкому РКП послание, в котором заявлялось об ошибочной, как в нем говорилось, позиции румынского руководства, 3 сентября Кремль отклонил предложения руководства РКП о проведении совещания компартий Европы и двусторонней встречи с румынской партийной делегацией по чехословацкому вопросу, а с 25 августа были отменены обмен туристами, выезды и въезды по частным приглашениям из Румынии в СССР и наоборот. Как отмечалось в записке Отделов ЦК КПСС «О некоторых мероприятиях в области советско-румынских связей», которую рассматривали 17 сентября 1968 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС члены Политбюро и секретари ЦК КПСС М. А. Суслов, А. П. Кириленко, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, К.Ф. Катусhev, М. С. Соломенцев и И. В. Капитонов, «линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран. Смысл позиции ЦК РКП в отношении событий в Чехословакии не изменился, в беседах с представителями компартий третьих стран румынские руководители по-прежнему допускают прямые антисоветские выпады, в стране продолжается формирование отрядов «патриотической гвардии» в целях «отражения вооруженного вмешательства в дела Румынии»⁷⁹⁹. Вероятность последнего не исключалась в высших политических кругах румынского руководства.

По линии румынской политической разведки, сотрудник которой И. Джорджеску работал под прикрытием в румынском посольстве в Москве, Бухарест получил информацию о необходимости проводить всеобщую мобилизацию из-за существовавшей опасности советского вторжения. Однако Н. Чаушеску очень внимательно отнёсся к этим данным⁸⁰⁰. Глава Совета Государственной безопасности (СГБ) СРР генерал И. Стэнеску был уверен, что вслед за Чехо-

Auswirkungen der Krisen des Ostblocks 1956 und 1968 auf das rumänische Sicherheitskonzept//Militär und Staatssicherheit im Sicherheitskonzept der Warschauer-Pakt-Staaten. hrsg. von Diedrich T. und Süß W. Berlin, 2010. S. 149–167

⁷⁹⁷ *Opriş P.* Doctrina militară a României, asemănătoare cu cea a Iugoslaviei. 4.9.2009//Jurnalul. Ro – <http://1989.jurnalul.ro/stire-special/doctrina-militara-a-romaniei-asemanatoare-cu-cea-a-iugoslaviei-519821.html>

⁷⁹⁸ Ibid.

⁷⁹⁹ Из протокола № 57 заседания Секретариата от 17 сентября 1968 г.

⁸⁰⁰ В соответствии с оглашенной румынской печатью версией эта информация была предоставлена на конфиденциальной основе неким сотрудником советских разведывательных служб (его имя упоминается), который якобы имел особые служебные отношения с И. Жоржеску. – См. раздел «Spionaj in trei, la vedere» в статье: Ceausescu era mai atent la spionii Pactului de la Varsovia decat la cei ai NATO//Confidential Press. – http://www.confidentialpress.ro/special.php?newa_id=65

словакией наступает очередь Румынии, а затем и Югославии⁸⁰¹. На протяжении последующих двух недель Бухарест пребывал в ожидании интервенции, то есть до тех пор, пока концентрация советских войск на границе Молдавской ССР и Румынии после 4 сентября 1968 г. не сократилась⁸⁰². Однако поступавшая румынскому партийно-государственному руководству по дипломатическим и разведывательным каналам информация продолжала свидетельствовать о том, что осенью 1968 г. существовала определенная опасность интервенции со стороны СССР. С одной стороны, глава Румынии Н. Чаушеску опасался того, что полученные данные – дезинформации, однако, с другой, он стремился исключить возможность повторения чехословацкого варианта. Именно последнее, а также стремление максимально использовать внешнюю угрозу для усиления популярности в обществе и укрепления личной власти⁸⁰³, заставило главу РКП согласиться с планом СГБ форсировать процесс создания Патриотической гвардии и формирования её территориальных структур⁸⁰⁴. 11 сентября 1968 г. на заседании постоянного Президиума ЦК РКП были одобрены «предложения о мерах по улучшению дислокации и совершенствованию структуры подразделений вооруженных сил СР Румынии и их численности»⁸⁰⁵.

⁸⁰¹ См. совместную публикацию начальника контрразведывательного управления Н. Козмы и И. Стэнеску: *Cosma N., Ion Stănescu I.* În anul 1968, a fost programată și invadarea României: informații inedite din interiorul Serviciilor Speciale ale României. București, 1999, а также: § Ce aflase Securitatea despre invazie. Interviu cu Ion Stănescu, președintele Consiliului Securității Statului (1968–1972)// 21 august 1968 – Apoteoza lui Ceaușescu. Betea L. (coord.), Diac C., Mihai F.-R., Tiu I. Iași, 2009. P. 96–103. Наряду с верифицируемыми аутентичными документами о вероятности действий ОВД против Румынии, публикуемыми в последнее время в румынских научных изданиях и СМИ, появляются и сомнительные с точки зрения подлинности документы. Так, в частности, в румынской печати и сети Интернет 21 мая 2009 г. был опубликован материал под названием «DOCUMENT. Strict Secret de importanță deosebită, reconstituit: Intervenției Tratatului de la Varșovia în Cehoslovacia, România, Iugoslavia și Austria. Date și informații privind pregătirea intervenției Tratatului de la Varșovia în Cehoslovacia, România, Iugoslavia și Austria» с подписью в скобках «Document reconstituit», т. е. «документ восстановлен», датированный 3 августа 1968 г. Он представлен как записка главы СГБ И. Стэнеску за № 000189 под грифом «Совершенно секретно. Особой важности», направленная Н. Чаушеску. В ней сообщались сведения и информация о планируемой интервенции в отношении Чехословакии, Румынии, Югославии, и, при определенных обстоятельствах, Австрии. Глава СГБ сообщал, что основывается на данных из источников румынской разведки в ОВД, а также органов военного управления ряда коммунистических стран-членов пакта. Отмечалась и определенная очередность в реализации этого плана. По данным Стэнеску она должна была проходить в три этапа: сначала, в августе, против Праги, затем, в сентябре, против Бухареста, и закончить эти «мероприятия» через 2-3 недели после «румынской операции» уже в Белграде. – Roncea.ro. Ziarist online – <http://victor-roncea.blogspot.com/2009/05/document-strict-secret-de-importanta.html>. Однако ряд деталей публикуемого материала позволяют усомниться в его подлинности. Примечательными среди них можно считать несколько. Во-первых, глава СГБ, называя адресат своей записки, использует по отношению к Н. Чаушеску обращение «Президент Социалистической Республики Румыния». Этот пост был создан только в 1974 г. Во-вторых, непосредственно в тексте письма используется не принятое в партийном и государственном делопроизводстве коммунистической Румынии персонифицированное упоминание главы румынской компартии и государства в негативном тоне даже при пересказе слов оппонентов и откровенных противников. В опубликованном материале, наоборот, это подчеркивается: «Нельзя терпеть Дубчека, Чаушеску и Тито; они должны быть изолированы в их собственных партиях, необходимо оказать помощь в деле прихода к власти руководителей, верных принципам марксизма-ленинизма» («Dubcek, Ceaușescu și Tito nu mai pot fi tolerați, ei trebuie izolați în propriile partide, care să fie ajutate să-și impună conducători fideli principiilor marxist-leniniste»). Наконец, в-третьих, упоминавшимся в документе местом, где состоялись обсуждения с руководителями восточноевропейских стран-сателлитов СССР, называется Крым. В описываемое время так называемые крымские встречи не проходили, а сам факт обращения к ним лишь подчеркивает сомнительный характер данного материала. В то же время, идеи о необходимости изменить ситуацию в Румынии и Югославии в Москве и ряде столиц Восточной Европы существовали. Об этом свидетельствовало, например, уже упоминавшееся выше выступление главы Болгарии Т. Живкова на Пленуме ЦК БКП 29 марта 1968 г. См. также версию о возможной интервенции СССР против Румынии в книге воспоминаний Н. Козмы и И. Стэнеску.

⁸⁰² См. интервью В. Рончи с генералом в отставке, бывшим главой СГБ СРР в 1968–1972 гг. Йоном Стэнеску: *Roncea V.* «И primeam pe rusi cu foe de arma»// Ziua, 20.08.2008.

⁸⁰³ Публичное осуждение со стороны Н. Чаушеску интервенции Варшавского пакта дало возможность Бухаресту рассчитывать на поддержку западных демократических государств по торгово-экономическим вопросам: *Dumitru L.-C.* România și Tratatul de la Varșovia 1955–1968. Obediență și nesupunere. Rezumatul tezei de doctorat cu titlul. București: Universitatea din București, Facultatea de Istorie, 2009. P. 30; *Miroiu A.* Locul României în Tratatul de la Varșovia (IV)// Ediția scrisă 2004, 25. – <http://www.revista22.ro/locul-romaniei-in-tratatul-de-la-varsovia-iv-1095.html>

⁸⁰⁴ См. интервью В. Рончи с генералом в отставке, бывшим главой СГБ СРР в 1968—1972 гг. Йоном Стэнеску: *Roncea V.* «K primeam pe rusi cu foe de arma»// Ziua, 20.08.2008.

⁸⁰⁵ *Opriș P.* Atitudinea adoptată de România în problema aplicațiilor militare ale organizației tratatului de la Varșovia după invadarea Cehoslovaciei în august 1968// Stîndard, 2004. Asociația Stîndard. P. 2. – http://www.stindard.ro/historicum/2004_aplicatii_d1968.pdf

Параллельно румынское партийно-государственное руководство постаралось заручиться моральной поддержкой правительственных кругов ведущих стран, включая США и Францию. Генерал Ш. де Голль лично присутствовал на приёме в румынском посольстве в Париже по случаю национального праздника коммунистической Румынии, отмечавшегося 23 августа ⁸⁰⁶.

⁸⁰⁶ См. телеграмму посла СРР во Франции К. Флитана по поводу его посещения 16 сентября 1968 г. министра культуры Франции А. Мальро. Документ № 285 в: 1968. *Primăvara de la Praga. Documente diplomatice. Ianuarie 1968 – Aprilie 1969*. Ediție de Preda D. Cuvânt înainte: Severin A. Studiu introductiv: Popișteanu C. București, 2009.

§14. После Праги: балканский фон «доктрины Брежнева»

Последствия августовской интервенции для коммунистических Балканских стран имели не только региональное, но и более широкое, общеевропейское измерение. 24 августа 1968 г. на югославской территории в г. Вршц состоялась встреча И. Броз Тито и Н. Чаушеску, которого сопровождал член Политбюро ЦК РКП и вице-президент Государственного совета генерал-лейтенант Э. Боднэраш, активно участвовавший в переговорах двух руководителей. Суть заявлений главы Румынии и его спутника сводилась к выдвиганию нескольких тезисов. Во-первых, делалась ссылка на то, что Великое Национальное Собрание Румынии приняло решение, в соответствии с которым нахождение иностранных войск на территории страны возможно только с разрешения этого органа (данный шаг объяснялся Н. Чаушеску как способ избежать ситуации, когда «группа активистов вызывает к присутствию войск»). Во-вторых, заявлялось, что Бухарест рассчитывает на помощь Югославии. Наконец, в-третьих, выражалась надежда на то, что румынская сторона сможет использовать «югославский коридор» в случае начала военных действий против Румынии СССР, Венгрии и Польши, которые блокируют Румынию, и она не сможет получить вооружение и технику по Черному морю или другими путями. Румынские собеседники Тито пытались получить от него гарантии в возможном конфликте с СССР⁸⁰⁷. Однако югославский руководитель был крайне озабочен складывавшейся ситуацией, и основу его позиции составили несколько главных пунктов, которые он прямо изложил Н. Чаушеску и Э. Боднэрашу.

Во-первых, Тито настаивал на том, чтобы Бухарест, несмотря на сделанные им заявления, осуждавшие действия СССР и стран-участниц «антипражской коалиции», стремился избежать конфронтации с Москвой и не давал бы ей повода для интервенции. Во-вторых, глава Югославии крайне скептически отнёсся к идее совместной борьбы Югославии и Румынии в случае возможного нападения на последнюю и не желал подвергать свою страну угрозе со стороны СССР и его союзников. Он оправдывал такую позицию тем, что соседняя Италия якобы немедленно попытается использовать ситуацию с тем, чтобы захватить часть территорий Югославии в районе Истрии. Примечательной особенностью в данном контексте являлось военно-территориальное разделение в коммунистической Югославии в середине 60-х гг. XX в. В частности, ведущую роль в системе обороны страны занимали Сербия и Хорватия, являвшиеся центральными с точки зрения дислокации воинских частей. Именно на их территории размещались две-три армии, либо, в соответствии с более поздней схемой военно-территориального деления страны, они включали две-три армейские или военные области, в то время как Македония, Словения, а также Босния и Герцеговина находились под прикрытием отдельных воинских подразделений и гарнизонов. Данный подход к дислокации воинских сил страны был обусловлен принятой ещё в 1958 г. концепцией обороны, названной «Стратегия общенародной войны» (*strategija opštenarodnog rata*)⁸⁰⁸, которая во многом подразумевала, прежде всего, угрозу агрессии в отношении Югославии с Запада. В-третьих, югославский руководитель рекомендовал Чаушеску продемонстрировать свою лояльность как члена ОВД, не стремящегося её покинуть. Наконец, в-четвертых, он настаивал на том, что в случае, если румынские войска, отступая под напором сил Варшавского пакта, перейдут границу его страны, они должны будут сдать тяжёлое вооружение югославским властям и не вести никаких боевых действий с югославской территории. Тито крайне скептически относился к любым совместным действиям с

⁸⁰⁷ Stenograma discuțiilor dintre Nicolae Ceaușescu și Iosip Broz Tito de la Vîrșeț, din 24 august 1968 (fragmente)// 21 august 1968 – Apoteoza lui Ceausescu. Betea L. (coord.), Diaç C., Mihai F.-R., Tiu I. Iași, 2009. P. 157–173.

⁸⁰⁸ Dimitrijević B. Organizacija Jugoslovenske narodne armije u Hrvatskoj 1945–1965. godine// Dijalog povjesničara istoričara. Priredili Fleck G. i Graovac I. Zagreb, 2005. № 9. P. 301, 302.

Румынией, если бы Югославия сама не подверглась бы нападению со стороны Варшавского пакта. Единственное, что получило его одобрение – обмен контрразведывательной информацией о намерениях ОВД и СССР⁸⁰⁹.

По дипломатическим и военным каналам информация по данному вопросу собиралась с особой тщательностью для дальнейшей передачи в Вашингтон. Осенью 1968 г. в НАТО серьезно рассматривали возможность советских военных акций на центральном и восточно-европейском направлениях. Во-первых, в ряде секретных аналитических материалов, общее содержание которых в виде утечки информации в западные СМИ публиковалось в американских и европейских газетах, указывались Австрия и Финляндия как вероятные цели советской агрессии⁸¹⁰. Во-вторых, выделялось так называемое балканское направление, где целью интервенции могли стать Румыния, Албания и Югославия.

Резко отрицательная реакция США на ввод войск ОВД в Чехословакию, озвученная их руководством, и особенно очередное президентское заявление от 30 августа 1968 г., естественно, не остались незамеченными в Бухаресте. Буквально на следующий день после выступления главы

Белого Дома с предупреждением Москве о недопустимости усиливать напряженность, 31 августа, румынский посол К. Богдан обратился к главе восточноевропейского управления Госдепа Лидди с запросом о том, располагает ли американская сторона какими-либо новыми данными относительно концентрации и перемещении советских войск на границе Румынии. По сути, это было завуалированным вопросом о наличии у США разведанных относительно советских планов нападения на его страну. Лидди не предоставил никаких новых сведений, сославшись на уже имевшиеся. Одновременно он сообщил о том, что советский посол в США А. Ф. Добрынин был поставлен в известность Государственным секретарем о том, что «если Советы планируют нападение на Румынию, мы просим их во имя гуманности, чтобы они этого не делали, и что подобные действия имели бы непредсказуемые последствия для международной ситуации»⁸¹¹. Со своей стороны, Богдан сообщил о желании главы румынского МИДа Мэнеску продлить своё пребывание в Нью-Йорке, отложив встречу с министром иностранных дел М. Стюартом, приезд которого в Бухарест планировался в начале сентября, до тех пор, пока «не будет прояснена ситуация»⁸¹². Румынское руководство в конце августа – начале сентября 1968 г. действовало по нескольким направлениям. Власти укрепляли боеспособность вооруженных сил и создавали массовое ополчение. Одновременно они пытались склонить югославское руководство к совместным действиям в случае нападения на Румынию. Параллельно Бухарест был заинтересован в получении морально-политической поддержки со стороны ведущих европейских государств и США как для укрепления собственной позиции, так и для поиска путей примирения с Москвой. Особое значение придавалось со стороны Н. Чаушеску сделанному президентом США Л. Джонсоном 30 августа 1968 г. предупреждением в адрес советского руководства о недопустимости агрессии. Это факт был специально подчеркнут румынской стороной в контактах с американскими партнерами⁸¹³. Однако публично официальные румынские власти и подконтрольная им пресса никак не реагировали на речь аме-

⁸⁰⁹ Stenograma discuțiilor dintre Nicolae Ceaușescu. P. 157–173.

⁸¹⁰ О роли и месте нейтральных стран в советских военных планах см.: Szeles R. Die strategischen Überlegungen des Warschauer Paktes für Mitteleuropa und die Rolle der Neutralen// Tausend Nadelstiche. Das österreichische Bundesheer in der Reformzeit 1970–1978. Hrsg. Rauchensteiner M., Rausch J., Etschmann W. Graz, 1994.

⁸¹¹ 166. Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania. Subject: Bogdan-Leddy Conversation. Washington. August 31, 1968// Foreign Relations of the United States. Eastern Europe. 1964–1968. Washington, 1996. V. XVII. R 453.

⁸¹² Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania. Subject: Bogdan-Leddy Conversation. Washington. August 31, 1968// Ibid. R 454.

⁸¹³ 169. Telegram from the Embassy in Romania to the Department of State Washington. Subject: Meeting with FonMin Manescu. September 6, 1968// Ibid. P. 456.

риканского президента, что было связано, как они объясняли сами, со стремлением избежать «всего, что может рассматриваться [Москвой] как “провокационное”»⁸¹⁴.

К осени 1968 г. в Советском Союзе уже была сформулирована внешнеполитическая позиция в виде тезиса «ограниченного суверенитета» в отношении стран Восточного блока, ставшая впоследствии известной как «доктрина Брежнева». 25 августа 1968 г. газета «Известия» опубликовала статью В. Кудрявцева, в которой уже прослеживались её основные элементы. Спустя месяц орган ЦК КПСС газета «Правда» поместила статью специалиста по историческому материализму профессора С. Ковалева. В ней эта концепция была сформулирована отчетливо⁸¹⁵. Данный факт был отмечен политическими и военными кругами Североатлантического альянса и вызывал у них беспокойство. Представители американского политического руководства призвали союзников по НАТО серьезно отнестись к новой советской внешнеполитической доктрине, озвученной главой советского МИДа А. Громыко в его выступлении 3 октября 1968 г. на Генеральной Ассамблее ООН. Они отмечали, что она «не ограничена географически. Социалистическое “содружество” не имеет географических границ», а сама появившаяся доктрина «ещё полностью не оценена»⁸¹⁶. Для Балканского региона доктрина защиты «социалистического содружества» и фактического ограничения национального суверенитета имела также своё значение. Из четырех коммунистических государств полуострова два – Болгария и Румыния – являлись членами Варшавского пакта, при этом СРР занимала особые позиции по многим внешнеполитическим и оборонным вопросам. Таким образом, Москва располагала лишь безусловной поддержкой Софии, и в случае расширительного толкования «защиты социализма», гипотетически, СССР и его союзники могли вмешаться во внутренние дела любой из четырех коммунистических стран в целях «восстановления социализма» там. Одновременно Москва предприняла шаги на «югославском направлении»: 17 октября 1968 г. Брежнев направил секретное письмо Тито с объяснением действий СССР и ОВД в Чехословакии, а также попытался добиться примирения с югославским партийно-государственным руководством⁸¹⁷.

Проведение в августе 1968 г. оперативно-тактических учений болгарской армии под названием «Плиска-68», в ходе которых отрабатывалось как взаимодействие сухопутных сил приморского фланга в наступательной операции, так и в оборонительной в направлении Босфора и Дарданелл, серьезно воспринималось соседями Болгарии, знавшими о том, что подобные действия согласованы с СССР. В начале сентября, как отмечалось соответствующими службами посольства США в СССР, в советской прессе перестали упоминаться в негативном плане Румыния, Югославия и Австрия⁸¹⁸. Это было расценено как попытка Москвы ослабить волну жёсткой критики её действий на международной арене и не давать лишних поводов для неё относительно дальнейших действий, подобных интервенции в Чехословакии, уже на других направлениях. В то же время, по информации, которой располагало ЦРУ США⁸¹⁹, военная активность Болгарии, заключавшаяся в проведении серии учений и перемещений войск на севере страны, т. е. на сопредельной Румынии территории, а также в восточной части (Чер-

⁸¹⁴ The Situation in Czechoslovakia and Rumania. Intelligence Memorandum. Central Intelligence Agency. 2.9.1968. P. 5. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000452285

⁸¹⁵ Ковалев С. Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран // Правда, 2.9.1968.

⁸¹⁶ 332. Memorandum of Conversation. New York, October 7, 1968, 8:30 p.m. SUBJECT: Secretary's Dinner for NATO Foreign Ministers // Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. 1964-1968. Washington, 2001. Volume XIII. R 771.

⁸¹⁷ Об обмене письмами между Белградом и Москвой, а также переписке И. Тито с Л. Джонсоном в: *Trikopovic D. Pisma koja Josip Broz Tito razmenio sa Leonidom Breznevom i Lindonom Dzonsonom povodom dogadaja u Cehoslovacloj u jesen 1968// Istorija 20. velca. 2010. N 2.*

⁸¹⁸ The Situation in Czechoslovakia and Rumania. Intelligence Memorandum. Central Intelligence Agency. 2.9.1968. R 2.

⁸¹⁹ Обзор оперативных аналитических докладов американских разведывательных служб об интервенции ОВД против Чехословакии и ситуации, сложившейся после августа 1968 г., на сайте ЦРУ: The CIA and Strategic Warning: The 1968 Soviet-Led Invasion of Czechoslovakia. An Overview. – <http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/8-StrategicWarning/2009-09-01.pdf>

номорье и румынское побережье), свидетельствовала о возможной подготовке неких действий в отношении сопредельного государства – Румынии⁸²⁰. Москва стремилась использовать особые отношения с Болгарией. 16 сентября Т. Живков срочно посетил с однодневным визитом СССР, а 19 сентября в Софию прибыл Главнокомандующий ОВС ОВД маршал Якубовский. Внешнеполитический курс НРБ и её оборонные интересы рассматривались в западных, в частности, американских дипломатических кругах как достаточно специфические по своим проявлениям и имевшим более глубокое, чем демонстрировавшееся публично, содержание. В этой связи американские дипломаты в Софии делали вывод о том, что «политика Болгарии нацелена, в первую очередь, на то, чтобы Москва была полностью удовлетворена во всех отношениях, на этот раз – по поводу Чехословакии... Похоже, что в других областях режим следует политике “смотреть и ждать”... [Это] выглядит так, что режиму выгодна нынешняя ситуация для получения экономической помощи от Москвы. Пропаганда, которую ведёт режим, вероятно, скорее всего, предназначена для того, чтобы убедить Москву в лояльности Болгарии, а не в целях получения доверия среди болгар»⁸²¹. В то же время участие НРБ в интервенции против Чехословакии имело определенные последствия для её внешнеполитического положения и, в первую очередь, на региональном уровне. Это отмечали и зарубежные наблюдатели, которые обращали внимание на ухудшение отношений Болгарии с соседней Югославией⁸²². Позиция, занятая Софией по международным и региональным вопросам, а также ситуации внутри Восточного блока, свидетельствовала о попытках партийно-государственного руководства Болгарии во главе с Т. Живковым продемонстрировать, с одной стороны, лояльность в отношении своего главного союзника – Москвы, а с другой, проводить относительно самостоятельный, не вызывающей обеспокоенности Кремля, внешнеполитический курс. Этот факт отмечался американскими дипломатами. Они сообщали в Госдеп из Софии о том, что «правительство Болгарии предприняло усилия, с тем, чтобы не исключать окончательно возможность продолжения политики увеличения объемов торговли со всеми партнерами “вне зависимости от различий их политических систем”»⁸²³.

19 сентября 1968 г. по каналам британской и нидерландской разведывательных служб, о чём сообщалось в срочной телеграмме британского представительства при НАТО, направленной в Форин Офис, поступила детальная информация о существовании плана захвата Румынии силами отдельных стран-участниц Варшавского пакта. В соответствии с ним наступление должно было проходить по трём направлениям: с территории Советского Союза, Польши и Венгрии в 4 часа утра 22 ноября. В складывавшейся ситуации Лондон был готов прибегнуть к военной акции с тем, чтобы не допустить советской интервенции на Балканах. 6 сентября 1968 г. этот вопрос обсуждался на секретной встрече премьер-министра Г. Вильсона, министра обороны В. Хили и министра иностранных дел М. Стюарта. Было принято решение обеспечить всем необходимым югославские вооруженные силы в случае попыток Москвы оккупировать СФРЮ⁸²⁴.

⁸²⁰ The Situation in Czechoslovakia and Rumania. Intelligence Memorandum. P. 4.

⁸²¹ 36. Telegram From the Embassy in Bulgaria to the Department of State. Subj: Bulgaria after Czechoslovakia. Sofia, September 20, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. Volume XVII. P. 143, 144.

⁸²² Castello M. Implications of the Intervention in Czechoslovakia for Bulgaria. 7.10.1968. P. 1. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 7-1-67. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/7-1-67.pdf>

⁸²³ Telegram from the Embassy in Bulgaria to the Department of State. Sofia, September 20, 1968. //Foreign Relations of the United States. Eastern Europe. 1964-1968. Washington, 1996. V. XVII. P. 143.

⁸²⁴ Bright M. Revealed: Britain on brink of war with Soviet Union in 1968//The Observer, 9.1.2000. См. также: Crowder A. B. Legacies of 1968. P. 88. О существовании подобного плана сообщал П. Шарпе, доклад которого, как об этом сообщал в письме А. Кроудеру румынский исследователь Д. Делетант, ссылавшийся на этот материал в своих работах, не публиковался: Șarpe P. Considerații cu Privire la Evoluția Organului Militar Român de Informații de-a Lungul Vremii. Direcția Cercetare-Locul și Rolul Său în Structura Actuală a Armatei Române// 133 Ani de Existență a Serviciului Militar Român de Informații, 1859–1992. București, 1992. P. 9.

Сведения, получаемые румынским руководством, а также западными дипломатическими и разведывательными службами, о том, что Москва готовит некую акцию и в отношении Румынии, судя по всему, были дезинформацией. Вероятно, она специально распространялась советской стороной, чтобы создать иллюзию возможного большого конфликта в Европе, избежать которого можно было лишь таким образом, чтобы лишний раз не создавать угроз для Кремля. Предпринимавшиеся СССР меры военного характера были призваны оказать психологический нажим на руководство СРР. Тем временем Москва дала официальные обещания Вашингтону, что она не будет прибегать к вооруженной интервенции против Румынии и обострять берлинский вопрос⁸²⁵. Оказывавшееся со стороны СССР давление на Румынию имело четко выраженное военно-стратегическое измерение, что отмечали и зарубежные обозреватели. Они полагали, что Москва, вероятно, готова дать гарантии невмешательства во внутривнутриполитические дела СРР. Однако в обмен она хотела добиться того, чтобы не происходило ослабления южного фланга Варшавского пакта по черноморскому побережью, «включающего, помимо Украинской и Молдавской социалистических республик, Румынию и Болгарию»⁸²⁶. Буквально через месяц после оккупации Чехословакии Н. Чаушеску попытался успокоить Кремль, продемонстрировав, что не будет заходить в своей критике советской политики далее уже сделанных им заявлений. Он принял в весьма мирной атмосфере командующего силами ОВД маршала Якубовского и начальника штаба пакта генерала Штеменко. Во время встречи с советскими представителями обсуждались принципиальные для Москвы и Бухареста вопросы реформирования Варшавского пакта. Имея в виду время визита двух высокопоставленных военных и характер тем, затронутых на встрече, румынская сторона постаралась, с одной стороны, не допустить обострения отношений с Кремлем, а с другой, избежать подчинения диктату Москвы. Суть предложений советской стороны, изложенных Якубовским, заключалась в том, что вооруженные силы ОВД должны являться объединенными вооруженными силами пакта, подчиняющимися Объединенному командованию. Одновременно озвучивалась в очередной раз идея создания Военного Совета как рабочего органа, состоящего из министров обороны стран-участниц ОВД, Главнокомандующего и Начальника Генерального Штаба Объединенных вооруженных сил, включая персонал командования Объединенными Силами. До этого, ввиду определенной трудности для министров обороны стран-участниц блока выступать в роли заместителей Главнокомандующего ОС ОВД, предлагалось включить их заместителей или начальников Генеральных штабов в состав Военного Совета. Министры обороны в этой схеме отстранялись от участия в заседаниях ПКС или Военном Совете. Представительство в ПКС сохранялось либо за членом правительства, либо за специально назначенным представителем. В то же время сложившаяся традиция участия главы правящей партии и главы правительства в ПКС рассматривалась как разумная и приемлемая. Для румынской стороны, как заявил сам Н. Чаушеску, важными были вопросы, связанные с составом ПКС и временем его созыва. Однако он хотел обсуждать эти проблемы отдельно от военных вопросов, где тема ПКС не должна была рассматриваться. Одновременно глава Румынии, не выступая открыто против создания Военного Совета, подчеркнул необходимость обсуждать это отдельно от проблемы ПКС. По его мнению, сам Политический Консультативный Комитет должен был принять соответствующее решение, согласно которому Военный Совет становился подчиненным ему органом⁸²⁷. Данная консуль-

⁸²⁵ 332. Memorandum of Conversation. New York, October 7, 1968, 8:30 p.m. //Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. 1964-1968. Washington, 2001. Volume XIII. P. 772.

⁸²⁶ Stankovic S. Moscow Exerting Pressure Upon Rumania, Yugoslav Correspondent Claims. 24.9.1968. P. 1. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 50-7-112. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-7-112.pdf>

⁸²⁷ Note of Discussions between Nicolae Ceausescu and Marshal I. I. Jakubovsky. 28.9.1968// Cold War International History Project. Digital Archive – <http://legacy.wilsoncenter.org/record/1409&fuseaction=home.document&identifier=5034BA26-96B6-175C-97220116C72CB06C&sort=collection&item=Romania%20in%20the%20Cold%20War>

тация имела принципиальное значение для оборонной политики Бухареста, который приступил к переформулированию своей военной доктрины с учетом действий ОВД в Чехословакии. Визит Якубовского и Штеменко не решил полностью стоявшей перед ними задачи: убедить румынскую сторону принять план реформ Варшавского пакта в нужном для Москвы направлении. Тем не менее Н. Чаушеску постарался показать свою приверженность союзническим обязательствам и передал «горячий привет тт. Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину»⁸²⁸.

Принятие «доктрины Брежнева» на вооружение советской внешней политики было серьезно воспринято в Албании, Румынии и Югославии. Руководство последней «полагало, что обнародование Громыко этой доктрины на ГА ООН придаёт ей “очевидную важность”, и что, несмотря на советские намерения, эта доктрина может использоваться в будущем как предлог для вмешательства повсюду, где Москве не понравится развитие событий»⁸²⁹. В середине октября 1968 г. Тито заявил своим американским партнерам, что, несмотря на то, что продолжает сохраняться угроза Югославии со стороны СССР, напряженность ослабевает. В этой связи Белград постарался использовать создавшееся положение для того, чтобы получить не столько военно-техническую, сколько экономическую поддержку от США и западных государств, аргументируя такую позицию необходимостью проведения соответствующих экономических и социальных реформ, способных обеспечить оборонные возможности страны⁸³⁰. Однако в целом руководство СФРЮ склонялось к мысли о том, что Балканы могут стать одним из направлений активного военного вмешательства со стороны ОВД и возглавлявшего этот пакт СССР. Во-первых, в Белграде считали, что Москва хочет получить контроль над сухопутными подходами в Средиземному морю. Во-вторых, в югославских правительственных кругах не исключалась возможность действий СССР против Албании с целью укрепления советских позиций в важном с геостратегической точки зрения регионе. В-третьих, югославская сторона полагала, что в случае нападения ОВД или СССР на Югославию Запад не останется равнодушным к этому факту, так как для него была не безразлична военно-стратегическая обстановка на Балканах⁸³¹. Эти общестратегические соображения повлияли на темпы разработки Белградом оборонных мероприятий и их законодательное оформление. Их частью являлись концепция общенародной борьбы в случае агрессии и усиление полномочий республиканских властей в решении оборонных задач в рамках административно-территориального деления СФРЮ.

Состоявшаяся 29-30 октября 1968 г. в Москве встреча министров обороны стран-членов ОВД была призвана решить проблему реформирования пакта с учётом расширения полномочий общекমানной структуры, подконтрольной Москве. Из балканских участников блока, помимо Болгарии, после долгого перерыва на заседаниях присутствовали представители Румынии во главе с министром обороны генерал-полковником И. Ионицэ. Румынская сторона на этот раз, в отличие от предыдущих заседаний органов ОВД, на которых обсуждались вопросы военной структуры и военно-командной системы объединенных вооруженных сил, постаралась выделить наиболее важный с точки зрения сохранения суверенитета государства-члена

⁸²⁸ Записка о переговорах 28 сентября 1968 г. была составлена в Министерстве обороны Румынии 1 октября 1968 г. – См.: Ministerul Forțelor Armate. Marele Stat Major. Nota de discuții nr. O.K. 00364 din 1 octombrie 1968, în RWP. Vol. I. P. 413–415. Цит. по: Miroiu A. Locul României în Tratatul de la Varșovia (IV) // Editia Scrisa 2004, 25. – <http://www.revista22.ro/locul-romaniei-in-tratatul-de-la-varsovia-iv-1095.html>

⁸²⁹ 197. Telegram From the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization. Washington, October 24, 1968, Subj: Under Secretary's talk with Pavicevic//Foreign Relations of the United States. 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. V. XVII. P. 524.

⁸³⁰ 196. Telegram From the Under Secretary of State (Katzenbach) to the Department of State. Belgrade, October 18, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. R 521-523.

⁸³¹ 197. Telegram From the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization. Washington, October 24, 1968// Foreign Relations of the United States. 1964-1968. P. 523-525.

Варшавского пакта вопрос – недопущение размещения объединенных вооруженных сил без согласия правительства соответствующей страны на её территории⁸³².

Тем временем, как отмечалось в одном из опубликованных американскими СМИ материалов, представленном в виде утечки информации из НАТО, «хотя детали этих новых докладов держатся в секрете, однако, тот факт, что министры обороны и иностранных дел НАТО будут обсуждать положение в странах, находящихся традиционно за пределами альянса, ясно показывает серьезные изменения, которые претерпела эта организация за последние годы»⁸³³. Более того, был обнародован ещё один факт, очень важный с точки зрения оборонных перспектив для обоих блоков на балканском направлении: жесткая позиция Греции и Турции, требовавших предупредить СССР от имени альянса о недопустимости действий в отношении суверенных государств и особенно в так называемых «серых зонах», т. е. на периферии ответственности НАТО, к которой относился Ближний Восток и часть неевропейского Средиземноморья. Однако по мнению ряда обозревателей, «сделанные со стороны НАТО недавние предупреждения Советскому Союзу являются, в свете достаточно серьезных оценок сил альянса, не больше чем игрой, рассчитанной на то, чтобы воспрепятствовать советским действиям до того момента, как военные позиции Запада улучшатся»⁸³⁴. Осенью 1968 г. ещё раз была продемонстрирована исключительно сложная ситуация, складывавшаяся во взаимоотношениях ФРГ и Франции. Президент Ш. де Голль давал понять своему коллеге – канцлеру К. Кизингеру, что французская поддержка Западной Германии будет оказана лишь в случае неспровоцированной агрессии со стороны Варшавского пакта. Атмосфера, в которой проходила франко-германская встреча, была столь накалена, что «когда де Голль обвинил немцев в том, что они вызвали советскую интервенцию в Чехословакию... Кизингер рассердился и заявил де Голлю, что не глава Западной Германии, а глава Франции, посещавший Польшу и Румынию, призывает народы Восточной Европы сбросить иго советской гегемонии»⁸³⁵.

В середине сентября 1968 г. по каналам американской дипломатии Государственный Департамент получил информацию из Белграда о том, что югославское руководство после чехословацких событий надеется реанимировать Балканский пакт, рассматривавшийся им как «черный вход» в НАТО⁸³⁶. В этой связи руководство Госдепа предусматривало предпринять действия, направленные на поддержку Югославии. Среди них было предложение о предоставлении Белграду военно-технической поддержки, проведении срочной встречи с югославским руководством, повышении степени готовности НАТО в Европе и Средиземноморье⁸³⁷. Со своей стороны, руководство Югославии через СМИ в жесткой форме выступило против усиления присутствия советских ВМС в Средиземноморье, рассматривая действия Кремля в данном регионе как фактор дестабилизации, так как, прибыв туда для поддержки арабских союзников, они в действительности являлись инструментом советской политики⁸³⁸. Активизация ВМС СССР в Средиземноморье осенью 1968 г. подтверждалась официальными шагами Москвы, выступившей фактически с претензией на то, чтобы заявить об СССР как о средиземноморской державе.

⁸³² Report by the Romanian Minister of Armed Forces to the Chairman of the Romanian Council of Ministers (Ion Gheorghe Maurer) on the Participation in the Summit of the Warsaw Treaty Defense Ministers. 30 Oct 1968// Parallel History Project on Cooperative Security – <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=l650l&navinfo=l5342>

⁸³³ Louchheim D. NATO-1968//Washington Post, 14.11.1968.

⁸³⁴ Middleton D. Warning by NATO Seen as Gamble; Conventional Forces' Ability to Deter a Soviet Thrust in Central Europe Doubtful. Warning by NATO to Soviet Over an Attack in Europe Considered a Gamble// The New York Times, 29.11.1968.

⁸³⁵ Alher' off-the-record comments on De Gaulles's Visit to Bonn. 7.10.1968. P. 6. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000832874/DOC_0000832874.pdf

⁸³⁶ Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the department of State. Belgrade, September 14, 1968//Foreign Relations of the United States. Eastern Europe. 1964-1968. Washington, 1996. V. XVII. P. 514.

⁸³⁷ 333. Telegram From the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization. Washington, October 16, 1968//Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. 1964-1968. Washington, 2001. Volume XIII. R 777.

⁸³⁸ Sedmak M. Eskalacija u Mediteranu// Vjesnik, 2.12.1968.

земноморской державе⁸³⁹. Уже зимой 1969 г. консул США в Любляне сообщал о том, что ряд словенских руководителей прямо заявили ему: «Югославия и США имеют серьезные взаимные интересы в ограничении последовательно предпринимаемых советских действий и, одновременно, что США, рассматривая вопрос о том, как действовать в отношении усиливающейся напряженности в северной части Восточной Европы, не должны упускать из виду потребности Югославии из-за созданной Советами напряженности на Балканах»⁸⁴⁰.

В октябре 1968 г. американские дипломаты в Бонне пришли к выводу о том, что «несмотря на некоторые румынские опровержения (включая одно перед посланником ФРГ Стретлингом неделю назад), есть сведения, что Советы продолжают оказывать давление на Бухарест по поводу проведения учений Варшавского договора в Румынии. Румыны продолжают отвергать возобновившееся советское требование, но решили не предавать это гласности»⁸⁴¹. Влияние интервенции Варшавского пакта против Чехословакии на две другие коммунистические страны – Болгарию и Югославию – также было достаточно серьезным и находилось в центре внимания дипломатических и военных кругов НАТО. По мнению дипломатов ФРГ, которые работали в двух названных балканских странах, с одной стороны, не было доказательств наличия «большого количества советских войск в Болгарии», а с другой, как они отмечали, «Югославия – вот кто по внутривосточным причинам распространяет слухи о военной опасности со стороны Болгарии»⁸⁴². Более того, делался вывод о том, что именно югославы, а не болгары, поднимали «македонский вопрос». Германский МИД сомневался в наличии «какой-либо военной опасности для Югославии» и придерживался мнения: «Тито просто драматизирует данный вопрос, так как это является полезным для него способом сплотить свою многонациональную и децентрализованную страну»⁸⁴³. Тем не менее в Вашингтоне не отрицали неблагоприятного варианта развития событий, в связи с чем среди мер военной поддержки в США рассматривались в начале октября 1968 г. доставка в Югославию тяжелого вооружения и другого снаряжения, но при условии обращения Белграда за помощью и без прямого участия военнослужащих США и НАТО в этой операции⁸⁴⁴. В Госдепе США точка зрения на происходящее формулировалась в следующем виде: «Стратегические соображения и проблемы безопасности, вызванные советским вторжением, являются важными и возможно жизненными для обороны Европы по следующим причинам: а) баланс военной силы в Средиземноморье на южном, а также юго-восточном направлениях зон ответственности НАТО окажется перед серьезной угрозой; б) будет создана прямая угроза Италии и Греции»⁸⁴⁵.

Эти общие, стратегические по своему характеру выводы тем не менее не были подтверждены информацией о конкретных намерениях Москвы в Европе и её балканском секторе. Они базировались в основном на выстраиваемых экспертами-аналитиками моделях вероятного поведения Кремля с учётом имевшейся информации и традиций советской внешней политики. Такой подход сказывался на качестве аналитических материалов Госдепа и ЦРУ

⁸³⁹ 338. Research Memorandum No. RSE-175. SUBJECT: Soviet Response to the Brussels Meeting of the NATO Ministers// Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. R 794.

⁸⁴⁰ Baev J. US Intelligence Community Estimates on Yugoslavia (1948-1991)//National Security and the Future. 2000. N 1(1). R 100.

⁸⁴¹ Телеграмма от посольства на САЩ в Бонн относительно войските на Варшавския пакт в Източна Европа, 12.10.1968. С. 1// България във Варшавския Договор.

⁸⁴² Там же.

⁸⁴³ Там же.

⁸⁴⁴ 26. National Intelligence Estimate. NIE 12-68. Eastern Europe and the USSR in the Aftermath of the Invasion of Czechoslovakia. Washington, November 7, 1968// Foreign Relations of the United States, 1964-1968. Eastern Europe. Washington, 1996. Volume XVII. R 108.

⁸⁴⁵ Memorandum From the Chairman of the Interdepartmental Regional Group for European Affairs (Leddy) to the Under Secretary of State (Katzenbach). Washington, October 1, 1968. Attachment 3. Paper Prepared in the Department of State. Washington, undated// Foreign Relations of the United States, 1964-1968. P. 88.

(хотя и во многом точно определявших алгоритм советских действий, но без их детализации), представляемых руководству США и, в частности, президенту Л. Джонсону⁸⁴⁶.

Взаимоотношения между союзниками по ОВД в Балканском регионе в данной связи являлись важным фактором не только внутриблокового положения в Варшавском пакте, но и элементом военно-стратегической ситуации на полуострове. В Вашингтоне приходили к выводу о том, что если советское руководство сочтёт ситуацию на Балканах угрожающей советским стратегическим интересам, то прибегнет к военным методам «решения проблемы»⁸⁴⁷. В отношении Румынии делались предположения относительно попыток СССР оказывать на неё давление с целью получения от Бухареста согласия на размещение советских войск на румынской территории⁸⁴⁸. Поэтому предполагалось предпринять ряд шагов, которые были призваны усилить влияние Вашингтона на ситуацию. Главными из них могли стать, во-первых, получение гарантий от Москвы отказа от интервенции против Румынии; во-вторых, максимально возможное жёсткое заявление американского президента о недопустимости подобных действий против Бухареста; в-третьих, разработка возможных ответных мер НАТО; в-четвертых, срочный созыв Совета безопасности ООН и, в-пятых, консультации с лидерами американского конгресса⁸⁴⁹. Тем временем, на состоявшемся 15-16 ноября 1968 г. в Брюсселе заседании Североатлантического Совета с участием министров иностранных дел, обороны и финансов было принято коммюнике. В нём осуждались действия СССР и его союзников, нарушивших суверенитет независимого государства – Чехословакии; одновременно Москве отказывалось в праве решать международные вопросы с помощью ссылок на внутренние дела «социалистического содружества».

Балканский аспект последствий интервенции против Чехословакии заключался в том, что, как достаточно точно это отмечали американские дипломаты, «Советы, со своей стороны, не отказались от давления в отношении Балканских коммунистических стран... Вне всякого сомнения Москва помнит отсутствие поддержки со стороны Румынии и возмущена критикой её действий со стороны Тито. Критика Белграда продолжает оставаться неослабевающей, а со стороны Бухареста она сократилась, вероятно, после признания советского давления и из-за желания не дразнить Советов... Бухарест, таким образом, очевидно, обеспокоен советской чувствительностью ко всё более изменчивой ситуации, развивающейся в Балканском регионе, и похоже, что Румыния, в конечном счёте, настроена на то, чтобы избегать действий, которые Москва найдёт провокационными».

В середине ноября 1968 г. ситуация вокруг Румынии воспринималась в кругах НАТО как исключительно опасная. Полученная в сентябре по каналам британской и нидерландской разведок информация о готовящейся 22 ноября советской интервенции против Румынии была вновь актуализирована 19 ноября 1968 г. в ЦРУ США⁸⁵⁰. Одновременно американская разведка получила через члена одной из делегаций восточноевропейских стран в ООН информацию о том, что «в настоящее время обсуждение между Румынией и СССР военных вопросов,

⁸⁴⁶ См. материал о качестве аналитической работы ЦРУ и об информации, добытой по линии Разведывательного Управления МО США в период чехословацкого кризиса, а также сразу после интервенции сил ОВД: Prague Spring and the Warsaw Pact. Invasion of Czechoslovakia in 1968. International Symposium on the Occasion of the Ten-Year Anniversary of Center Austria. April 3-4, 2008 Summary of Proceedings. Submitted by: Ginter Bischof (Center Austria, University of New Orleans) & Peter Ruggenthaler (Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgen-Forschung, Graz). Published by H-German, April 17, 2008. P. 3.

⁸⁴⁷ 333. Telegram From the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization. Washington, October 16, 1968//Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. R 774-777.

⁸⁴⁸ Телеграмма от посольства на САЩ в Бонн относительно войските на Варшавския пакт в Източна Европа, 12.10.1968. С. 2. // България във Варшавския Договор.

⁸⁴⁹ 333. Telegram From the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization. Washington, October 16, 1968//Foreign Relations of the United States. Western Europe Region. R 776, 777.

⁸⁵⁰ Rumors of Soviet Military Move Into Rumania. 19.11.1968. Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. Intelligence Memorandum. – http://www.faq.s.org/cia/docs/63/0000673_077/RUMORS-OF-S_OVIET-MILITARY-MOVE-INTO-RUMANIA.html#ixzzOYdqwfM9t

в частности пребывания войск Варшавского пакта, достигли критической стадии». Как сообщал источник, это объяснялось тем, что Москва требовала от Бухареста полного выполнения своих обязательств перед блоком с целью обеспечить оборону ОВД в регионе от «вероятного военного продвижения с югославского направления». В связи с этим, как отмечал источник ЦРУ, румынское правительство находится в сложном положении⁸⁵¹.

За день до ожидаемого нападения, 21 ноября, глава британского Форин Офиса М. Стюарт направил в британское посольство в Румынии телеграмму, в которой отмечал: «Мы проверили последнюю информацию и пришли к выводу о том, что русские готовят в ближайшее время военную операцию против Румынии. Общее число войск, предназначенных для интервенции, достигнет 150 тыс. человек». Польский контингент должен был состоять, как об этом сообщалось, из одного танкового батальона, двух батальонов ВДВ, шести рот связи, трёх рот военной полиции и двух полков ВДВ⁸⁵².

В то же время в дипломатических и разведывательных кругах США в конце октября – начале ноября 1968 г. пришли к выводу о том, что Кремль не будет предпринимать военных акций против Румынии и уж тем более против Югославии. В материалах разведывательных ведомств США отмечалось стремление Бухареста не раздражать лишней раз Москву, а Белграда – усилить свои позиции в Движении неприсоединения. Со своей стороны, югославское руководство крайне негативно относилось к расширению советского присутствия в Средиземноморском регионе, что нашло свое отражение в публикациях югославских СМИ⁸⁵³. Имея в виду интересы коммунистических стран полуострова, американские эксперты делали в этой связи вывод о том, что Албания, преследуя цели усиления собственных позиций в регионе, пыталась наладить отношения с Румынией и даже с Югославией, жёстко осуждая при этом Болгарию⁸⁵⁴. Однако София предпринимала усилия, направленные на ликвидацию её усилившейся изоляции в рамках региональной балканской политики. Одним из избранных болгарским руководством на румынском направлении методов было использование тезиса о необходимости сохранения тесного сотрудничества в оборонной сфере в рамках Варшавского пакта из-за существования угрозы со стороны противостоявшего блока НАТО. Обращение к этой теме в ноябре 1968 г. нашло своё выражение в форме информационного письма главы КДС А. Солакова в адрес Председателя Совета Государственной Безопасности И. Стэнеску. В нём сообщалось о проявлявшемся со стороны Генерального штаба Турции интересе в отношении информации о проводившихся в Румынии военных учениях, а также советской военно-технической помощи, оказывавшейся Бухаресту⁸⁵⁵. Официальная София также попыталась ослабить напряженность во взаимоотношениях с Албанией и Югославией. Это стало особенно заметно для иностранных наблюдателей в период, когда отмечались национальные праздники двух стран и Болгария, с одной стороны, попыталась особенно не подчеркивать предпринима-

⁸⁵¹ Intelligence Information Cable. Bucharest, November 21, 1968// Foreign Relations of the United States, 1964-1968. Eastern Europe. R 461, 462. В опубликованном документе имя информатора и делегация не были раскритикованы. Однако по тому, что было оставлено при публикации, можно сделать вывод о восточноевропейском происхождении источника и его близости к одной из разведывательных служб Восточного блока.

⁸⁵² Документ на эту тему был раскритикован британским архивом Public Record Office (PRO) в 2000 г. Здесь цитируется по: *Bright M. Revealed: Britain on brink of war with Soviet Union in 1968*//The Observer, 9.1.2000; *Florian Bichir F. URSS pregatea invadarea Romaniei*// Evenimentul Zilei, 21.8.2008

⁸⁵³ См. обзор печати: *Stankovic S. Soviet Fleet Escalating Situation in Mediterranean, Yugoslav Paper Claims*. 3.12.1968. Radio Free Europe. Box-Folder-Report 78-2-38. – <http://www.o.saaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-2-38.pdf>

⁸⁵⁴ Eastern Europe and the USSR in the Aftermath of the Invasion of Czechoslovakia. NIE 17-68. 7.11.1968. P. 1, 4 – <http://www.faq.s.org/cia/docs/63/0000261303/EASTERN-EUROPE-AND-THE-USSR-IN-THE-AFTERMATH-OF-THE-INVADATION-OF-CZECHOSLOVAKIA.html#ixzzOYiHG4DkD>

⁸⁵⁵ Письмо А. Солакова И. Стэнеску. 30.11.1968. С. 1// България във Варшавския Договор.

емые шаги, а с другой, прибегла в пропаганде к защите собственных позиций в регионе, заявляя о болгарских намерениях как хорошо известных и мирных⁸⁵⁶.

В Бухаресте с недоверием относились к любым заверениям об отсутствии угроз со стороны Восточного блока. Формулирование оборонной политики Румынии, проходившее на протяжении периода после коллективной интервенции в Чехословакию государств-участниц Варшавского пакта в августе 1968 г., а также проводившиеся румынским руководством организационные мероприятия свидетельствовали о реализации широкомасштабной оборонной программы. Её целью было добиться максимально возможного достижения самостоятельности страны практически во всех областях, включая и оборону, находясь одновременно в составе Варшавского пакта. Предпринимавшиеся в этом направлении Н. Чаушеску шаги давали основания для вывода о том, что именно опыт подавления Пражской весны силами Варшавского блока являлся иницилирующим фактором, ускорившим развитие концепции оборонной политики, целью которой было недопущение подобной операции в отношении Румынии. Это нашло своё выражение как в военной доктрине СРР, так и в организации всей системы её обороны – от создания органов управления в данной области и до комплектования вооруженных сил, их технического оснащения, а также внешнеполитического обеспечения обороноспособности страны в целом.

Подавление «Пражской весны» 1968 г. силами государств-членов Варшавского пакта, главную роль среди которых играл СССР, серьезно повлияло на оборонную политику как всего ОВД, так и коммунистических стран Балканского полуострова. Для Болгарии её участие в совместной интервенции против Чехословакии было важно с точки зрения демонстрации лояльности в отношении СССР. Это давало возможность Софии рассчитывать на получение экономических и политических преференций от Москвы в двусторонних отношениях в важных для НРБ областях. Совершенно иная ситуация складывалась в ОВД на «балканском направлении» с Румынией. Бухарест рассматривал военную акцию пяти членов пакта как возможное предупреждение румынскому руководству не допускать проведения демонстративно независимой политики в рамках Восточного блока и быть готовым к силовой реакции союзников в случае окончательного перехода к курсу на усиление независимости от ОВД. Интервенция вооруженных сил пяти стран-членов Организации Варшавского Договора в Чехословакию резко была воспринята Э. Ходжей. Демонстративная акция СССР и его союзников по ОВД повлияла на взгляды руководства СФРЮ во главе с И. Броз Тито, который рассматривал действия Москвы как исключительно опасные для Югославии, имевшей особые отношения как с Западным, так и с Восточным блоком.

⁸⁵⁶ Costello M. Bulgarian Recognition of Yugoslav and Albanian National Holidays Reflects Current Balkan Tensions. 9.12.1968. P. 1. Radio Free Europe Research. Box-Folder-Report 111-4-17. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/111-4-17.pdf>

Формулируя «надёжное сдерживание». Общепародная война, национальный суверенитет и блоковая политика 1969-1975 гг.

§1. Военные доктрины и планы войны «под копирку», но... с исключением

Проводившиеся во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XX в. организационно-структурные изменения в большинстве европейских армий, а также начавшаяся техническая модернизация вооружений серьезно повлияли на формирование особенностей вооруженных сил государств Балканского полуострова, включая и те из них, которые не являлись членами военно-политических союзов НАТО и ОВД. Формулирование национальных военных доктрин, как и обновление принципов коалиционного взаимодействия в рамках существовавших пактов, способствовали началу изменений в структуре вооруженных сил и их оснащении. При этом особую роль играли политические установки руководства балканских коммунистических стран. В каждом из пактов, т. е. Североатлантическом альянсе и Варшавском блоке, существовали «проблемные» члены в лице Турции и Румынии, которые подчеркивали превалирование национальных интересов над коалиционными. Формулирование партийно-государственными руководствами Югославии, Албании и Румынии концепции «общепародной войны» как основополагающей в разрабатывавшихся военных доктринах, предопределяло проведение военно-организационных изменений в структуре вооруженных сил и их техническом оснащении. Последнее находило своё проявление в ориентации на оснащение вооруженных сил конкретными видами и типами вооружений.

Начавшиеся в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. реформы в военных доктринах и концепциях применения вооруженных сил коммунистических стран, включая членов Варшавского пакта, были обусловлены серьезными качественными изменениями как в военно-теоретической, так и в технической области. Особое значение имели трансформации или уточнения общих концепций возможной войны и её хода в условиях коалиционного взаимодействия с учётом развития средств ведения боевых действий и их организации в целом. Во взглядах советского военно-политического руководства в этот период доминировало мнение о будущей войне как продолжительном военно-политическом конфликте «с поэтапным применением всё более разрушительных средств вооруженной борьбы». При этом отмечалось, что «скоротечные войны могут вероятнее всего возникнуть в том случае, если одна из сторон будет иметь решающее военное превосходство и в полной мере использует при начале агрессии фактор внезапности»⁸⁵⁷. Одновременно происходило «стирание граней между наступлением и обороной»⁸⁵⁸. К началу 70-х гг. XX в. обращалось внимание на подготовку вооруженных сил к ведению боевых действий без применения ядерного оружия в локальных вооруженных конфликтах⁸⁵⁹. В 1974—1975 гг. представители высшего советского военного руководства официально заявляли о том, что наступил новый этап развития вооруженных сил с точки зрения качественных пока-

⁸⁵⁷ Белослудцев О. Взгляды военно-политического руководства СССР на характер будущей мировой войны (1946-1991 г.)// Military Professionalization, 1900-1999. The Quest for Excellence. Conflict Studies Working Group. Budapest, 2004. P. 77.

⁸⁵⁸ Там же.

⁸⁵⁹ Baev J. The Soviet Bloc Intelligence Services' Collaboration Against the USA and NATO in the Balkans and Eastern Mediterranean 1967-1989. Oslo, 2002. P. 29 – http://imos.96plus.net/imos_en/Baev_4.pdf. См. также: Heuser B. Warsaw Pact Military Doctrine in the 1970s and 1980s: Findings in the East German Archives// Comparative Strategy. 1993, V. 12, N 4.

зателей, что, в свою очередь, повлияло на формулирование новой стратегии ведения войны. Отмечавшаяся зарубежными экспертами «иерархия приоритетов» при ведении боевых действий: «сохранение социалистической системы и уничтожение капиталистической системы» в 70-х гг. XX в. начала сочетать две взаимосвязанные задачи – избежать уничтожения СССР ядерным оружием и не допустить поражения в войне⁸⁶⁰.

В период пребывания на посту министра обороны СССР маршала А. А. Гречко была предпринята попытка модернизации стратегии комбинированной воздушно-наземной операции. В ходе её ставилась задача проведения стремительного наступления на глубину 150 км в день с целью не дать противнику осуществить переброску резервов. Однако дальнейшие расчёты советских военных аналитиков, занимавшихся разработкой и моделированием подобных операций, выявили невозможность сохранения таких темпов наступления из-за разрыва между передовыми частями фронта и подразделениями тылового обеспечения советских вооружённых сил. В этой связи делался вывод о максимальной глубине наступления не более 60 км в день⁸⁶¹. Помимо этого, существовала ещё одна серьёзная проблема, на которую указывали советские военные эксперты в секретных материалах, предназначенных для высшего командного состава советских вооружённых сил. Она заключалась в том, что «полностью моторизованные и танковые армии способны преодолеть дистанцию в 50-70 км в день, в то время как глубина ядерного удара средствами только лишь фронтов составляет 300 и более километров»⁸⁶². Проводившиеся в СССР секретные социологические исследования о перспективах использования ядерного оружия позволяли сделать заключение гражданским учёным о том, что «вопреки мнению “военных экспертов” Советский Союз не мог выдержать первого ядерного удара и продолжить военные действия и... военная политика, базирующаяся на “балансе угроз”, не является надёжной основой мира»⁸⁶³. Об этом стало известно во второй половине 70-х гг. XX в. и американской стороне.

Начавшие происходить концу 60-х гг. в оборонной стратегии ОВД изменения свидетельствовали об отказе от преувеличения значимости ядерного оружия, включая и его тактические виды. Это нашло своё отражение в директивных документах Варшавского пакта, где говорилось о недостаточном внимании, проявляемом к развитию обычных средств вооружений, используемых для ведения локальных военных конфликтов, в то время как страны-участницы

⁸⁶⁰ Эта закономерность была отмечена М. МакГвайером – старшим научным сотрудником Брукингского института, политическим аналитиком, бывшим британским военным атташе посольства Великобритании в Москве в 1956-1958 гг., впоследствии занимавшим пост главы отдела по изучению советской разведки в Штабе военной разведки Министерства обороны Великобритании. Он стал известен среди военных аналитиков и специалистов в области прогнозов за так называемые «Тезисы МакГвайера» («McGwire thesis»). Их основное положение заключалось в объяснении интенсивного развития советских ВМС опасениями советского руководства относительно высокой степени вероятности нападения США и НАТО на СССР. – *McGwire M. Military Objectives in Soviet Foreign Policy*. Brookings, 1987. P. 42, 44.

⁸⁶¹ См. свидетельства одного из участников экспертной группы МО СССР В. Цыгичко в: *Military Planning for European Theatre Conflict During the Cold War. An Oral History Roundtable*. Stockholm, 24-25 April 2006. Center for Security Studies // *Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik*. 2007. Nr. 79. P. 67. Он же. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. Москва, 2005.

⁸⁶² Цитата из статьи генерал-майора, кандидата военных наук, доцента В. Соловьёва «Необходимость нового рода войск – воздушно-мобильных войск» даётся в обратном переводе с английского из секретного издания Министерства обороны СССР «Военная мысль» 1969. № 2 (87): *Solovyev V, General-Mayor, Candidate of Military Science, Docent A Necessary New Arm of Troops – Air Mobile Troops// Memorandum for the Director of Central Intelligence Agency*. Intelligence Information Special report. 3.8.1973. P. 4. – <http://www.foia.cia.gov/SovietandWarsawPact/1973/1973-08-03a.pdf>

⁸⁶³ Эта информация была обнародована в эмигрантском журнале «Грани» (№ 103, январь – март 1977 г.) советским эмигрантом-социологом Ильёй Земцовым, близким к Первому секретарю Компартии Азербайджана Г. Алиеву и являвшимся до своего отъезда из СССР инструктором в ЦК КПСС. – *Emigre Discloses Recent Debate on Soviet Military Doctrine*. Special Memorandum. Foreign Broadcast Information Service. 19.8.1977. PI. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000498615/DOC_0000498615.pdf. И. Земцов стал известен во многом благодаря опубликованной им книге о политическом положении в Азербайджанской ССР. – *Земцов И. Партия или мафия? Разворованная республика*. Paris, 1976. Публикация доступна в Интернете по адресу: http://fractal-vortex.narod.ru/1976/zemcov_i_partija.pdf

НАТО, наоборот, развивали именно эти виды оружия⁸⁶⁴. Со своей стороны, аналитики американских разведывательных организаций, включая структуры Министерства обороны США, исследовавшие возможные перспективы использования вооруженных сил Китаем и СССР, приходили к выводу о том, что как Пекин, так и Москва предполагают использовать военную силу в интересах обороны страны. Обращаясь к опыту действий СССР, они отмечали, что Кремль прибегнет к ней ещё в случае, когда будет необходимо удержать контроль над Восточной Европой. В этой связи задачи советских вооруженных сил общего назначения, как они определялись американскими экспертами, заключались «во-первых, в защите территории СССР от нападения, и, во-вторых, обеспечении политических целей за рубежом». Основными районами, представлявшими особое значение для оборонной политики

Кремля, назывались по степени важности: 1) западный (европейский); 2) восточный («китайский»); 3) южный («ирано-турецкий»); 4) морской (Средиземноморье, Индийский океан и Персидский залив)⁸⁶⁵. Имея в виду расширявшееся советское военное присутствие, американские аналитики делали вывод о нежелании СССР сокращать вооруженные силы в Европе и особенно ослаблять контроль над её восточной частью⁸⁶⁶.

Происходившие изменения в установках и взглядах на войну требовали проведения и соответствующих организационных мероприятий в оборонной политике ОВД. Проявившаяся тенденция была отмечена американскими военными аналитиками, занимавшимися изучением возможностей Варшавского пакта на европейских театрах военных действий. В соответствии с их предположением, СССР перешёл к дислокации вооруженных сил в соответствии с принципом максимально возможного создания условий для ведения наступательных операций в случае военного конфликта, который сначала мог иметь, по мнению советской стороны, неядерный характер, а затем перейти в фазу использования ядерного оружия. При этом главным ТВД американские специалисты считали центральный, так как именно на этом направлении были сконцентрированы основные силы ОВД – 58 дивизий (разной степени готовности). На флангах НАТО, включая и южный, Варшавский пакт располагал 7 дивизиями 24-часовой готовности и 2 дивизиями ВДВ непосредственной готовности. В течение 3 недель, как стало известно аналитикам американской разведки, ОВД могла располагать уже более 70 дивизиями, готовыми вести боевые действия против НАТО⁸⁶⁷. По оценке восточногерманского военного ведомства на Юго-Западном направлении ОВД, т. е. Южном фланге НАТО, Североатлантический альянс обладала к началу 1972 г. 27 дивизиями, 13 отдельными бригадами, 42 пусковыми установками оперативно-тактических и тактических ракет, около 4000 танков, 3200 единицами 100 мм артиллерии, 900 боевыми самолетами и 350 судами ВМФ. Основная дислокация этих сил – северная часть Италии, границы Греции и Турции с НРБ и СССР⁸⁶⁸.

Зарубежные эксперты, отслеживавшие динамику оборонной политики СССР и его сателлитов в Восточной Европе, отмечали усиливавшееся значение вооруженных сил стран-членов ОВД для советской военной мощи в 70-е гг. XX в. Увеличение военных расходов восточно-европейских государств и модернизация их армий советской военной техникой за счёт увеличения поставок советских танков Т-62, самолётов МиГ-23 (его серийное производство

⁸⁶⁴ См. в: *Baev J.* Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Maritime Power.

⁸⁶⁵ Report of the Foreign Political and Military Reactions Study Group: General Purpose Forces. 16.6.1969. P. 5. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0001218477/DOC_0001218477.pdf

⁸⁶⁶ Ibid. P. 10.

⁸⁶⁷ Warsaw Pact Forces for Operations in Eurasia. 9.9.1971. NIE 11-14-71. P. 1, 2. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000278525/DOC_0000278525.pdf

⁸⁶⁸ Доклад министра обороны ГДР Х. Хоффмана на встрече министров обороны стран-членов ОВД в Берлине. 9.2.1972 г. С. 19 (163)// Parallel History Project on Cooperative Security – http://kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/PHP/21406/ipublicationdocument_singledocument/8dc9e4da-5194-41e7-8e68-0c7bb205f540/de/720209_1_speech_streletz.pdf. См. также: *Zimmermann H.* The Improbable Permanence of a Commitment. America's Troop Presence in Europe during the Cold War// *Journal of Cold War Studies*. Winter 2009. № 1(11).

началось в 1969 г.), а также самолётами СУ, ЗРК «Круг» 2К11, ЗРК «Куб» 2К12, ПЗРК «Стрела-2» были призваны укрепить ОВД в военно-техническом отношении. Иностранные эксперты делали также вывод о том, что «тактические военно-воздушные силы Варшавского пакта организованы в соответствии с советской доктриной, берущей начало в 50-х гг. и предусматривавшей войну в Европе как ядерную с самого начала. Советские взгляды сейчас изменились и включают возможность первоначального этапа конвенциональных (без применения ядерного оружия – Ар. У.) боевых действий. Однако ВВС, на которые ложится ответственность в обоих случаях, изменились мало с точки зрения оснащения, которое должно отражать новые взгляды»⁸⁶⁹. Среди главных задач авиации ОВД на этапе боевых действий без применения ядерного оружия, как считали аналитики разведки США, было уничтожение средств ВВС НАТО, способных обеспечить доставку ядерного оружия. Фронтовая авиация вместе с дальней авиацией ОВД должны были в соответствии с оперативным планом боевых действий ВВС Варшавского пакта провести воздушные налёты в три этапа. На первом из них предстояло силами фронтовой авиации ОВД с использованием 40% её сил создать «коридоры в поясе обороны НАТО» на дальних подступах. На втором этапе фронтовая авиация, с использованием 35% имеющихся сил и средств, должна была воспользоваться созданными коридорами с целью нанесения ударов на глубину обороны НАТО в 165 морских миль (т. е. свыше 300 км). Наконец, на заключительном этапе предстояло использовать дальнюю авиацию. Она должна была нанести удары уже в глубоком тылу, за пределами соответствующих театров боевых действий⁸⁷⁰.

В географическом отношении выявилась первостепенная важность для Москвы (судя по проводившейся активной модернизации армий государств Центрально-Восточной Европы – Польши, ГДР и Чехословакии) так называемого Северного пояса, т. е. Центрально-Европейского и Северо-Западного ТВД ОВД⁸⁷¹. Намного меньшее внимание уделялось в рамках проводившейся модернизации Юго-Западного ТВД или «Южного пояса», за который отвечали в основном Болгария и Румыния, а также частично Венгрия⁸⁷².

В то же время среди ведущих представителей американского аналитического сообщества существовало предположение о том, что угрозы со стороны Варшавского пакта в отношении Запада преувеличены, так как Североатлантический блок обладал большими материальными и человеческими ресурсами, что уравнивало его шансы с противостоявшим альянсом⁸⁷³.

График 1

Военные расходы США и СССР за период 1963-1972 гг.

(по данным ЦРУ США в млрд долларов США)⁸⁷⁴

⁸⁶⁹ Warsaw Pact Air Power: Concepts for Conventional Air Operations Against NATO. Intelligence report. Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. October 1972. P. 1. – http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000309596/DOC_0000309596.pdf

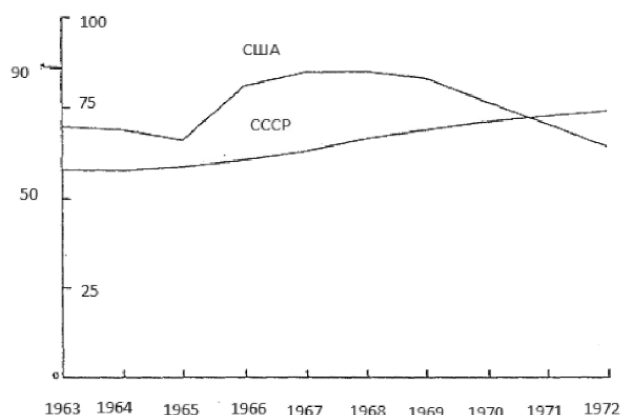
⁸⁷⁰ Ibid P. 2.

⁸⁷¹ Johnson R. The Warsaw Pact: Soviet Military Policy in Eastern Europe. P-6583. RAND, Santa Monica, July 1981. P. 10, 20.

⁸⁷² Ibid. P. 26.

⁸⁷³ Эту точку зрения высказал в открытой печати помощник министра обороны США по вопросам системного анализа А. Интховен: *Enthoven A., Smith W. What Forces for NATO? And from Whom//Foreign Affairs*. 1969. V. 48. N 1. Подробнее об эволюции подходов к этой проблеме в американской администрации см.: *Bitzinger R. Assessing the Conventional Balance in Europe. 1945-1975. A RAND Note*. Prepared for The Ford Foundation. May 1989. Santa Monica. P. V, VI, 24, 25, 26.

⁸⁷⁴ Источник: Soviet Defence Policy. Intelligence Memorandum. Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. 28.4.1972. P. 44 (246) – https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/cias-analysis-of-the-soviet-union-1947-1991/memo_4_72.pdf. Расчёты американских специалистов базировались как на открытых, так и на секретных данных, полученных разведывательными организациями США. Сложность подсчётов заключалась в реальном соотношении национальных валют США и СССР, а также «скрытых статей» советского бюджета. По данным Министерства обороны СССР, собранным для разрабатывавшейся Госпланом СССР «Программы конверсии оборонных отраслей промышленности на период до 1995 г.», военные расходы СССР в 1944—1972 гг. составили в указанный период в млрд руб.: в 1962 – 12,9, в 1966 – 15,8, в 1967 – 16,7, в 1970 – 23,2, в 1972 – 26,2 млрд руб. – Отечественный военно-промышленный

Со стороны США предпринимались усилия, направленные на обеспечение преимущества американской стороны в случае конфликта как с СССР, так и с КНР с применением ядерного оружия. Это нашло своё выражение в разработке так называемого Единого интегрированного оперативного плана (SIOP)⁸⁷⁵. Его суть заключалась к осени 1969 г. в реализации трёх последовательных элементов общего сценария, при этом каждый из них мог выступать как самостоятельный вариант возможных действий. Первый (Alpha) включал уничтожение китайских и советских носителей стратегического ядерного оружия, обеспечивавших прикрытие городов. Поэтому предполагалось нанесение удара по военно-политическим центрам КНР и СССР – Пекину и Москве. Второй шаг (Bravo) общего сценария, либо, при необходимости, самостоятельный план, состоял в ликвидации значимых с точки зрения дислокации военных сил и расположения ресурсов, не вошедших в список альфа (Alpha), находящихся за пределами основных городских центров. Наконец, третий элемент (Charlie) или, при определенных условиях, также самостоятельный сценарий, включал план уничтожения советских и китайских вооруженных сил и военных ресурсов, не вошедших в два предыдущих списка, и охватывал все основные центры, в которых сконцентрировано 70% промышленности СССР и КНР⁸⁷⁶.

Особенностью советского контроля над военными в странах Восточной блока, как отмечали зарубежные аналитики, стал его «опосредованный», непрямой характер: через сложившийся военный истеблишмент, а не как раньше – «через командиров или «военных советников»»⁸⁷⁷. Действия Варшавского пакта в августе 1968 г. против Чехословакии серьезно повлияли как на сроки, так и на содержание формулировавшихся с осени того же года оборонной политики Югославии, планов военно-технического обеспечения вооруженных сил страны и главное – на легитимацию её военной доктрины «общенародной войны». Из всех коммунистических стран Балканского полуострова Югославия занимала особое место в системе международных отношений как член Движения неприсоединения, что обуславливало, с одной стороны, её внеблоковые позиции, а с другой, особые отношения с главными силами НАТО и ОВД – США и СССР. Именно этот факт определил выдвижение югославским руководством отличной от большинства европейских государств – членов противостоявших блоков – военной доктрины. Она стала в той или иной степени примером для двух других коммунистических государств региона – Румынии и Албании.

комплекс и его историческое развитие. Под ред. О. Д. Бакланова, О. К. Рогозина. М., 2005. С. 31.

⁸⁷⁵ Подробнее в: The Creation of SIOP-62. More Evidence on the Origins of Overkill. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 130. Edited by William Burr. Posted July 13, 2004 – <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB130/index.htm>

⁸⁷⁶ Memorandum for Dr. Kissinger from NSC staffer Lawrence E. Lynn, Jr. The SIOP. 8.11.1969. P. 2. – <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-3.pdf>

⁸⁷⁷ Johnson R. The Warsaw Pact. P. 21, 22.

Военные расходы и модернизация армий коммунистических государств – Албании и Югославии свидетельствовали об исключительности их собственной программы реформирования вооруженных сил в соответствии с выдвинутыми военными доктринами, в которых доминировала идея «общенародной войны». Несмотря на существование подобной установки и в официальной военной доктрине СРР, румынская оборонная политика, при всей подчеркивавшейся Бухарестом самостоятельности, и даже создании в представлениях сторонних наблюдателей отказа от концепции «коалиционной войны» в рамках ОВД⁸⁷⁸, всё же учитывала факт нахождения страны в Варшавском пакте.

Наметившиеся во внешней политике Албании изменения, вызванные комплексом причин, имевших как международный, так и региональный характер, влияли на темпы формулирования оборонной доктрины НРА на протяжении 1970-х гг. До конца 60-х гг. XX в. политика в области обороны проводилась коммунистическим режимом Албании в рамках подготовки к отражению возможного нападения извне преимущественно средствами и силами регулярной армии. В этой связи была специально разработана концепция использования танковых подразделений в условиях пересеченной местности, сочетавшей горные массивы, узкую береговую линию и изолированные локальные вероятные театры боевых действий внутри страны. Её автором являлся генерал Абаз Фейзо – командующий бронетанковыми подразделениями. Основную часть танкового парка составляли произведенные в КНР и поставленные в 1964-1968 гг. Т-59 – копии советской модели Т-54/55. К 1970 г. ВС НРА насчитывали около 1040 танков, бронетранспортеров и самоходных гаубиц, распределенных по 14 танковым бригадам, включавшим по 3 танковых батальона, каждый из которых насчитывал до 30 танков, а также самоходные артиллерийские установки и бронетранспортеры. Таким образом, в составе одной бригады могло насчитываться от 100 до 120 единиц различной техники⁸⁷⁹. Для технического обслуживания и ремонта бронетанковой техники в Тиране был построен ремонтный завод. Особое внимание уделялось албанской стороной дислокации вооруженных сил и возможностям их защиты от внезапного нападения. Прежде всего, это относилось к военно-морским и военно-воздушным силам НРА, портовое и аэродромное базирование которых должно было предусматривать особенности рельефа страны. В этой связи ставка делалась на использование опыта коммунистической Северной Кореи – строительство специальных ангаров в горных массивах и прокладки глубоких туннелей. В 1972 г. на заседании Совета обороны произошёл серьезный спор между М. Шеху и Э. Ходжей относительно места строительства военного аэродрома, обеспечивающего поддержку ВМФ страны. Первый из них настаивал на сооружении этого объекта в Малакастре, на юге страны, а глава АПТ, которого поддерживали китайские специалисты, – в центре, к северу от Тираны и вблизи побережья в долине Гядри, что и было сделано⁸⁸⁰. Особенность этого сооружения – воздушной базы Гядри (Baza Ajrore Gjader) – заключалась в том, что взлёт и посадка самолётов осуществлялись перед туннелем, который вёл в специальный подземный ангар. Усилилось участие КНР в технической поддержке и обеспечении албанских ВВС запчастями эксплуатировавшихся советских боевых самолётов⁸⁸¹, а

⁸⁷⁸ Ibid. P. 31.

⁸⁷⁹ 1. Brigada 1 Zall-Herre(Grupimi I 8 Tirane); 2. Brigada e Saukut(Grupimi I 8 Tirane); 3. Brigada e Gerdecit (Koprusi 4 I Mbrojtjes Bregdetare Tirane); 4. Brigada e Tankeve Sukth(Koprusi 4 I Mbrojtjes Bregdetare Tirane); 5. Brigada e Tankeve Lac(Koprusi 4 I Mbrojtjes Bregdetare Tirane); 6. Brigada e Melgushit(Koprusi I Shkodres); 7. Brigada e Belshit-Elbasan(Grupimi I 6 Elbasan); 8. Brigada e Poshnjës-Berat(Grupimi I 6 I Elbasanit); 9. Brigada e Dizadrit-Kukes(Koprusi I 5 Puke); 10. Brigada e Arshilengos (Koprusi I 2 Gjirokastrë); 11. Brigada e Poceshtes(Koprusi I 3 Korce); 12. Brigada e Kolonjes-Lushnje((Koprusi I I Mbrojtjes Bregdetare Fier); 13. Brigada e Koshovices-Fier(Koprusi I I Mbrojtjes Bregdetare Fier); 14. Brigada e Vlores (Koprusi I I Mbrojtjes Bregdetare Fier).

⁸⁸⁰ См. об этом информацию бывшего командующего ВВС генерала Э. Охрита в: *Kalogi D. DOSSIER II. Deshmia e ish-komandantit te Aviacionit, Edip Ohrit: «Ne vitin 1971, kinezët donin te krijonin boshtin Bukuresht-Beograd-Tirane dhe sollen per bisedime ne Shqiperi princin e Kamboxhias. «Si ndermjetesoi ne 1971 Sihanuku per te lidhur Enverin me Beogradin»// Gazeta Shqip, 22.11.2010.*

⁸⁸¹ Первые серьезные проблемы с самолётами МиГ-19 из-за поломок двигателей начали возникать в 1967 г. В июле 1969 г. в Министерство обороны НРА поступило сообщение из подразделения, занимавшегося обслуживанием этой техники, о

также расширению парка за счёт производившихся в Китае аналогов советских боевых самолётов – F-7A (МиГ-21), F-6S (МиГ-19), F-5 (МиГ-17).

Опыт коалиционных действий пяти государств Варшавского пакта, участвовавших в интервенции против Чехословакии в августе 1968 г. и использовавших мощную военную 500-тысячную группировку, включая 5 000 единиц танков, повлиял не только на изменение военной доктрины Белграда и Бухареста, но также и на начатую ещё в феврале 1966 г. и интенсифицированную осенью 1968 – зимой 1969 г. разработку новой оборонной концепции Тираны. Основную роль в этом процессе предстояло сыграть военным экспертам Министерства обороны НРА под руководством главы ведомства генерал-лейтенанта Б. Балуку. Однако, помимо них, активное участие в разработке теоретических основ оборонной стратегии начал принимать лично Э. Ходжа. Активизация работы над военной доктриной, суть которой предстояло изложить в «Положении по военному искусству народной войны», была обусловлена укреплявшимися у главы коммунистического режима Албании предположениями относительно возможного охлаждения отношений с главным союзником – КНР, а также под воздействием начатых в Югославии и Румынии реформ в сфере обороны. Основной акцент при их проведении делался на стратегию общенародной войны. В условиях Албании она приобретала определенную специфику, так как предстояло использовать природно-географический ландшафт этой горной страны. Разработка основ и методик боевых действий в горах в этот период велась в это время не только в самой Албании, но также в соседней Югославии и Румынии. В СССР оперативно-тактические приёмы войны в горной местности также привлекали особое внимание представителей командования Советской армии. В своих работах они отмечали, что «несмотря на существующую крайнюю ограниченность маневра войск на горном театре военных действий высокие темпы наступления необходимы для предотвращения усилий обороняющегося противника и лишения его возможности организации сопротивления на выгодных рубежах в глубине. В противном случае, он будет способен занять ключевые позиции на долгое время и относительно малыми силами, и наступающие столкнутся с необходимостью последовательно прорывать (прогрызать) одну оборонительную позицию за другой»⁸⁸².

Базовые принципы оборонной политики СФРЮ, несмотря на официально провозглашенное югославской партийной пропагандой авторство И. Броз Тито, формулировались в конкретном практическом плане ведущим военным теоретиком генералом И. Руковиной. Во взглядах югославского партийно-государственного и военного руководства на характер будущей войны доминировала мысль о неизбежности использования ядерного оружия. В этой связи предусматривалась и соответствующая подготовка. В то же время большое внимание уделялось развитию не только Югославской народной армии, но и подразделений Территориальной Обороны. Им предстояло составить отдельную структуру в пределах административных границ союзных республик. Такой подход обуславливал необходимость децентрализации организации обороны, усиления территориальной автономии сил сопротивления агрессору и гибкости военно-командной структуры.

Именно эти идеи повлияли на содержание принятого в феврале 1969 г. Закона о народной обороне⁸⁸³. В соответствии с ним вся система обороны СФРЮ претерпевала серьезные изменения, а именно: вооруженные силы страны отныне состояли из двух компонентов – ЮНА

выходе из строя двигателей самолётов данного типа. В документе содержалось предложение об обращении за помощью к КНР, с тем, чтобы китайская сторона обеспечила поставку 15 двигателей РД-9Б с форсажной камерой, использовавшихся на ранних модификациях МиГ-19. – *Kotini A. Aksidentet, lutje Kinës për motoret e MIG-6ve//Shekulli*, 23.4.2010.

⁸⁸² См. материал, полученный по каналам ЦРУ США из журнала МО СССР «Военная мысль» (1969, № 3 (69)): генерал-полковник С. Куркоткин «Проблемы достижения высоких темпов наступления на горных театрах военных действий» (обратный перевод с английского) // Memorandum for: The Director of Central Intelligence. Subject: The Military Thought. Combat Operations In Mountainous Terrain. Colonel-General S. Kurkotkin Problems In Achieving High Paces of Advance in a Mountainous Theater of Military Operations P. 4. – <http://www.foia.cia.gov/SovietandWarsawPact/1974/1974-01-03.pdf>

⁸⁸³ Zakon o narodnoj obrani// Sluzbeni list SFRJ, 19.2.1969.

и Территориальной обороны (ТО). В состав первой входили сухопутные войска, военно-воздушные силы, противовоздушная оборона и военно-морской флот. В конце 1968 – начале 1969 г. в соответствии с новым Законом упразднялись военные округа (всуна област) ЮНА, а в военно-организационном отношении – корпуса и создавались армии, которые составили основу Армейских областей. Таким образом, вводилась территориальная организация армии, сохранявшаяся на протяжении последующих 20 лет⁸⁸⁴. Их ответственность распределялась следующим образом: I Армия прикрывала северную часть Сербии и Воеводину, II Армия – южную Серию и Косово, III – Македонию, V – Хорватию и Словению, VII – Боснию и Герцеговину, IX – Черногорию⁸⁸⁵. Вместо IV Армии создавалась особая военно-территориальная единица, так называемая Военно-морская область (акронимы сербского названия – ВПО), представлявшая собой прибрежную полосу на территории Югославии протяженностью 200 км⁸⁸⁶.

В свою очередь, силы ТО являлись воинскими формированиями «второго эшелона». Они имели специальные хранилища вооружений и вместе с ЮНА, используя партизанские методы борьбы, должны были противостоять агрессору, организуясь по территориальному принципу. Предусматривалось их превращение в полноценные военно-территориальные формирования, обладавшие противотанковым и зенитным оружием с разветвленной структурой служб, включая собственную организацию безопасности. Данные подразделения имели собственную военно-командную систему и формировались как в виде тактических подразделений с ограниченной полосой ответственности, так и объединенно-тактических, с широкой полосой ответственности. Основными звеньями организационной структуры тактических подразделений были отделение (од)ел>ен>е), взвод (вод), рота (чета), отряд местных подразделений, организации производственного и территориального самоуправления. Их боевое применение имело различный характер: от сухопутного и военно-морского до использования артиллерии и ведения диверсионной деятельности, а также разведки и контрразведки.

Объединенно-тактические подразделения ТО являлись основной боевой единицей структуры Территориальной обороны. Они были укомплектованы по родам и видам вооруженных сил в бригады и соответствующие им формирования ВВС и ВМС. Эти подразделения были в состоянии вести боевые действия самостоятельно или при поддержке ЮНА в широкой полосе ответственности, осуществлять наступательные и диверсионно-разведывательные действия на достаточной глубине обороны противника.

Исходя из концепции «общенародной войны», Закон определял всех граждан СФРЮ, ведущих вооруженную борьбу с противником, как «участников вооруженных сил страны». По замыслу авторов идеи создания ТО, в военный период она должна была насчитывать до 3 млн человек в возрасте от 15 до 65 лет. Военную подготовку в частях Территориальной обороны должны были проходить свыше 800 тыс. человек, и служба в этих подразделениях приравнивалась к службе в ЮНА⁸⁸⁷.

Большое значение придавалось в Законе вопросу руководства вооруженными силами и командованию ими, что по югославской военной традиции не было синонимом, и рассматривалось в следующем виде: командование являлось частью руководства, и они оба действовали

⁸⁸⁴ *Marijan D.* Jugoslavenska narodna armija – važnija obilježja // *Polemos*. 2006. Zagreb. N 17. S. 29

⁸⁸⁵ *Dimitrijević B.* Organizacija Jugoslovenske narodne armije u Hrvatskoj 1966–1991. godine // *Dijalog povjesničara-istoričara*. 10/2. Osijek 22. – 25. rujna 2005. Zagreb, 2008. S. 122, 123.

⁸⁸⁶ Возвращение к военно-административному делению на области (1-ю, 3-ю и 5-ю) и одну военно-морскую произошло в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Информация о количестве областей см.: *Гириш А.* Боевое применение общевойсковых соединений и частей в вооруженных конфликтах на территории Югославии (1991-2001 гг.) // *Сборник материалов 15 ВНК ВА ВПВО ВС РФ*. Смоленск, 2007. Автор данной работы ссылается на информацию, содержащуюся в издании: *Вооруженные силы Союзной Республики Югославия*. (Краткий справочник). Москва, ГШ ВС РФ, ГРУ. 1995.

⁸⁸⁷ См. об этом в ныне доступной и ранее секретной работе полковника ЮНА М. Живковича: *Živković M.* Teritorijalna odbrana. Edicija Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945–1985. Vojna tajna – interno. Beograd, 1986.

совместно, но в особых случаях командование могло считаться на первом месте по отношению к руководству⁸⁸⁸.

Не менее важными были и политические по своему характеру положения нового Закона, отраженные в статьях № 7 и № 254. Они касались запрета признания кем бы то ни было оккупации противником любой части страны, подписания соглашения с врагом о капитуляции без одобрения подобных действий высшими органами власти СФРЮ. Во многом появление данных формулировок было обусловлено сделанными партийно-государственным руководством Югославии выводами, базировавшимися на чехословацком опыте 1968 г., когда от имени части руководства в страну были «приглашены» иностранные войска и началась оккупация страны.

Для руководства Румынии, в свою очередь, также всё актуальней становилась проблема реализации новой оборонной политики с учётом действий Варшавского пакта в Чехословакии в августе 1968 г. 14 марта 1969 г. Великое национальное собрание СРР приняло закон № 5 «О создании, организации и функционировании Совета Оборона Социалистической Республики Румынии»⁸⁸⁹. В компетенцию нового органа входил широкий круг полномочий, закреплённых в статье № 3 закона. В соответствии с ней Совету доверялась «разработка основополагающей концепции системы обороны; утверждение мер по организации и подготовке вооружённых сил и Патриотической гвардии; утверждение планов мобилизации и использования вооружённых сил и Патриотической гвардии в период войны; утверждение мер по дислокации и передислокации воинских подразделений по территории страны; принятие основных мер оперативной подготовки на территории страны; утверждение и определение способов выполнения планов по обеспечению материальных средств, необходимых для защиты и безопасности страны, а также планов мобилизации национальной экономики; определение основных мер организации и материальной поддержки местной противовоздушной обороны и утверждение планов размещения и эвакуации населения; заслушивание докладов министра обороны, председателя Совета Государственной безопасности, министра внутренних дел и начальника Генерального Штаба, Главнокомандующего Патриотической гвардии, а также руководителей других административных органов государства, имеющих отношение к обороне и безопасности государства; рассмотрение вопроса и передача предложений Великому Национальному Собранию, соответственно Государственному Совету, связанных с объявлением чрезвычайного положения, частичной или общей мобилизации и объявлением войны; в случае неожиданного вооружённого нападения немедленное принятие всех необходимых мер в целях отражения нападения и обороны; руководство в военное время непосредственно боевыми операциями и занятие мобилизацией человеческих и материальных ресурсов на территории всей страны; Совет Оборона может исполнять и другие обязанности по защите и обеспечению безопасности страны»⁸⁹⁰. Согласно закону председателем Совета назначался Генсек РКП, т. е. лично Н. Чаушеску. В соответствии со статьей 5-й закона он, как исполняющий эту должность, становился главнокомандующим вооружёнными силами. Членами Совета Оборона являлись премьер-министр, министры обороны, внутренних дел и иностранных дел, председатель Совета Государственной Безопасности, председатель Госплана, члены ЦК РКП и лица, назначенные Государственным Советом. Секретарем назначался начальник Генштаба румынских вооружённых сил. Являясь совещательным органом, отвечавшим перед ЦК РКП, Великим Национальным Собранием и

⁸⁸⁸ Впервые такое соотношение было определено в Конституции СФРЮ 1963 г. Подробнее об этом: *Marijan D. Rukovođenje i komandovanje Oružanim snagama SFRJ: Vrhovna razina/Časopis za suvremenu povijest*. Hrvatski institut za povijest. Zagreb, 2009. N 3. S. 663.

⁸⁸⁹ Lege nr. 5 din 14 martie 1969 privind înființarea, organizarea și funcționarea Consiliului Apărării Republicii Socialiste România// Buletinul Oficial. 14.3.1969. № 32.

⁸⁹⁰ Ibid.

Государственным Советом, Совет Оборона мог созываться только его председателем и принимать решения открытым голосованием⁸⁹¹.

Создание новой структуры, в задачу которой входила координация действий по всем вопросам обороны и безопасности, позволяло Н. Чаушеску узаконить свой личный контроль над оборонной сферой. Вместе с принятым ещё ранее решением о формировании параллельной вооруженным силам военной организации – Патриотической гвардии, подчинявшейся фактически через её главнокомандующего главе РКП, должность председателя Совета Оборона укрепляла позиции Н. Чаушеску в создававшейся им политической системе и вела к абсолютизации его личной роли при принятии решений по вопросам оборонной политики.

Следующим важным элементом оборонной политики СРР, формулировавшейся осенью 1968 – летом 1969 г., стала разработка военной доктрины «всемирной войны». Фактически ставилась задача легитимации на уровне высших органов власти коммунистической Румынии ряда принципов, призванных не допустить ликвидации устанавливавшегося режима личной власти Н. Чаушеску. Заинтересованность Бухареста в сотрудничестве с Белградом в области обороны, но без тесной интеграции в форме официального или неформального союза, проявилась в стремлении руководства СРР воспользоваться опытом югославской стороны, провозгласившей аналогичную военную доктрину «всемирной обороны» (општенародна одбрана). Пребывание начальника Генерального Штаба генерал-полковника И. Георге в СФРЮ 2-7 июня 1969 г. было частью этой программы обменов визитами между военными ведомствами Румынии и Югославии. Югославская сторона подчеркивала при общении с румынскими коллегами, демонстрируя свою заинтересованность в румыно-югославском оборонном сотрудничестве, что именно с ними проводится такой детальный обмен опытом. Особое внимание Георге обратил на несколько принципиальных с точки зрения использования югославского опыта в румынских условиях фактов. Во-первых, он отметил идею ведения тотальной войны при участии всего населения и мобилизации всех ресурсов страны. Во-вторых, сообщая в докладной записке руководству РКП о результатах встреч с югославскими коллегами, генерал-полковник отмечал, что «весь народ организован и подготовлен к участию в защите страны, каждый гражданин включен в один из следующих видов [сил обороны]: действующая армия, подразделения территориальной обороны (сходной с Патриотической гвардией) и гражданская оборона (соответствует местным подразделениям ПВО). Все виды национальной обороны готовы к продолжительным действиям, как операциям прямого огневого контакта с агрессором, так и сопротивлению на временно оккупированной территории»⁸⁹². Последнее имело особое значение как в военном, так и в политическом отношениях. Министр обороны СРР генерал-полковник И. Ионицэ обращал внимание в докладе от 12 июня 1969 г., направленном Н. Чаушеску, на мнение югославской стороны о возможности уничтожения 50 вражеских дивизий и ведении борьбы в течение 20 лет⁸⁹³. В данном контексте для Румынии имел значение югославский опыт легитимации действий правившего режима в условиях возможной частичной или полной оккупации страны, когда добившаяся военного преимущества страна или группа стран могли создать подконтрольное им правительство. Для Бухареста и Белграда «чехословацкий опыт» Варшавского пакта, формально опиравшегося на «здоровые силы» в Чехословакии при осуществлении интервенции, имел принципиальное значение. В целях недопущения любой попытки узаконения подобных действий в будущем, кем бы она ни предпринималась (основные подозрения, в данном случае, имелись, прежде всего, в отношении ОВД и СССР) в СФРЮ

⁸⁹¹ Подробнее об эволюции этого органа и юридическом оформлении его статуса в системе институтов государственной власти коммунистической Румынии см.: *Rijoveanu C. Consiliul Apararii al Republicii Socialiste Romania*. – http://www.nationalerverteidigungsrat.de/downloads/l_rijnoveanu_consiliul_apararii.pdf

⁸⁹² *Opris P. Doctrina militara a Romaniei, asemanatoare cu cea a Iugoslaviei*. 4.9.2009// *Jurnalul.ro* – <http://1989.jurnalul.ro/stire-special/doctrina-militara-a-romaniei-asemanatoare-cu-cea-a-iugoslaviei-519821.html>

⁸⁹³ *Ibid.*

был принят 11 февраля 1969 г. Закон о национальной обороне. И. Ионицэ особо подчеркивал в своём докладе, что 7-я статья этого закона лишала кого бы то ни было права на согласие с частичной или полной оккупацией страны и заключение соглашения с неприятелем о прекращении вооруженной борьбы. Сам факт обращения румынским политическим и военным руководством внимания на все эти детали свидетельствовал о наличии у него опасений скорее в отношении союзников по Варшавскому блоку во главе с СССР, чем стран-участниц НАТО.

Организационную основу дислокации вооруженных сил составил принцип военных округов, которых было три, со штабами в Бухаресте (отвечал за южное и черноморское направление), Тимишоаре (западное и юго-западное) и Клуж-Напоке (центральное и северное). В боевых условиях они должны были превратиться в армии, в составе каждой из которых предполагалось создание трёх дивизий. Две танковые дивизии, одна из которых была размещена под Бухарестом, а другая – в г. Липова (Трансильвания), отвечали соответственно за оборону столицы и за западное направление, а горнопехотные бригады в Тыргу-Муреш и Синае прикрывали важные со стратегической точки зрения проходы в горах. Танковый парк румынских вооруженных сил был представлен 1700 единицами Т-34, Т-54, Т-55 и Т-62. На вооружении сухопутных сил находилось также около 900 БТР-40, БТР-50П и БТР-152, самоходные артиллерийские СУ-100 и ИСУ-122⁸⁹⁴.

Таким образом, «окруженная» в географическом отношении союзниками по Варшавскому пакту и имевшая лишь единственный выход на внеблоковое государство – Югославию, Румыния могла стать объектом прямого нападения только ближайших соседей (не считая черноморского направления, контролировавшегося советским и болгарским ВМФ). Именно это обстоятельство повлияло на особенности дислокации и определение зоны ответственности соответствующих округов общевойсковых соединений и частей. Принципиальное значение для обороноспособности Румынии имела транспортная инфраструктура, способная обеспечить надёжную связь важных регионов страны через горную местность. Важнейшим элементом этой системы было призвано стать Трансфэгрэшское шоссе (151 км), которое начали строить ударными темпами силами Министерства обороны 1 июля 1970 г. по настоянию Н. Чаушеску и закончили его сооружение за четыре года. 20 сентября 1974 г. оно было торжественно открыто⁸⁹⁵. Шоссе связало Валахию и Трансильванию через Карпатские горы и перевалы в центре страны. По плану главы РКП была создана возможность функционирования «центра сопротивления» в этом районе в условиях войны и возможной оккупации Румынии.

Достаточно противоречиво проходил процесс технического оснащения вооруженных сил Румынии в новых условиях ожидания силовых действий со стороны СССР и его союзников. Несмотря на принимаемые организационные меры, направленные на отражение агрессии с Востока, Бухарест тем не менее обратился к СССР с просьбой о закупке большой партии танков Т-55. На протяжении 1970-1977 гг. Румыния получила около 850 боевых машин.

Особое место среди коммунистических стран балканского полуострова занимала Албания. Оценка советских действий на международной арене со стороны официальной Тираны в начале 1969 г. была однозначно негативной. Политика Москвы характеризовалась как попытка проведения империалистической внешней политики, направленной на ограничение суверенитета других государств, включая коммунистические, и угрожающая самой Албании не только в политическом, но и в военном отношении⁸⁹⁶. Э. Ходжа пристально следил за действиями КНР –

⁸⁹⁴ The Military Balance 1971-1972. The Institute for Strategic Studies. London, 1971. P. 11.

⁸⁹⁵ Подробнее о строительстве и более 400 погибших в период проведения этих работ: *Gheorghe D. Ultimii santieristi de pe Transfagarasan//Romania Libera*, 11.8.2008.

⁸⁹⁶ Возобновление обвинений в адрес Москвы со стороны партийно-государственного руководства НРА было отмечено зарубежными экспертами, специализировавшимися на анализе позиций коммунистических стран. Так, в частности, их особое внимание привлекла большая редакционная статья под названием «Демагогия советских ревизионистов не может скрыть их предательского лица», опубликованная в органе ЦК АПТ газете «Зери и популлит» 9 января 1969 г. – *Demagogji e revizionistëve*

своего главного военно-политического союзника на международной арене и прежде всего – за связями Пекина с внешним миром, оценками китайской стороной действий двух сверхдержав – СССР и США. В этой связи в Тиране была отмечена эволюция взглядов китайского руководства на «главного противника», когда на смену положению о «первостепенной угрозе» в лице американского империализма, озвученному на VIII съезде КПК, уже на IX съезде в апреле 1969 г. пришёл тезис равновеликой опасности «американского империализма и советского социал-ревиизионизма»⁸⁹⁷. В тесной связи с данной оценкой рассматривались главой коммунистической Албании и действия советского партийно-государственного руководства, стремившегося усилить контроль над Варшавским пактом и добивавшегося проведения в нём реформ, призванных обеспечить жёсткую координацию действий союзников Москвы в рамках блока. Особое внимание Тираны привлекли визиты командующего Объединёнными силами ОВД маршала Якубовского в коммунистические страны и, в частности, в Румынию⁸⁹⁸. Желание главы румынского руководства Н. Чаушеску сохранять свободу манёвра на международной арене и не допустить расширения полномочий общего командования ОВД на вооружённые силы страны оценивалось Э. Ходжей положительно. Одновременно советская политика на «румынском направлении» рассматривалась им как стремление СССР разместить на её территории советские вооружённые силы с целью изменения внешнеполитического курса Бухареста. Более того, глава АПТ продолжал считать реальным план советского военного вмешательства в дела СРР⁸⁹⁹.

Этот вопрос серьезно беспокоил и само румынское руководство. О перспективе развития ситуации именно по «чехословацкому» сценарию оно получало информацию и по каналам военной разведки⁹⁰⁰. В середине января 1969 г. военный атташе Румынии в Греции сообщал в специальном рапорте, который был срочно переслан Н. Чаушеску Начальником Генерального штаба генерал-полковником И. Георге, о состоявшейся у него с коллегой из ФРГ беседе. В ней последний заявил о том, что по информации, полученной на Западе, «в марте-апреле планируется проведение совместных учений войск Варшавского пакта». В случае, «если учения войск стран Варшавского пакта будут проходить на румынской территории, целью советского руководства, как это уже было в Чехословакии, станет продление пребывания советских войск, а также [попытка] смещения нескольких высших руководителей партии и государства, выступающих так или иначе против советского курса». Вторым вариантом этого же сценария в случае провала первого, как сообщил западногерманский атташе, станет попытка проведения «диверсий и создание просоветских групп, саботирующих меры, предпринимаемые румынским правительством как внутри страны, так и на международной арене». Целью этих действий было смещение со своих постов главы РКП Н. Чаушеску, премьера И. Маурера и министра обороны И. Ионицэ⁹⁰¹.

Несмотря на кажущуюся нереальность этого сценария, заинтересованность НАТО в ослаблении Варшавского блока и связанную с этим возможную кампанию дезинформации, а также вполне вероятное использование советской стороной своих каналов введения в заблуждение румынского руководства с целью оказать давление на него, само развитие событий именно в этом направлении не исключалось в Бухаресте изначально. Проведение 20-30 июня

sovjetikë nuk mbulon fytyrën e tyre tradhtare// Zëri i Popullit, 9.1.1969. Однако на тот момент никто из посторонних не знал о том, что её автором является лично Э. Ходжа. См. собрание сочинений Э. Ходжи: *Hoxha E. Vepra. Janar 1969 – prill 1969*. Vel. 40. Tiranë, 1983. F. 10–55.

⁸⁹⁷ Ходжа Э. Империализм и революция. Тирана, 1979. С. 49.

⁸⁹⁸ Пугало Якубовский. Мысли и тезисы. Среда, 5 марта 1969 г.// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 253.

⁸⁹⁹ Там же. С. 254.

⁹⁰⁰ О «войне нервов» между Москвой и Бухарестом в послепражский период см. IV главу под названием «Второй раунд» (Runda a doua) в: *Stanciu C. Războiul nervilor. Dispute Ceaușescu – Brejnev 1965–1971*. Târgoviște, 2011.

⁹⁰¹ *Deletant D. Introduction. Romania, 1948–1989. An historical overview// Romania and the Warsaw Pact: 1955–1989*. P. 86, 87.

1968 г. командно-штабных учений ОВД под названием «Шумава» рассматривалось румынским военным командованием как детальная подготовка к интервенции в Чехословакию в августе 1968 г.⁹⁰²

⁹⁰² См. ссылку на соответствующий документ МО СССР: Arhivele Militare Române (AMR), fond Direcția Operații, dosar 3, vol. 1, ff. 306–307 в: *Dumitru L.-C.* (Mr. drd.) Atitudinea României față de criza Cehoslovacă din 1968. Considerații de ordin geopolitic// Ministerul Apărării. Universității Naționale de Apărare «Carol I». Buletinul. 2004, N 3. P. 134

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.